NAHTEOH

№ 5. — MAŬ.

1851.

содержаніе пятой книжки.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А.) ОТДБЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ

ЦРИНИ. Трагедін въ пяти дъйствіяхъ, сочиненіе **Теодора Кернера**, переводъ въ стихахъ *Г. Апельрота*.

- в.) ОТДВЛЪ ПОВВСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.
- 1. РУССКІЙ КОМИКЪ КОНЦА ХУІІІ СТОЛЪТІЯ. В. Н. Савинова.
- 2. СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЦАРТА.

И. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

. КОМЕДІЙ ЭМИЛЯ ОЖЬЕ. Статья Густава Планша.

III. МЕМУАРЫ.

ТРИСЫ КИНО (Тетральные нравы XVIII въка.)

IV. ЮМОРИСТИКА.

НЕВЪСТЫ. Три сцены изъ жизни. П. Александрова.

V. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

- 1. Не спросясь броду, не суйся въ воду. Комедін въ двухъ дъйствіяхъ.
- Мелюзина и Лузиньянъ или Освобожденный Іерусалимъ. Волшебно-роментическая трагедія въ пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ, съ танцами.
- Сирена. Комическая опера, въ трехъ Дъйствінхъ. Музыка Обера, слова Окриба.
- 4. Осада Углича или Русскіе въ 1611 году. Драматическое представленіе въ пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. Реймерса, съ пъніемъ и плясками (?).
- 5. Одна на примътъ, другая въ каретъ. Оригинадъная комедія, въ одномъ дъйствіи, соч. Γ^{***} .
- 6. Суматоха за ширмами. Оригинальный водевиль, соч. Г. Пономарева. (Бенефисъ г. Славина.)
- 7. Любовь Испанки. Оригинальная драма, въ трехъ дъйствіяхъ, въ презъ, соч. Γ^{***} .
- 8. Бъдненькій охъ, а надъ бъдненькимъ Богъ! Историческая быль, въ двухъ двиствіяхъ, соч. г. С.
  - 9. Учитель и Мельничиха, или Воспетаніе и Прерода. Оперетка въ одномъ дъйствіи, передъланная съ французскаго Д. Т. Ленскимъ

(Бенефисъ г. режиссера Алекина.)

Статья Ө. А. Копи.

ТЕАТРЪ ЦИРКЪ.

- Незабвенный годъ бъдствія и славы Россіи. Народное драматическое представленіе. соч. П. Г. Григорьева 2.
- 11. «Гамлеть». Дъйствіе третье.
- 12. Чудо нашего стольтія или дъло мастера боптся! Оригинальный водевиль. (Бенефись г. Григорьева 2.)

Статья Н. Б.

VI. СМЪСЬ.

- 1. Изъ записокъ русскаго моряка. (Плаваніе Индійскимъ Океаномъ. Альбатросы и фрегаты. Береговыя и морскія черепахи. Праздникъ Христова Воскресенія среди Океана. Штормовки. Ураганъ. Суматры въ Малакскомъ проливъ. Молюска Галера. Архипелагъ Никобарскихъ острововъ и приключенія на нихъ. Нанковрійская бухта. Первая встръча съ островитянами. Дикари на транспортъ. Старшина Тетмуй. Обмънъ въжливостей. Никобарскіе дикари: ихъ наружность, костюмъ, вооруженіе, суда. Торгъ съ островитянами. Остроуміе и честность русскаго боцмана. Жилища островитянъ. Ссыльный европеецъ. Характеръ, въра и промышленность островитянъ. Кладбище. Кровавыя событія на Никобарахъ. Слухи о женщинахъ и происхожденіи Никобарцевъ. Дъвственные лъса и растительность. Островъ Катчалла. статья Капибакса . . . ъ.
- 2. Письмо изъ Калифорніи. (Увеличеніе Санъ-Франциско. Нынъшнее народонаселеніе его. — Распоряженія городскаго начальства. — Роскошь. — Игорные дома. — Калифорнійская журналистика. — Зрълища. — Воловья травля въ новомъ Циркъ. — Тюрьма. — Воровство. — Импровизованные дома. — Общій видъ Санъ-Франциско.)
- 3. Странствующій антриренеръ. (Разсказъ.)
- 4. Исторія перваго горнаго завода въ Россін.
- 5. Ижемцы и Самовды на ярмаркъ.
- 6. Ягъ-Мортъ. (Чудское преданіе.)
- 7. Два года въ плъну у Горцевъ. (Воспоминанія о жизни и похожденіяхъ, въ Кавказскихъ горахъ, Штабсъ-Капитана Новоселова.)

VII. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изръченія, острыя слова, шутки и проч.

VIII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Na 5.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГЛАЗУ СУЧОКЪ МЫ ВИДИМЪ, ВЪ СВОЕМЪ НЕ ВИДИМЪ И БРЕВНА! Водевиль, въ одномъ дъйствіи, передъланный съ французскаго П. С. Өе-доровымъ.

Къ этому нумеру прилагается:

Rough and Ready Polka, von Josef Gung'l.

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

пздаваемый подъ редакцією

ө. кони.

os rems, grobii do ornemerania apencranismo bilio na l Romaters yeamonemos unono ~~ostenn~~imposa. Campraevepoyl Roma 1851 r.

TONT III.

май – книжка пятая.

1851.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

печатать позволяется,

съ темъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитеть узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6-го Іюня 1851 г.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

изящная словесность.

I.

отдълъ драматическій.

MPMHM.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДВЙСТВІЯХЪ, СОЧИНЕНІЕ

теодора вернера,

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

Г. Апельрота.

дъйствующія лица:

Солиманъ Великій, султанъ турецкій.
Мегеметъ Соколовичъ, великій визирь.
Ибрагимъ, беглербекъ Натоліи.
Али Портукъ, начальникъ артиллеріи.
Мустафа, паша Босніи.
Леви, врачъ Солимана.

Ara.

Посолъ Турокъ.

Графъ Николай Црини, банъ Кроаціи, Далмаціи, Славоніи и начальникъ кръпости Сигетъ въ Венгріи.

Эва, жена его.

Елена, ихъ дочь.

Каспаръ Алапи
Левъ Папрутовичъ
Петръ Билаки
Лаврентій Юраничъ.

венгерскіе военачальники.

Францъ Чернекъ, старый слуга графа Црини.

Крестьянинъ.

Венгерскіе кавалеры.

Венгерскіе и турецкіе солдаты.

Дъйствіе происходить въ 1566 году. Половина перваго дъйствія въ Бълградъ, а прочее, то въ кръпости Сигетъ, то въ турецкомъ лагеръ близъ кръпости.

Meey will a dist of expressing

ДЪЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Комната султанскаго дворца въ Бълградъ.)

I.

СОЛИМАНЪ СИДИТЬ ВЪ ГЛУбокой задумчивости; **ЛЕВИ** ВХОДИТЬ ИЗЪ-ГЛАВНЫХЪ ДВерей.

Леви, послъ нъкотораго молчанія.

Великій повелитель правовърных , могучій и благой султанъ вселенной , Покорный рабъ твоихъ вельній ждеть! — (Веторону.)

Все нътъ отвъта! — Государь великій!
Прости покорнаго раба, что онъ
Дерзнулъ.... Но солнце свъта помрачилось! —
Вселенной побъдитель нездоровъ?

солиманъ.

Да, — нездоровъ; но мнъ ты не номожень. леви.

А можеть быть, великій государь! Довърься только върному слугъ. Когда не я, такъ ктожъ тебъ поможеть? Я не одинъ явилъ тебъ примъръ Искусства своего и преданности. Лътъ сорокъ слишкомъ неусыпно я Твое здоровье, жизнь оберегаю. -Тебъ все знанье посвятилъ свое, Всю опытность свою, и все, чему Я научился у славнъйшихъ мужей; Линь для тебя я пріобрълъ искусство; Я твла твоего всю силу, Потребности, желанья изучиль, И сокровеннъйшія тайны жизни Твоей проникъ пытующимъ я взоромъ. Врача искусство всъмъ служить должно, Оно общественное достоянье, rior 3331 an armonexonion obrodat, Я это знаю, и желаю нынь Вполнъ свою обязанность исполнить. Твое здоровье жизнь даруетъ міру;

net attributions of the

consider un compre unifere

Одинъ герой, одинъ великій мужъ Равняться можеть цълому народу!

COABMART.

Увъренъ въ преданности я твоей, Въ твоемъ искусствъ я увъренъ такъ же, И потому позвать велълъ тебя. Я знать хочу; — скажи мнъ откровенно Я долго-ли могу еще прожить? Будь откровененъ, какъ всегда бывалъ, Какъ подобаетъ върному рабу. Какъ долго жить осталось мнъ, — скажи!

AEBH.

Владыка! эту тайну разгадать
Лишь можеть Тоть, что обитаеть въ небъ,
Искусство же смущается предъ нею.

СОЛИМАНЪ.

Бъдна же человъческая мудрость!
Вы разгадали все устройство тъла,
Постигли тайное движенье жизни,
А расчитать не можете, когда
Механика должна остановиться!

AEBU.

Великій государь! не насмъхайся
Жестоко такъ надъ благороднымъ знаньемъ!
Самъ Богъ предълъ уму людей поставилъ,
И тайныя дъла святой природы
Еще никто изъ смертныхъ не постигъ.
Мы можемъ объяснить движенье жизни,
Ея происхожденье, силу, смерть;
Но разумъ нашъ теряется въ хаосъ
Предположеній и возможностей,
Когда дерзнетъ разгадывать загадку,
Которую шесть тысячъ лътъ еще
Не одному изъ смертныхъ не открыли.
Однако я могу увърить въ томъ,
Что сила этихъ нервъ, и пламень взоровъ
И пылкое души твоей паренье

Ручаются, что много льть еще
Судьба тебъ опредълила жить.
А сколько проживень ты, ужъ того
Я съ точностью опредълить не смъю,
Линь дерзкій лжецъ отважится на это.

солиманъ.

Такъ ты мит предвъщаень много льть?

Да; если ты себя побережень, Насильственно здоровья не разстроишь in duning a despite of a state И силу не погубинь своевольно, the state of the latest with the season of То жизни десять льтъ могу предрачь. Но, государь, себя побереги! До старости назначено тебъ Всю силу, славу, счастье юныхъ дней Хранить, и зеленью живаго лавра Сребристыя съдины увънчать. Теперь покойся, государь великій, Покойся на своихъ побъдахъ славныхъ, И наслаждайся на закать жизни Плодами подвиговъ своихъ и славой! Ты много жиль, - да! - болье другихъ, И жизнь твоя въ себъ вмъщаетъ въчность! СОЛИМАНЪ.

Молчи, старикъ! молчи! я только знать

Хотъль! Твое искусство десять лътъ

Мнъ объщаетъ, если я въ покоъ,

Въ бездъйствіи себя похороню?

Но я привыкъ къ дъламъ отважнымъ, трудпымъ,

Такъ въ битвахъ проживу хотъ годъ одинъ.

И этого довольно! — Позови

Теперь ко мнъ визиря Мегемета!

(Леви уходить.)

Carolina a residencia de la como la

May your on you of H

II. Come an and religion, to make the

СОЛИМАНЪ ОДИНЪ.

Чтобъ я берегъ себя! Чтобъ искра силы,

Еще живущая въ груди моей, Угасла постепенно въ праздной нъгъ? Міръ трепеталь, когда явился я, И затрепещеть онъ, когда умру; Таковъ божественный удълъ героевъ. Въ пыли родится червь и въ ней раздавленъ, И следу неть его существованья; Ничто не возвъщаетъ бытія Безсильныхъ покольній; пресмыкаясь, Они вползають въ міръ и такъ же тихо Со сцены сходять... ихъ удъль — забвенье. Когда жъ герой вступасть въ эту жизнь, Объ немъ сама природа возвъщаетъ, И міръ готовится принять его, А смерть когда вънчаннаго сражаетъ — То гласъ вселенной возвъщаетъ въку, Что побъдитель оставляеть міръ. Я чувствую, что жилъ для всехъ вековъ И не померкнетъ слава дълъ моихъ, Какъ не угаснеть солнце въ поднебесной. Я всю вселенную поработиль-бы, Когда-бъ себъ подобныхъ здъсь не встрътиль; Но въкъ мой произвелъ людей великихъ, И всъ они врагами были мнъ. Я не могу себя назвать счастливцемъ, И съ бою мнъ судьба лишь уступила Моихъ желаній цель, венецъ лавровый. Чъмъ возвеличенъ отрокъ Македонскій? Чъмъ Римляне поработили міръ? — Тъмъ, что противникомъ ихъ не былъ Карлъ, Что Ла-Валетъ имъ не сопротивлялась. О, Карлъ! Когда бъ ты не жилъ въ это время, Давно бъ Европа вся была моею! За тъмъ тебя Австрійская держава На бой послъдній, грозный вызываю! Вооружись и распусти знамена! Герой съ побъдой хочеть умереть!

Твоею кровью стыдъ омою прежній, И на развалинахъ могучей Въны Законъ свой предпишу въкамъ грядущимъ. Германія! сбери своихъ героевъ! Ты подъ моимъ мечемъ за свою въру Падешь! — Вселенная должна узнать, Что Солиманъ великій умираеть, А Въна факеломъ надгробнымъ будеть!

III. I man to see the section and part

СОЛИМАНЪ, МЕГЕМЕТЪ СОКОЛОВИЧЪ.

METENETS.

Великій государь! твой рабъ явился! COJUMANT TO STREET ASSESSMENT AND H

Отдай приказъ, чтобъ выступало войско! Безцънно время, визирь, и ръшенье A visit arranger of the care and a self-Уже созрвло въ головъ моей. Пусть сила подвигъ нашъ ознаменуетъ! METENETT.

Такъ скоро, государь?

COAUMANT.

Ужель побъдой

Возможно слишкомъ рано увънчаться? Кто, такъ какъ я, свой путь ужъ довершаетъ, Минуту тоть умъеть оцънить. А времени рука и самого Великаго султана не щадить, И на главъ царя съдъють кудри! Еще три дъла совершить хочу. Труднъйшее мнъ удавалось въ жизни; Но всъ дъла ничтожными считаю, Когда судьба, подъ вечеръ дней моихъ, Последнія желанья не исполнить. Хочу сооруженнымъ видъть храмъ, Мной начатый въ великомъ Истамбулъ, И такъ же смълые водопроводы. Они должны позднайшему потомству

Do ment to the north all

Напоминать того героя имя,
Который жребіемъ кровавыхъ войнъ
Черезъ судьбу народовъ перекинулъ
Отважный мостъ, какъ сводъ водопровода —
Чрезъ горы, пропасти и ръкъ теченье,
Чтобы по немъ со славою къ безсмертью
Свои побъдныя стопы направить....

MEFEMETS.

О, государь, когда тебя лишь это Желаніе привязываеть къ жизни, Исполненной молвою дель великихъ, То скоро міръ оплачетъ исполина, Которому подобныхъ не бывало. Мечеть уже главу свою подъемлеть, Восьмое чудо скоро довершится, И намъ не долго ждать извъстья, что Водопровода гордое строенье, Готовое — вздымается подъ небомъ. Послъднее желанье, государь? Не ограничивай его столь малымъ! Изобръти такой отважный подвигъ, Чтобъ цълыхъ покольній прахъ истлель, Чтобъ въки пролетъли прежде, чъмъ Начатое могло бы совершиться. Покорствуютъ тебъ судьбы уставы И счастіе къ твоей привыкло воль; Ла будетъ невозможное твоимъ Желаньемъ; — время чтить должно твою Настойчивость и смерть не поразитъ Героя прежде, чъмъ вънецъ послъдній Надънеть онъ на славную главу.

солиманъ.

Послъднее желанье — взятье Въны!
Чтобъ чрезъ ея развалины луна
Кровавыми побъдами себъ
Могла въ Германіи и къ христіанамъ
Путь проложить; тогда линь выду я

Изъ круга жизни боевой охотно,
Сынамъ очистивъ поприще ко славъ.
Грядущій въкъ дъяній такъ же проситъ....
Въ наслъдство полупобъжденный міръ
Оставлю сыновьямъ своимъ, чтобъ сами
Другую половину покорили.
Теперь одно мое желанье — Въна! —
Скоръе призови ко мнъ пашей,
Чтобъ посовътоваться о походъ;
Поспъшно мы должны за дъло взяться,
Намъ время дорого. —

MEFEMETЪ

Они готовы,

И ждутъ линь повелънья государя.

СОЛИМАНЪ.

Кто тамъ изъ нихъ?

MEFEMETT.

Мустафа, Али Портукъ,

Between With the real

Да Ибрагимъ.

COAUMANT.

Ко мнв ихъ позови! —

Въ бояхъ испытаны ужъ эти мужи.

Не множество мнъ нужно голосовъ,

И не число ихъ должно уважать, —

Достоинство одно. — Линь смълый можетъ

Сказать рынительное слово. — Визирь,

Зови Пашей! — (Мегеметъ уходитъ.)

О, смълая душа!

Не измъни послъднему желанью! Еще однимъ, побъднымъ торжествомъ Хочу я въ этомъ міръ насладиться.

IV.

СОЛИМАНЪ, МЕГЕМЕТЪ, АЛИ ПОРТУКЪ, МУСТАФА, ВЕГЛЕРЪ-ВЕКЪ-

Да здравствують сподвижники побъды!

A.A.H. present an it tenengel an actoli

Могучій нашъ султанъ и повелитель!

marque and what would all

Hankous-in Hankul

Великій визирь намъ повъдалъ волю
Твою: не медля выступить въ походъ.
Мы за тебя, султанъ, и за пророка
Идти готовы въ битву и на смерть.

СОЛИМАНЪ.

Къ побъдъ вы пойдете, а не къ смерти.
Вы знаете, что Римскій Императоръ
Уже два года мнъ не платить дани,
И овладълъ моимъ Токайскимъ замкомъ;
Теперь клянусь могуществомъ Аллаха!
Отмстить германцу Максимиліану
И всъмъ врагамъ моимъ кровавой местью.
Я истреблю предательскій народъ,
Который ложнымъ предался молитвамъ
И наругался надъ святымъ пророкомъ!
Луна господствовать должна въ Европъ;
Но Венгрія ей заграждаетъ путь
И жители ея не принимаютъ
Моихъ законовъ — такъ хочу войны!...

мустафа.

Народъ твой ждетъ лишь знака твоего, Чтобъ ринуться въ кровавое сраженье.

AAII.

Твои войска горять отвагой бранной.

мегеметъ.

Твои испытанные янычары, Съ тобой ходившіе повсюду, Давно желаютъ кровію невърныхъ Свои побъдные мечи окрасить.

COAUMANT.

Вотъ скоро ихъ исполнится желанье.

Я знаю Венгровъ и народъ германскій
Они мечемъ владъть умъють славно.
Враги такіе стоютъ нашихъ сабель.

A 4 H.

Противникъ храбрый возбуждаетъ смелость.

веглеръ-векъ.

И храбрые враги должны смириться;

Къ побъдъ поведетъ насъ Солиманъ. —

Твой первый рабъ привътствуетъ заранъ

Тебя Нъмецкимъ Императоромъ!

Нашъ въкъ назвалъ тебя мечемъ Аллаха,

Христіанинъ зоветъ бичемъ небеснымъ, —

И въ этотъ разъ твоя ужасна сила,

Такого войска Венгры не видали:

Близъ двухъ сотъ тысячъ храбрыхъ мусульманъ

Готовы ринуться за ихъ предълы —

Ужъ Гамза-Бекъ на берегахъ Дуная,

Для переправы намъ готовитъ мостъ,

А Мегеметъ-Бекъ двинулся къ Сцикласу

И поражаетъ тамъ враговъ твоихъ.

Во мракъ перейдя потокъ свиръпый,

Тебъ онъ въ Венгрію очиститъ путь....

COAHMAND.

Аллахъ побъду храброму даруетъ. —
Теперь, паши, свое скажите мнънье:
Должны-ль мы прямо путь направить къ Вънъ,
Не приступая къ кръпости Сигетъ,
Иль прежде разгромивъ нагорный замокъ,
Напасть на Императорское войско,
Что собирается вокругъ столицы?
Скажи, великій визирь, что ты мыслишь?

MEFEMETT.

Carathan So, or arte adence.

Мнъ кажется надежнъй, и достойнъй
Твоей великой славы, государь,
Ударить всею силою на кръпость
И разметать орлиное гнъздо,
Что долго такъ надъ нами издъвалось....
Лазутчики мнъ донесли, что Црини
Теперь еще находится въ столицъ.
Въ отсутствіе отважнаго вождя
Легко мы овладъемъ этимъ замкомъ;
Нотомъ отправимся на Въну, — тамъ
Одинъ кровавый день ръшитъ побъду.

Согласенъ я съ тобой, великій визирь, Когда въ отсутстви графъ Црини, то Я первымъ приступомъ возьму Сигетъ; Но если тамъ онъ... о! я знаю Црини.... Не скоро разворимъ его гитадо, И много нашихъ ляжетъ подъ ствнами.

СОЛИМАНЪ.

Ужели въ немъ одномъ такая сила, Что ты боинься состязаться съ нимъ?

A J H. The state of the control of the strategic levels

Не думай, государь, чтобъ рабъ твой могъ Чего-либо бояться; но припомни, Какъ этотъ Црини славой увънчался.... Онъ при осадъ Въны дрался съ нами, И отрока почти, самъ Карлъ его Торжественно въ санъ рыцаря возвелъ. Теперь онъ возмужаль; твои народы, Привыкшіе идти на встрячу смерти, Смутятся предъ знаменами его. BETMEP'S-BER'S.

И я согласенъ съ мивніемъ Алія, Безъ Црини мы Сигетъ возьмемъ на приступъ; Но если тамъ онъ, то отрядъ оставить, И кръпость утомить осадой долгой. Другихъ-же замковъ нечего бояться. THYCTAGA. THE Country on spent

Я подтверждаю мизнье Беглеръ-Бека. COANMAH'S.

Никто не можетъ похвалиться, что Меня заставилъ своротить съ дороги; Такъ потерплю-ли я, чтобъ этотъ Црини Мое здъсь уничтожилъ предпріятье? Тамъ онъ, иль нътъ, мнъ все равно, нейдемъ На Сигетъ, — прямо къ Вънъ, — такова Султана воля! — И средь Австріи Вспылаетъ грозный пламенникъ войны I Touceste ice Aspeny assissement

remean relevance. Modern of a drawn of the

THEE, ATA: Dengt watergrown and an red

ага говоритъ съ Мегеметомъ. METEMETS.

Благодари Сайдчава за извъстье. (Ага уходить.) солиманъ.

Что новаго, визирь?

METEMETS.

Саидчавъ-Галла

Доносить мнв, что Црини возвратился И въ Сигетъ засълъ съ своей толною, Какъ-будто знаетъ онъ ръшенье наше.

Man by you hanny mind avoid and

Вёликій повелитель! самъ Аллахъ Дорогу намъ указываеть въ Въну! Туда веди насъ, тамъ побъда ждетъ!-

MEFEMETE, MYCTAPA, BEFARPS-BEKS.

Веди насъ къ Вънв, тамъ сражаться будемъ! COAHMARS.

Что? — Вы-ли это? — вы-ль мои герои? Пустое имя въ страхъ приводить васъ? Пол-міра я къ ногамъ своимъ склонилъ, А не могу похвастать, чтобъ въ сердцахъ Враговъ своихъ такой посъялъ ужасъ, Какъ этотъ графъ венгерскій въ васъ вдохнулъ. Теперь все рашено! — Идемъ на Сигетъ! Я познакомиться хочу съ темъ звъремъ, Который страху научиль храбрыйшихъ Сподвижниковъ моихъ.

MYCTA OA.

О, государь!

Подумайте!

COJUNAUS.

Молчи! ни слова больше! **И**демъ на Сигетъ! — и сейчасъ въ походъ! Мой гиввъ султанскій Азію сдавиль, И трепетать всю Африку заставиль,

А этотъ графъ смвется надо мной?

Клянусь Аллахомъ! онъ наказанъ будетъ!

Глава презръннаго раба въ Сигетъ

Средь грудъ развалинъ будетъ красоваться!

thatan anticoprofit of an older of a high at a stories and

Carried and antistruction of carried

тьже, ага, после посланный турокъ.

ATA

Великій повелитель правовърныхъ!
Отъ Гамзы-Бека посланный пришелъ.

Пусть онъ войдетъ!

АГА, УХОДИТЪ.

посланный.

Благослови тебя

Аллахъ, великій нашъ султанъ.

COAHMAHT.

Какое

Принесъ ты намъ извъстье? — говори!

Покорный рабъ твой Гамза-Бекъ прислалъ
Меня. — Ужъ три раза онъ ставилъ мостъ
На бурной Дравъ; но потокъ свиръпый
Труды его три раза уничтожилъ.
Въ волнахъ, твоихъ рабовъ погибло много,
Вода неимовърно поднялась;
Затъмъ онъ проситъ милости твоей,
Чтобъ обождать благоволилъ, пока
Разлите потока уменьшится.
Теперь-же рабъ твой вовсе средствъ не знаетъ,
Чтобъ мостъ для переправы изготовить.

COAHMAHT:

Мнъ дожидаться? — мнъ ?... Какъ!... невозможно?...
Что невозможно, если я кочу?
Измънникъ! — На коня скоръй! лети,
Скажи ему: что я сегодня съ войскомъ
Отсюда выступлю, и если мостъ

Я не найду готовымъ черезъ сутки,
То непокорный рабъ на берегу
Повъшенъ будетъ; онъ тогда узнаетъ,
Что невозможнаго нътъ для меня.
Спъни, коль дорожинь его главою! —
Въ походъ, визирь! — Беремъ на приступъ Сигетъ! —

VII.

(Большая горинца въза чкъ Сигетъ, прямо два окна готической архитектуры»)

ЭВВА И ЕЛЕНА:

Елена подходить къ окну и глядить внизъ.

9 B B A.

Что такъ встревожило тебя, Елена? Чего боишься, милая, скажи?

EAEHA.

Ахъ, маменька! предчувствіе дурное! Сама не знаю, — сердце замираєть. Надъ нами собираєтся гроза. Взгляни! нашъ тихій замокъ измънился: Вездъ стоятъ толпы вооруженныхъ, Народъ въ смятеньи, рыцари поспъшно Повсюду приказанья роздають. — О, Боже мой! что будетъ съ нами?

9 B B A.

Дочь,

Не плачь, утвиься! — Върно отправляютъ Въ какой-нибудь походъ людей военныхъ. — Въдь мы привыкли къ этимъ перемънамъ.

EJEHA.

Нътъ, маменька! нътъ! это все недаромъ!
Сейчасъ я встрътила Лоренцо въ залъ —
Онъ, задыхаяся, вбъжалъ въ нее.
Ты знаешь, маменька, съ какимъ восторгомъ
Обыкновенно онъ спъщитъ ко мнъ
И сообщаетъ всъ свои надежды?
Сегодня, проходя, линь поклонился;
Когда-же вслъдъ ему, спросила я:

«Лоренцо, что съ тобою?» — въ торопяхъ Едва онъ мив успъль отвътить: «Прости, Елена, служба призываетъ, «Душа моя принадлежить тебъ, «А время долженъ посвятить отчизнъ.» И съ тъмъ вошель онъ къ батюшкъ въ покой. Сейчасъ я видъла здъсь изъ окна, Какъ на коня вскочиль онъ и помчался,

> 3 B B A. Это

Тебя такъ безпоконтъ? — Посмотри-ка Въ глаза мнъ, дочь моя. — Въдь ты взросла Въ тревогъ боевой и къ ней привыкла? И прежде этого ты не боялась? BARRA OURSES Елена, ты красивень?...

Быстрве ввтра, вонъ изъ замка.

влена обнимаетъ ее.

granteness into agree some so that it

Маменька!...

Дитя! зачъмъ стыдинься ты любви Своей? — Она чиста и благородна, Когда достойный мужъ ее внушить. Прелестный цвътъ невиннаго восторга Отъ перваго луча любови чистой Роскошно разцватаетъ въ сердца давы, И добродътели благоуканье Вокругъ себя всечасно разливаетъ. —

EJEHA. Transdiste merch amisas as 1

Какъ ты добра!

D.B.B.A. TOTAL THE AND VALUE OF THE ACTUAL A

Я такъ любаю тебя, Моя Елена, и сама счастлива, проделения выполняющий выста

Что вижу въ счастьи дочери своей Весеннихъ дней бывалые восторги, Любови первой свътлую зорю, То лучшее мгновенье жизни. — Я наслаждаюсь вновь блаженствомъ проилымъ, Къ намъ возвращается пора любви

Линь въ счасти детей.

но батюшкъ

Извъстно-ли?

BBA. The second a contain trains. As

Онъ върно догадался, Въдь ты не мастерица притворяться. Любовь сносить не можеть принужденья....

EAEHA.

И онъ бранилъ?

BBA.

Дитя! моглали-бъ я
Тогда покойна быть и веселиться?
Отецъ твой говорилъ однажды мив,
Что дочери супруга онъ желаетъ
Не только знатнаго происхожденьемъ,
А человъка славнаго дълами....
Предъ всъми онъ Лоренцо отличаетъ.

EARHA. LA MANUALTE ANALYSE INTER

Ахъ, маменька! какъ я теперь счастлива!

Блаженствомъ ты наполнила всю душу!

Хотя любовь прелестнъйшее чувство,

Но безъ благословенія отца

И матери, въ ней счастья быть не можетъ;

Лишь кроткая любовь отрадна сердцу. —

Цвъты благоухаютъ только тамъ,

Гдъ солнце нъжно лобызаетъ ихъ,

И гдъ зефиръ душистый отряхаетъ

Алмазную росу съ листочковъ пестрыхъ;

Но тамъ, гдъ знойный день палитъ лучами,

Тамъ изсыхаетъ все и вътръ тлътворный

Несется по долинамъ опаленнымъ. —

BBA.

Елена! твой отецъ идетъ сюда.

BARHA.

Онъ, слава Богу, кажется покоенъ.

3 B B A.

Когда ты не такимъ его видала?

VIII.

тъже, црини, не вооруженный.

принп.

Нашъ замокъ огласится ратнымъ шумомъ, Но не пугайтесь, милыя, заранъ. — Слухъ носится, что Турки воружились, Что самъ султанъ на насъ ведетъ войска. Еще извъстій върныхъ я не собралъ, Теперь узнать послалъ и жду гонцевъ. — Такъ не пугайтесь, если звукъ оружій Сюда въ покои ваши долетитъ. Намъ служба завъщаетъ осторожность; А храбрый нашъ народъ, готовясь къ битвъ, Не можетъ буйной радости скрывать.

ЕЛЕНА.

Ахъ, маменька! не правду-ль я сказала? Предчувствіе меня не обмануло.

3 B B A.

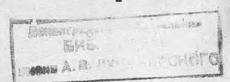
Скажи мнъ, устоитъ-ли замокъ нашъ? О! не скрывай, чего намъ ждать? — осады? — Иль приступа? —

црини.

За чъмъ-же представлять Себъ опасность въ самомъ страшномъ видъ?

О, Црини! я твою довъренность
Пріобръла, и правду знать хочу:
Нашъ замокъ устоить-ли въ этой буръ?
Не думай, Црини, что жена твоя
Способна предъ грозою трепетать,
Она уже съ опасностью сдружилась;
Съ тобой привыкла въ очи ей смотръть.
Достанетъ силъ въ душъ моей, чтобъ быть
Достойною женой героя! —

Отд. І.

2

Скажи мнъ правду, здъсь-ли будетъ битва?

Когда султанъ идетъ, — то върно къ намъ. влена.

Ахъ, маменька !

BB A.

Покойна будь, Елена! —
Отецъ твой живъ, и всъ друзья его
Еще въ живыхъ, — чего-жъ страниться намъ?

XI.

тъже, адапи въ доспехахъ.

Creek morrow, were a vous previous

the average Alment, were going at the

АЛАПИ.

Еще извъстье....

црини.

Говори, что знаешь!

И жены рано-ль, поздно-ль все узнать

Должны, такъ все равно, теперь пусть слышать;

Въдь неизвъстность пуще страхъ наводить....

Что новаго?

алдпп.

Сейчасъ гонецъ пришелъ

Изъ Фюнфкирхена, и принесъ извъстье,

Что Солиманъ идетъ на Сигетъ прямо,

И войско онъ несчетное ведетъ.

прини.

Когда на Венгрію идеть султанъ,
То ждать себя онъ долго не заставить.
Я знаю Солимана, скоро здъсь
Онъ явится подъ нашими стънами....
Но вотъ Папрутовичъ идеть съ извъстьемъ.

Cancelly about themes then are a process.

тъже, папрутовичъ, въ доспъхахъ, за нимъ Венгерскій крестьянинъпапрутовичъ.

Вооружитесь, благородный графъ!

Изъ Бълграда ужъ выступилъ султанъ,

Съ огромнымъ войскомъ прямо къ намъ идетъ. Крестьянинъ этотъ очевидецъ былъ И върное извъстье намъ приноситъ.

цепни.

Такъ разскажи, землякъ, что видълъ ты?

Я въ Бълградъ вздилъ по дъламъ торговымъ, Которыя окончивъ, ужъ хотълъ Отправиться обратно во свояси, Какъ вдругъ по городу промчалась въсть, Что де Султанъ вступаетъ въ городъ съ войскомъ И со своимъ дворомъ великолъпнымъ. Народъ столиился у градскихъ воротъ, И я быль вынуждень остановиться Съ другими ждать прибытія султана. Сначала ило пять тысячь янычаръ, Саперы, плотники да піонеры, Народъ все сильный и вооруженный, — Потомъ прошли пашей различныхъ слуги И пъще, и на коняхъ, неся Премножество значковъ разнообразныхъ. За ними шла султанская охота, Рабы вели полсотни славныхъ коней, И множество младыхъ рабовъ несли in the same a river or the same alo. На головахъ мартышекъ, попугаевъ И разныхъ этакихъ звърей потъщныхъ.... За этими входили Болукъ-Бассы, Съ богатыми салтанами на шлемахъ; Потомъ служители сераля шли, Да три паши: Ахмедъ, Ферадъ и Мустафа; За ними ъхалъ Магометъ Паша, За этимъ слъдовалъ паша-Вессиръ, Который въ войскъ держитъ судъ, расправу; Потомъ ужъ самъ Султанъ на аравійскомъ Конъ, въ богатомъ украшеньи, ъхалъ. Алмазами украшенная сабля Прикръплена была къ съдлу златому.

По правую Ага-Ферадъ шелъ пъній И что-то разговариваль съ Султаномъ, Три Беглеръ-Бека слъдомъ или за нимъ. Потомъ- шли цълые ряды пажей Предъ золотою колесницей царской, Подарена что королемъ Французскимъ. — Тутъ господарь съ толпою слугъ провхалъ; Двъ сотни муловъ, златомъ нагруженныхъ, Съ погонщиками заключали ходъ. — Тутъ войско ужъ пошло, въ порядкъ стройномъ, Числомъ оно не меньше двухъсотъ тысячъ. — Когда народъ разбрелся по домамъ, Я въ темнотъ изъ города увхалъ, И скрытными путями поспъщилъ Съ извъстьемъ къ вамъ, высокородный графъ! црини.

Благодарю, землякъ! — Пойди-жъ теперь
И выпей кружку добраго вина.
За върную услугу казначей мой
Тебя ужъ наградить не позабудетъ. —

(Крестьянинъ уходитъ.)

Ну, дъти! дъло не на шутку! — Но Еще дождусь, что скажетъ нашъ Лоренцо. —

Да воть онъ скачеть ужъ на дворъ.

(Елена плачетъ на груди матери.)

црина.

Вотъ онъ

Везеть намъ достовърное извъстье. Жена, уговори хоть ты Елену ... Въ странъ военной такъ всегда бываетъ, Ей надобно ужъ къ этому привыкнуть. Не ждалъ я робости такой въ тебъ. — Не бойся, дочь моя!

EAEHA.

Ахъ, батюшка! ся? — Еслибъ даж

Могу-ли не страниться? — Еслибъ даже Я и могла, то буду-ли счастливъй? OBBA.

Не плачь, Елена! — успокойся, другъ мой! влена.

О, маменька! смотри, воть онъ идеть, И страшное извъстье на устахъ Дрожить, хотя въ очахъ горить отвага.

XI.

тьже, юраничь, въ доептхахъ.

Nonner's under those second tree

HPBHH.

Что скажень ты, Юраничъ?

ю ранпят.

Въ бой готовьтесь!

Вооружитесь, графъ! — ужъ Мегеметъ
Переступилъ чрезъ Драву, всю страну
До Сцикласа огнемъ опустощаетъ,
Возобновляя ужасъ войнъ турецкихъ ...
Дай мнъ отважныхъ всадниковъ отрядъ;
Душа горитъ и просится въ сраженье,
Чтобъ отомстить злодъю за отчизну.

EAEHA.

О, Боже мой!... Юраничъ!

IO PARILY B.

Не печалься,

Елена! — въ битву честь зоветь меня.

Теперь я пріобръсть тебя могу,

И смъло предъ отцемъ твоимъ сознаюсь,

Что я люблю тебя, что быть желаю

Твоимъ супругомъ. — Да, почтенный воинъ,

Я дочь твою люблю! — Хоть ничего

Я не имъю, кромъ этого

Меча; но ты говаривалъ намъ часто;
Герой всъхъ почестей достигнуть можетъ.

Въ груди моей отвага есть и сила,

Пусти меня, я въ битвъ докажу,

Достоинъ-ли твоимъ назваться зятемъ.

црини.

Отвътъ мой ты услышишь послъ битвы.

Отважный воинъ мнъ всего дороже; Но юности твоей я не могу Довърить благо всей земли Венгерской. Каспаръ Алапи! тысячу пъхотныхъ, Да конныхъ воиновъ пятьсотъ возьми, Юраничъ и Папрутовичъ съ тобою Отправятся, другихъ вождей избрать Ты можень самъ. - Иди на Мегемета! Успъхъ столь малаго отряда только Оть быстроты зависить нападенья. — Пускай узнають турки, что въ Сигетъ Мы не стращимся многолюдства ихъ! Сопутствуй вамъ Господь, друзья мои !... Съ побъдой возвращайтесь.

АЛАПИ.

Положись

Въ томъ на меня и на народъ твой върный. Пойдемте, братья! — къ двлу! — Завтра утромъ Съ турецкою добычей возвратимся. — Увольте насъ, почтенная графиня?

BBA.

Прощайте! я за васъ молиться буду. юранияъ.

Прости, Елена! не забудь меня Въ своей молитвъ; талисманомъ върнымъ Она хранить меня въ часъ битвы будетъ.... EJEHA. STAD, ESP SMAT CLOSES, IS COLD

0! мой Лоренцо! ты на смерть идень. IO PAH II TE.

Нътъ, смерть къ любви приблизиться не смъеть! EACHA. The Chorage of the second

Найду-ль я утыненье въ этой мысли? ЮРАНИЧЪ.

Повърь, Елена, смерть не разлучить насъ, Я съ этой върой смъло въ бой иду!

(Обнажаетъ саблю, другіе следують его примеру.)

Въ комъ сила есть, тотъ празднымъ быть не долженъ.

Бой кратокъ — торжество побъды въчно! (Уходять вибств съ Алапи и Папрутовичемъ.) EAEHA.

Лоренцо! о Лоренцо! (Упадаеть на руки отца.) Боже мой! 3 B B A.

Она лишилась чувствъ!

Елена!

ЛЪЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Прежняя комната въ замкъ Сигетъ)

I.

ЭВВА, ЕЛЕНА.

. BBBA.

Получие ли тебъ, Елена?

влена выправной и пером блател инО

Лучше.

Total profit on her cultury graphics

DBBA.

Ахъ, милая! ты напугала насъ; И самъ отецъ твой, мужъ неустрашимый, Затрепеталъ, когда блъднъя, ты Безъ чувствъ къ нему въ объятія упала. Но, слава Богу, ты опять здорова, Румянецъ снова вспыхнулъ на ланитахъ; Внезапное страданье подавило На мигъ единый силу юныхъ льтъ.

ЕЛЕНА.

О, маменька! Когда со мной прощаясь, Онъ саблей обнаженного махнулъ, Шепнуло сердце мнъ вотъ, вотъ послъдній Привътъ его, послъдній! — Тамъ въ бою Измъна злая сторожитъ его, Тамъ смерть любовь мою сразить готова! Тогда вся кровь въ моихъ остыла жилахъ,

И сердце замерло, сомкнулись очи, Какъ будто смерти сонъ объялъ меня. —

BBA.

a swinteney) Commont o Lamogol, Любезная Елена! научись Обуздывать души своей порывы, Когда женою воина желаешь Въ сей бурной жизни наслаждаться счастьемъ. Судьба даруетъ радость и женъ Простаго гражданина, что спокойно Однообразную проводить жизнь. Когда обычный трудъ приносить бъднымъ Желанный плодъ, и счастія дары Ихъ мирное жилище украшаютъ, Тогда жена съ веселіемъ взираеть На радостнаго мужа, на дътей Счастливыхъ, и, довольная судьбой, Смиренно дни свои проводить въ миръ. Жена героя чувствуеть не такъ.... Она должна ловить мгновенье счастья, Удерживать его, какъ благо жизни. Всв дни ея текутъ между бъдой И счастьемъ; — жизнь ея то горькое Мученье, то небесное блаженство. Исторгнувшись, летить на поле битвы И смълой грудью тамъ встръчаетъ смерть, Жена должна на Бога положиться, Надъяться на мужество супруга И честь его равно какъ жизнь любить.... Какъ воздухъ чистый нуженъ всей природъ, Такъ и для мужа честь необходима. Елена! если ты Лоренцо любинь, Какъ дочь, достойная отца героя, Тогда не красота его лица, Не разговора сладость, не наружность Тебя очаровали; но души Его прямое чувство, сила, слава

И незапятнанная честь героя.

EMERALIS OR SUBSTRUCTION OF SUPERIORS

Да, маменька! въ твоихъ совътахъ я Родительской души всю нъжность вижу; Но силы нать робающею мыслыю Возвыситься до высоты твоей; Дуни дъвической моей всъ чувства Къ природному привыкли направленью. О, маменька! я признаюсь тебъ, Что не одинъ разъ втайнъ помышляла, Какъ весело въ смиренной долъ жить И мирнымъ счастьемъ скромно наслаждаться. Ты мнъ велинь въ немъ мужество любить, Которое влечеть его въ погибель? Нътъ, я люблю въ немъ лишь одну любовь, Она въ словахъ его звучитъ такъ нъжно, Она въ очахъ его блеститъ слезою. — Любовью онъ меня очароваль, И это чувство я въ немъ обожаю. —

BBA. William Wanged secretary month

Въ младые годы мыслила я такъ-же. — Любви призванье въ дъвичьей душъ Лишь дътское рождаетъ чувство; А въ сердцъ юноши съ любовью первой Того восторга возгараеть пламень, Что къ смълымъ подвигамъ влечетъ его. Когда любви таинственною силой Соединятся двъ родныя души, Стремившіяся прежде въ чуждый міръ За тайною, невъдомою цълью, Когда онъ, мечтами помънявшись, По стройному созвучью мыслей, чувствъ, Желаній, върованій и надеждъ, Свое небесное родство узнають. — Тогда любовь, чудесно пробудивнись, Два сердца вводить въ новый свътлый міръ; И юноша, впервые упоенный

Дъвичьимъ поцълуемъ, познаеть Anna series mentales de la Дуневнаго спокойствія всю сладость. Стихають бурные страстей порывы И сила, что влекла его къ дъламъ Отважнымъ, дерзновеннымъ, принимаетъ Спокойное, прямое направленье, И по волнамъ счастливой, тихой жизни Его въ надежную приводитъ пристань. — Въ душъ дъвицы первый поцълуй Чудесное блаженство разливаетъ. Надежда свътлая, и бодрость духа, И тихая покорность воль Божьей, И радостное уповање въ сердцъ Дъвицы поселяются съ любовью. 0, дочь моя! и я то чувство знала, Что сильно такъ твою волнуетъ душу. — Но скоро та прекрасная пора И для тебя настанеть, скоро ты Всю радость, весь восторгъ любви узнаешь, Тогла минуты береги драгія. —

елена, упадаетъ въ объятія матери.

THE PROPERTY AND SECURED POSSESSED TO

О, маменька!

9 B B A.

Любезная Елена!
Что въ міръ можетъ превышать блаженство
Счастливой матери, когда дитя
Довърчиво, въ плънительномъ восторгъ,
На грудь родную припадеть!

II.

тъже, црини

ценни.

О, милыя мои! въ счастливый часъ
Пришелъ я къ вамъ, — и застаю здъсь дочь
Въ объятьяхъ матери. — Восторгъ высокій
Слезами наполняетъ ваши взоры. —
О, заключите и меня въ объятья!

Дуна растрогана необычайно. — Heighting in Thursdeyn up neighbar Жена моя! Елена!

EAEHA.

Батюшка!

3 B B A.

О, мой супругъ! давно я не видала Тебя въ такомъ расположеные духа. Что сдълалось съ тобою, Црини? Ты Глубоко тронуть, взоръ твой дивно блещеть; -Супругъ мой! что съ тобою? —

црини.

Добрая

Жена! оставь, отри свои ты слезы! Душь такъ весело въ объятьяхъ вашихъ. Здъсь цълый рай воспоминаній свътлыхъ Въ моей душъ суровой оживился... Своимъ я чувствомъ совладать не въ силахъ! О, люди! люди! счастья мигъ ловите! Минуты жизни пролетають быстро, Ловите ихъ и дорожите ими! До дна испейте радости покалъ, Не оставляйте въ немъ единой капли! 0! быстро время; но судьба быстръе.... Кто здъсь блаженства мигъ одинъ упуститъ, Тому ужъ не нагнать его ; хотя бы На молніяхъ за нимъ погнался онъ! EACHA, Ward, or Manager (spream at)

Еще извъстій нътъ?

цепнп.

Нътъ, дочь моя.

Такъ скоро намъ ихъ ожидать нельзя; Но успокойся, милая Елена! -

BBA.

Не получалъ ли ты другихъ въстей? Скажи мит все, и доброе, и злое. Ахъ, Црини! я предчувствую опасность; Такъ не скрывай, какихъ намъ ждать несчастій, Чтобъ слабую жену рука судьбы Нежданнымъ бъдствіемъ не поразила.

црини.

Теперь еще не бойся! Могъ-ли-бъ я

Тебя оставить здъсь, и безразсудно

Непостоянству счастія довърить

Все драгоцъннъйшее благо жизни? —

Я ко Двору вчера гонца отправилъ,

Съ извъстіемъ о приближеньи турокъ

И о грозящей намъ опасности.

Ужъ Гамза-Бекъ въ четвертый разъ построилъ

На бурной Дравъ мостъ, для переправы

Султана съ войскомъ, и великій визирь

Съ шестидесяти тысячнымъ отрядомъ

Ему прокладываетъ путь кровавый.

И если наши скоро не прибудутъ,

То предъ Сигетомъ встрътятся съ султаномъ.

to 1900 at the for ago, whom the said

тьже, чернекъ, черном отпоставления

TEPHER ......

Вельможный графъ! сейчасъ на башив стражъ
Кричалъ, что по дорогъ въ Сцикласъ видитъ
Большую тучу пыли. Върно наши
Домой спъщатъ, увънчанные славой,
Съ богатою турецкою добычей.

(Прини подходить въ окну.) елена.

Благодарю за радостную въсть! Благодарю тебя, мой добрый Чернекъ! Скажи, ты видълъ-ли его? — онъ живъ-ли? Здоровъ-ли онъ?

чернекъ.

Да кто, сударыня?

CERRIL TION NUCLEAR ROUGHLAND NO. ABB & ..

Дитя! что спраниваень ты? Въдь стражъ Одну линь пыль вдали увидеть могъ, Предполагаетъ лишь, что вдуть наши.

О! если-бы на башит я стояла,
Его мой взоръ въ толпъ-бы различилъ,
На тъхъ горахъ, я-бъ тамъ его узнала....
Ахъ! какъ мучительно трепещетъ сердце,
И страхъ, и ожиданья вдругъ тъснятся
Въ душъ моей тревожными мечтами.
О, маменька! прими въ свои объятья
Ты страждущую дочь, лишь на груди
Твоей я успокоиться могу.

3 B B A

О, не печалься, добрая Елена, Не предавайся такъ тоскъ своей. О, дочь моя! побереги себя, Ты можень плакать? плачь, дитя мое! И слезы облегчатъ твои страданья.

цеини.

Они! они! вонъ вся толпа летитъ!

Гдв? гдв?

прини потра определять прини выпора

Ужъ скачутъ на гору они. Юраничъ впереди; бунчукъ Турецкій Въ его рукъ....

EARHA. OTO PASSTOR D' AMERICA LANGUE

Ахъ, маменька! онъ живъ!

Въ страданіяхъ мои изсякли слезы,

Отъ радости я плакать не могу.

9 B B A.

Hereness-Hows, apply Committees

Елена! ободрись; онъ возвратился.

- црини.

А!.. слышите-ль? побъдныхъ пъсенъ громъ
Героевъ напихъ славу превозноситъ.
Вскакали вотъ на дворъ — съ коней слъзаютъ....
(Въ окно.)

Съ побъдой поздравляю васъ, друзья!
Отечество и Богъ васъ наградятъ.

(Чернекъ уходитъ.)

Pro viole exerts the value one one one

IV. OTO WHAT WHEN WARRING WATER HE

Тъже, алапи, папрутовичъ, юраничъ съ турецкимъ бунчукомъ, и другіе Венгерскіе кавалеры.

црин и.

Алапи! другъ!

АЛАПИ.

Товарищъ!

елена. О, Юраничъ!

Елена!

TI BEAL THE STREET VALUE OF THE STREET

Вы побъдили?

папрутовичъ.

Господь

Намъ даровалъ побъду, и враговъ Четыре тысячи легло на мъстъ, Добыча намъ огромная досталась.

ю ран и чъ, кладетъ бунчукъ къ ногамъ Црини.

Charles when you again the Toron Toron

Герой почтенный! вотъ моя добыча!
Я выполниль объть свой! изъ среды
Толпы враговъ я вырваль это знамя,
Алапи скажетъ, что сдержалъ я слово.

прины.

Такъ разскажи, чъмъ кончилось сраженье?

Мегеметь-Бекъ предъ Сцикласомъ стоялъ
Въ неукръпленномъ станъ, разсылая
Отряды малые, чтобъ жечь деревни.
Мы раздълились на три отдъленья:
Папрутовичъ велъ лъвое крыло,
Юраничъ правое, а я средину;
И скрытными путями обойдя
Турецкій лагерь, вдругъ со всъхъ сторонъ

Мы быстро грянули на вражій станъ. Смутились хищныя толны Султана, Мы ръзали ихъ безъ сопротивленья.... Немногіе соединились въ кучу, Отчаянно сражаясь, отступили; Другіе-же легли на полъ битвы. Безчисленное множество со страху Бъжало и въ трясинъ потонуло, И самъ Мегеметъ-Бекъ погибъ въ болотъ, А сынъ его и много знатныхъ турокъ Попались въ пленъ. — Въ добычу намъ досталось Верблюдовъ съ десять, нагруженныхъ златомъ, Оружье, бунчуки, весь лагерь вражій. Знамена, ими отнятыя прежде У христіанъ въ сраженіяхъ несчастныхъ. Такое множество добычи разной Мы никогда еще не получали. Предъ всеми-же Юраничъ отличился. Онъ храбрость доказалъ свою и силу,... Въ томъ всъ товарищи должны сознаться,— Ему принадлежитъ вся честь и слава! Хотя мы всъ исполнили свой долгъ И съ честію сражались, но никто Съ Юраничемъ сравниться не посмъетъ. Не правда-ль, братья? сами вы скажите.

ВСВ КАВАЛЕРЫ.

Юраничу вся честь принадлежить.

EACHA.

О, мой Лоренцо! я горжусь тобою.

юраничъ.

Сама любовь вела меня ко славъ.

прини.

Приди въ мон объятья, юный воинъ! Ты храбростью своею пріобрълъ Прекрасное свидътельство. Оно Съ твоими правнуками не исчезнетъ И слава дель твоихъ въ родныхъ напъвахъ

Признательных сограждант не умреть,
Она изъ въка въ въкъ перенесется,
Въ великомъ сердцъ родины твоей
Тебъ воздвигнетъ памятникъ нетлънный!
Я самъ теперь герою предлагаю,
Въ чемъ отказалъ Юраничу любимцу.
Ты дочь мою просилъ: возьми ее,
Достойный юноша, и будь счастливъ.
Мое благословеніе надъ вами!—

ЮРАНИЧЪ.

Отецъ мой! — Божо! — о, моя Елена! влена!

Лоренцо! Маменька! не сонъ ли это ? эвва.

О, дочь моя! насталъ твой свътлый праздникъ, Храни его и наслаждайся счастьемъ. —

IO PAHRY TO

Благослови насъ, матушка, и ты!

3 B B A.

Да будеть Божья благодать надъ вами!
О, сынъ мой! дочь моя! счастливы будьте!

Восторгъ для дней спокойныхъ сохраните;
Теперь благоразуміе потребно. —
Друзья мои, еще благодарю васъ!
Враги припомнятъ ваши имена. —
Намъ предстоитъ тяжелая работа:
Султанъ со всею силой къ намъ стремится,
И ныньче, можетъ быть, окрестность замка
Свиръпымъ воплемъ турокъ огласится,
И мы услынимъ грозное: Аллахъ!
Быть можетъ, ужъ вечерніе лучи
Предъ нами озарятъ луну Ислама
И янычаръ сверкающія сабли.
За тъмъ я думаю, друзья.... (Трубный зеукъ.)
Что это!

Что значить этоть звукь? — Ужъ не извъстье-ль

О приближеньи турокъ? — Иль посолъ

папрутовичъ, у окна.

Къ намъ въ замокъ скачетъ Петръ Билаки, съ нимъ Немного всадниковъ. —

црини.

Онъ, върно, посланъ

smite anasango arozu 140-112366 en amoun

Отъ Императора. — Папрутовичъ, Прими его, и приведи сюда. —

(Папрутовичъ уходитъ.)

прини.

Я знаю этого Билаки, онъ Хоть молодъ, но успълъ ужъ отличиться Своею доблестью. — Да, вотъ онъ самъ.

THY. AN ROTHER OF THE THEFT OF THE PARTY OF

тъже, папрутовичъ, вилаки.

црини.

Билаки! здравствуйте! я радъ васъ видъть. Что новаго изъ Въны привезли?

БИЛАКИ.

Отъ Императора письмо, да если

прини, себеров, втендричен вы причен

Я радъ на применения

Такому гостю! храбрый воинъ ныньче
Вездъ желанный гость. — Скажите же,
Давно-ли вы оставили столицу?

Поутру въ понедъльникъ.

цепин.

Славно-жъ вы

Скакали.

БИЛАКИ.

Императора наказъ, Да и желанье собственнаго сердца Влекли меня.... Для дорогой отчизны Отд. I. Не только я на лошади сидъть, полод лем - 5 гласут выпожнована С Ora Hamsparopa? - Tro auguo rasit? Но и мечемъ владъть умъю.

> прини. Ru camp on samon's charges Heigh oreging on mura

Неминя в везданновъ Давно враги отчизны испытали. Въ походахъ съ Швендисомъ дрались вы славно. Вы были такъ-же и при взятьи Песта, И въ этотъ день предъ всъми отличились. учив 1 -- партичност ито

БИЛАКИ.

Мои услуги слишкомъ маловажны. Вы, графъ, въ сраженьи этомъ получили Названіе спасителя отчизны!

Note meache, an years yare orange

За Бога я сражался, за отчизну, Всякъ на моемъ-бы мъстъ сдълалъ тоже. Скажите намъ, что дълается въ Вънъ? Я думаю, военныхъ много тамъ, И ратнымъ шумомъ городъ оживился?

EHAAKH. TARO B COTOVERSORE ! BESTELL Въ столицу притекли со всъхъ сторонъ выпол можей жив отдени от Р Благочестивые князья и кавалеры, Готовые за христіанъ сражаться. Альбертусъ Ласко, польскій графъ прислалъ Оружья на двънадцати подводахъ, Ла всадниковъ три тысячи, въ нарядъ Венгерскомъ, потому-что ихъ король принов предоставления Съ султаномъ въ миръ. Герцогъ Филибертъ Савойскій намъ прислалъ четыреста Стралковъ: графъ Камеранъ начальствуетъ Надъ ними. Сиръ Гренвиль, Филиппъ Будсель И Чамбертонъ изъ Англіи явились И привели съ собой людей военныхъ; И герцогъ Гизъ, и графъ Бризакъ, и съ ними Толпа другихъ французскихъ кавалеровъ. Феррарскій герцогъ, такъ-же Мантуанскій Съ отрядомъ конпицы своей въ столицъ; очиностобно элистан и въ да ежедневно къ войску прибывають прибывають

Изъ разныхъ странъ другіе кавалеры! А Лукка съ Генуей прислали денегъ. Несчетныя толпы военныхъ къ намъ Всечасно изъ Германіи приходять. Герцогъ Вольфгангъ Цвейбрюкскій, графъ Рейнгардъ, Баварскаго герцога старшій сынъ, - дарына догожилой ажекралість Съ толпой надежныхъ воиновъ явились. Ужъ около восьмидесяти тысячъ they by winder often way in her Считается военныхъ въ нашемъ станъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ начальникъ главный, апи от положение Графъ Гюнтеръ Шварцбургскій его помощникъ. Еще передъ отъвздомъ мнв сказали, Что войско все близъ Рааба укръпится— домень в дана дас-ынована 5 И тамъ ужъ будетъ ожидать враговъ. прини.

Не знаете-ль, что дълаетъ мой сынъ? в п л л к и.

Онъ во дворцъ теперь содержитъ стражу, И радостно со мною-бъ помънялся; Но все еще надъется попасть Въ передовой отрядъ. И чрезъ меня Свидътельствуетъ вамъ свое почтенье.

прини. В прини. В прини в прини В

Благодарю за доброе извъстье.... Билаки, вы останетесь у насъ?

БИЛАКИ.

Когда вы мнт позволите, я радъ

Сражаться подъ начальствомъ вашимъ, графъ.

Люблю быть тамъ, гдъ сторожитъ опасность,

Гдъ сила вся и мужество потребны.

Въ отечествъ пріятнъе сражаться

И умирать въ немъ веселъй съ своими.

Венгерецъ въ битву радостно идетъ,

Когда ведетъ его герой венгерскій.

црини.

О, я горжусь тъмъ, что столь славный воинъ съ довърчивостью предается мнъ.

Воть лучшая награда въ этой жизни За долгую и ревностную службу! Вручаю вамъ начальство надъ отрядомъ Отважныхъ всадниковъ; ихъ предводитель. Мой храбрый Ласци, нездоровъ горячкой. Сегодня-жъ покажитесь вашимъ людямъ.

БИЛАКИ.

Я буду васъ благодарить на дълъ.

прини.

Друзья, позвольте мнв прочесть теперь Посланье государя моего. Папрутовичъ, всю кръпость осмотри; Завалены-ль, какъ слъдуетъ, ворота, Всъ на стънахъ размъщены-ли пушки, И стражу обойди. - Я жду тебя.

(Папрутовичъ уходитъ.)

VI. surrous riversors no envou, to I.

тъже безъ папрутовича,

црини (отходить къ сторонв и читаеть). БИЛАКИ.

Я слышалъ вы свершили славный подвигъ? И храбро перевъдались съ врагами?

Bushing and cornidor by a grant of HALA

Подъ Сцикласомъ Мегеметъ-Бекъ убитъ, И турокъ около четырехъ тысячъ Легло на мъстъ, плънныхъ сотни три Мы привели.

3 B B A.

Такой побъдою

Судьба давно не награждала васъ.

ЕЛЕНА.

Счастливъ-ли ты, Лоренцо?

юраничъ.

Я счастливъ-ли?

Передо мною небо растворилось; О, я такъ счастливъ, такъ богатъ теперь,

Какъ на землъ едва-ли кто бываетъ. Тебя, моя Елена, пріобрълъ Не только сердцемъ я, но и мечемъ! EAEHA.

О, гордый юноша! ужели ты Свободною любовью не доволенъ? Не воину, а юношъ Лоренцо Я безкорыстно сердце подарила.

3 B B A.

Супругъ мой размышляеть; удалимся. AJAHH.

Мнъ кажется онъ недоволенъ въстью. BUAKU.

Признаться, другъ, ръшительное дъло Намъ предстоитъ, и бой жестокій будетъ, Такъ лучшебъ женщинъ удалить изъ замка.

(Вев отходять всторону.)

V neers warm second to be

цення.

(Подходить впередь, разсуждая самь съ собою.)

Мнв здъсь держаться и не ждать помоги, Сражаться до послъдней капли крови.... Его не сильно войско, онъ еще Не можеть въ бой рышительный вступить. Близъ Рааба, укръпившись, будетъ ждать онъ Султана; и надъется на върность Испытанныхъ венгерцевъ, знаетъ, что дотого доминарно допилата дост Они за въру умереть готовы. Велико слово! Максимиліанъ! Ты знаешь Црини — въ немъ не ошибешься! Я лучшей не желаль себъ награды За върность и за долгіе труды, Какъ жертвой избранною умереть За родину и за святую въру! Но чтожъ! — ужели, Црини, ты забылъ?... Ужель оставишь здъсь жену и дочь? Она должны отправиться — вы столицу Сейчасъ-же — къ императору... Но нътъ! Нельзя. Народъ всей бодрости лишится,

He somes a tonome of

Когда заметить, что начальникъ самъ до от предоставления выстава Уже не полагается на счастье... Два приступа жестокихъ мы сдержали; А дочь съ женой здъсь, въ замкъ, оставались. Надежны стъны и народъ испытанъ, **А** въ крайности есть выходъ потаенный: Онъ остаться могуть! - Пусть судьба Намъ жребій назначаеть: для отчизны У насъ нътъ жертвы слишкомъ дорогой. И въ женскомъ сердцъ силъ достанеть, чтобъ Со славою, безъ страха умереть. Такъ пусть онъ останутся со мною! О, Максимильянъ! здесь, въ этой битве Всю преданность я докажу свою, -Жену и дочь я въ жертву приношу There symmetry commerce wash Отчизнъ дорогой и государю; Для Бога и для въры пресвятой Завътнаго имъть мы не должны.

VII. gille tem marking onating on only

тьже, папрутовичь.

папрутовичъ.

Вельможный графъ! по твоему приказу Все сдълано, завалены врата; Градскія пушки всъ на укръпленьяхъ Разставлены, какъ должно, по мъстамъ! И хорошо, что во время успъли. Сейчасъ намъ съ башни сторожъ возвъстилъ, Что турокъ цълыя толпы завидълъ На отдаленномъ горизонтъ онъ.... Пять деревень пылаетъ, янычары Въ недальномъ разстояны разъъзжаютъ. Бъглецъ изъ Фюнфкирхна намъ донесъ, Что Ибрагимъ съ передовымъ отрядомъ Сегодня-же въ сраженье вступить съ нами, Коль скоро вылазку мы учинимъ.

If o gamma scena?

цеини.

Такъ воины пусть будутъ на готовъ! Теперь на площадь соберите всъхъ и наум от диятье дологон ачий! Кто въ состояніи владъть оружьемъ, Я всенародно объявлю тогда Вамъ императорское повельные И то, на что я самъ ръшился.

(Папрутовичъ уходитъ.)

БИЛАКИ.

Не отошлете-ль, графъ, супругу вашу подгажения датуса дивигалой И дочь въ столицу къ императору, Пока еще дороги безопасны? Мнв кажется, что слабымъ женамъ здесь Не должно-бъ оставаться.

A JAH Hasanoto housene floor saon H

Я то-же мыслю.

9 B B A.

Нътъ, Црини, нътъ! позволь мнъ здъсь остаться. Не отсылай меня въ такое время, Когда гроза надъ головой твоей Готова разразиться. 0! я вижу, Твой взоръ мнъ говоритъ, что дъло важно. О, мой супругъ! не отсылай меня! Жена должна дълить судьбу супруга. Позволь мнъ здъсь остаться!

АЛАПИ.

Но, графиня,

У васъ есть дочь.

3 B B A.

Елена доказать

Должна, что любитъ.

ЕЛЕНА.

Да, родитель мой!

Прошу тебя, позволь намъ здъсь остаться.

юраничъ.

Нашъ замокъ твердъ, и слава Богу, мы Мужи, чего-жъ бояться намъ?

BHJAKM.

BU STIATE STOYE LIBROR AMT

Бояться

Намъ нечего, затъмъ что мужи мы; Но наши жены ?

BBA.

Црини!

BAEHA.

Батюшка!

АЛАПИ.

Послушай, другъ, сражаться легче намъ,
Когда мы будемъ знать, что нътъ ихъ здъсь.

Сражаться будеть легче; но не лучие.

3 B B A.

Я подъ твоей защитой безопасна.

црини.

Вы остаетесь.

MARKING & B B A. M. Medical large control areal.

О! благодарю двигода принт ди прин Певлина од

Тебя, мой Црини, за любовь твою!

ценни, жизев 10 можитовый впотоТ.

Теперь, друзья, приступимъ къ дълу. Я лишь Вооружусь, и выду къ вамъ на площадь. Покамъстъ, до свиданья!

(Алапи, Билаки и кавалеры уходятъ.)

Ты, жена!

Мнъ перевязь сегодня подвяжи, И снаряди меня на пиръ кровавый, Минута роковая наступила!

(Црини и Эвва уходятъ.)

VIII.

ЕЛЕНА, ЮРАНИЧЪ.

юраничь.

О, слава Богу! мы одни. Теперь
Могу передъ тобой открыть всю душу.
О! какъ я счастливъ, какъ люблю тебя,
Елена, милая моя невъста!

IN ALMOTESTE OF IL

He man mymer, normality at the old

Скажи, Лоренцо, какъ ты не боинься Опасности? — Кто мужество такое Вдохнуль въ тебя, что и предъ битвой ты Спокойствіе душевное хранишь?

юраничъ.

Да ктожъ, какъ не любовь? Въдь мы, Елена, Съ тобой уже на въкъ соединились, Давно любовь сроднила наши души. Такъ пусть весь міръ, волнуясь, возстаетъ, Насъ не разлучить онъ; гроза судьбы Поколебать не въ силахъ нашей въры, Хотя ударить въ насъ, но раздробится, Какъ о скалу дробятся злыя волны. Да, въ насъ любовь — скала, и бури жизни Ея твердыни сокрушить не могуть.

EAEHA.

Я то-же чувствую, и въ робкомъ сердцъ, Какъ будто свътлая заря восходить; Меня лишь то печалить, что война, Шумящая за этими стънами, Лишаетъ насъ счастливъйшихъ мгновеній. Благословеніемъ родительскимъ Вполнъ я насладиться не успъла. Отчизны гласъ въ немъ повелълъ умолкнуть Нъжнъйшимъ чувствамъ отческой души. Онъ поспъшилъ слезу сдавить въ очахъ И вырвался изъ пламенныхъ объятій Счастливой дочери своей, чтобъ въ битву Летъть, къ своей обязанности грозной.

юраничъ.

Елена! варваромъ ты не считай Меня, но признаюсь тебъ, желалъ я, Чтобъ этакъ онъ благословилъ союзъ нашъ Вамъ, женамъ, счастье мирное пріятно, Вы любите спокойно наслаждаться;

Но мы, мужья, восторгъ тогда линь цвнимъ,
Когда онъ душу быстро озаряетъ,
Какъ молній лучъ нежданный и мгновенный,
И этотъ мигъ блаженства дорогъ намъ.
Я требовать хотълъ благословенья
Въ пылу жестокой битвы, подъ мечами
Свиръпыхъ янычаръ, когда въ груди
Трепещетъ сердце; но судьба ко мнъ
Въ сей день была не вовсе благосклонна;
Хотя роптать не смъю на судьбу,
Минута счастья такъ была прекрасна!

HOROTOGERS IN DE CURENCE BERELANDES

Жестокій юноша!

KARD O SEARCH COURTER AND LEVEL OF PRINCES

Нътъ, милая,
Я не жестокъ, и чувствовать умъю.
Я за тебя, за родину святую
Готовъ идти на тысячу смертей,
Готовъ сразиться хоть со всей вселенной.
Елена! я горжусь твоей любовью
И тъмъ, что умереть могу безъ страха.

EAEHA.

I moved on assuments

Print Printed South and St.

BRAUTA MERITAN, CURRENA ME

И ты теперь желаешь умереть,
Лоренцо, и забыть свою Елену?
Ахъ! страшно мив объ этомъ и помыслить!
Тебя липиться? потерять тебя?
Нътъ! нътъ! Лоренцо! нътъ! живи, живи!
Когда умрешь ты, что со мною будеть?

юраничъ.

Елена! я желалъ-бы умереть
Съ тобою, и въ твоихъ объятьяхъ, — не
Одинъ, не безъ тебя! — Что эта жизнь
Намъ можетъ даровать еще, скажи?
Здъсь высисе мы знали наслажденье.
Желалъ-бы я со славой дни окончить,
Пока еще въ груди трепещетъ сердце

Святымъ восторгомъ первой, свътлой страсти.

И тамъ ужъ насладиться тъмъ блаженствомъ,

Которое мы предвкусили здъсь.

Всю сладость этой жизни мы испили,

Одна небесная минута въ ней.

Земное счастье, какъ заря, мгновенно,

Небесное-же въчно, какъ любовь.

ЕЛЕНА.

О, милый другъ мой! еслибъ я могла
Съ тобою улетъть въ тотъ свътлый край,
Куда вознесся ты мечтою смълой!
Но здъсь меня удерживаетъ жизнь,
И къ бъдной я прикована землъ.
Я не ропщу, и жизнь люблю земную,
Она прелестна, много нас лажденій
Даруетъ сердцу чистому она.
Да, мой Лоренцо, этотъ міръ прекрасенъ,
Я дорожу имъ, съ тъхъ поръ, какъ впервые
Душа моя любовью возгорълась;
Съ тъхъ поръ, какъ сердца свътлою весною
Весь міръ украсился вокругъ меня.
Съ любовію мнъ жизнь милъе стала,
Любовію я ощутила жизнь.

MPARITY. STANFARD OF MELTINGEN

О, милая Елена!

EACHA. PEARL AND MAN STORY CONTRACTOR

Мой Лоренцо! (бросается въ его объятья).

Чу!... слышишь!... тамъ мужскіе голоса,
Они собрались, твоего отца
Всв ждутъ уже. Пусти меня, я долженъ
Къ нимъ поспъшить. Прости, моя невъста!
Одинъ лишь поцълуй еще. Прости!

Towns and a content of the content o

О, милый! погоди, не разгоняй
Прелестнъйшей мечты моей такъ скоро!
юраничъ.

Ахъ! еслибъ могъ я! — Но теперь меня Зоветь обязанность. Прости, Елена!

(Уходитъ.)

Ca roton vierni ha Tora vent.

влена одна.

Прости! прости, Лоренцо! — Такъ меня Покинуть здъсь обязанность велить? Душа полна счастливъйшихъ мечтаній, Когда со мною онъ, — и самый воздухъ, Которымъ дышетъ милый, мнъ такъ сладокъ, A нътъ его — и сердце замираетъ Тоской и страхомъ; мысли всъ томятся. Съ нимъ такъ свътло, съ нимъ такъ отрадно было, Лишь онъ сокрылся, все перемънилось! Теперь онъ тамъ въ кругу своихъ друзей И смълая душа его несется Дорогой славы къ подвигамъ великимъ. Ахъ! мысли тяжкія во мнъ проснулись.... Я вижу, вотъ, дымится градъ и замокъ, И рыщеть смерть повсюду - кровь струится -И всъхъ могильный холодъ ужъ объемлеть! Предчувствіе томитъ меня, какъ пытка. И мой Лоренцо, тамъ, въ бою свирвномъ... Что ждеть его? — О, Боже мой! — Нътъ! — нътъ! Ужасна мысль, страшнъе самой смерти. 0! если бы душою погрузиться Я въ душу милаго могла, тогда Не знала бъ я ни страха, ни печали, И бодро бъ ожидала смерти часъ.

Увы! я здъсь одна должна томиться, И слезы лить, и за него молиться.

(Yxodums.)

(Площадь въ замкъ Сигетъ.)

алапи, вилаки, папрутовичъ, юраничъ, Венгерскіе кавалеры и воины.

AAARB. Armadas anum Jardentsvangil.

Конечно въ этакомъ расположеньи Не видывалъ я графа никогда, Хотя во многихъ битвахъ былъ съ нимъ вмъстъ. Какой-то чудный огнь въ глазахъ горитъ, И взоры блещуть дивнымъ вдохновеньемъ. Не знаю даже, что о томъ подумать. юраничъ.

Такъ сердце разгарается у льва, Когда враговъ онъ чуетъ приближенье. Да и во мнъ душа вспылала также, И звуки трубъ меня воспламенили.... Вся кровь кипить и въ битву сердце рвется. папрутовичь.

Другъ! это молодости жаръ мятежный; Не то воспламеняеть сердце Црини. Одна слъпая жажда брани въ немъ Не можетъ вскипятить геройской крови.

BULLARIE.

А мнъ такъ кажется, что онъ обрекъ Себя на смерть за родину свою. Но это между нами — не для встхъ Ушей годится рычь такая. Смылость Въ минуту роковую есть у многихъ, И всякъ изъ насъ пойдетъ на смерть безъ страха, Когда примъръ чужой насъ увлекаетъ; Однако же не всякій хладнокровно Взираетъ на грядущую опасность, Когда еще въ кровавыхъ тучахъ къ намъ

Она вдали, грозящая, подходить. То вы выстранция вы минуту гибели родится сила.

Изъ насъ никто не станеть колебаться,

Въдь мы венгерцы, а ведетъ насъ Црини!

Вотъ графъ идетъ.

папрутовняъ.

Теперь, друзья, узнаемъ.

Randerd Tyrushi orm in rational or-Bonell

Привътствуйте! нашъ славный вождь идетъ.

Да здравствуетъ герой, отецъ нашъ Црини!

житан XI эхбал жинины, аттурык дацова И

тъже, црини (вооруженъ).

црини.

Благодарю васъ, братья! — Собрались-ли, какъ я вельлъ, всъ люди ратные?

Всъ собрались по твоему вельныю.

црини.

Внемлите-жъ ръчи вашего вождя! -Съ огромной силою Султанъ Турецкій Идетъ на Сигетъ прямо и грозитъ Нашъ замокъ разгромить и уничтожить. За тъмъ, друзья, возстанемъ смълой грудью! Хоть государь къ Раабу войско двинуль, Но силы не довольно у него, Чтобы враговъ въ открытотъ полъ встрътить, И потому прислать намъ помощи Не можеть; но надъется на върность Своихъ венгерцевъ, что они за въру, За родину свою и за свободу Не устрашатся смерти, и врагамъ Не выдадуть святую церковь нашу. Намъ сила не страшна; огромно море, Но твердую скалу оно не сдвинетъ.

Не бойтесь многолюдства ихъ, хотя бы На каждаго изъ насъ пришлось по сотив... За насъ самъ Богъ и ангелы святые! Все христіанство, въ страхъ и въ надеждъ. Глядить на насъ, толпу мужей избранныхъ. Во всъхъ странахъ, гдъ крестъ святой сіяетъ, Народы на колънахъ молять Бога, Да ниспошлеть онъ намъ теперь побъду! На насъ надъятся всъ наши братья, На насъ глядять теперь всъ христіане. Друзья! пойдемте же безъ страха въ бой, И смъло встрътимъ смерть на ратномъ полъ! А если прежде васъ Творецъ назначилъ Мнъ умереть, тогда мой върный другъ, Сподвижникъ мой, Алапи, замънитъ Меня и кръпости начальникъ будетъ, Ему вы повинуйтесь, какъ и миъ! Теперь еще мою услышьте волю: Кто выдеть изъ повиновенья старшимъ, Умреть на плахъ; кто, коть на мгновенье. Сойдеть съ назначеннаго мъста, безъ Особеннаго приказанья, такъ же при в приказанья выправния в приказанья, такъ же Умретъ и безъ суда. — А кто письмо делена выможно виден в д Отъ турокъ приметъ, какъ предатель-тотъ Умретъ. — Въ огонь тотчасъ, и нечитавши, Кидать врагомъ подосланныя письма. — Коль двое, страхъ и робость обнаруживъ, Тайкомъ сойдутся и шептаться будуть, Повъсить ихъ! А кто заметить это И скроеть отъ начальниковъ и тотъ 200 столен за председ атай сер Повъшенъ будетъ. Мы всъ во власти Божьей, И тайны между нами быть не должно. Порукою вамъ строгости моей Да будетъ казнь того стрълка, что ныньче Во гиввъ мечъ на Двако обнажилъ. Пусть съ нимъ умретъ полковникъ Янычарскій, Который смълъ проклятыми устами

Святую въру нашу поносить.

И такъ же триста плънныхъ турокъ; мы
Для этихъ псовъ здъсь хлъба не имъемъ,
И мы у нихъ пощады не попросимъ.
Ихъ головы разставить на стънахъ
Въ отмщенье за позженныя деревни,
За кровь безвинныхъ нашихъ согражданъ.
А на вратахъ большой багровый крестъ
Воздвигните, въ знакъ православной въры;
Чтобъ видъли неистовые турки,
За что сражаясь, умираютъ венгры.
Какъ я теперь, вашъ первый предводитель,
Предъ Господомъ колъна преклоняю
И клятвой неизмънною клянусь,
Такъ всъ клянитесь вы предъ Всемогущимъ.

(Подходить впередь и преклоняеть кольно.)

Я, Николай графъ Црини, вамъ клянусь
Предъ Богомъ, государю и отчизнъ
До смерти върность сохранить! Господь
Покинетъ пусть меня въ предсмертный часъ,
Коль я вамъ измъню въ союзъ братскомъ,
Когда не раздълю побъдъ и смерти
Съ моими храбрыми венгерцами!

(Bcmaems.)

И вы на на мечъ мой поклянитесь въ томъ! (Вст становятся на колтна, четверо предводителей кладутъ свои сабли на саблю Црини?

БИЛАКИ И АЛАПИ.

Клянемся мы передъ тобой, графъ Црини, Что безъ измъны върность сохранимъ Закону, государю и отчизнъ!

BCT.

Мы всь клянемся въ върности до гроба!
папрутовичь и юраничь.

Клянемся мы тебъ, начальникъ нашъ, Всегда повиноваться безусловно, Идти съ тобою къ смерти и къ побъдъ! BCB.

Идемъ съ тобою къ смерти и побъдъ! црини.

Господь услышаль клятву нашу. - Онъ Съ небесъ клятвопреступныхъ покараетъ!

Дъйствіе третье.

An arrived no Regiona and a role

(Султанская палатка предъ Сигетомъ.)

L'avoir comes - aperir priore

мустафа, али-портукъ.

AJII.

Не предсказалъ-ли я? - Венгерцевъ этихъ Не скоро мы принудимъ сдаться. - 0! Я знаю Црини, и предвидълъ все.

МУСТАФА.

Султану этого не говори. И такъ ужъ взоры грозные онъ мещеть Вокругъ себя, какъ уязвленный левъ. Ужъ Беглеръ-Бека гизвъ его постигъ. И каковы же эти смъльчаки? Возможноль было ожидать, чтобъ венгры, Безъ вызова, нагрянули на нашихъ Въ открытомъ полъ? — Этакая горсть Людей! — Своихъ же тысячи четыре Похоронили мы на мъстъ битвы. Клянусь Аллахомъ! этого не ждалъ я.

AAU. C.mero area configuration and

Давно бъ уже въ столицъ были мы, Когдабъ монхъ совътовъ онъ послушалъ. Теперь мы силу тратимъ понапрасну, И время дорогое губимъ здъсь, Подъ этою скалою неприступной; А Императоръ Максимиліанъ Vigodes 11, and the one resident V Успъетъ между тъмъ изъ всей Европы Собрать людей военныхъ, и утративъ Отд. 1.

Силу всю и бодрость, мы должны Сопротивляться свъжему врагу. Такого безразсудства не видаль я!

Пріятель! голову побереги!

A.I II.

Да и твоя не кръпче въдь моей,

Хоть смотринь ты на глупость терпъливо?

Воть, если завтра кръпость намъ не сдастся,

То пострадаемъ мы за безразсудный

Его поступокъ, — кровно рабовъ

Онъ собственной вины омоетъ злобу.

II.

тьже, мегеметь.

мегеметъ (кричитъ за сцену.)

Велите отступать! оставить приступъ!
Напрасно крови много пролилось,
Усилья тщетны. Поскоръй скачите!
Велите сборъ трубить!—Проклятый день!
(Обращается къ Али.)

Худое предсказаль ты намъ, Али,

AJU.

Да, точно, многое предвидълъ я;
Но этой мудрости Султанъ не любитъ
И худо бы онъ наградиль пророка.
Чего сегоднишній намъ стоитъ приступъ?

METEMETE.

Три тысячи отборнаго народа. В вы не видали, этотъ Црини, какъ прини на видали, этотъ Црини, какъ прини на видали н

MYCTA OA. IS GET THET YAMON ATSERV

А какъ дрались отважно янычары.

HLA

Что пользы въ храбрости, когда враги,
Въ безумствъ жертвуя собой за въру,
Идутъ на смерть, какъ на веселый пиръ!
Повърьте мнъ, друзья, я знаю венгровъ:
Въ нихъ тотъ же обитаетъ духъ, который
Подъ Родосомъ у насъ похитилъ столько
Людей храбръйнихъ, а подъ Мальтой славу.

METEMETS.

Султанъ еще не выходилъ къ вамъ?

Нать.

Мы ожидаемъ здъсь его.

MERENETS.

Но, тише!

Мнъ кажется, что онъ сюда идетъ.
Дай Богъ, чтобъ выслушалъ онъ терпъливо
Мое извъстье; съ этакимъ докладомъ
Опасно приходить ко льву.

AMERICAN AUSTRALE OF LOODING AMERICA R

Идеть!

мегеметъ.

Али, пожалуйста, замолви слово, Коль ръчь моя не убъдить его.

III.

тъже, солиманъ.

солиманъ.

Что скажень, визирь?

мегеметъ.

Приступъ прекратили.

Ils spanoon ermann use retra opyail;

Minister and Control of the an amount

солиманъ.

Какъ, прекратили? – Кто же приказалъ?

Я отступить вельль, когда увидьль, Что тысячами янычары гибнуть Безъ всякой пользы, чтобъ сберечь народъ твой На день счастливъйшій. Не долго стъны Сопротивляться могутъ нашимъ пушкамъ, Онъ падутъ, тогда войска твои Безъ всякаго урону хлынутъ въ городъ И водрузять луну на башняхъ замка.

солиманъ.

Я знаю такъ же, Сигетъ долженъ пасть; Но мнъ минута дорога и я Милльонами людей купить ее Готовъ! - Ничъмъ потеряннаго дня Вознаградить нельзя. Къ тому-жъ донынъ Я не берегъ людей; ужель теперь, Предъ смертью, я скупиться научусь? Меня ты знаешь, Мегеметь, такъ бойся: Мой гиввъ тяжелъ, онъ можетъ раздавить Тебя!

MELENETE.

Великій государь! виновенъ Я прелъ тобою; но умыселъ хорошій Причиной былъ неправаго поступка.

солиманъ,

Повиноваться долженъ рабъ, а думать Есть дъло господина, помни это! Чтожъ ты еще стоинь? Чтожъ медлинь ты? Сейчасъ на приступъ! - Я хочу, чтобъ шли На приступъ! - Еслижъ не пойдутъ охотно, Вели собаками ихъ на стъну Травить!

АЛИ.

Великій государь! дозволь Рабу смиренное промолвить слово.

солиманъ.

Ты что еще мнъ скажень?

AAH.

Отложи

До завтра приступъ. Въ эту ночь велю я По кръпости стрълять изъ встхъ орудій;

Повърь, не долго устоить она. Венгерецъ плънный пусть тебъ разскажеть, Какъ сильно укръпленіе Сигета. Даруй войскамъ усталымъ краткій отдыхъ! Благоразумною отсрочкой больше Мы сдълаемъ, чъмъ этакою битвой. Побъду силой вынудить нельзя. Consume distribution of the state of the sta

солимант.

А я хочу принудить ее силой!

Припомни Мальту!

COLUMNITA COMMISSION N ASSESSMENT

Смерть и адъ!... Али!

distant warrants on heavily

Не поминай мнъ этого, когда ты Figure souspeaments, the Crows orn. Главою дорожишь! —Я слишкомъ много И такъ ужъ отъ тебя переношу.

Моею жизнію располагаешь ты.

солиманъ.

На этотъ разъ тебя за то прощаю, Что мнъніе свое сказаль ты мнъ Въ лицо, безъ страха. Я люблю ту правду, Что самой смерти не боится. Въ знакъ Султанской милости моей, внемлю Твоимъ словамъ и приступъ отлагаю. Ко мнъ венгерца приведите!

Сейчасъ,

Воть, государь; уже ведуть его.

MYCTA DA.

Живаго-бъ мы его не захватили, Но саблей янычарской онъ въ лицо Жестоко раненъ и безъ чувствъ съ коня Упалъ; лишь на рукахъ врачей Очнулся здъсь. — Да вотъ онъ самъ идеть. Горить еще въ очахъ его отвага, Хотя всв силы въ немъ изнемогаютъ.

IV.

TERE, BEJAKH.

Двое турокъ вводять его, тяжело раменнаго и утомленнаго. солиманъ.

Наружность благородная всегда Свидътельствуетъ о душъ великой. Люблю въ своихъ врагахъ такую гордость. Скажи, мнъ, юноша, кто ты таковъ?

вилаки.

Венгерецъ и христіанинъ, и тъмъ Вдвойнъ твою ненависть возбуждаю. —

Ужель воображаень ты, чтобъ сталъ я Людей по одиначкъ ненавидъть? Надменный ты мечтатель! — Солиманъ Въ своихъ моряхъ не разбираетъ капель; — Мой гнъвъ разитъ лишь цълые народы. — Признайся мнъ: каковъ теперь вашъ Сигетъ?

Сперва имъ овладъй, тогда узнать Ты это можень самъ

> мегеметъ. Презрънный рабъ

> > Royal Decreased Sim

Какъ смълъ ты этакъ отвъчать Султану?

Ты можень быть его рабомъ, — не я. — Свободные Венгерцы лишь предъ Богомъ Склоняются, да предъ своимъ монархомъ.

СОЛИМАНЪ.

Ты мнъ понравился, христіанинъ! Люблю, кто смъло говорить врагамъ Въ лицо, что только сердце бременитъ. — Я бъ столько не трудился съ вами, еслибъ Не зналъ венгерцевъ мужество и силу. — Пріятно льву, когда медвъдь предъ нимъ Смирится; — что за радость, если только Царемъ его признаютъ псы да кошки? —

of agreen and oll

tenta har and

The cross com Proper

BHAAKU.

О, левъ! страшись ты этого медвъдя, Не испугается твоей онъ гривы. —

Такъ когти испытаетъ опъ мои!
Теперь, христіанинъ, скажи мив правду,
Какое состояніе Сигета? —
И скороль я на покоренныхъ башняхъ,
Успъю водрузить святое знамя? —
А если твой языкъ надменный будетъ
Упорное молчаніе хранить, —
То средства я найду его принудить. —

Что ты услынинь отъ меня, Султанъ, Не стоило-бы право столькихъ словъ. Совътую тебъ оставить Сигетъ; У этихъ стънъ свое ты счастье губинь. — Нашъ замокъ не уступить ла-Валеттъ, А венгры стоютъ рыцарей Мальтійскихъ. — Святаго Михаила градъ безъ пользы Ты во второй разъ будещь осаждать.

Всю Африку поработиль ужь я
И Азін законы предписаль, —
А ты, глупець, воображаень, что
Твоихъ венгерцовъ горсть непобъдима?
Сюда привель я войска двъсти тысячъ,
И всю Европу покорить могу,
А этой кръпости и прахъ развъю. —

БИЛАКИ.

Предъ силой твердою и множество
Твое не устоить. — Въ Сигетъ нашихъ
Числомъ не много; но и двъсти тысячъ
Твоихъ, едва-ли могутъ имъ ровняться, —
Венгерцы всъ за край свой и за въру
Умъютъ славной смертью умирать,
Не въ буйномъ изступлени, какъ турки,
А хладнокровно, смъло и покойно? —

солиманъ.

Въ томъ нътъ сомнънья, всъ они погибнутъ, Какъ дерзкіе пловцы въ волнахъ буруна, И съ ними память ихъ умретъ на въки. —

вилаки.

Нъть. Солиманъ! ихъ память не умреть, Она, какъ въчное свътило, будетъ стивноровой и и поворения Потомство озарять лучами славы. Величественно въ покоренный міръ Со славой побъдителя вступать; Но мнъ повърь, есть слава выше этой! Величественный умереть за выру За родину свою, за государя, И смертію геройской искупить Своихъ согражданъ отъ цъпей позорныхъ. Тебя, Султанъ, судить потомство будетъ, И заклеймитъ проклятьями своими Какъ притъснителя! — Припомни это! — Смотри! — рабы твои затрепетали, Что я дерзнулъ столь страшныя слова Сказать въ лицо Султану самому. — Да, Солиманъ; проклятія потомства Надъ памятью твоею разразятся! — Побъда хоть въ бояхъ тебя вънчала; or amos sedence, conver des A Но слава, что на трупахъ ты народовъ И на развалинахъ себъ воздвигнулъ, Не столь еще стоитъ высоко, какъ Возвысился Филиппъ де-ла-Вильетъ Геройскимъ мужествомъ своимъ и смертью, Хотя онъ быль и побъждень тобою. Теперь, Султанъ, пусть палачи придутъ; Я къ смерти самъ себя приговорилъ. Что я теперь дерзнулъ тебъ сказать, Навърно болъе никто не скажетъ! —

COAUMAND.

Жристіанинъ! — свободенъ ты. — Что нужды
Лунъ, что на нее собака лаетъ?

Клянусь Аллахомъ! очень мало я Тебъ дарую, оставляя жизнь. Она великимъ людямъ дорога лишь, А пресмыкаться въдь не значить жить.

BUJAKU.

Цъной презрънья не куплю я жизни! Ты долженъ уважать меня, Султанъ, И умертвить! -Herari-da enan anesana fase its natife

COAHMAND.

Христіанинъ! давно

Я разучился уважать людей.

в и л к и срываетъ съ себя перевязку.

Такъ научись теперь! — Не принимаю Пощады отъ врага! — Пролейся кровь Моя, здъсь или въ битвъ, все равно, Я все-жъ умру за въру, за отчизну. Да здравствуетъ мой Императоръ! — И да погибнутъ всъ враги его! — (Упадаетъ.)

солиманъ.

Безумный! — Счастливъ Императоръ, если Онъ много этакихъ друзей имъетъ, Когда въ немъ искра жизни не угасла, То прикажите оживить его! (Билаки уносять.)

Com graphy and -- are maders made

тьже безъ вилаки.

СОЛИМАНЪ, ЗАДУМЧИВО. Ho reserve appear was abreate, a

Mineyen sopera . . . . Boyer ich so

Онъ роковое слово произнесъ! мегеметъ.

Венгерца смълыя слова Султана Жестоко поразили, онъ задумчивъ. —

Я что-то опасаюсь за него.

Harry of Street nemators at 18 at 18

Сегодня утромъ я засталъ здъсь Леви, Того искуснаго врача еврея; На мой вопросъ, здоровъ-ли нашъ Султанъ?

Плечами пожимая, онъ отвътиль, Что Солиманъ въ походъ этомъ много Утратилъ силы. — Радость и побъда Необходимы, чтобъ возжечь опять Въ немъ угасающій свътильникъ жизни. -MYCTAGA.

Бользнь его примътно истощаетъ. — Когда-бы сила прежняя была въ немъ, Такъ не простилъ-бы онъ венгерца дерзость.

мегеметъ.

Объ чемъ то онъ задумался? — Смотрите, Какъ мрачно бровь наморщилась его. Пойдемте прочь, пусть размышляеть онь. — (Отходять всторону.) солиманъ.

Photograph - Canada

Сознайся, Солиманъ, не ожидалъ ты Отъ плънника столь дерзостныхъ ръчей, Вторую Мальту ты не думалъ встрътить? Но въ міръ существують еще люди, Которыхъ должно уважать невольно. -И если всв въ Сигетв мыслять такъ, Какъ этотъ юноша, то безразсудно Терять столь драгоцанныя минуты Въ борьбъ безсильной съ этакимъ народомъ, Который самъ себя на смерть обрекъ. Они умрутъ, - ихъ участь неизбъжна, Хотя-бъ тълами янычаръ наполнить Всъ рвы вокругъ Сигета надлежало. — Но время, время все летить, а мнъ Минута дорога.... Вотъ въ чемъ задача! Не съ тъмъ я шелъ, чтобъ Сигетъ покорить, Не съ тъмъ, чтобъ пріобръсть пядень земли, Не съ тъмъ вооружился я, чтобъ этихъ Отчаянныхъ венгерцевъ истребить; Въдь я хотълъ поработить Европу, Хотълъ съ развалинъ покоренной Въны Германіи законъ свой предписать. И чтожъ? теперь подъ этими станами

Въ борьбъ безплодной время убиваю И силы истощаю! — Для чего-же? — Чтобъ выгнать Црини съ шайкою венгерцевъ Изъ этого гивзда. — Безумецъ я. Ужели этакъ славный въкъ свой кончу! Ужель послъднюю здъсь силу я Въ борьбъ ничтожной истощу напрасно? Клянусь Аллахомъ! нътъ! Тому не быть! Я чувствую, что жить осталось мнв Не много; смерть ужъ серпъ свой наточила За тъмъ скоръй Сигетомъ и Гиулой В овладъть хочу, чтобы вступить Въ послъдній бой съ Максимильяномъ. Такъ ръшено! - Я покорилъ весь міръ И государство покорить могу. Сигетомъ овладъть я долженъ. — Какъ? — Мнъ все равно. — Онъ долженъ быть моимъ! За это я всъмъ жертвовать готовъ. Визирь!

визирь.

Что мнъ прикажень, государь?

Скоръй отправься въ Сигеть и потребуй, Чтобъ графъ съ тобой вступилъ въ переговоры Скажи ему, чтобъ онъ мнъ кръпость сдалъ, Его сопротивленье безполезно. Скажи, что я Кроацію ему Въ наслъдственное отдаю владънье; И сверхъ того потребовать онъ можеть Сокровищъ, сколько хочетъ; мнв теперь Сигетъ всего дороже. - Да скажи, Что я союзникомъ своимъ и другомъ Его приму. .. чтобъ онъ лишь сдался мнъ. Да не забудь, ты слышишь, королевство Кроацію въ наслъдственный удълъ.... Name agreed tel, appear agon, Употреби всю силу убъжденья; Taxonon are a select in-irepresent Я награжу тебя, какъ никогда

Еще не награждали государи, Линь только-бъ онъ мнъ сдался.

MEFEMET'S. Jam as sengli sturium abort

Государь!

Я знаю Црини, онъ не согласится.

солиманъ.

Онъ долженъ согласится, — я хочу!

А если онъ откажется — скажи,

Что взявши кръпость, всъхъ я переръжу,

Не пощажу младенца во утробъ,

Жену и дочь отдамъ на поруганье

Своимъ рабамъ. — Да, кстати, говорятъ,

Что молодой графъ Црини въ плънъ захваченъ?

мегеметъ.

Мы върно этого еще не знаемъ.

CO J HM A H &. TO de d'Into ton October y por If

Но все равно! скажи ему, что сына
Мы захватили въ плънъ и если онъ
Намъ тотчасъ кръпости не сдастъ, до смерти
Замучить плъннаго я прикажу;
Мученія изобръту такія,
Что самый адъ отъ страха содрогнется.
Представь съ одной ты стороны корону,
Съ другой истерзанное тъло сына.
И если онъ съ восторгомъ пе возьмется
За королевство, то — клянусь пророкомъ!
Сознаться долженъ, что ощибся въ людяхъ....
И этотъ мигъ жестоко отомститъ
За міръ, которымъ наругался я!

(Вев уходять)

Community of the same and the second

This partie of the total versus T

VI.

(Зала въ Сигетъ.)

прини, алапи, папрутовичъ, юраничъ, и другіе венгерскіе кавалеры.

црини.

Какъ думаете вы, друзья мои, Удерживать-ли долъе намъ городъ? Возможно-ли на стъны положиться, Чтобы второй онъ сдержали приступъ? Или зажечь намъ хижины гражданъ, И собственной рукою то разрушить, Чего мечемъ не можемъ защитить?

юранпчъ.

О! пощади невинныхъ, мой отецъ!

Граждане, ввъривши защитъ нашей

Свое имущество и домы, ждутъ-ли,

Чтобъ мы-же сами пламенникъ пожара

Забросили въ ихъ мирныя жилища,

Въ которыхъ безопасными себя

Подъ нашею защитой почитаютъ?

Въдь кръпки стъны, воины отважны; —

Дождемся приступа еще. Враговъ

Быть можетъ наше мужество смутитъ,

И видя тщетный трудъ, они отступятъ;

Такъ городъ императору спасемъ мы

И сохранимъ имущество гражданъ.

прини.

Люблю тебя за то, что ты такъ жарко
Вступаешься за благо согражданъ;
Такія чувства честь тебъ приносятъ
И благородную являютъ душу.
Ты младшій здъсь по льтамъ, хоть заслуги
И храбрость въ рядъ тебя съ другими ставятъ;
И безъ военной опытности ты
Ръшить не можень, какъ намъ поступить.
Скажи, мой другъ Алапи, что ты мыслишь?

Желаль-бы я послъдовать совъту

Юранича, сберечь несчастный городъ;

Но валь обширенъ слинкомъ, нашихъ мало

И мы не можемъ буйныхъ янычаръ

Во всъхъ концахъ удерживать набъги.

Къ тому-жъ и укръпленія почти

Разбиты ядрами Али-Портука.

Ужъ башни рушились, разбитый валъ

Отъ перваго разсыплется напора. За тъмъ пускай граждане поскоръе Перенесутъ имущество свое И сами перейдуть къ намъ въ старый городъ А новый мы зажжемъ со всъхъ сторонъ. Пускай-же онъ сгорить до основанья, Такъ въ немъ Али не можетъ укръпиться. ценни.

И я согласенъ съ этимъ, пусть горитъ ПАПРУТОВИЧЪ.

Однако миз ужъ вовсе непонятно, Когда подумаю, что императоръ Съ восьмидесятью тысячьми близъ Рааба Стоитъ и намъ не думаетъ прислать Помоги. — Ужели онъ не дорожитъ Нисколько ни своимъ народомъ върнымъ, Ни кръпостью, ни жизнію героя? Не понимаю, право, - какъ возможно....

црини.

Toral courses damenterous

Vice feeden printing, printing mans

Другъ! не ропщи на добраго монарха; Онъ удрученъ трудами и заботой О безопасности всего народа. Я знаю, втайнъ онъ страдаетъ много, Что принужденъ обречь на гибель Меня и върный мой отрядъ; но воля Монарха для меня законъ священный, Я преклоняюсь предъ его величьемъ! Отчизнъ мы приносимъ пользу здъсь, Врагу сопротивляясь, между темъ Собрать войска успъетъ императоръ. Что значить наша малая толпа Въ сравнения съ огромнымъ государствомъ? Кто море хочеть удержать, тоть капель Потерянныхъ считать не долженъ. Къ тому-же государь имветъ право пра Для блага многихъ милліоновъ въ жертву Горсть подданных своих принесть.

тыже, вентерскій кавалеръ

KABAJEPE,

Графъ Црини!

Ко думан, что учто се вастанеч-

Одинъ изъ предводителей турецкихъ
Подъвхаль къ кръпостнымъ вратамъ, желая
Съ тобой переговоръ имъть о миръ —
Отъ имени султана своего.
Онъ говоритъ, что только до тебя
Касается его препорученье,
И быть съ тобой наединъ желаетъ.

ценния собразования принеж премор-

Принять-ли мнъ его?

AJAUU.

Да не мъшаетъ,

Желалъ-бы я узнать, что скажеть онъ?

Введи его сюда. — А вы побудьте
Покуда въ ближней залъ и войдите,
Когда васъ позову. — А между тъмъ
Отдайте приказанье, чтобъ граждане
Свое имънье къ намъ переносили,
Да приготовьте смолу и огонь,
Со всъхъ концевъ чтобъ городъ запылалъ,
Когда я знакъ подамъ. — Спънните къ дълу!

(Вст уходять, кромт Црини.)

VIII.

црини одинъ, подходить къ окну и глядитъ на городъ

Покойся, бъдный городъ! — Мирный сонъ

Еще паритъ надъ кровлями твоими.
Оружій смолкнулъ громъ! Отъ долгой битвы
Покоются усталые враги.
Спокойно все на улицахъ и тихо,
Безпечно, какъ во время мира; каждый
Занятіямъ обычнымъ предается.
Они свои ворота запираютъ,

Не думая, что утро не настанеть, Въ которое растворять ихъ опять. Они не въдають, что молнія, Готовая нарушить мирный сонъ ихъ, Надъ ними ужъ несется въ грозной тучъ, И ждеть лишь знака моего, чтобъ вспыхнуть,... Одинъ приказъ мой счастье ихъ разрушитъ. Творецъ мнъ ввърилъ этихъ мирныхъ Гражданъ, а я уничтожаю ихъ? И смъю-ль я располагать ихъ жизнью? Я собственную жизнь могу отдать, Друзей своихъ, жену и дочь могу На жертву принести; они свободно Съ моей судьбой свою соединили, И безъ вины идуть со мной въ погибель! Но эти бъдные? — Дерзну-ли я Предупреждать десницу Провидънья? И смъю-ль разрушать, чего не строиль? Что значить этоть робкій тренеть сердца? Что значать эти слезы, старый воинъ? -Отчизна требуетъ руки твоей, Такъ чувствъ своихъ ты спранивать не долженъ.

X

ЦРИНИ, ВЕНГЕРСКІЙ КАВАЛЕРЪ П МЕГЕМЕТЬ-КАВАЛЕРЪ.

Турецкій князь.

цеппи.

Я жду — веди его.

(Кавалеръ уходитъ.)

mounted water a make and

METENET'S BYOAHTS.

цеини.

Танъ это ты, великій визирь! Съ чъмъ-бы
Ты присланъ ни быль, радъ тебя увидъть.
Должно быть важное султанъ желаеть,
Что перваго изъ воиновъ прислалъ.

METEMETT.

Великій повелитель, Солиманъ

Тебъ свою монаршую шлетъ милость,
Притомъ тебя и всъхъ твоихъ собратій
Онъ приглашаетъ къ добровольной сдачъ,
И уважая мужество твое,
Желаетъ отъ бъды тебя избавить,
Которой не избъгнешь ты, когда
Въ твою онъ кръпость силою взойдетъ.
И потому всъ требованья онъ
Твои исполнить хочетъ, если нынъ
Ты эту кръпость сдашь его войскамъ.
Въ противномъ случаъ онъ клятву далъ,
Ее насильно взявши, безъ пощады
Мужей и женъ, дътей и старцевъ, всъхъ
Принесть на жертву гнъву своему.

црини.

Напрасно ты трудился, Соколовичъ, Когда за этимъ лишь пришелъ сюда. Я Црини, — вотъ отвътъ мой Солиману. А если уважаетъ онъ меня, Зачъмъ-же требуетъ такой измъны? — Взявъ приступомъ нашъ замокъ, онъ свободенъ Свиръпствовать, какъ хочетъ; въ томъ судитъ Его Всевышній будетъ. — Я-жъ исполню, Что мнъ повелъваютъ честь и долгъ. —

Подумай, Црини! ты въдь не одинъ;
Съ твоей женою, съ дочерью что будетъ?
Султанскій гнъвъ и женъ не пощадитъ,
Онъ ихъ предастъ рабамъ на поруганье.
Ты можешь въ битвъ умереть, какъ воинъ,
А женщины твои въдь беззащитны.
Подумай, Црини! Я такъ содрогаюсь
Отъ мысли, что столь нъжныя созданья,
Подвергнутся мучительнъйшимъ казнямъ.

црини.

Великій Визирь! ты умъешь славно Изображать ужасныя картины, Такъ, что невольно застываетъ кровь.

метеметъ.

Послушайся совъта моего!

цеппп.

О, бъдный турокъ! ты еще не знаешь Дуневнаго величья нашихъ женъ! Вели готовиться своимъ рабамъ! Но знай: моя жена и дочь умъютъ Во время умереть.

мегеметъ.

Да, въдь не даромъ
Онъ хочетъ, чтобъ ты кръпость сдалъ ему,
И цъну предлагаетъ онъ большую.
Кроацію въ удълъ тебъ даруетъ,
Въ наслъдственное обладанье, сверхъ
Того, сокровищъ, сколько пожелаешь,
И хочетъ, какъ союзника и друга,
Тебя осыпать почестью и славой.

цепнп.

to acres and the

Стыдись, великій визирь, предлагать

Такое посрамленье графу Црини!

Скажи султану своему, что честь

Венгерцу всъхъ даровъ дороже.

Меня и весь народъ мой истребить

Онъ можетъ, — честь-же мнъ оставить долженъ.

Ее отнять не въ состояньи онъ

Ни силою, ни лестью, ни обманомъ;

Для этого коротокъ бичъ султанскій.

MEFEMET L.

Когда ничьмъ тебя не убълшиь,

Такъ слушай-же послъднее ты слово

И трепещи! — Твой сынъ у насъ въ плъну.

И если ты не сдашься, то султанъ

Клядся такія выдумать мученья,

Которыя-бъ изъ дьявольскаго сердца

Могли исторгнуть слезы состраданья.

Предавъ лютъйнимъ казнямъ тъло сына,

Онъ отомстить настойчивость отца! отных высельный выполня выбак

прини умани ствоитоварот прог.

Мой сынъ!... Георгъ!... о, Боже! тяжела Твоя десница !...

мегеметъ.

Что, рашился-ль ты?

Ужъ палачи готовы.

Я рашился в принцип в прин

Давно. — Не измъню своей отчизнъ! Казните, мучайте его, терзайте, Георгъ мой сынъ и съ честію умреть!

> (Кричить въ дверь.) Tenena unertari - Appea

> > Conference our Managery

Папрутовичъ! зажгите новый городъ! У Господа какъ милости просилъ я, Чтобъ сынъ мой умеръ за святую въру, Какъ умирали нани предки съ честью; Господь мое моленіе услышалъ. Умретъ-ли онъ подъ вашими мечами, Иль подъ съкирой вашихъ палачей; I worder with the constant of the same of the Какое дъло, — онъ умретъ за въру И за спасеніе роднаго края!

(Кричитъ оъ дверь.)

Зажгите новый городъ! пусть горитъ! -Спросите сына моего подъ пыткой, Согласенъ-ли онъ искупить моимъ Позоромъ жизнь свою. — Да, да — спросите! — Мой сынъ не согласится — и умретъ.

мегеметъ.

Предъ этакимъ величьемъ преклоняюсь!

пранп.

Повърь, послъдній изъ монкъ собратій Готовъ идти на смерть безъ содроганья. Повърь, визирь, жена моя и дочь Тебъ отвътять также, какъ и я. Но ты отвъть ихъ самъ услышать можень.

Жена, Елена, всѣ, друзья идите в настройского причина и Сюда, торжествовать побъду нашу!

X.

Mon election, Loopen to house aure in

ТЪЖЕ, ЭВВА, ЕЛЕНА, ЮРАНИЧЪ, АЛАПИ, ПАПРУТОВИЧЪ И ВЕНГЕР-СКІЕ КАВАЛЕРЫ.

BBA.

Чего желаешь, мой супругь? — Твои Черты какимъ восторгомъ оживились?

АЛАПИ.

Въ твоихъ очахъ пылаетъ вдохновенье!

цепни.

Теперь внемли! — Друзья, скажите сами! Не добровольно-ль вы клялись предъ Богомъ За родину святую умереть?

всъ мужчины.

Свободно мы клялись, безъ принужденья.

цепни.

Вы женщины, ему скажите тоже, Готовы-ль вы принять ударъ смертельный За честь свою и за святую въру?

эвва.

Я съ радостью иду съ тобой въ могилу.

EAEHA.

Невъстъ воина смерть не страшна.

црини, простираетъ къ нимъ свои объятія.

Придите къ сердцу моему! — 0, Боже! Какое ты блаженство мнъ даруень!

(Группа, — въ окнахъ виденъ отблескъ пожара и ракеты, пролетающія вверхъ).

папрутовичъ.

Воть ужъ ракеты въ городъ полетъли,
Уже онъ запылалъ съ семи концевъ.

цепни.

Теперь, визирь, ты можешь передать Султану своему, какъ мыслить Црини... Скажи, что весь народъ съ нимъ за одно.

Но прежде, чъмъ ты путь свершишь обратный,

Ему пылающій объявить городъ,

Что Црини смерть позору предпочелъ,

Что честь ему дороже всъхъ сокровищь,

А родина дороже жизни сына.

Теперь на насъ идите! — Мы готовы;

И ни одинъ живой не сдастся вамъ,

Не станутъ насъ обременять оковы,

Развалины могилой будутъ намъ! —

(Занавъсъ опускается быстро.)

ДЪЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внутренность султанской палатки.

I.

солиманъ сидитъ въ большомъ изнеможени, леви стоитъ позади его, мегеметъ входитъ.

мегеметъ спрашиваетъ Леви.

Каковъ нашъ повелитель?

AEBII.

Очень слабъ; -

Я опасаюсь за него.

METENETE.

Давно-ли

Усилилась бользнь его?

JEBI.

Съ-тъхъ-поръ,

Какъ изъ Сигета возвратились вы....

Я полагаю, ваше донесенье
Совсьмъ разстроило его здоровье.
Онъ тотчасъ приказалъ позвать меня
И я засталъ его въ волненьи страшномъ,
Глаза горъли, кровью налитые,
И судорожно грудь его вздымалась.
Когда второй вамъ приступъ не удался,

И третій, и четвертый, такъ же пятый,
И какъ взорвали стъны наконецъ,
А Црини затворился въ самомъ замкъ
И все-таки не сдался намъ, тогда
Послъдняя въ немъ сила истощилась
И злоба сильно вдругъ поколебала
Все основанье жизни. — Мертвыхъ онъ
Тогда велълъ всъхъ счесть; и лишь пятьсотъ
Отчаянныхъ венгерцевъ насчитали
На мъстъ битвы, нашихъ-же они
Съ собою уложили много тысячъ. —
Все это такъ подъйствовало сильно
И такъ Султана изнурило, что,
Быть можетъ, завтра ужъ его не станетъ.

MEFEMETS.

Теперь ты насъ оставь наединъ. Великій повелитель я принесъ Тебъ счастливое извъстье отъ Петовъ-Иаши. — Племяннику его, Бебеку, Керечипъ — Гіулу сдалъ.

СОЛИМАНЪ.

Что мнъ до этого! — Скажи Сигетъ Намъ сдался и возьми себъ Египетъ.

мегеметъ.

Король Іоаннъ потребоваль тоть замокъ. Четыре сотни тысячъ гульденовъ Паша просилъ съ него; но онъ не хочетъ Платить, и канцлера прислалъ...

СОЛИМАНЪ.

Заплатитъ,

Иль кръпость я оставлю за собой!
И такъ ужъ на слова его надъясь,
Предприняль я войну безъ всякой пользы.
Онъ увърялъ меня, что императоръ
Максимильянъ сопротивляться мнъ
Теперь не въ силахъ, будучи въ раздоръ
Съ германскими князьями, сверхъ того,

Онъ объщалъ мнъ конницы отрядъ
Прислать, да и венгерцевъ онъ склонить
Хотълъ, чтобъ приняли меня, какъ друга.
Что-жъ вышло? Императоръ ужъ успълъ
Вооружить огромнъйшее войско,
Венгерцы какъ врага меня встръчаютъ
И всадниковъ его отрядъ не прибылъ.
Обманывать я отучу его!
Скажи ему, что гнъвъ султанскій страшенъ!

Уже подобное онъ слыналъ слово. Но канцлеръ говоритъ, что венгры имъ Клялись, намъ всякую являть услугу, И что они отъ клятвы отказались, Когда ватаги наши стали жечь Ихъ села. Что-жъ до императора, То короля извъстья обманули.

СОЛИМАНЪ.

мегеметъ.

А конница? что скажеть онъ на это? мегеметъ.

Онъ возражаетъ, что на Дравъ мостъ Поставленъ не былъ, потому отрядъ Его, по договору, не успълъ Соединиться съ нашими войсками.

СОЛИМАНЪ.

Да кто-же ставилъ мость?

мегеметъ. Нашъ Гамза-Бекъ солиманъ.

Казнить его! Терпъть не стану, чтобъ Рабы вину свою слагали на другихъ Казни и словъ его отнюдь не слушай, Когда и онъ оправдываться будетъ.

(Мегметъ уходитъ.)

Our oftenact the summer water. II

солиманъ, леви

COAHNAH'S.

И я достигъ конца своихъ побъдъ. Отъ гивва моего еще недавно Все зданіе вселенной трепетало. И чтожъ теперь? — лежу въ изнеможеньи Подъ этою скалой, остатокъ силы Гублю напрасно — славный путь мой конченъ. Левъ долженъ умереть!

Да, умереть !... COAHMANT

Проклятая сова! ты повторяень?

AEBH.

Прости раба, великій государь! Своей печали я скрывать не въ силахъ Возможно-ли не плакать, не стенать, Когда на небъ то свътило меркнетъ, Что въкъ свой озаряло блескомъ славы? -И я боготворилъ его сіянье, И я, ничтожный, жиль въ его лучахъ, И вмъстъ съ нимъ исчезнутъ и мои Всв радости, всв свътлыя надежды! СОЛИМАНЪ.

Такъ умереть мнъ должно — неизбъжно?

Напрасно-бъ я надежду воскрешалъ. Утышься тымь, ты вычно будешь жить.... Великъ ты былъ въ бояхъ, великъ и въ миръ, Ты въчный храмъ себъ соорудилъ, И слава имя Солимана Вписала ярко на скрижаль въковъ.

СОЛПМАНЪ.

Такъ умереть я долженъ?

AEBIL.

Если чуда

Господь не совершить, такъ завтра-же

Заплачеть о твоей кончинь міръ.

COMBMANT.

Сегодня день какой?

AEBH.

proceed wood Exercise on -1, 2000 manage off

Theory, it along the assessment are all the the

День годовщины

Твоей побъды надъ Людовикомъ,
Паденья Родоса и взятья Буды:
Для рода твоего счастливый день.
Селимъ, великій твой родитель, тоже
Въ этотъ день побъдой былъ увънчанъ.

COAHMANT.

О, Црини! Прини! твой конецъ насталъ!

Value III. roles for amin aranian forgoes . 0

ТЬЖЕ, МЕГЕМЕТЬ, БЕГЛЕРЪ-БЕКЪ, МУСТАФА, АЛИ-ПОРТУКЪ.

мегеметъ.

Твое, султанъ, исполнилось велънье, Глава измънника скатилась съ плечъ.

солиманъ.

На приступъ всв! на приступъ поспъщите!
Сегодня день побъды при Мохацъ,
Родосъ и Буда пали въ этотъ день.
Скоръй на приступъ! всъ рабы на приступъ!
Сегодня и Сигету надо пасть!
На приступъ все гоните войско! — Это
Гнъздо падетъ сегодня! — Да; оно
Разрушиться должно! скоръй на приступъ!

(Беглеръ-Бекъ, Мустафа, Али уходятъ.)

IV. on branch are equal from the

солиманъ, мегеметъ, леви. (Трубный звукъ.)

I'm faspuspiter cons fuentinel figures. I Hyera vertica paratriaensias perila event

солиманъ.

Я упадаю, — поддержи меня! Аллахъ! продли мое существованье Лишь до-тъхъ-поръ, когда бунчукъ побъдный На башпяхъ покоренныхъ разовьется! METEMETER SHIPHON BOOK O STOPSEURS

Султанъ великій! удержи свою Ты жизнь и силу; — съ давнихъ поръ природа Тебъ привыкла покоряться.

солиминь. Смерть

Смъется надо мной, какъ этотъ Црини.

А!... слышишь-ли ты грохоть барабановъ
И звуки грозные военныхъ трубъ?
Вотъ эта пъснь любимая моя,
Она во всъхъ сраженіяхъ гремъла,
Мнъ возвъщая торжество побъды,
И эту пъснь въ послъдній разъ я слышу.
О, счастье! ныньче лишь не измъни мнъ!

О, государь! не завъщаешь-ли
Рабу покорному своихъ желаній?
Довърь души своей заботы мнъ.

солиманъ.

Душа героя знаетъ-ли заботы? Я жилъ въ бояхъ и для одной лишь славы, Минуты счастья искупаль я кровью, И сладость жизни всю испилъ до капли! Моихъ дъяній грозный отголосокъ, Какъ громъ во всей вселенной отозвался, И въ трепетъ человъчество привелъ. — Мои дъла возбудятъ удивленье Позднъйшаго потомства и проложатъ Къ безсмертію себъ блестящій путь. Пусть червь, раздавленный моей стопою, Разскажетъ міру, что я шелъ по трупамъ И по развалинамъ, что милліоны Людей низринулъ я во мракъ могильный, Единственно по прихоти своей. Стенанья одного червя умолкнуть применення одного червя умолкнуть применення одного червя умолкнуть Отъ кликовъ милліоновъ ослапленныхъ Зарницею моей великой славы.

Одно великое не умираеть!

И въ гробъ подъ землей оно нетлънно!

OTHER ME B. HOLLES AND ST. ATTEND A TOOKING, ATHO

О, государь! побереги себя;—
Ръчь утомияеть грудь твою; одно
Успокоенье можеть подкръпить
Ослабъвающую силу.

солиманъ.

Эти заправорой в инова и дварой и дамини Н

Слова за върность лишь тебъ прощаю.
Глупецъ ты, если мыслишь, что кто жилъ
Подобно мнъ, захочетъ насладиться
Медлительно послъднимъ вздохомъ жизни,
И задремать въ объятьяхъ праздной нъги.
Лишь дъятельность жизнію считаю, —
Живетъ лишь тотъ, кто силы напрягаетъ,
А я до самой смерти жить хочу!

V. по под Монеционно пистопи R

тъже мустафа.

MYCTA PA.

Напрасно, государь, на смерть ты гонишь
Отборныя войска. — Какъ уязвленный
Пустынный левъ свиръпствуетъ тамъ Црини,
Рядами цълыми свергаетъ нашихъ;
Венгерцы всъ сражаются, какъ звъри.
Я этакихъ не видывалъ людей! —
Ужъ янычары не идутъ на приступъ.

солиманъ.

Такъ ихъ собаками вели травить, Бичами ихъ гоните, за рядами Поставьте пушки и стръляйте въ нихъ, Когда откажутся идти на приступъ. Я кръпость взять хочу, хотя-бъ канавы Главами янычаръ сперва наполнить, Хотя-бы трупы половины войска Сперва взгромить бы валомъ надлежало, Чтобъ чрезъ него другую половину

Низринуть въ адъ! — Сигеть намъ долженъ сдаться.

Онъ долженъ пасть, теперь, сейчасъ! идите!

На приступъ! — мнъ осталось жить мгновенье,

Я умереть хочу съ побъднымъ громомъ! — (Мустафа уходитъ.)

А! смерть! твое ужъ слышу приближенье.

(Слышны трубы и барабаны.)

мегеметъ

И кстати я пословъ своихъ отправилъ; Султанъ до вечера не доживетъ.

STATE BILL TO THE TANK THE PARTY AND THE PARTY IN

Великій государь! твой взоръ такъ мраченъ? Ужели смерть пугаетъ и героя?

COAHNAH'S.

Что значить смерть, чтобъ я ее пугался? И что героя можетъ устращить? Я-бъ умеръ весело въ тревогъ бранной, Иль торжествуя славную побъду, Я радостно простеръ-бы руки къ смерти И душу испустиль-бы съ восхищеньемъ. А этакъ умереть! - Но человъкъ Однажды долженъ побъжденнымъ быть. -И Магометь быль смертью побъждень, Великіе Селимъ и Баязетъ Покинули туманной жизни кругъ, Призыву грозной смерти повинуясь. Но побъжденнымъ умереть тому, Кто семьдесять шесть разъ весну встръчаль Со славой побъдителя! - Нътъ! это Терзаеть душу самого героя!

MEFEMETT.

Authorite approach monocular advention

Еще ты живъ, луну увидъть можешь На башняхъ покореннаго Сигета, А Црини голову у ногъ своихъ.

Summer VI. a Section of the contract of

тъже веглеръ-векъ.

БЕГЛЕРЪ-БЕКЪ.

Султанъ! ты побъжденъ, войска бъгутъ.
Паша Египетскій на мъстъ палъ,
Повсюду смерть войска твои разитъ,
Венгерцы торжествуютъ и во слъдъ
Побъдные намъ громы посылають.

СОЛИМАНЪ.

Тебя самъ адъ прислалъ, проклятый рабъ!

Сигетъ — онъ долженъ пасть! иди на приступъ! —

веглеръ-векъ.

Ужъ невозможно!

солиманъ всканиваетъ и кидаетъ въ него кинжалъ.

Въ адъ ступай, презрънный! —

(Упадаетъ въ кресла.)

На приступъ! я хочу, чтобъ шли на приступъ! (Умираетъ.)

л в в и.

0, государь мой!

МЕГЕМЕТЪ.

Тише! умираетъ.

Героя своего лишился въкъ нашъ. —

VII

ТЪЖЕ, АЛИ ПОРТУКЪ

MEFEMLT'S.

Въ могилу царскую вступаень ты, Душа героя отлетьла къ небу.

A A II.

Такъ слухъ правдивъ? — Все войско возмутилось, Оно предугадало смерть его. Визирь! намъ всъмъ погибель угрожаетъ, Коль хитростью не обольстимъ мы турокъ.

мегеметъ.

Намъ тремъ извъстна линь султана смерть, Я златомъ подкупилъ уже придворныхъ, А этого жида на въки смолкнуть Заставить мой кинжаль. (Къ придворнымъ.) Друзья, снесите

Султана вы во внутренность палатки, Cyarages and automated and contract they И тамъ меня дождитесь.

(Придворные упосять тело Солимана.) мегемета, обращаясь на Пашана.

Пословъ отправилъ въ Истамбулъ къ Селиму, Въдь мы давно всъ согласились въ томъ, Кому наслъдовать престолъ султанскій. Теперь мы тъло на престолъ посадимъ И въ сумракъ его покажемъ войску, Такъ всъхъ увъримъ, будто-бы онъ живъ. Потомъ мы пустимся на новый приступъ, И овладъвши замкомъ, къ Истамбулу Мы поспъшимъ, чтобы собрать Диванъ.

БЕГЛЕРЪ-БЕКЪ.

Уже ли этимъ кончится походъ? Ужель огромное все войско мы Собрали, чтобъ разрушить этотъ замокъ? И къ Вънъ не пойдемъ?

MEFEMETL

Паша, умърь

Свою охоту къ брани! Ужъ не время Намъ войны весть съ нъмецкими князьями. Да.... еслибъ этотъ Сигетъ не стоялъ, Какъ твердая скала, и эти венгры Здъсь не дрались, какъ бъщенные черти, Давно-бъ ужъ мы торжествовали въ Вънъ, И вся Германія передъ пророкомъ Склонилась-бы во прахъ; теперь же намъ Назадъ идти пришлось. Войска возстали, И въ Персіи мятежъ, къ тому-жъ Селиму Война съ венгерцами была противна.

A.A.H.

Твое благоразумье уважаю, Великій визирь! — вотъ рука моя.

other or stole production

БЕГЛЕРЪ-БЕКЪ.

Своихъ друзей въдь знаетъ Соколовичъ. Однако больно полководцу, что Нослъднее начатье Солимана O vesta green carried a work weems Отчаянный венгерецъ уничтожилъ.

METEMET D. WANTED AND THE CO. P. P. STREET, Теперь спышите къ войску и скажите, Что падишахъ нашъ живъ, что онъ намъренъ Truth Thomas on beneaters H Себя народу показать, а я Покамъстъ приготовлю....

BELTEPT-EEKT, AAH. До свиданья! METEMETT.

Прощайте! Ты иди за мною, Леви! (Вст уходять въ разныя стороны.)

VIII.

Подземный сводь въ Сигетъ.

чернекъ, неся зажженный факель; сводить по лестнице внизъ ЭВВУ и ЕЛЕНУ, въ скромной одежав,

чернекъ.

Графиня, вотъ сюда, за мной идите. Еще лишь двъ ступени.... Вотъ сошли.

BBBA. A DECEMBER OF THE RESERVE OF T

Что дълаетъ супругъ мой?

TEPHEK The contract of the con

Графа я

Тамъ видълъ на оградъ; онъ здоровъ И бодов. Тамъ снова нападенья ждуть. Въ турецкомъ станъ дъйствіе замътно. Юранича я встрътилъ у воротъ, Онъ перевязывалъ тамъ раны старцу. Вамъ барышня онъ кланяться вельлъ, И доложить, что графъ ему спасъ жизнь, Но что и онъ ужь долгъ свой отплатилъ.

EJEHA.

Ахъ! все къ погибели стремится онъ!

И жертвуетъ не только самъ собою, Но счастіемъ монмъ, мосю жизнью! эвва. Ода таковой оп опадор пападо

О чемъ тоскуещь ты? о чемъ мечтаещь? Елена! вспомни, что намъ предстоить! Считать-ли намъ грядущее мгновенье? Мы съ этой жизнію ужъ разочлись И удаляемся въ страну другую. Обитель наша въ запустъньи: окна И двери, всъ затворены, и мы Сидимъ предъ воротами, ожидая Вожатаго, который бы дорогу Къ отчизнъ радостной намъ указалъ. Еще въ саду цвътовъ прелестныхъ много, Взлельянныхъ въ счастливъйшіе дни, — Нарви ихъ! — и прижми съ благодареньемъ Къ груди своей послъднюю отраду. Испей душею аромать цвътовъ, Потомъ ихъ брось и съ жизнію разстанься.

EJEHA.

Ахъ, маменька! даруй мнъ упованье И свътлое спокойствіе свое! Вдохни свою ты душу въ грудь мою! Блаженства я отъ жизни ожидала, О счастіи земномъ мечтала я. Въ его любви заря моя взошла, И я дынать лишь только начинала Отраднымъ утромъ, радостно мечтая О счастін веселыхъ, свътлыхъ дней; Какъ вдругъ свиръпый ураганъ примчался И, низвергая дубы въковые, Онъ растерзалъ моихъ надеждъ вънки. DBBA.

Елена! ободрись! придетъ отецъ, Скрыть слезы отъ него старайся, слышинь? Судьба ему великое готовить, Отчизна требуетъ великихъ жертвъ,

Онъ долженъ ихъ принесть, — и принесетъ. Не увеличивай его страданій! Скажи мнъ, Чернекъ, по какой причинъ Насъ въ этотъ погребъ графъ свести велълъ.? Иль въ замкъ намъ опасность угрожала?

TEPHER B. Графиня! турки замокъ нашъ зажгли И на покои ваши, всъ орудья Они направили, такъ днемъ опасно Вамъ оставаться тамъ въ жилыхъ покояхъ. А здъсь не опасайтесь ничего, Надежны своды, ихъ не разобыотъ; Необходимое вы здъсь найдете: Виномъ и пищей запаслися мы, Всего немного; но для васъ довольно. Не долго потерпъть вамъ здъсь, ужъ близокъ Спасенья часъ, повърьте старику.

(Отходитъ.)

EJEHA. О, добрый старецъ! ты еще мечтаешь, Еще твои надежды не увяли! Могилу хочень ты прикрыть цватами, Напрасный трудъ - ее не скроень ты, Ужъ черный крестъ возвысился надъ колмомъ, Вокругъ него цвъты надеждъ поблекли И радости вънокъ лежитъ растерзанъ

9 B B A.

Надежды наши здъсь не умирають, А чистыя сей жизни наолажденья Вънцемъ нетлъннымъ украшають крестъ, И каждый цвътъ взлелъянный здъсь нами Благоуханье къ небу возсылаетъ Вслъдъ за отнедними гостями міра.... Пусть свътлыя мечты лельетъ старецъ! Онъ роду нашему всегда былъ преданъ, И тяжко зръть ему погибель нашу. За тъмъ то онъ послъдній призракъ ловить! Отл. 1.

Онъ видитъ только смерть, и въ томъ погибель, Гдъ въчное сіяетъ торжество, Гдъ лучшей жизни разсвътаетъ утро.

Я постигаю это торжество, Я чувствую безсмертія всю радость, И дочерью твоею быть достойна; Но взора я веселаго назадъ Не въ силахъ обращать — души моей Желанія неизмъримы. — Если-бъ Я такъ какъ ты вънцемъ земнаго счастья Успъла здъсь главу свою украсить, Теперь бы пальму я взяла съ восторгомъ. Но раннимъ утромъ жизни я не много Been distincted on the same of Цвътовъ душистыхъ нарвала себъ, Да и на тъхъ еще блестъли слезы, И день на нихъ не осушилъ росы. Сама сознайся, много радостей Намъ эта жизнь даруетъ; часто я Читала въ блескъ взора твоего, Какъ эта жизнь прекрасна и свътла, А я восторговъ здъсь еще не знала! эвва.

Молчи, любезная Елена! — тише!
Я слышу твой отецъ идетъ сюда —
Отри скоръе слезы, чтобы онъ
Въ глазахъ твоихъ страданья не замътилъ.
Повърь мнъ, часто и шипы бывали
Съ цвътами вмъстъ вплетены въ вънокъ,
И часто лучшій цвътъ не распускался,
А распустившіеся скоро вяли.
чернекъ.

Къ намъ графъ идетъ

DBBA.

Пойдемъ къ нему на встръчу.

. That and are very spirit ones. H

IX. paog others scriven array all.

ТЪЖЕ, ЦРИНИ, ЮРАНИЧЪ.

Сегодина прини, подака на наприя выпросей

Жена другъ сердца! дочь моя!

BBA, EJEHA.

Супругъ мой!

Батюшка!

HOPABRY To

Елена!

EAEHA.

Мой Лоренцо! вотъ гдъ намъ Увидъться съ тобою суждено!

9 B B A. Вы побъдили? приступъ отраженъ? припп.

Не видывалъ я ни въ одномъ сраженьи A con angeriery ero, as more to Кровопролитія такого, какъ Сегодня. — Нашъ Лоренцо спасъ мнъ жизнь.

юраннчъ.

И ты мнъ также. — Ты щитомъ своимъ Cor copore sunctions are ray Укрылъ меня отъ сабли янычарской, Въ то время, какъ я поражалъ того Злодъя, что прицълился въ тебя.

DBBA.

Такъ на стъну они уже взобрались? приви.

Въ безумной ярости они на стъны Неслись, ужъ многіе успъли влъзть, И бунчуки на башняхъ водружали; Туть внъ себя венгерцевъ я призвалъ, Съ отчаяньемъ на варваровъ ударилъ, Стремглавъ они слетъли; много тысячъ Свои тъла о скалы раздробили. Одинъ паша убитъ, враги бъжали, Имъ вслъдъ послъднія пустивши ядра, Мы радостно благодарили небо.

HOPARHUE, ATHER MANAGEMENT AND ASSESSMENT

Не денево досталась намъ побъда;

На мъстъ нашихъ много полегло.

Сегодня-ль, завтра-ль, смерти не избъгнень, Завидно умирать, какъ умирали Тамъ наши.

юраничъ.

Всъхъ завиднъе смерть Бата.

Почтенный воинъ, выбивнись изъ силъ, Упалъ, копьемъ турецкимъ пораженный Въ плечо; перевязать не дозволялъ Онъ рану, и смотрълъ, какъ кровь изъ ней Струнлась. - Къ битвъ снова ты призвалъ насъ, И я накинуть шлема не успълъ, Какъ увидалъ двухъ янычаръ, отважно Взобравнихся на верхъ, держа бунчукъ, Чтобъ водрузить его на нашихъ башняхъ. Бросаюсь къ нимъ ; но старый воинъ ужъ Предупредилъ меня; схватилъ обоихъ За грудь; съ ограды бросившись, увлекъ Съ собою янычаръ въ глубокій ровъ.

прини.

Кончина эта превосходный жизни! И я желаль бы этакъ умереть.

3 B B A.

Ты кръпость долго-ли удержинь? црини.

Жена! такого я не ждалъ вопроса!

3 B B A.

Скажи намъ смъло долго-ли? прини.

До завтра.

EAEHA.

Такъ завтра ужъ? о, Боже мой! Лоренцо! ю раничъ.

Куда твоя неустранимость дълась?

цеции.

На этихъ дняхъ легло венгерцевъ много, Въ живыхъ осталось человъкъ шесть сотъ,

И тъ отъ голода изнемогаютъ. Запасы наши всъ врагамъ достались, И ствны угрожають разрушеньемъ, Ужъ пламя обхватило старый замокъ. Али-Портукъ кидаетъ безпрерывно Ракеты къ намъ — гасить не успъваемъ. Здъсь въ новомъ замкъ нъть уже спасенья, А старый мы и часу не удержимъ, Коль разъ еще они къ нему приступять, А здесь, въ стенахъ, стесняясь, мы едва-ли Два дня держаться можемъ, если даже Враги громить насъ перестанутъ, Мы съ голоду погибнуть вст должны. Нътъ! нътъ! такою смертью не умру! И завтра же пойду я въ бой открытый, Хочу лицомъ къ лицу сразиться съ ними, На трупахъ вражескихъ я смерть сыщу.

D B B A CO ON T EMPONDE STREET THE STREET

Что-жъ будетъ съ дочерью твоей, съ женою? прини.

Не бойтесь, я заботился объ васъ. Мой върный Чернекъ, подойди поближе! Старикъ подземную нашелъ дорогу, Ведущую изъ этого подвала На берегъ озера, а тамъ шаговъ Не болье двухъ сотъ до льса будеть. Въ то время, какъ враги съ ожесточеньемъ Здъсь будуть напирать на насъ, спъшите Сокрытыми путями на разсвътъ Въ станъ къ Императору и донесите Ему, что Црини палъ, какъ върный сынъ Отчизны, что въ развадинахъ Сигета Онъ славную обрълъ себъ могилу. Не бойтесь ничего, я все устроиль, Юраничъ будетъ вашимъ провожатымъ

юранпчъ.

Tells normaniem, non-E

a current page on menter a un l'

Нътъ, графъ, на то не согласится онъ.

цения. Поботования вкогот жто ет И

Какъ!... ты свою невъсту, мать спасти
Не хочень?

юраничь. персопольной типе дже

Ты въдь воспиталъ меня,

Ты научиль владьть мечемь булатнымь,
Ты чувство долга, чести вкорениль
Въ моей душь, ты дароваль мнъ дочь,
Безцънное сокровище свое, —
И ты меня къ позору принуждаешь?
И раздълить не хочешь славной смерти,
Блаженства высшаго, съ своимъ ты сыномъ?
Нътъ, мой отецъ! ты этого не можешь!
Ты этого не сдълаешь, ей Богу!
Я воинъ — государю присягалъ —
И долженъ умереть съ тобою вмъстъ!

цении. Это д станования принци.

О! благородный юноша! но все
Ты проводить ихъ долженъ, о мой сынъ!
Взгляни на эту плачущую дъву:
Она твоя невъста! — Счастья жизни,
Любви блаженства просить у тебя.
Живи мой сынъ, и заплати тотъ долгъ,
Въ залогъ ты подъ который сердце отдалъ.

юраничъ.

Сперва отчизнъ заплатить обязанъ
Я большій долгъ, тутъ честь моя въ залогъ.

Душа, любовь, всъ чувства, мысли
Тебъ посвящены, моя Елена!
Но жизнь теперь принадлежитъ отчизнъ.

Любовь же наша безконечна, — тамъ
Я быть твоимъ могу, твоимъ навъки,
А здъсь служить по долгу и присягъ
Обязанъ только до минуты смерти.
Такъ жизнью выплативъ долги земные,
Тебъ, Елена, въчность я отдамъ!
Бъгите безъ меня и вспоминайте

Въ минуты тихой грусти обо мнъ, И кроткую слезу пролейте въ память Того, кто васъ такъ искренно, такъ нъжно Любилъ! Прелестивищее сновидънье Я долженъ отогнать, чтобъ за отчизну Идти на смерть, и долгъ исполнить свой. Вы плачете! — я оскорбляю васъ? Повърь, я такъ же пламенно люблю, Какъ ты, и потому то приношу Такую жертву. — Да, я обрекаю На смерть себя; — но въ этомъ нътъ заслуги! Я жизнью никогда не дорожиль, А вся великость жертвы только въ томъ, Что я теперь рашаюсь умереть, Когда я право пріобръль на счастье, И это счастье улыбнулось мнв.... Отчизна этой жертвой возгордится!

прини. О Я - . 1 фрафия сили диалон

Ты здъсь со мной останенься, Юраничъ!
И вмъстъ мы пойдемъ съ тобой на смерть!
Ты, Чернекъ, приготовься, да себъ
Двухъ сильныхъ выбери людей въ помогу;
И завтра утромъ будь готовъ къ побъгу.

ЧЕРНЕКЪ.

Я повинуюсь.

3 B B A.

Нътъ, супругъ мой! такъ

Меня унизить не захочень ты.

Тебя я не покину и умру

Съ тобою вмъстъ! — На груди у мужа,

Я буду ждать смертельнаго удара.

Не думай, что безсильна я! дай мечъ мнъ!

Я докажу, что умереть умъю!

црини.

А дочь твоя?

3 B B A.

Она не любитъ-ли,

Подобно мнъ, защитника отчизны?

И смерть ужели устрашить ее?

Елена дочь твоя, — а ты графъ Црини!

Родитель мой! позволь и мнъ съ тобою Здъсь умереть! — О! сжалься надо мной! Позволь мнъ, о! позволь мнъ умереть! Ужель ты насъ однъхъ покинуть можещь? Чтобъ мы изныли въ мукахъ безконечныхъ, Чтобъ годы мы томились, ожидая Минуты смерти, что соединить насъ Должна на въки тамъ, въ отчизнъ свътлой?

О, мой супругъ! не отвергай моленій! Позволь намъ раздълить съ тобою славу, Возьми и насъ съ собой на торжество!

EJEBAD TEGORIS BOSTOCK SONS RELIGIO

Позволь намъ умереть! — И солнца свътъ
Мрачнъе ночи, коль сквозь слезы смотрятъ
О, мой родитель! върь, что насъ возвыситъ
То чувство, что въ твоей дунъ горитъ!
Мы вмъстъ умереть должны съ тобою,
Чтобъ вмъстъ вознестись на небеса.
Изъ этой ночи мы перенесемъ
Безсмертную любовь въ жилище свъта!

юраничъ.

Отецъ мой! ты не въ силахъ отказать!
О! ты не можень; такъ умремъ же вмъств!

Позволь, позволь, намъ умереть съ тобою!

О, милыя! на грудь мою придите! Вы побъдили! міръ меня осудить, Господь простить! — Мы умираемъ вмъсть!

(Группа и конецъ четвертаго дъйствія.)

China the China and the China

Дъйствіе пятое

(Подземный сводъ.)

Свершики, переш простоги блок лицт

прини въ богатомъ нарядъ; чернекъ помогаетъ ему одъваться.

прини.

Провориви, Францъ! — Мив кажется: ты плачешь?

Старикъ! ужели торжество мое

Тебя печалитъ?

чернекъ.

Ахъ! простите, графъ!

Tre seriors, mades or term

By nocification and may no may

Младенцемъ я носилъ васъ на рукахъ, Я съ вами былъ, когда на бранномъ полъ Вы первою побъдой увънчались, Подъ Въной я вамъ шпоры пристегнулъ, И подъ вънецъ съ покойною графиней Я наряжалъ васъ также, какъ теперь. Тогда народъ кричалъ на васъ взирая: Смотрите, вотъ герой нашъ, Црини! вотъ Его невъста! посмотрите! лучшей Четы не видывали мы! — И всъ Съ восторгомъ имя ваше повторяли; Венгерцы всъ гордились этимъ днемъ.

прини.

А, добрая Екатерина!

ЧЕРНЕКЪ.

Я такъ

Привыкъ всегда васъ наряжать на радость, На всв пиры и торжества побъды; Гордился темъ, что перваго героя И знаменитъйшаго изъ венгерцевъ Я украшаю знаками отличій, Имъ заслуженными въ бояхъ кровавыхъ. Когда потомъ вы гордо мимо строя Венгерцевъ на конъ своемъ неслись, Что искры подъ копытами сверкали, Васъ называли христіанъ защитой, Германіи оплотомъ, и въ восторгъ Кричали всъ: «Да здравствуетъ графъ Црини!» Тогда мечталъ я, что великій подвигъ Свершилъ, герою пристегнувши панцырь, — Тогда былъ счастливъ върный вашъ слуга, Я радовался торжеству героя! И вотъ что стало....

400

Что!

ЧЕРНЕКЪ.

Я въ это платье

Васъ наряжалъ, когда вы во второй разъ
Пошли къ вънцу съ графиней Розенбергъ.
То былъ прелестный, чудный день! я мыслилъ,
Что много, много будетъ дней такихъ.
И вотъ уже я наряжаю васъ
Въ послъдній разъ на пиръ кровавой смерти,
И радости одежду превращатъ
Я нынъ долженъ въ саванъ гробовой.
О! это больно върному слугъ!
Вотъ до чего я дожилъ! Боже мой!

Не плачь, старикъ! не плачь, мой върный Францъ!
Меня на лучній пиръ не украшалъ ты,
Не отпускалъ къ побъдъ выше этой.
Сегодня третій день почетный мой;
За тъмъ вънчальный я нарядъ надълъ.
Я смерть хочу обнять въ бою послъднемъ,
И къ сердцу върному прижать съ восторгомъ!
Дай саблю мнъ!

ЧЕРНЕКЪ.

Которую хотите?

the agencia as meaning one. Judi

црини.

Подай мнъ всъ, я выберу изъ нихъ.

(Чернекъ уходитъ.)

Tull. atto agunta, un -- ; 640 areasonita B

прини, одины отнивания вка двонят

И такъ ужъ я стою на грани жизни, Настанеть скоро смерти грозный часъ, И заплативъ послъдній долгъ отчизнъ, Въ душъ умолкнетъ всъхъ желаній гласъ! Не даромъ въ битвъ кровь моя прольется, Душа въ обитель свъта вознесется !

Истяветь въ прахв наше поколенье, Пройдуть въка, и благодарный внукъ Мой прахъ почтитъ слезою умиленья. За край родной кто палъ отъ вражьихъ рукъ, Тоть памятникъ себъ воздвигъ священный Въ сердцахъ согражданъ, въчный и нетлънный!

Я слъдую сердечному стремленью, Что къ славнымъ подвигамъ меня влекло; Lary Sagray Chinoles & Course Я слепо покоряюсь Провиденью, Оно меня на жертву обрекло. Славнъйній нынъ подвигъ я сверінаю: За въру, за отчизну умираю!

За что въка привътствуютъ героя? Man montage he wyndo! needs И пъснь за что гласитъ его дъла? Онъ грудью твердою стоялъ средь боя, Оплотомъ чести, карой зла. И смълаго ударъ судьбы сражаетъ! Но смертью онъ побъду искупаетъ!

Боручинали зати операции провищи мо

Cooleguair, nea o na angenera

more than the contraction and the volume

црини, чернекъ приноситъ ивсколько сабель.

чернекъ.

Вотъ сабли ваши, благородный графъ! прини. А делен стать ста

Мнъ этотъ мечъ знакомъ. — Подъ Пестомъ славно

Я обновилъ его; — но слишкомъ онъ Тяжелъ для нынъшняго пира: мнъ Сегодня сабля легкая нужна. И этотъ мнъ знакомъ! — Онъ при Эссегъ Служилъ мнъ върно; — милость государя Имъ пріобрълъ я тамъ. — Онъ также не легокъ, Чтобъ мнъ сопутствовать въ послъдней битвъ. Вотъ эту саблю я возьму! — она Подъ Въной мнъ подарена отцемъ. Честь первую обръль я этой саблей, Последнюю она же мне доставить. Съ тобою, благородный мечъ, пойду Mair tiprace universe manners Въ послъдній бой, съ тобой пойду я нынъ! — Пускай судьба мнъ жребій назначаеть, Клянусь тобою, добрый мечъ мой, Живаго не возьмутъ меня враги, Не повлекуть они меня въ свой лагерь На посрамленье моего отряда! И эту клятву выполню я свято, Какъ святъ мой Богъ и пресвятая въра!

TEPHERT.

Какой прикажете подать вамъ панцырь?

Мнъ панцыря не нужно! предъ врагомъ
Предстать хочу съ открытою я грудью. —
На что онъ мнъ, коль смерть я вызываю,
Чтобъ свой булатъ въ мое вонзила сердце?
Не нуженъ онъ! — Въ послъдній бой пойду,
Свободный, какъ на пиршество побъды.
Хочу глядъть безъ страха въ очи смерти,
Безъ тяжкихъ латъ свершить послъдній подвигъ
Кроваваго рукомесла хочу!
И жизнь свою не дешево продамъ я!

ЧЕРНЕКЪ.

Вотъ сто златыхъ монетъ, и вотъ ключи
Отъ кръпости, по вашему велънью.

дрини. подок тологов вобет лик в

Пускай не скажутъ псы, что понапрасно
Трудились, раздъвая тъло Црини! —
И деньги, и ключи я спрячу въ поясъ,
Какъ должно върному вождю венгерцевъ, —
И право этого не выдамъ я,
Пока во мнъ хоть искра жизни тлится!

the state of the s

тъже, ева, едена.

прини. Летей база выпас от става

Вы къ смерти приготовили себя?

MISS OF BRANCH OF SALE SALES OF THE PARTY OF

принп.

А ты, Елена?

EJEHA.

Тоже утъшенье
Святая въра даровала мнъ,
Очистилась душа моя, готова
И я предстать предъ Господомъ моимъ.

прпни.

Такъ проведемте въ дружескихъ объятьяхъ
Послъднія минуты этой жизни! —
О, милая жена! тебъ обязанъ
Я многими прелестными часами,
Ты много радостей мнъ даровала,
И тихимъ наслажденьемъ дни мои
Ты украшала въ этой бурной жизни;
Обътъ священный, данный передъ Богомъ,
Ты выполнила честно, неизмънно,
Со мной безропотно ты раздъляла
Труды и горестныя испытанья, —
За то Господь да наградитъ тебя!

О, Црини! ты стократь мит воздаваль

За все, своей великою любовью, И этою блаженною минутой, при выправной дам и тумпар вы было П Въ которую ты мнъ позволилъ вмъсть И окат наладаю доважите Т Съ тобою умереть! — Что это, Црини? Ты нарядился, какъ на пиръ великій? —

прини. д заминев отого опрод И

Ты этотъ помнишь-ли нарядъ?

Могу-ль

Забыть его? — Такъ въ Божьемъ храмъ я Впервые обняла тебя, когда Своею ты женой меня назвалъ.

Вы ок. очерть присотом со тебиничи

Я въ день счастливъйшій въ нарядъ этомъ Шелъ на прелестивниее торжество, Шелъ къ алтарю съ тобою, върный другъ мой! И въ немъ-же я подъ вечеръ дней моихъ Пойду стяжать славныйшую побыду. О, добрая жена! теперь насъ смерть Къ второму сочетанью призываеть!

9 B B A.

A rist. Harrin

Мой благородный Црини! я не въ силахъ Возвыситься до высоты твоей!

Отецъ мой! мать моя! — Видаль-ли міръ Въ своемъ кругу чету достойнъй, выше ? И вамъ-то должно умереть! — Судьба Срываеть украшенье съ этой жизни....

ципин. Тел сам предоста отоми иТ

Нътъ, дочь моя! не спорь ты съ Провидъньемъ. Благодари отеческую благость, Которая въ горнилъ испытанья, Сердца, какъ злато, сохранило наши! Несчастье испытуетъ добродътель, Въ бъдахъ цвътетъ оно; въ страданьяхъ зръетъ Величіе людей отъ грозныхъ бурь! — Изъ школы бъдствій изошли герои И мужи славные временъ прошедшихъ,

Которыми гордится міръ донынъ. Въ борьбъ лишь силу можно испытать, Rescontant una authorization Несчастье образуеть духъ высокій И къ пиршеству ведетъ путемъ суровымъ! Настало время! - смерть уже готова Принять въ свои объятья насъ. — Скажи, Когда и гдъ съ тобой увижусь я?

Тамъ, въ небесахъ, достойную героя Меня ты встрътинь! Тамъ я жду тебя! Мое ръшенье твердо, и прощаясь, Повъдаю на что жена способна.

цепни.

А наша дочь, что будеть съ нею? EA'E'BA. Derected bigsard wisems and &

Musher was arranged from contributed

Не бойтесь за меня, я прежде васъ Пойду туда.... Я знаю, мнъ Лоренцо Въ последнемъ поцелув не откажетъ....

spirote transmissional vario en H

Hitter der Bancer auser Hatchille - eine errecht beit

He pestrapeces and all

has a manerage, company

тъже, алапи, папрутовичъ, юраничъ, все безъ панцырей.

ю раничъ.

Мы приготовились къ последней битве, Безъ панцырей идемъ на пиръ кровавый; Открытой грудью, какъ ты повельлъ, Мы встрътимъ вражескихъ мечей удары.

ПАПРУТОВИЧЪ.

Отрядъ твой върный тамъ уже собрался, Тебя въ последній разъ желаеть видеть И умереть съ тобою за отчизну.

AAA II II.

Бъглецъ, ушедшій ночью отъ враговъ, Принесъ извъстье намъ, что Керечинъ Измъннически сдалъ Гіулу туркамъ.

ценни.

Проклятье на главу измънника!

Друзья! омоемъ кровію своею Позорное пятно, которымъ онъ Венгерцевъ имя замаралъ! Докажемъ, что мы честью дорожимъ!

BCB.

Идемъ! идемъ! не измънимъ присягъ!

Отецъ! благослови дътей своихъ!

цении, благословляетъ ихъ.

Done of arrest to the N

Благословляю васъ, драгія двти!
Благословляю не на жизнь, а на смерть!
Умрите славной смертью за отчизну,
За честь, за въру и за короля!
Безъ страха покоряйтесь Провидънью!
Здъсь ангелъ смерти обручаетъ васъ,
Чтобъ къ въчному вести соединенью!

(Трубный звукъ и барабанный бой.)

AJAII II.

Вотъ ужъ гремитъ трубы призывный гласъ!

Пойдемте-же, друзья! простимся съ ними, И въ битву ринемся искать могилы! — (Всъ, кромъ Юранича и Елены, уходятъ.)

VI.

юраничъ, елена.

(Долго стоятъ, безмолвно обнявшись.)

юраничъ.

Одинъ еще послъдній поцълуй! Такъ, мы разстанемся.

EAEHA.

Нътъ! нътъ, Лоренцо!

Не разставайся такъ. — Свою невъсту
Ты этакъ не покинень въ грозный часъ!
Ужель ты хочень, чтобъ у янычара,
Какъ милостыни, смерть я попросила?
Чтобъ ножъ безчеловъчнаго убійцы

Моею кровью обагрился? чтобъ
Злодъй кровавый эту грудь терзалъ,
Въ которой сердце для тебя лишь билось?
Отецъ, благословляя насъ сказалъ:
«Здъсь ангелъ смерти обручаетъ васъ!»
Ужель его словамъ ты не внимаешь?
Лоренцо! о вонзи кинжалъ мнъ въ сердце
И дуну поцълуемъ съ устъ возьми!

О, Боже мой! чего желаешь ты?

EJEHA.

Того, въ чемъ дъвы слабая рука
Тебъ-бы никогда не отказала,
Когда-бъ изнеможенный, ты не могъ
Сыскать себъ въ сраженьъ славной смерти;
Безъ содроганья-бъ я взяла кинжалъ
И вмигъ-бы наши съединила души.

юраппчъ.

Тебя убить? — тебя! нътъ, не могу. Взиралъ я часто въ очи страшной смерти, Въ сраженьи брать мой рядомъ палъ со мной, Стояль надъ трупомъ я отца роднаго, --Не содрогался я, не трепеталъ; Но мщеньемъ пламенъя, мечъ схватилъ И грозно ринулся въ толпу враговъ. Но эту розу, этотъ цвътъ сломить, — Я не могу! Нътъ! нътъ! не въ силахъя! Дубы и сосны ураганъ ломаетъ, Цвътокъ-же нъжный оставляетъ онъ, А я чтобъ сталъ свиръпъй урагана? Чтобъ въ лютости стихио превзошелъ? Чтобъ уничтожилъ міра лучшій цвътъ, Который самая судьба щадила? Чтобъ этого я ангела заръзалъ? Нътъ, нътъ! я этого не въ силахъ сдълать!

ЕЛЕНА.

Лоренцо, если любишь ты меня, Отд. I. И если клятвъ своихъ не позабылъ ты,
О другъ мой! умоляю, если ты
Отчизну, добродътель и любовь
Священнымъ почитаешь, такъ ты убей
Меня, молю, убей меня! убей! —
Я стану тамъ молиться за тебя,
И въ небесахъ приму тебя въ объятья.
Когда меня ты любишь! — Нътъ, ты мнъ
Не можень отказать. Въдь умереть
Должно-же мнъ! Иль ты попустинь, чтобъ
Рабынею султана я была?
Иль мой позоръ тебъ пріятнъй смерти?
Или ты хочень....

юраничъ.

0! довольно! я

Готовъ!

Хочетъ заколоть ее.)

Постой, Лоренцо! такъ меня

Не убивай ты въ изступленьи буйномъ: —

Нътъ, мирно и спокойно свой кинжалъ

Ты въ грудь мою съ улыбкой погрузи!

О, другъ мой! обними меня! — Вотъ такъ!

Какъ стало вдругъ очамъ моимъ свътло, —

Туманъ ръдъетъ, жизни мракъ исчезъ, —

Въ душъ мерцаетъ утро возрожденья! —

Теперь убей меня и поцълуемъ

Прими ты душу съ поблъднъвшихъ устъ!

Елена! о, души моей невъста!

EREHALSON ORGANI MIDOTOR AN ABOUT

Тамъ, мой Лоренцо, я твоя навъки! поста при маркостику възграфия поряд поста подраждения поряд поста подраждения подраждения поста подражд

0! скоро я соединюсь съ тобою.

Hern, cerei a oroso de la calaca La calaca

1 570

Спъши, герой, спъши къ своей невъсть, Тебя она тамъ встрътитъ въ небесахъ! юрания в целуеть и закалываеть ес.

Душа прелестная лети въ отчизну!

EAEHA.

Благодарю тебя, благодарю
За сладостную смерть! — Спъщи, спъщи
Ко мнъ! — Еще послъдній поцълуй! —
И съ нимъ душа моя пусть улетаетъ.

(Умираетъ.)

warming strategic to

HOPAHR TT.

Прости! прости! прости, моя невъста! (Трубный звукъ.)

Они зовутъ меня! иду, иду!

(Относитъ тъло Елены внизъ.)

Покойся здъсь безцънный прахъ!
Теперь и я пойду искать могилы,
Туда, гдъ блещутъ молніи мечей,
Гдъ рыщутъ смерти грозной силы,
И трупы громоздять среди полей. —
Не медли, смерть! веди меня къ невъстъ,
Я первый пусть паду на поль чести!

(Уходитъ.)

VII.

Дворъ въ замкъ Сигетъ.

прини, алапи, папрутовичъ, эвва съ горящимъ факеломъ въ рукъ, венгерские воины, въ толит которыхъ развъвается хоругвь.

црини.

Друзья мои! въ послъдній разъ предъ смертью
Внемлите ръчи вашего вождя!
Вы долгу своему не измъняли
И родинъ драгой служили честно.
Я радостно могу сказать предъ всъми,
Что не было измънниковъ у насъ!
И многіе уже запечатлъли
Своею смертью долгъ священной клятвы.
Я тъмъ горжусь, что между нами нътъ
Ни одного, который-бы съ восторгомъ

Не ринулся на тысячу смертей, Чтобъ защитить отъ гибели отчизну. За то благодарю васъ, братья! — Богъ Награду вамъ готовить въ жизни въчной! Теперь, друзья, насталъ великій часъ.... Искупимъ смертію вънецъ нетльнный! Да, братья, всъ мы умереть должны! Счастливо отразили мы враговъ, Числомъ превосходящихъ наши силы; Здъсь тысячь двадцать лучнаго народа И многихъ близкихъ потерялъ султанъ; Не врагъ другой возсталъ теперь на насъ, И этого врага не отразимъ Ни силою, ни храбростью геройской. Подкопы сокрушили нашихъ стънъ Твердыню, пламя обхватило замокъ, Стихія грозная воюеть съ нами. Всего сильные голоды удручаеть Изнемогающихъ собратій нашихъ, Едва на день достаточно запасовъ. Мы смерти не избъгнемъ, - а позоромъ Не станемъ жизни выкупать своей.... Венгерецъ честный въренъ государю. Пойдемте-же, друзья, пойдемте въ битву -Съ мечемъ въ рукв искать могилы славной! Честнъе умереть на бранномъ полъ, Чъмъ здъсь сгоръть, иль съ голоду исчахнуть! За мной, товарищи, идемъ на смерть! Умремъ со славою на вражьихъ трупахъ! За Бога кто, за родину умреть, Тотъ памятникъ себъ воздвигнетъ въчный И въ небеса со славою взойдеть, И мзду получить въ жизни безконечной!

Мы всв съ тобою умереть готовы!

VIII.

ТЪЖЕ, ЮРАНИЧЪ.

цении.

А гдв Елена?

STEPSERS RESERVED TO PARTY TO A CONTROL OF STREET

Тамъ она — въ отчизнъ

Для насъ готовитъ радужный вънецъ. Скоръй, отецъ, соединимся съ нею!

цении.

Идемъ! — Жена! Какъ хочешь ты разстаться?

На башнъ той дождуся битвы я
И силою Богъ укръпитъ меня,
Чтобъ въ честь герою пиръ свершить надгробный.

црини.

А если трупъ мой стопчетъ турокъ злобный?

Я брошу факелъ въ сводъ пороховой, — Развалины достанутся врагамъ. Съ тобой, супругъ мой, свидимся мы тамъ!

принцения от станован принцения — вы

Умри, великая жена! — Живую
Ты славу завъщаень всъмъ въкамъ!

(Громъ осаждающихъ турокъ за сценою.)

Чу!... звуки трубъ и грохотъ барабана!
Чу!... стукъ мечей, и пушекъ слышенъ громъ!
О, смерти гласъ! мнъ вызовъ твой знакомъ!
Друзья! идемъ! возьми, Лоренцо, знамя!
Ты долженъ первымъ быть, лети впередъ!
Спъши, сынъ мой! тебя невъста ждетъ.
Я за тобой, за мною ты, Алапи —
Что это, другъ! ты плачень?

AJAHH.

Црини! другъ!

Въ моихъ глазахъ одна слеза восторга, Слеза благодаренья, что Творецъ Столъ славный мнъ опредълилъ конецъ! — ю раничъ, поднимаетъ знамя.

Друзья, впередъ!

црини.

Насъ врагъ зоветъ!

Прощай, Сигетъ! (Эвель) прости! — Друзья, простите!

И руки дайте мнъ въ послъдній разъ.

Гей! трубы! пъснь побъдную гремите!

(Трубы гремятъ.)

За мной, товарищи! за мной друзья!

Умремъ за въру и за край родной!

BCB

Умремъ за въру и за край родной!

(Всъ укодятъ.)

POR SOUTH THE SECTION

Curana, chief arch! redu netror - gors.

The north things is a cast the north correctal.

Столь славный мил опредвішль консик ! --

Giera Giarogoponer, van Troppent

X. or arangement on appending A

Театръ представляетъ дымящіяся развалины стараго замка, вдали новый замокъ; Турки съ ожесточеніемъ приступаютъ къ нему. — Трубный звукъ, грохотъ барабановъ и крики осаждающихъ. — Подъемный мостъ опускается; изъ растворившихся воротъ два пушечные выстрѣла. — Венгерцы выходятъ изъ дымящагося облака. — Юраничъ со знаменемъ впереди, за нимъ Црини, Алапи и прочіе. — Отчаянный бой. — Эвва показывается на стѣнъ, близъбашни, съ горящимъ факеломъ въ рукъ — Юраничъ упадаетъ первый, Црини переступаетъ черезъ трупъ его и продолжаетъ биться — наконецъ упадаетъ и онъ. — Въ это мгновеніе Эвва бросаетъ факелъ въ пороховую башню, —ужасный взрывъ, — новый замокъ разрушается и занавъсъ опускается быстро.

II.

armregren was biller stopper asserting for ', april mannana there

en anno some de como d

ОТДБЛЪ ПОВБСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

РУССКІЙ КОМИКЪ

конца хупі стольтія.

THE RESERVE AND THE PARTY OF THE RESIDENCE ASSESSMENT OF THE PARTY OF

AND THE CONTRACT OF THE PARTY O

За нъсколько дней до праздника Троицы, 1770 года, московскіе купцы и мъщане весело справляли Семикъ. Въ этотъ день молодцы и прикащики ранъе обыкновеннаго оставили клятвы и аршинъ, и съ карманами и пазухами, нагруженными оръхами, дружно заняли грязныя скамьи, непремънную мебель всякихъ воротъ въ слободкахъ и предмъстіяхъ города. Молодцы грызли оръхи, пересыпая остроты съ щелухою; молодицы, изукрасивъ косматую березу пестрыми лентами, лакомились то пряникомъ, то улыбкой знакомца и далеко голосили: «Во полю березанька»... или «Скажи, скажи воробушекъ!»

Но въ полные сумерки, въ полный разгаръ веселья, черныя тучки набъжали надъ Москвою, прыснули крупнымъ дождемъ и разогнали толпы гуляющихъ. Наступила ночь бурная и ненастная. Подъ завыванье холоднаго вътра крупный дождь не переставалъ разсыпаться глухою дробью на черепичныхъ и желъзныхъ кровляхъ, грязные по-

токи наводнили улицы, на которыхъ теперь трудно обил встрътить даже и запоздалаго пъшехода.

Огни давно уже погасли — и только на- Срътенкъ въ одномъ изъ крайнихъ оконъ угловаго дома мелькалъ слабый свътъ. Казалось, въ цълой Москвъ, сладко вздремнувней подъ непогоду, можно было только здесь найти бодретвующихъ. Въ-самомъ-деле, небольшой, но опрятно убранной комнать, прохожій могъ-бы замътить съ улицы двъ человъческія фигуры, безмольно стоявнія одна противу другой. Прямо отъ дверей компаты, въ полуосвъщенномъ углу ея, помъщал я мужчина среднихъ лътъ; въ одной рукъ его находилась только что скинутая съ шеи косынка, другая была закинута за спину. Наклонивъ нъсколько голову, и долго не измъняя своего положенія, онъ устремиль черные глаза свои, выражавине вопросъ и ласку, на бълокураго мальчика, прижавшагося у двери. Рыжій, китайчатый казакинъ послъдняго и такіе-же панталоны, сильно смоченныя дождемъ, какъ вторая шкура, плотно облипали около его сутуловатаго тъла; съ курчавыхъ и всклокоченныхъ волосъ его струилась вода, въ то время, какъ пара сърыхъ глазъ и рябое лицо выражали сильное безпокойство.... Не смотря однако-же на всю непривлекательность мальчика, наблюдатель могъ-бы подметить много ума въ этихъ серыхъ глазахъ и, вглядываясь пристальные вы общій контуры лица его, нашель-бы вы этихы мягкихъ чертахъ много пріятнаго и располагающаго въ свою пользу.

- Сядь и отдохни, другъ мой, сказалъ наконецъ мужчина, положивъ свою косынку на спинку кресла. Ты, въроятно, очень усталъ?
- Ничего-съ, отвъчалъ мальчикъ, бросивъ взглядъ на свое мокрое платья и прижимаясь еще плотнъе къ двери.
- Какъ ничего!... Судя по твоему измоченному казакину, ты, покрайней-мъръ, часа два бродилъ на дождъ....
- Да-съ, будетъ два часа.... больше....
- Бъдняжка.... надо же было тебъ заблудиться въ такое ненастье.... на-ко вотъ мой халать — сбрось свое мокрое платье....

Мальчикъ робко и неръшительно повинуясь желанио добраго и гостепріимнаго хозяина, утонулъ въ его тепломъ калатъ и снова заняль прежнее свое мъсто.

- Знаешь ли ты, по-крайней-мъръ, другъ мой, пазваніе мъста или части города, гдъ живень?... продолжаль хозяинъ.
- Какъ же съ... знаю. .. Мнъ-бы только перебъжать за Варварку, а ужъ тамъ я съ завязанными глазами прійду домой.... Въ Зарядьъ живу я.... тамъ батюнка мой на Курскомъ подворьъ содержитъ постоялый. ..
  - А кто твой отецъ?
  - Военный-съ, въ гарнизонъ сержантомъ служилъ....
- Гм... Какъ-же ты заблудился? Послали тебя въроятно куданибудь?
- Куда послать въ такой ливень.... У насъ работникъ есть для посылокъ.... Нътъ-съ.... самъ на эту бъду напросился. Видите-ли: у насъ сегодня въ Зарядьт справляли Семикъ, такъ я и вышелъ къ ръчкъ полюбоваться на хороводы.... Вдругъ, смотрю.... весь народъ бросился къ торговымъ палаткамъ.... я туда-же.... гляжу въ-самомъдълъ небывалая диковина! Какіе-то два нъмца пришли потъшить народъ съ ящикомъ и съ ширмами.... Въ ящикъ-то у одного была музыка... Ей-Богу!... какъ, знаете, повернетъ за ручку.... сію-минуту въ ящикъ на разные голоса и запоютъ ... Это-бы еще ничего.... машина върно тамъ устроена.... а вотъ другой, такъ ужъ потъшилъ: самъ, знаете, всталъ за ширмы, да разными куклами и началь представлять комедію.... Умора, просто, сударь, умора!... презабавно.... Потомъ нъмцы подставили свои шапки, въ которыя зрители накидали грошей и пятаковъ и отправились черезъ мость, въ то время, какъ машина въ ящикъ запъла Лучинушку... я бросился за ними... Думаю, какъ поразбредутся отъ нихъ мальчинки, такъ я и попрошу нъмца разсказать мнъ снова комедію.... Межъ-тъмъ время-то уходило.... Смерклось.... Тутъ пріударилъ дождь, да еще на бъду мою пъмцевъ позвали къ кому-то въ домъ, ... Идти-то за ними я ужъ и не посмълъ.... Ну, думаю, въ другой разъ.... глядь... туда, сюда.... дороги-то назадъ и не знаю... на улицъ ни души.... Я плутать изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ другой.... и върно проплуталъ-бы до утра, если-бы вы не сжалились надо мною ...
- Но скажи пожалуй, другъ мой, спросилъ хозяинъ, что за странное желаніе родилось въ тебъ просить нъмца, чтобы онъ хоть въ разсказъ повторилъ свою комедію?

- А какже-съ! Съ двухъ-то разъ я бы запомнилъ комедію и сталъ бы представлять ее съ товарищами въ нашемъ старомъ анбаръ...
- Какъ представлять?! спросилъ мужчина съ видомъ особеннаго любопытства.
- Да вотъ такъ. какъ представляютъ комедіи.... въ театръ....
  Мы каждый день смъшныя комедіи представляемъ....
  - Кто-же изъ васъ придумалъ эту забаву?
- Я-съ! застънчиво отвъчалъ мальчикъ.
- Ты?... Стало-быть, ты когда-нибудь бываль въ настоящемъ театрь?
- Нътъ-съ, никогда, а слыхать много слышалъ, какъ тамъ представляютъ....

Хозяинъ съ изумленіемъ посмотръль на своего гостя....

- И тебъ нравится эта забава.... полюбилась? продолжалъ онъ.
- Больно полюбилась.... Вотъ жиль-бы, кажется, въ нашемъ анбаръ, иной разъ отецъ, отъ котораго, сказать правду, мы въ тихомолку это дълаемъ, ужинать не докличется меня.... Право-съ!
- Что если это такъ! прошепталъ мужчина, бросивъ значительный взглядъ на своего гостя. Съ этими словами онъ взялъ съ комода какую-то книгу и, подавая ее мальчику, спросилъ:
- Ты, въроятно, читать умъешь, другъ мой?
- Умъю.... въдь я учился въ Сиропитательномъ.
- Гм... А ну-ко, вотъ прочти этотъ монологъ, онъ указалъ страницу; но прочти такъ, продолжалъ мужчина, какъ-бы ты говорилъ это на сценъ, въ своемъ анбаръ! добавилъ съ ласковой улыбкой хозяинъ Съ жестами.... мимикой.... Изволь-ко!

Мальчикъ жадно схватилъ книгу, дрожа отъ внутренняго волненія, пробъжаль молча страницу— и, забывая прежнюю свою неловкость и робость, смъло вышелъ на средину комнаты. Мужчина слъдилъ каждое его движеніе....

Быстрое одушевленіе сверкнуло въ глазахъ гостя, мускулы его пришли въ движеніе, тъло выпрямилось... Онъ отступилъ нъсколько шаговъ назадъ и звучнымъ, пріятнымъ голосомъ прочелъ указанный монологъ, давая смълый и ръзкій оттънокъ каждому слову.... Игра его физіономіи, быстрота и подвижность глазъ — изумили наблюдателя. — Чудесно! важно! фругъ мой! — вскричалъ хозяинъ — Сегодня сбылась пословица.... Въ лужъ и грязи, я нашелъ золото! — добавилъ онъ, не владъя собою отъ восторга....

А между-тъмъ, съ послъднимъ словомъ монолога, гость снова превратился въ того-же робкаго и нерънительнаго мальчика.

— Очень хорошо! превосходно! — повторяль хозяинь. — Въ тебъ есть душа, таланть и призваніе.... И если судьба послала мнъ тебя, то я не дамъ тебъ закопать этого таланта, не дамъ истльть ему. Я укажу тебъ путь къ твоему счастію.... Говори, хочень-ли ввъриться мнъ, какъ другу, какъ второму отцу твоему! говори, хочень-ли труда, — потомъ славы и денегъ?

Гость молчалъ. Переминаясь съ ноги на ногу, онъ, въ недоумъніи и замъшательствъ, общипывалъ обшлагъ халата.

- Говори, повторилъ мужчина, взявъ его дружески за руки, хочешь-ли быть актеромъ?... Настоящимъ актеромъ!
  - Хочу.... о, какъ хочу! задыхаясь, прошепталъ мальчикъ.
- Такъ это ръшено.... Нъсколько лътъ труда и науки и мы оба будемъ счастливы; опытность моя и талантъ твой порука въ этомъ.... Завтра я самъ провожу тебя до твоего дома... Но смотри: отцу о нашемъ знакомствъ покамъстъ ни слова!

Мальчикъ кивнулъ головою.

Хозяинъ продолжалъ:

— Въ свободное-же время и, какъ можно чаще, ты, другъ мой, приходи ко мнъ и мы съ тобой дружно пойдемъ къ нашей прекрасной цъли.... Завтра замъть мой домъ, а здъсь только -спроси квартиру актера Калиграфа и тебъ всякій укажеть ее.

Чрезъ полчаса на Срътенкъ, въ крайнемъ окнъ угловаго дома потухъ долго мелькавшій огонекъ, и только крупный дождь все еще аробился о стекла этого окна.

1 - 1 - 11 - Way -

AND THE THE PARTY OF THE PARTY

ATTORNEY SOMEOWN AND ALLOHOUS TONE - A PRINTED

Если вы знаете Москву, то знаете въ ней и Зарядье. Перейдите поперегъ Варварку и взгляните на эту кучу маленькихъ, невзрачныхъ домовъ, дружно примкнувшихъ одинъ къ другому, — это Зарядье! Тутъ-же, сейчасъ, гдъ останавливается безчисленное мно-

жество прівзжихъ купцовъ и торгашей, расположены подворья : Воронежское, Жидовское, Курское, Мурашевское и проч. Здъсь въ двухъ-арининныхъ каморкахъ, раздъленныхъ узкими проходами, живетъ, расчитывается, спить и объдаеть толпа прівзжихъ торговцевъ; подлъ нихъ находятся товарныя палатки и анбары, и мелкая промышленность, какъ туча саранчи, облегаетъ здъсь каждый вершокъ земли. дъятельность просыпается съ зарею, вьется ужемъ до поздняго вечера, балагурить, барышничаеть, выплясываеть на кармань ближняго, дълаетъ изъ трехъ вершковъ аршинъ, изъ копъйки рубль и, съ послъднимъ звукомъ желъзнаго запора на дверяхъ лавки, засыпаетъ, скорчивнись въ три погибели, на парахъ... Какъ теперь, такъ точно и восемьдесять льтъ назадъ, Зарядье со своими подворьями представляло ту же картину снующей, озабоченной жизни, съ тою быть можетъ только разницею, что оно не отдыхало утромъ и вечеромъ за кипяткомъ въ харчевиъ, держа и днемъ и ночью настежъ вороты своихъ постоялыхъ дворовъ.

Спустя три года послъ разсказаннаго нами обстоятельства, въ одинъ холодный осенній вечеръ, небольшой возъ съ кладью, запряженный четверкою тощихъ коней, медленно пройдя Курское подворьъ, остановился у крайнихъ воротъ его. Въ ту-же минуту на дворъ мелькцулъ свътъ фонаря и исправный хозяинъ постоялаго двора, бодрый старикъ, въ мерлушечьей шапкъ и такой-же шубъ, крытой китайкою, встрътилъ пріъзжаго кунца. Набожно помолившись на ближнюю церковь, послъдній дружески обнялъ хозяина и послъ, трехъ, четырехъ обычныхъ любезностей, отправился въ избу къ теплымъ щамъ.

Было уже за полночь, когда заснуло и угомонилось подворье.... Только дребезжаніе бубенчиковъ, да колокольчиковъ, привязанныхъ къ гривамъ лошадей, да ихъ фырканье, или ръзкій вскрикъ пътуха нарушали спокойствіе постоялаго двора. Хозяинъ давно уже спалъ, обойдя дозоромъ дворъ и анбары, пріъзжіе тоже.... Не спалъ одинъ нупецъ, помъщенный въ отдъльной коморкъ.... Свътъ огня, пробивавшійся въ щели перегородки изъ сосъдняго чуланчика, не давалъ ему сомкнуть глазъ.... Къ тому же, если купецъ и начиналъ дремать — то чей-то говоръ, а иногда и напъвъ непонятной пъсни заставлялъ его безпрестанио вздрагивать.

— Что за напасть такая! — прошепталъ наконецъ купецъ, подымаясь съ лавки, аль навождение какое?... Вотъ словно надъ ухомъ пила виз-

житъ.... нътъ угомону, да и только!... развъ, что тамот-ко дъется.... Съ этими словами пріъзжій осторожно подошелъ къ перегородкъ и уставилъ правый глазъ въ щель ея.

— Да, что онъ ряхнулся сердечный, что-ли?... Экъ его кривляетъ.... прошепталъ купецъ, замьтивъ въ сосъдней коморкъ, при слабомъ освъщени ночника, полураздътаго хозяйскаго сына, который съ книгою въ рукахъ, то улыбался, то бормоталъ что-то, хмуря брови, то начиналъ пъть и приплясывать.

Купецъ удвоилъ вниманіе. Въ это время сосъдъ его, съ выраженіемъ плутовства и хитрости осторожно подошелъ къ столу и, ударяя по немъ, началъ сначала шопотомъ, потомъ громче и громче:

«Разступись вода.... растворись мельница!... явись ко мню съдой де монъ!»

Волосъ всталъ дыбомъ на головъ зрителя. Дрожа, какъ въ лихорадкъ, онъ судорожно отшатнулся отъ перегородки и въ изнеможении опустился на полъ.

— Вотъ она оказія-то.... Чернокнижіе !... Бъсодъяніе ! — прошепталь купець, осънивь себя крестомъ. — Съ нами крестная сила, — продолжаль онъ, пробираясь ползкомъ къ двери. — Этакой молодой мальчуга.... и въ кабалу къ ... къ.... Тьфу, нечесть !...

Съ послъднимъ словомъ прівзжій былъ уже за дверью и у койки хозянна.

— Михайло Осипычъ! А, Михайло Осиповичъ... слышь ты.... проснись — што-ли! — шепталъ купецъ, толкая спящаго хозяина.

Послъдній вздрогнуль и быстро поднялся на койкъ.... — А ! что — лошадей свели со двора.... что-ли? — Отозвался онъ.

- Хуже, кормилецъ, хуже!
- 0 !... горимъ развъ ?...
- Хуже.... ей-ей хуже !...
- Ну!... Да, говори, братъ, какая бъда стряслась?...
- Зажигай свъчку.... Самъ увидинь... а ужъ меня извини.... сейчасъ со двора вонъ....
- Господи помилуй!... что за оказія? сказаль оторопъвній козяинъ, зажигая свъчку. — Ну, скажень-ли теперь? — продолжаль онъ, обнаруживая сильное нетерпъніе въ каждомъ своемъ движеніи.

Вмъсто отвъта, купецъ, молча, подвелъ Михайла Осиновича къ две-

ри, за которой совершались чары и, подмигнувъ однимъ глазомъ, примолвилъ: Посмотрико-сь!....

- Чего смотръть-то, тутъ Антошка...
- Тсъ!... Не горлань, Осинычъ.... онъ давича такого гостя звалъ,
   что насъ обоихъ въ бараній рогъ ...
  - Полно тебъ, Сысой Матвъичъ!...
  - Тсъ!... Слушай!... слушай.... эге.... чу!... Ну-ка.... ну!

Въ это время за дверью, при сильномъ шорохъ, раздавались слъдующія слова, произносимыя на разные тоны, какъ будто-бы ихъ говорили два голоса:

.... «Найдутся-ли кони? ... Да найдутся-ли кони? (другой голосъ) Хотя найдутся да не скоро.... (первый голосъ.) Исчезни, окаянный!...

— Ась! — робко шепнулъ купецъ ; — чево-съ?... слышалъ, съ къмъ бесъду-то велъ.... смъкаешь.... душеньку-то въ кабалу кому....

Въ эту минуту румяное лицо старика хозяина, принявъ грозное выраженіе, покрылось синеватою блъдностію; онъ съ силою рванулъ дверь и съ крикомъ: Антошка!... остановился у порога, пораженный страннымъ видомъ своего сына.

- Ухъ, батюшки! прошепталъ купецъ, отступая нъсколько шаговъ назадъ. Вонъ она храбрость то не умытая, безъ креста вломился.... Быть бъдъ!...
- Что ты это а! озарникъ безпутный.... Чъмъ это ты промышляещь? — сказалъ отецъ, сдълавъ нъсколько шаговъ впередъ. Юноша не отвъчалъ, онъ растерялся совершенно, и не смъя взглянуть на отца, остановилъ свой испуганный взоръ на книгъ, валявшейся у его ногъ.
  - Тебъ говорю! повторилъ грозно отецъ.
- Прости, тятенька, повинную голову и мечь не съчетъ.... отвъчалъ Антоша; давно хотълъ признаться, да боялся твоего гнъва.... Боялся, что не позволишь....
- Чертобъсіемъ-то упражняться !... Душу-то въ кабалу упрятать....
- Тятенька. .. въдь это дъло не богопротивное.... и какой гръхъ возьму я на душу, если...
  - Что? не богопротивное... Чернокнижіе-то?

- Бъсодъяніе-то, пагуба-то въчная? подхватилъ купецъ....
- Какое-жъ тутъ чернокнижіе?... продолжалъ нъсколько оправившійся Антоша. Въдь кабы театральныя книги были черныя книги, такъ ихъ бы....
- Какія театральныя ?...
- Да, вотъ, примърно сказать, хоть-бы эта! съ этими словами Антоша поднялъ книгу и подалъ ее отцу
- Теъ, Осипычъ!... не тронь.... оборотитъ! крикнулъ купецъ.
- Ну, какая-жъ эта кпига? продолжалъ отецъ, нъсколько успокоившись и не обращая вниманія на слова гостя.
- Это комическая опера: «Мельникъ, сватъ и колдунъ» прозывается....
- Знаю, знаю.... видълъ эту штуку... смъшная... Ну, такъ ты то что ?...
- Да я ужъ, если простишь, тятенька, открою всю подноготную.
- Увидимъ.... говори, озарникъ !...
- Я въдь, вотъ ужъ три года, какъ наровилъ всё въ актеры, да сказать-то тебъ не смълъ, день ото дня откладывалъ, а сегодня ты и самъ узналъ мой гръхъ, какъ я началъ учить роль мельника....
- Такъ, братъ, только-то! вскричалъ обрадованный отецъ.
- Ей-Богу, тятинька, только.... Прости, родной !... да ужъ и не прети мнъ дълать то, къ чему душа лежитъ.... можетъ статься и порадую твою старость.... Отпусти меня въ Петербургъ. Добрый актеръ Калиграфъ, благодътель мой, досталъ мнъ тамъ мъсто на театръ Книпера....

Тутъ Антоша откровенно пересказалъ отцу о своемъ знакомствъ съ Калиграфомъ и о своихъ трехъ-лътнихъ трудахъ.

— Быть такъ... знать ужь на роду тебъ такъ написано, Антона, — заключилъ добрый сержантъ. — Иди съ Богомъ... Думалъ я
тебя по военной пустить... Ну, да всякое званіе пригодно, лишь бы
оно было честно... Вотъ што!.. Ступай, колдунъ, спи спокойно... Только одно скажу тебъ, Антоша, ужъ распотъшь отца....
Самъ пріъду посмотръть тебя въ Питеръ... слышь ты... въ этакихъ мужицкихъ комедіяхъ, тамъ мельниковъ какихъ-нибудь и не
моги думать представлять...

- Постараюсь! скръпя сердце, отвъчалъ Антоша.
- Не постараюсь.... а словомъ—не надо! Не хочу и видъть тебя, и слынать про тебя, что ты съ бородой, да въ зипунъ народъ потъщаешь.... По моему представляй богатырей, молодцовъ, служакъ.... Ну, да ладно .... Утро вечера мудренъе, еще перемолвимъ съ тобой.... Ну-ка, продолжалъ развеселившійся сержантъ, пойдемъ, Сысой Матвъичъ, да тяпнемъ со страху вишневочки....

anter random term to HI.

Много льтъ прошло съ-тъхъ-поръ, какъ старый сержантъ разлучился съ своимъ сыномъ. — Каждый годъ въсти, одна другой радостнъе, одна другой отрадиъе, получаемыя отцомъ о сынъ, молодили старика. Въ самомъ дълъ талантливый ученикъ Калиграфа съ перваго шага на сцену дълалъ успъхи быстрые, невъроятные и славные. Онъ не имълъ себъ подобнаго комика; игра его восхищала всъхъ — и простолюдина и вельможу. Въ 1779 году — онъ ръшился принятъ на себя ръшительно званіе актера и остаться въ этомъ званіи, а въ 1783 году, по усильной просьбъ самого Книпера и по желанію Ивана Ивановича Бецкаго, вступиль на придворный театръ. Отецъ радовался успъхамъ своего Антонии, съ восторгомъ благословилъ его на женитьбу — и уже сбирался въ Петербургъ обнять сына и приголубить внучатъ, какъ вдругъ разсказъ пріъзжаго изъ столицы пріятеля поссорилъ мгновенно старика съ сыномъ.

Михайлъ Осиповичу разсказали ту истину, что сынъ его дебютировалъ мельникомъ и до того былъ неподражаемъ въ этой роли, что опера Аблесимова была дана 27 разъ сряду ... «Да чего — прибавилъ разскащикъ, — самъ я былъ свидътелемъ, какъ однажды, во время представленія, А. А. Нарышкинъ кинулъ на сцену Антону Михайловичу конелекъ, наполненный золотомъ — съ надписью «Мельніку.»

— Такъ, вотъ ты какъ Антошка, — думалъ странный старикъ, — изъ отцовской воли выходить... въ зипунъ... съ бородой... Ладно! Сберусв въ Питеръ, да ужъ не на радость тебъ... Не хочу видъть ни внучатъ, ни невъстки, а просто приду въ твой театръ, скажу тебъ озарника, шалапая, пустозвона.... Илюну, да и прощай чадо непокорное.... Вотъ какъ!

Не велики были сборы отставнаго сержанта; чрезъ нъсколько дней, покинувъ свое родное Зарядье — онъ былъ уже на пути въ Петербургъ, а чрезъ недълю и въ самомъ городъ.

Върный своему слову и капризу, старикъ не отыскивалъ квартиры сына, но выждалъ случая и, хотя съ большими хлопотами и трудомъ, однако-же попалъ въ придворный театръ, тогда именно, какъ въ представленіи присутствовала Императрица.... Но и тутъ, повстръчавъ знакомаго капрала, Михайло Осиповичъ проговорилъ съ таварищемъ всю пьесу и только съ закрытіемъ занавъса хотълъ пройти къ своему мъсту, какъ въ эту минуту мимо его, къ дверямъ царской ложи, прошелъ придворный, за нимъ какой-то мужикъ....

- Что это, товарищъ, спросилъ Михайло Осиповичъ капрала, какъ сиволапый-то сюда попалъ?...
  - Это, товарищъ, актеръ.... къ Царицъ позванъ....
- Къ Царицъ! повторилъ изумленный сержантъ Вишь-ты, продолжалъ онъ, не бойсь мой дурень Антошка не скоро дочиграется до этой высокой чести.... Толи-бы послушать отца.... Богатыря-бы.... Ну, Эдипа.... пожалуй.... Нътъ? пустозвонъ....

Съ этими мыслями старый сержантъ пробрался къ своему мъсту. Въ это мгновеніе двери Царской ложи распахнулись и актеръ въ костюмъ мельника — показался на порогъ ихъ.... Императрица ласково улыбнулась и протянула свою руку, къ которой робкими и дрожащими устами прикоснулся вошедшій.

- Крутицкій! Крутицкій! раздалось въ толпъ зрителей...
- Гдъ?... почти задыхаясь спросиль старикъ....
- Въ ложъ Императрицы! отозвался кто-то.
- Крутицкій !... Антоша.... мой Антоша !... И почти рыдая отъ радости, обезумъвній старикъ бросился въ корридоръ на встръчу счастливому сыну.
- Батюшка! двумя высокими радостями подарилъ меня сегодня Господь, сказалъ Антонъ Михайловичъ, обнимая рыдавшаго отца: милостію матушки Императрицы и вашимъ прівздомъ....

Счастливые отецъ и сынъ — отправились домой, провожаемые толпою друзей и почитателей послъдняго.

the interest of the IV and the term of the All

Антонъ Матвъевичъ Крутицкій, первый замъчательный русскій комикъ, владълъ талантомъ вполнъ совершеннымъ; успъхамъ его даже завидовали иностранные артисты. При отсутствіи внъшнихъ достоинствъ, природа подарила ему дивный органъ, въ послъдствіи прекрасно выработанный, веселость необыкновенную, даръ постиженія въ высшей степени. — Мельникомъ Крутицкій началъ свое славное поприще. Эта же самая роль и доказываеть всю силу его необыкновеннаго таланта, вложившаго такъ много натуры и одушевленія въ роль, которая не заключаетъ въ себъ ръшительно никакихъ элементовъ народности. Въ пьесахъ Мольера, Крутицкій превосходиль всё, что появлялось до него въ этомъ родъ. Сила его игры и натура были до того необыкновенны, что Императоръ Павелъ I, видя его въ ролъ Скупаго, обратилъ на него особенное вниманіе и, въ 1797 году, послъ представленія этой пьесы, удостоиль его призвать къ себъ въ кабинеть и, послъ получасовой бесъды, отпустиль артиста, пожаловавъ ему собственные свои часы.

Говоря о плънительныхъ достоинствахъ Крутицкаго на сценъ, нельзя умолчать о тъхъ ръдкихъ и высокихъ качествахъ, какія находили въ немъ друзья.... Онъ былъ всегда душою общества. Доброта, искренность и веселый нравъ — привязывали къ нему каждаго.

Образованіе его, хотя не было блестящимъ и совершеннымъ, но знаніе двухъ языковъ — нъмецкаго и французскаго, давало ему возможность изучать иностранныхъ драматическихъ писателей и даже переводить ихъ. Изъ переводныхъ пьесъ его мы можемъ указать на : «Маделенъ и Лука» и «Обминъ шляпъ.»

Свершивъ свое прекрасное поприще, обласканный тремя Монархами и вполнъ оцъненный современниками, Антонъ Михайловичъ умеръ на 49-мъ году, 21 іюля 1803 года, въ Ревелъ, куда онъ отправился за нъсколько недъль до смерти.

Государь Императоръ, узнавъ о кончинъ Крутицкаго, въ уваженіе его таланта, наградилъ малолътнихъ дътей пенсіею въ 1,000 руб.

в савиновъ.

сцены изъ жизни моцарта.

man for the second of the second of the second of the second of

age described the explanation of the transfer of the explanation of th

The Late of Later Court for Albert

A LATER OF THE STREET, AND ASSESSED IN THE

and the same of the same of the latest and the same and the same of the same o

Carlotte and Carlotte Teachers and Carlotte

Въ одномъ Германскомъ городкъ, который заключалъ въ себъ нъсколько тысячъ жителей, не смотря на то, что онъ когда-то участвовалъ въ Ганзейскомъ союзъ, стоялъ въ прошломъ въкъ одноэтажный домикъ, отличавшійся отъ другихъ бълизною и чистотою; но виъщность этого жилья обманывала проходящаго, давая ему слишкомъ высокое повятіе о богатствъ обитателей, потому-что внутренность дома представляла крайнюю бъдность его хозяевъ. Нъсколько скамсекъ, одинъ столъ и двъ кровати, и все это изъ простаго сосноваго дерева, вотъ вся мебель, заключавшаяся въ четырехъ комнатахъ, составлявшихъ весь домъ. Въ немъ-то, въ прошломъ въкъ, въ одинъ іюльскій вечеръ, происходилъ слъдующій разговоръ:

- А знаешь, Эмма, какую я тебъ новость разскажу?

— Говори, мой Фридрихъ!... Не получилъ ли ты письма отъ отца?

Въ отвътъ на эти слова Фридрихъ вздохнулъ и послъ нъкотораго молчанія сказаль:

- Иътъ, Эммочка, письма мив нечего ждать....

И какъ бы желая разсъять нечальныя мысли, наведенныя на него вопросомъ жены, онъ обнялъ ее съ изжностью и, склонивъ на ея плечо голову, продолжалъ:

— Сегодня я встрътиль одного изъ монхъ прагскихъ знакомыхъ, и представь себъ кого именно — Моцарта!

- Что-же онъ дълаетъ въ нашемъ бъдномъ захолустъъ? спроспла его удивленная жена.
- Я не успълъ его разепросить, но я тебъ разскажу про нашу встръчу. Сегодня пошелъ я, по обыкновению, къ Томасу въ трактиръ, для сведенія итоговъ, съ которыми онъ вѣчно воюетъ, потому-что ариометика, по его словамъ, санскритская грамота, которую онъ никакъ не можетъ разкусить. Вотъ вхожу въ трактирную залу и гляжу: въ уединенномъ уголкъ сидитъ кто-то. Я хотъль раземотръть его лицо; но такъ-какъ онъ облокотился на руку, то я не успълъ въ своемъ намърении. Видно, какой-вибудь прівзжій, подумаль я и пошель въ буфетъ. Окончивъ счеты, я собрадся ндти домой; прохожу снова залу, и представь себъ мое удивленіе, когда я въ незнакомці узналъ Моцарта, моего бывшаго учителя музыки. Моцартъ сначала меня не узналъ, когдаже я сказалъ ему свою фамилію, онъ обияль меня радостно, какъбудто увидель брата. А знаешь, сколько времени онъ живетъ уже въ нашемъ городъ? три года! А о немъ здъсь не было ни слуху, ни духу.
  - Три года! гдъ-же онъ жилъ?
- Помняшь, тебъ нъсколько разъ говорила Марта жестяниица, что у нея живетъ ужъ нъсколько лътъ какой-то музыкантъ, страшный нелюдимъ, который день и ночь пишетъ какія-то каракули: ты ей растолковала еще, что это должны быть ноты....
- Помню, помню... какъ-же, я памедии съ нею сошлась въ церкви и она миѣ жаловалась на своего жильца.
  - На Моцарта?
  - Въроятно на него, когда онъ у нея живетъ.
  - Въ чемъ-же состояла ея жалоба?
- Въ томъ, что вотъ уже круглый годъ она его кормитъ, а онъ ей не платитъ ни копъйки.
  - Бъдный Моцартъ, вотъ до чего ты дожилъ!
  - А намъ развъ лучше? сказала со вздохомъ Эмма.

Фридрику стало очень грустно; при этихъ словахъ жены брови его нахмурились, а на голубыхъ глазахъ его навернулись слезы.

 Да, — еказалъ онъ со вздохомъ, послъ тягостнаго молчанія: наша доля незавидна: работы не добьешься, жизнь не дешева, дътей нужно прокормить....

Эмма, видя, что она своимъ замъчаніемъ жестоко поразила сердце своего Фридриха, стала жалъть о своей неосторожности и старалась заглядить ее ласлами. Послъ небольшихъ усилій, она

успъла успоконть мужа: лицо его прояснилось, онъ забылъ свою отдиость.

— А знаешь что, другъ мой, — сказалъ онъ ей съ улыбкою: — миъ пришла въ голову чудесная мысль: я хочу просить Моцарта, чтобы онъ переселился ко мнъ. О, я надъюсь, мы съ нимъ весело проведемъ время! Мы будемъ любить его, какъ брата, и, если какія-нибудь печали заставили его добровольно покинуть свътъ, постараемся утъшить его своею привязанностью.

Эмма, сочувствовавшая мужу своему во всъхъ высокихъ помыслахъ его души, не только одобрила его мысль, но начала его торопить и просила немедленно же отправиться къ Моцарту.

— Мы не будемъ его тревожить, какъ жестянинца, — говорила она, подавая Фридриху шляпу и провожая его на улицу. — Мы будемъ ему услуживать, беречь его. О, поторопись, проси его, умоляй!... Не забудь, — кричала она вслъдъ уже далеко ушедшему мужу, — просить его и отъ моего имени!

Когда Фридрихъ скрылся, она вошла тихо въ свое жилище на встръчу выбъжалъ къ ней трехъ-лътній мальчикъ съ кудрявою головкой и голубыми глазами, и вслъдъ за нимъ дъвочка, которая, по виду, была старше его двумя или тремя годами.

 Дъти, — сказала Эмма, занятая своею мыслію: — дъти, скоро придетъ къ намъ гость. Смотрите, полюбите его.

— Какой-же это гость? вскричала девушка.

— А у него есть игрушки? спросилъ мальчикъ.

— Есть, есть, отвъчала Эмма, взявъ сына на руки.

— Будемъ, будемъ любить гостя! закричали дъти.

Эмма придвинула скамью къ окну и присъла къ нему, ожидая мужа съ гостемъ; но долго заставили они ждать себя. Эмма теряла уже терпъніе и наконецъ потеряла совсъмъ надежду видъть у себя Моцарта.

Нътъ, — думала она: — Моцартъ — этотъ великій человъкъ,
 эта геніальная душа — долженъ быть такъ-же гордъ, какъ онъ великъ....

Она угадала: гордость Моцарта равнялась съ его геніемъ; но Эмма.забыла вовсе, что Моцартъ, человъкъ гордый, съ людьми равными былъ простъ и добродушенъ. Предлажение Фридриха разтрогало его до слезъ, и онъ, пожавъ ему руку, объявилъ, что съ радостью принимаетъ его предложение, и въ то время, какъ Эмма совсъмъ потеряла надежду, Фридрихъ появился съ Моцартомъ на порогъ.

Добрая Эмма не знала отъ радости, куда посадить своего гостя;

то ей казалось, что скамья слишкомъ жестка для него, то она боялась, что онъ простудится, и спъшила закрыть окно.

Моцарта тронуло радушіе этихъ безкорыстныхъ людей, и онъ, съ первыхъ же часовъ своего пребыванія въ ихъ домѣ, сдѣлался ихъ другомъ.

Долго они бестдовали, забывъ свою крайность, свою бъдность, доходившую почти до нищеты, — такова сила сочувствія!

Но вотъ дътв завизжали, запищали, и объявили, что имъ ъсть и спать хочется. Эмма, чтобы угомонить ихъ, накрыла столъ чистенькою скатертью, поставила на столъ солонку, прикрытую ломтемъ хлъба и горшокъ съ варенымъ картофелемъ.

- Извините, сказала она, обращаясь къ Моцарту: чъмъ
   Богъ послалъ.
- Бъдность не порокъ, отвъчалъ Моцартъ подъ аккомпаньеманъ вздоховъ Фридриха и Эммы и, придвинувъ скамью къ столу, принялся за скудный ужинъ.

Видя веселость своего гостя, хозяева развеселились сами, и все время за ужиномъ провели они такъ, какъ-будто предъ ними стояли изящныя блюда французской кухни. Было давно за полночь, когда они собрались спать. Въ комнатъ, примыкавшей къ спальнъ, была приготовлена Моцарту постель, на которой обыкновенно спаля дътя, уже уснувшіе на кровати матери; Фридрихъ же приготовилъ себъ на полу спальни ложе изъ соломы, покрытой простынею изъ грубаго полотна.

- Скажите миъ, добрый Фридрихъ, что побудило васъ покинуть домъ родительскій и замънить богатство отца вашего бъдностью? сказалъ Моцартъ, раздъвшись и бросившись на приготовленную для него постель.
- Любовь къ Эммъ, отвъчалъ изъ другой компаты Фридрихъ. Отець мой требовалъ, чтобы я жевился на дъвушкъ, у котораго вмъсто души были груды золота; но я согласился дучше жить въ инщетъ, чъмъ продать себя, чъмъ забытъ Эмму. Изъ Праги выъхалъ я для того, чтобы избъгнуть преслъдованій отца; этотъ же городъ выбралъ я потому, что здъсь жила тетка мосй Эммы, умершая въ прошломъ году и оставившая ей въ наслъдство этотъ домикъ. Вотъ вамъ исторія мосй женитьбы и нашей супружеской жизпи.

Еще полчаса слышны были голоса Моцарта, Фридриха и Эммы; но вотъ они умолкли и глубокая тишина воцарилась во всемъ до-

микъ; по временамъ лишь слышенъ былъ пискъ крысъ и крикъ пътуха.

II.

Прошло два мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ къ Фридриху переъхалъ Моцартъ и въ судьбъ этого мирнаго семейства не произошло ни одной перемъны, ни къ лучшему, ни къ худшему: Фридрихъ по-прежнему занимался то тъмъ, то другимъ, чтобы добыть нъсколько талеровъ въ недълю; добрая его Эмма занималась шитьемъ и стряпаньемъ; а Моцартъ училъ дътей молитвамъ и азбукъ. Такъ протекали ихъ дни однообразной чередою; но они ве роптали на судьбу, потому-что добровольно отказались отъ богатства, считая жизнь чувства выше всякаго другаго земнаго счастья. Но человъку не дано въ удълъ спокойствіе: жизнь его болъе или менъе цъпь тревогъ, которыя, если затихнутъ на время, такъ только для того, чтобы возобновиться еще съ большею силою. Следуя этому закону, жизнь трехъ друзей: Моцарта, Фридриха, и Эммы, должна была раво или поздно перейти изъ епокойствія въ бурю; тишина была пепродолжительна, настунило вскоръ невастье. Однажды, въ августъ мъсяцъ, возвращался Фридрихъ домой, утомленный работою того дня; нужда понудила его на трудъ непривычный — онъ таскалъ кули съ мукою на мельницъ. Чтобы скрыть отъ жены своей тяжкіе труды свои, овъ во всю дорогу старался уничтожить следы муки, оставшісся на его плать в нарукахъ. Ляцо его было полувеселое, шаги быстрые.

- Гей, Фридрихъ! — раздался за нимъ чей то голосъ. — Что, ты слъпъ, что-ли? Вишь какъ загордился!...

Фридрихъ оглянулся и узналъ въ говорившей — жестянницу, у которой жилъ Моцартъ.

- Ахъ, фрау Маргарита, извините; право, я такъ задумался....
   что васъ и не замѣтилъ.
- То-то; а я думала себъ: съ чего бы Фридриху погордъть? въдь опъ не важный какой-нибудь, да и карманъ-то у него не больно набитъ!...

Эта грубая выходка, вмъсто того, чтобы разсердить Фридриха только вызвала на лицо его улыбку презрънія.

- А знаешь, куда я нду, геръ Фридрихъ? продолжала жестянница.
  - Нътъ, не знаю, фрау Маргарита.

  - Я иду къ вамъ.Милости просимъ.
  - А знаешь, зачемъ?
  - Любопытно знать, фрау Маргарита.
- За должкомъ. Въдь ты, геръ Фридрихъ, поручился за моего бывшаго жильца. Кажется, ужъ пора бы было Моцарту знать честь и заплатить мив, бъдной вдовъ. Экія шутки! жить цёлый годъ и не заплатить ни одного гроша! А въдь объщался платить въ мъсяцъ пять талеровъ, значить въ годъ шестьдесятъ.
- Либе фрау Маргарита, но въдь пять талеровъ въ мъсяцъ это слишкомъ дорого....
  - Дорого.... Ты забываешь, что припасы дороги....
- Мив кажется, что и три талера было бы довольно.
  - Я трехъ талеровъ не возьму, чтобы прокормить человъка.
- Богъ съ вами, пусть будетъ пять талеровъ! но въдь можно подождать, тъмъ болъе, что вы не бълны.
- А кто тебъ сказалъ, что я богата? Не върь, вретъ онъ безсовъстно! Притомъ-же, какое тебъ дъло до того, что у меня лежитъ въ сундукъ?... Ты поручился, такъзнай, что нужно заплатить безъ отговорокъ.... Нужно быть честнымъ человъкомъ, а не мошенникомъ.

Едва только выговорила это жестянница, какъ въ ушахъ ея раздался трескъ, изъ глазъ посыпались искры, въ головъ зашумъло. Когда она очнулась, Фридрихъ былъ уже шагахъ въ двадцати отъ нея; онъ направиль шаги домой.

— Караулъ! закричала неистовымъ голосомъ жестянница: караулъ! разбойникъ! онъ меня убить хотълъ! караулъ! караулъ! Чрезъ нъсколько минутъ она была уже окружена толпою го-

рожанъ, которымъ описывала самыми ужасными красками, какъ Фридрихъ за ея же добро хотълъ ее убить, встрътивъ на улицъ. Толпа въ негодовании требовала, чтобы жестянница жаловалась формально бургомистру города, и та, окруженная негодующими согражданами, торжественно отправилась въ Ратушу.

III.

- Что съ тобою, мой милый Фридрихъ? ты въ такомъ волневін! сказала Эмма, встръчая на порогъ своего мужа.
  - Ничего, ничего, Эммочка! Я скоро шелъ сюда и утомился. Эмма покачала сомнительно головою и вышла въ кухню приготовить ужинъ.
  - Здравствуйте, Фридрихъ, сказалъ Мопартъ, вошедшій со двора въ комнату и неся на рукахъ маленькаго сына Фридриха.
  - Добраго вечера, отвъчалъ разсъянно Фридрихъ, пожавъ его руку.
  - Что съ вами, добрый другъ? спросилъ Моцартъ, замътивъ его разсъянность.
    - Со мною?-инчего.... я ей только далъ одну оплеуху....
    - Кому это?
  - Кому?... Да кто вамъ сказалъ, что я далъ пощечину жестаницъ?...
    - Да вы сами это говорите....
  - Фу! какой я разсъянный.... Маэстро, я имъю вамъ кое-что сказать....

При этихъ словахъ Фридрихъ оглянулся.

— Нътъ, продолжалъ онъ: отсюда услышитъ насъ Эмма! пойдемте на улицу.... Спустите съ рукъ Генриха.

Моцартъ, не понимая причины такой скрытности Фридриха, послъдовалъ за нимъ въ недоумънія.

- Посовътуйте мнъ, маэстро, что долженъ я дълать, сказалъ, Фридрихъ, усаживаясь на каменную скамью, стоявшую близъ воротъ его дома. Я прибилъ жестянницу за обиду мнъ причиненную.... я погорячился; но за слово мошенникъ, которымъ она осмълилась меня назвать, стоило ее поколотить не такъ.
- Но знаете ли, сказалъ встревоженный Моцартъ, что она принадлежитъ къ привилегированному клаесу жестянниковъ этого города, который имъетъ важныя права.
- Я это знаю, и потому-то хотълъ съ вами посовътоваться.... Я знаю, что жестявница будеть на меня жаловаться; меня посалять въ тюрьму на два мъсяца и взыщутъ сто талеровъ пени.... Два мъсяца сидъть въ тюрьмъ!... Ужасно! А семейство мое что будетъ дълать?... Если Эмма узнаетъ о моемъ теперешнемъ положеніи, я не знаю.... Посовътуйте, что миъ дълать?...
- Если бы я имълъ деньги, я бы взнесъ за васъ пеню; еслибы возможно было, я бы за васъ пошелъ въ тюрьму; но такъ-

какъ у меня пътъ денегъ и такъ-какъ по нашимъ законамъ только виновный долженъ быть наказапъ, то я могу вамъ пособить тъмъ, что посовътую немедленно же собраться въ путь и на время куданибудь удалиться. Если васъ заключатъ въ темницу, то Эмма умретъ отъ тоски и отчаянія.

— Я самъ это знаю... проклятая запальчивость!...

 Не осуждайте себя слишкомъ строго, Фридрихъ. Лучше подумайте о томъ, что намъ должно предпринять.

Нъсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Миъ пришла чудесная мысль въ голову, воскликнулъ вдругъ
 Фридрихъ, ударивъ себя ладонью по лбу.

- Говорите, другъ мой.

- Я забыль вовсе, что сегодня у Томаса въ трактиръ разговоримся я съ одвимъ пріъзжимъ изъ Праги, который знастъ мосго отца, и отъ него узналъ новость: отецъ мой купилъ ферму, которая лежитъ въ пятидесяти верстахъ отсюда, по почтовому тракту. Когда я возвращался домой, мнъ пришло въ голову сходить къ нему; быть-можетъ, онъ проститъ мнъ своевольный мой поступокъ.... Но эта проклятая жестявница перебила мои мечты.... Впрочемъ, я ее очень кстати поколотилъ: это заставляетъ меня немедленно же исполнить свое намъреніе: авось удастся!
- Видите ли, мой добрый Фридрихъ, никогда не должно от-
- Отнынъ впередъ буду всегда это повторять себъ. Пойдемте-же къ Эммъ. Нужно ей объявить, что я немедленно долженъ отправиться въ путь.

Они вошли вмъстъ въ комнату.

Когда Фридрихъ объявилъ женъ, что онъ немедленно долженъ идти верстъ за пятьдесятъ, она приняла это сначала за шутку; но узнавъ объ намъреніи Фридриха, обрадовалась и посиъшила приготовить ему все нужное для дороги.

Спустя полчаса, онъ вышелъ изъ дому.

Смотри, кричала Эмма вслъдъ Фридриху. Смотри, возвратись поскоръе, не то я умру отъ тоски.

Мопартъ при этихъ словахъ Эммы тяжко вздохнулъ и слеза засеребрилась на его ръсницахъ: какое то тяжкое предчувствие сжало его сердце.

Когда Фридрихъ скрылся изъ виду, Моцартъ началъ утъщать Эмму и наконецъ объявилъ ей истинную причину удаленія Фридриха. Узнавъ о случившемся, Эмма успокоплась и даже рада была удаленію мужа, потому-что этимъ онъ спасся отъ тюрьмы. Всю остальную часть вечера, по удаленіи Фридриха, провели Эмма и Моцартъ въ ожиданіи городской стражи, которая должна была придти за виновнымъ; но ожиданія ихъ были напрасны: пикто не являлся.

IV.

На другой день, предъ заходомъ солица, всходилъ Фридрихъ на гору. Предъ нимъ открылся чудный ландшафтъ: въ глубокой доминъ, на берегу небольшаго озера, лежала деревушка, утопавшая въ зелени садовъ. Съ правой стороны тянулась дорога, гдъ виднълся трактиръ; а съ лъвой разстилались виноградники. Нъсколько минутъ простоялъ Фридрихъ на одномъ мъстъ, вдыхая въ себя свъжій воздухъ полей; потомъ побрелъ тихими шагами къ трактиру; когда онъ подошелъ къ главному его зданію, до слуха его долетъли звуки флейты. Фридрихъ остановился предъ окномъ, откуда слышалась игра. Фридрихъ былъ самъ отличный музыкантъ и притомъ имълъ удивительную музыкальную память: онъ узналъ композицію Моцарта. Это обстоятельство заставило его совершенно забыться: онъ съ жадностью ловилъ каждый звукъ и когда незнакомецъ окончилъ игру, онъ началъ аплодировать съ энтузіазъмомъ. Въ окнъ показалось вдругъ удивленное лицо артиста.

— Браво, браво! кричалъ Фридрихъ. Вы славно исполнили соло. Еслибъ васъ услышалъ Моцартъ, онъ бы заплакалъ отъ восторга.

Сказавъ это, Фридрихъ поклонился артисту и вошелъ въ трактиръ. Когда онъ расположился отдохнуть и выпить кружку пива, въ трактирную залу вошелъ молодой человъкъ съ блъднымъ лицомъ, голубыми глазами, съ свътлыми волосами и одътый весь въ черномъ. Фридрихъ узналъ въ немъ игравшаго.

 Позвольте васъ спросить, вы должно быть странствующій музыкантъ? сказалъ артистъ, подсъвъ къ нему.

Произношение его изобличало въ немъ англичанина.

Нътъ. Но я любитель музыки и даже могу похвастать: я ученикъ Моцарта.

Англичанинъ посмотрълъ съ удавленіемъ на Фридриха; взглядъ его означаль: по твоему костюму вовсе не видно, чтобы ты былъ ученикомъ Моцарта. Фридрихъ угадалъ мысль своего собесъдвика и грустная улыбка скользнула по его губамъ.

- Быть можетъ, сказалъ онъ, после некотораго молчанія,

быть-можеть мой костюмь заставляеть васъ сомиваться въ истинъ монхъ словъ, такъ вспомните пословицу: по платью встръчають, по уму провожають.... Нъкоторыя обстоятельства заставили меня надъть простое платье, но это ни чуть не мъщаетъ мнъ быть музыкантомъ и вмъстъ съ тъмъ ученикомъ Моцарта. Скажу вамъ еще больше: я горжусь своею бъдностью, потомучто раздъляю ее съ великимъ моимъ учителемъ....

- Я васъ не понимаю. Прошу, говорите мив ясиве: я иностранецъ.... сказалъ англичанинъ, заинтересованный словами Фридриха.
- Мон слова означали вотъ что: знаете ли, гдъ теперь Моцартъ, этотъ человъкъ, котораго Германія считала существомъ необыкновеннымъ, волшебникомъ *?
- Нътъ, не знаю. Ужъ нъсколько лътъ, какъ объ немъ ничего не слышно.
- А давно-ли во всей Европъ гремъло его имя?... Если я не ошибаюсь, вы путешественникъ?
  - Что-же изъ этого сабдуетъ?
- То, что если вы никогда не видъли Моцарта, то имъете теперь случай не только его увидъть, но даже поговорить съ нимъ....
- Не вы ли сами Моцартъ!... воскликнулъ англичанинъ, снимая въ глубокомъ почтеніи шляпу.
- Нътъ, вы ошибаетесь; но съ меня достаточно и того, что я имъю право гордиться его дружбой. Если вамъ угодно, я васъ познакомлю съ нимъ.
  - О какъ я вамъ буду благодаренъ.
- Въ пятидесяти верстахъ отсюда, по дорогъ въ Прагу лежитъ маленькій городокъ, который служитъ теперь мъстопребываніемъ этого геніальнаго человъка; жилищемъ же его служитъ мой домикъ, гдъ вы его можете пайти, въ кругу моего семейства.
- Кстати, я сейчасъ-же ъду въ Прагу и слъдственно могу надъяться увидъть его завтра же.
- Я бы вамъ далъ письмо, но здъсь не добьешься ни чернилъ, ни пера. Но можно обойтись безъ пера. По прівздъ въ городъ, спросите домъ Фридриха Монтага, который вамъ каж-
- Моцартъ въ молодости носилъ на лѣвой рукѣ кольцо; молва придвла этому кольцу магическое дѣйствіе, и публика считала его причиною не-естественнаго механизма рукъ Моцарта; чтобы разувѣритъ публику, Моцартъ, садясь, во время концертовъ за фортеніано, снималъ кольцо.

дый укажеть; тамъ вы спросите Эмму Монтагъ и поклонитесь ей отъ меня, ея мужа; этого будетъ достаточно, чтобы она васъ приняла вмъстъ съ моимъ другомъ Моцартомъ, какъ дорогаго гостя.

Англичанинъ поблагодарилъ Фридриха, распрощался съ нимъ и чрезъ четверть часа коляска его мчалась уже по почтовой дорогъ.

Между-тымъ, какъ опъ спышилъ увидыть современную знаменитость, Фридрихъ распрашивалъ трактиршика объ отцъ своемъ; но свъдыня, полученныя вмъ, встревожили его: овъ узналъ, что старый отецъ его женился на молодой дъвушкъ и по ея то убъжденю купилъ ферму или лучше деревню, въ которой опъ живетъ съ весны. Сначала это извъстіе опечалило Фридриха, но потомъ, вспомнивъ слова Моцарта: что ни дълается, все къ лучшему, — онъ успокоился и легъ отдохнуть послъ суточной ходьбы.

На другой день всталь онъ вмъсть съ ласточками. Приведя въ порядокъ свой костюмъ, онъ пошелъ въ деревню, гдъ уже выгоняли пастухи коровъ. Въ глубокомъ раздумьи прошелъ Фридрихъ всю деревню и очутился близъ сада; онъ вошелъ въ него. Долго бродилъ онъ по аллеямъ, наконецъ, усталый, прилегъ на травъ. Мысли его были далеки; онъ думалъ объ Эммъ, дътяхъ о Моцаръъ. Въ какомъ-то забвеніи лежалъ онъ около часу на травъ, забывъ весь окружающій его міръ.

— Что тебъ нужно здъсь? — раздался надъ инмъ вдругъ чей-то

голосъ.

Фридрихъ вздрогнулъ и подпялъ голову — предъ нимъ стоялъ отецъ.

- Батюшка! невольно воскликнулъ онъ, вскочивъ съ своего мъста.
- Фридрихъ, тебя ли я вижу? Какимъ ты образомъ попалъ сюда? Въ какомъ ты видъ?
- Это я, это я, вашъ Фридрихъ. Батюшка, я пришелъ просить у васъ прощенья.

При этихъ словахъ Фридрихъ котълъ обнять отца, но старикъ отвелъ его отъ себя рукою; бъдный Фридрихъ не понялъ, что восклицаніе отца его — было удивленіе, не радость.

- Я удивляюсь, сказалъ сурово старикъ, какъ ты могъ явиться мит на глаза, поелт твоего поступка....
- Я знаю вашу доброту, вы мнв простите. В вдь я челов в къ, мы всъ имъемъ болъе или менъе слабостей, не осуждайте меня слишкомъ строго.... Если бы вы знали, сколько я перестрадалъ...

- Ты самъ причиной своего горя.... Ты не хотълъ слушаться отца.
- Но вы отъ меня требовали невозможнаго: вы хотъли, чтобы в женился на куклъ, на статуъ, набитой деньгами.

Едва это выговорилъ Фридрихъ, какъ лицо отца закипъло гиъвомъ.

— Что ты говоришь, безумецъ, негодяй! закричалъ онъ. Знаешьли ты, что подлый твой языкъ дерзаетъ поносить мою жену и твою мачиху....

Фридрихъ стоялъ, какъ пораженный громомъ: отецъ его же-

Нъсколько секундъ продолжалось молчаніе, Фридрихъ первый заговорилъ:

— Извините, сказалъ онъ. Я не зналъ, что моя бывшая невъста сдълалась вашею женою и моею матерью. О, въ такомъ случать, я ей обязант отдавать почтеніе.... Впрочемъ, едва ли я когда-инбудь встръчусь съ нею.... Прощайте, батюшка, мы больше никогда не увидимся....

Онъ поверяулся и ушелъ быстрыми шагами.

— Сумасшедшій! сказалъ ему въ следъ отецъ и пошелъ въ про-

тивуположную сторону.

Съ отчаяньемъ въ сердцъ пришелъ Фридрихъ въ трактиръ: всъ надежды его исчезли, въ душъ его было мрачно и пусто. Съ глубокою тоскою сълъ онъ на порогъ трактира, не зная, на что ръ- шиться и что предпринять: одна надежда его была на отца, но теперь примиреніе съ нимъ было невозможно.

— Возьму котомку на плеча, подумаль онъ, и пойду въ Прагу; тамъ и имълъ когда то друзей, которые пріншутъ миъ занятія, авось счастіе и миъ улыбиется.

Едва только пришла ему эта мысль въ голову, какъ онъ уже собрался въ дорогу.

Когда онъ расплачивался съ трактиршикомъ, вошелъ въ буфетъ мальчикъ въ ливреъ.

- Не вы ли Фридрихъ Монтагъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Фридриху.
  - Я, что тебъ нужно?
  - Госпожа моя велела вручить вамъ вотъ этотъ пакетъ.

Мальчикъ подалъ ему толстый пакетъ и быстро ушелъ.

Когда Фридрихъ распечаталъ пакетъ, изъ него посыпались золотыя монеты.

— Мит прислали милостывю, подумаль онъ. Гей, маль-

чикъ! закричалъ онъ, побъжавъ за мальчикомъ, но того уже не было.

- Господинъ трактирщикъ, сказалъ онъ, входя снова въ буфетъ, у меня есть къ вамъ просьба.
  - Извольте говорить. Готовъ исполнить.
  - Я сынъ здешняго помещика.
- Такъ! Скажите, а я не подозръвалъ вовсе, что имълъ честь угощать сына....
  - Такъ вы готовы исполнить мою просьбу?
- О, съ большимъ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ....
- Сходите, пожалуйста, къ отцу моему и вручите жент его вотъ эти деньги. Скажите ей отъ моего имени, что тотъ, кому она велта вручить эти деньги, говоритъ, что онъ лучше умретъ сто разъ съ голоду, нежели ръшится принять милостыню. Понимаете? Не забудете слова мои?
  - Не забуду, не забуду.
  - И такъ, я надъюсь....
- Сію секунду отнесу деньги. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ господиномъ Монтагомъ.

Трактирщикъ схватилъ шапку и чрезъ нѣсколько минутъ шелъ уже къ деревнѣ съ тростью въ одной рукѣ и съ деньгами въ другой.

V.

- Нътъ! пътъ! Я пичего знать не хочу.... Отдайте миъ мое, я чужаго не прошу.... Слыханное-ли дъло: за свое добро еще страдай! Негодяй, осмълиться ударить почтенную женщину!...

Такъ кричала жестянница, на третій день послѣ ссоры ея съ Фридрихомъ. Предъ нею стояла Эмма въ слезахъ и съ умоляющимъ видомъ.

- Но вы убиваете Моцарта! Если онъ еще день посидитъ въ тюрьмъ, онъ умретъ. Въ одни сутки онъ такъ перемънился, что душа болитъ, глядя на него.
- Такъ вы говорите, что онъ перемънился?... отчего-же не платитъ денегъ, когда ему не нравится такъ тюрьма?
- Будьте великодушны, не преслѣдуйте человѣка, у котораго ровно ничего нѣтъ.
- А мир-то какое дело?... По мир подавай мое, а тамъ делай себъ что хочеть!

- Но человъколюбіе....
- Человъколюбіе! А онъ меня развъ любилъ! Когда умеръ мой мужъ, я умоляла почти со слезами вашего человъколюбиваго Моцарта, чтобы онъ женился на мнъ... чъмъ я, между нами будь сказано, худая невъста? И домишко имъю, и хозяйка! Такъ нътъ и слышать не хотълъ. Такой злой вдовьи слезы осмъялъ! Нътъ, ужъ вы мнъ не говорите про Моцарта, знаю я его хорошо.... Пусть посидитъ въ тюрьмъ, будетъ онъ знать какъ впередъ смъяться надъ честными женщинами, да еще посылать грубіяновъ, которые дерутся....

Видя, что всё ея просьбы тщетны, Эмма съ сокрушеннымъ сердцемъ направила шаги домой, гдё она оставила дётей подъ присмотромъ одной сосёдки. Но каково было ея удивленіе, когда, войдя въ комнату, она увидёла незнакомаго мужчину, одётаго въ черное и играющаго съ ея сыномъ. Это былъ англичанинъ — туристъ.

- Извините, сударыня, сказалъ онъ, увидъвъ Эмму, что я безъ вашего въдома расположился здъсь... Я принесъ вамъ поклонъ отъ вашего мужа; я его встрътилъ въ пятидесяти миляхъ отсюда. Онъ велълъ миъ поклопиться вамъ и сказать, что онъ здоровъ. Скажите женъ моей и другу моему Моцарту, — это его собственныя слова — что имъ кланяется Фридрихъ Монтагъ...
  - Какъ я вамъ благодарна!... Не угодно-ли присъсть.
  - Господина Моцарта можно будетъ видъть?
- Друга нашего.... право не знаю, что вамъ сказать.... Нъкоторыя обстоятельства.... право.... онъ бъдный.... онъ долженъ былъ выъхать на время изъ города....
- Мамашинька, мамашинька! закричала вдругъ вбѣжавшая въ слезахъ дочь ея. Сосъдка Маргарита сказала миъ, что дядя Моцартъ сидитъ теперь взапертв, въ тюрьмъ.... Мамашинька, я хочу видъть дядю....

Смущение Эммы и слова ея дочери пояснили все англичанину.

— Сударыня, сказаль онъ послъ нъкотораго молчанія. Я принадлежу къ числу тъхъ людей, которые, при первой же встръчъ съ незнакомымъ человъкомъ, прочитываютъ въ его физіономіи всъ его душевныя качества. Небольше получаса говорилъ я съ вашимъ мужемъ и сталъ его уважать такъ, какъ-бы я былъ съ нимъ давно знакомъ. Вы же, безъ комплиментовъ, вашимъ прекраснымъ лицомъ можете тронуть марморъ, я же человъкъ.... Будьте откровенны: съ вашимъ другомъ случилось несчастіе? скажите миъ, въ чемъ дъло — быть можета, я буду въ состояни услужить ему хоть чъмъ нибудь....

Участіе хоть и незнакомаго намъ человъка располагаетъ насъ въ откровенности; въ Эммъ осуществилась эта истина: она со слезами разсказала англичанину о постигшемъ ихъ несчастіи.

— Не безпокойтесь, — сказаль туристь, когда Эмма окончила свой разсказь. — Не безпокойтесь, я постараюсь выпутать вашего друга изъ непріятнаго положенія. Одно меня удивляєть только, какъ Германія пренебрегаеть своими великими людьми.... Неблагодарная страна, ты попираешь ногами того, кто вписаль въ исторію твою столько свётлыхъ страницъ.... До свиданія, сударыня, повторяю снова: не безпокойтесь, черезъ часъ вы увидите вашего друга у себя дома.

Англичанинъ ушелъ, а религіозная Эмма бросилась на кольна и благодарила Бога за то, что онъ послалъ имъ спасителя.

VI.

rate with the first amounts shreatened

- Іоганъ!
- Чего изволите, господинъ бургомистръ?
- Привели арестанта?
- Привели. Прикажете ввести его сюда?
- Пусть подождетъ, только прочту вотъ это письмо.

Іоганъ вышель изъ комнаты, гдъ достопочтенный бургомистръ засъдаль собственною своею особою; толстое, грубое лицо, маленькій, но раздутый въ шарикъ носъ, большая бородавка подъ правымъ глазомъ, огромная лысина, синій кафтанъ, желтая жилетка съ черными металлическими пуговицамя, наиковыя брюки, пестрые чулки и башмаки съ пряжками, все это въ совокупности сидъло важно въ креслахъ за столомъ, обтянутымъ сукномъ.

- Іоганъ! закричала снова достопочтенная особа бургомистра.
   Явился Іоганъ.
  - Введи арестанта.

Чрезъ пъсколько секундъ стоялъ уже Моцартъ предъ собственною персоною бургомистра.

— A! это вы ?—промурдыкалъ бургомистръ.—Какимъ ты ремесломъ занимаешься, мой любезный?

- Я не ремесленникъ, артистъ, отвъчалъ Моцартъ.
- Артистъ! что же это такое?
- Я музыкантъ.
- А, понимаю, хорошо. Теперь, любезнийшій, скажи намъ: нэмъренъ-ли ты заплатить жестянницъ Мартъ слъдующія ей деньги?...
  - Я ей заплачу тогда, когда буду въ состояни.
- Когда же ты будешь въ состоянін, любезнийшій? Это-то намъ и любопытно пріобщить къ св'юдівніямъ....

При этпхъ словахъ достопочтенная особа бургомистра улыбнулась и прищурила глаза.

- Когда именно, я не могу съ точностью опредълить.... У меня есть одно музыкальное сочинение, которое я намъренъ отправить въ Въну, и за которое надъюсь получить тысячу талеровъ....
- Тысячу талеровъ!... Ты шутишь, любезнюйшій! Ты върно считаешь насъ дураками: и мы кое-что повимаемъ.
- Я вовсе не думаю шутить съ вами: напротивъ, я знаю, съ къмъ имъю удовольствие говорить; вы же съ своей стороны должны тоже знать, кому можно и кому нельзя сказать ты....
- Э, любезнийшій, да я вижу, что ты обидълся! Дазнаешь-ли ты, что ты долженъ себъ считать за честь, когда я съ тобою такъ говорю....
  - Право, я не вижу особенной чести!

Достопочтенная особа бургомистра при этихъ словахъ Моцарта покраснъла отъ негодованія.

- Іоганъ! Іоганъ! закричала она, завертъвшись на стулъ съ такою живостью, какъ будто подъ нею загорълась земля. Іоганъ, напомни этому музыканту, съ къмъ онъ говоритъ.
- Любезпъйшій! воскликнуль принципаль бургомистра. Любезпъйшій, не забудь, что ты стоишь предъ лицомъ бургомистра и судьи нашего благополучнаго города, предъ достопочтеннымъ главою цъха жестянниковъ и кожевниковъ, предъ почетнымъ попечителемъ сиротъ и вдовъ.

По мфрф того, какъ Іоганъ произносиль этотъ титулъ, лицо бургомистра прояснялось и, при послъднихъ словахъ оратора, глаза его прищурились, а на губахъ заиграла насмъшливая улыбка, которая имъла слъдующее значеніе: «ну что, любезивйшій, знай нашихъ!» эту то мысль выразиль бургомистръ въ слъдующемъ предложеніи:

- А вы, любезнийшій, позвольте узнать вашъ чинъ, званіе, имя и фамилію ?
- Званіе мое музыканть, отвічаль Моцарть, чинь—дирижерь прагскаго театральнаго оркестра, фамилія Моцарть.
- Хе, хе, хе, такъ вы, любезнъйшій, вотъ кто такой, а мы вовсе не знали !... Но вы великій человъкъ, съ вами нужно этикетничать !... Ну, такъ скажите миъ, пожалуйста, когда ваша милость намърена заплатить долгъ свой въдь этакъ не дълаютъ порядочные люди; знаете-ли вы, что мы васъ будемъ держать въ заключеніи, пока вы не заплатите жестяпниць всей суммы?
  - Какъ вамъ угодно.
  - Іоганъ, отведи господина....

Въ это время задрожали стекла отъ ъзды экипажа, который остановился у подъъзда ратуши.

— Посмотри-ка, Іоганъ, кто тамъ прівхаль.

Іоганъ вышелъ и чрезъ пъсколько минутъ вбъжалъ, запыхавшись.

— Господинъ бургомястръ, сказалъ онъ скороговоркою, это пріъхалъ въ коляскъ придворный лейбъ медикъ нашего государя. Онъ хочетъ васъ видъть....

Бургомистръ, озадаченный этимъ нечаяннымъ извъстіемъ, советьмъ растерялся и сидълъ, какъ статуя, на своемъ стулъ, хлопая глазами и щипля рукою подбородокъ. Іоганъ, видя смущеніе бургомистра, хлопалъ также глазами. Общее молчаніе ихъ было прервано скрвпомъ дверей; вошелъ англичанинъ— туристъ. При его входъ вскочилъ бургомистръ съ своего мъста, сдълалъ два шага впередъ, хотълъ что-то сказать, но, растерявшись, заикнулся и отступилъ на цълые три шага назадъ, такъ, что присълъ на столъ, встрътившійся при его отступленіи; потерявшись совершенно, онъ отскочилъ отъ стола и чуть не свалилъ съ ногъ подходившаго къ пему англичанина.

- Я имъю честь говорить, кажется, съ г. бургомистромъ?
- Такъ точно, ваше превосходительство. Какому счастливому случаю обязаны мы посъщениемъ вашимъ?
- Я отправляюсь въ Прагу и, пробажая вашъ городъ, остановился для того, чтобы посмотръть на знаменитое лицо, удостоившее его своимъ присутствіемъ.
- Ужъ не обо мит ли это онъ думаетъ? При этой мысли, достопочтенная особа бургомистра потерла себт руки. Очень, очень рады вашему постщению! сказалъ онъ съ улыбочкою, которая была слаще меда. Но кто же эта особа? продолжалъ онъ, желая услышать изъ устъ знатиаго посттителя собственную свою

фамилію, которая пользовалась въ глазахъ его большимъ уваже-

— Какъ! Развъ вамъ неизвъстно, что въ вашемъ городъ живетъ свътило Германіи, одинъ изъ величайшихъ геніевъ современнаго міра, которому подавали руку вънценосцы ?...

— Ей Богу, не зпаю, есть-ли въ нашемъ городъ такая важная

особа, сказалъ бургомистръ, запкаясь.

— Такъ значитъ, вы г. бургомистръ, не видите ничего дальше своего носа? Что же вы за начальникъ?

- Ваше превосходительство....

— Стыдитесь, продолжаль лейбъ медикъ, стыдитесь! великій композиторъ Моцартъ обезсмертиль вашъ городъ тъмъ, что выбраль его мъсто своего жительства, а вы не знаете даже, что онъ въ вашемъ городъ.... Какой же вы глава города послъ этого?...

Моцартъ, стоявшій до этого времени близъ окна, слыша, что ръчь пдетъ объ немъ, подошелъ къ лейбъ-медику и сказалъ ему скромно:

- Г. лейбъ-медикъ, позвольте васъ поблагодарить отъ имени Моцарта.
- Не вы ли сами великій маэстро?
- Вы угадали.
- Господинъ Моцартъ, позвольте вамъ засвидътельствовать мое глубокое уважение и удивление, которое я питаю къ вашему гению. Позвольте миъ пожать вашу знаменятую руку, которая вызывала громы рукоплесканий, которая наполняла восторженными кликами театральныя залы.

Англичанинъ ехватилъ руку Моцарта и кръпко пожалъ ее. Благородное сердце Моцарта умилялось: онъ съ чувствомъ обиялъ незнакомца и прижалъ его къ своему сердцу.

Свидътели этой сцены, бургомистръ и Іоганъ, стояли, какъ ошеломленные; они поияли изъ всего этого только то, что Мо- цартъ долженъ быть вельможа, который бъжалъ въ ихъ городъ и живетъ въ немъ подъ чужимъ именемъ.

- Г. бургомистръ, сказалъ англичанинъ. Я беру г. Моцарта подъ свое поручительство. Я знаю, что онъ теперь арестованъ. Вы не безпокойтесь, Моцартъ заплатитъ должникамъ своимъ.
- Смъю-ли я задерживать такую важную особу.... 'Я налъюсь, г. Моцартъ проститъ миъ за свое двухдневное заточеніе: я исполняль долгъ свой....
  - О, помилуйте, сказалъ съ презрительною улыбкою Моцартъ.

Люди подобные вамъ никогда не могутъ меня разсердить, не смотря на вст ихъ старанія.

- Нальюсь, что вы не откажете мнъ въ чести отвезть васъ домой, сказалъ англичанивъ.
- Съ большою благодарностью принимаю ваше предложеніе, отвъчалъ Моцартъ, пожавъ руку новаго своего знакомца.

Бургомистръ проводилъ ихъ съ поклонами на самую улицу. Чрезъ нъсколько секундъ весь городокъ видълъ собственными глазами, какъ промчалась отъ ратуши къ домику Фридриха Монтага коляска, и какъ сидълъ въ ней Моцартъ съ знатнымъ прітажимъ.

VII.

Въ тотъ же самый вечеръ сидъли за столомъ и за бутылкою Рейнскаго — Моцартъ и англичанинъ.

- Такъ вы, маэстро, теперь оставили свои музыкальныя занятія? сказалъ Англичанинъ, осушивъ свою рюмку и выпустивъ изо рта густые клубы дыма.
- Я теперь ничего не пишу. Признаться, годъ тому назадъ, на меня нашла какъ то дурь и я написалъ оперу, но послъ сжегъ ее.
- Напрасно вы это сдълали вы отняли у свъта много беземертныхъ страницъ.
- Вы слишкомъ пристрастны ко миъ. Я обработываю мон композицін всегда шутя.
- Это-то и показываетъ, что вы геніальны: геній всегда творитъ свободно, ничъмъ не стъсняясь. Искусство сливается у него съ жизнію, поэтому-то во всей его духовной дъятельности видимъ мы такую стройность; отъ того то каждая мысль геніальнаго человъка такъ полна, такъ изящиа, такъ совершенна, что заставляетъ невольно предъ нею преклонить голову. Каждый звукъ, переданный вами свъту, есть задача, надъ которой задумается не одинъ артистъ.... Повторяю снова: не трудясь больше на поприщъ музыкальномъ, вы лишаете насъ многихъ великихъ произведеній.
  - Признаться вамъ откровенно, я не чувствую уже въ душъ

той силы, которая когда-то побуждала меня трудиться; я чувствую, что способности мон притупились, или, лучше сказать, истощились.

- Маэстро, не въръте самому себъ: геній неистощимъ, онъ также безконеченъ, какъ и искусство.
- Я никогда не считалъ себя геніемъ; по знаю, что когда-то я чувствовалъ призваніе къ музыкъ, что на меня находили минуты вдохновенья, минуты творчества. Теперь же не чувствую я прежняго огня, прежней силы. Чему я долженъ это принисать? Не тому ли, что въ душъ моей притупились и изсякли способности?... Впрочемъ, я радъ этой перемънъ въ моемъ духъ; по-крайней мъръ, я спокоенъ, меня пе тревожатъ страсти, въ душъ моей нътъ борьбы чувствъ, выражающейся въ безконечной тревогъ. Случалось миъ не разъ, что въ душъ моей умолкалъ голосъ, побуждавшій меня творить; но это происходило только отъ утомленія духовнаго, это не было гробовое спокойствіе, отъ котораго въетъ могильнымъ холодомъ... Я чувствую, что силамъ моимъ не возстановиться, я умеръ для искусства.
  - Маэстро, вы упали духомъ.
- Да, вы правы, я упалъ духомъ, я разочарованъ жизнію, а это для артиста все равно, что смерть для тёла. Чтобы дъйствовать и творить, для этого нужна сила побудительная; рукоплесканія вотъ сила, которая заставляетъ артиста расточать плоды своего вдохновенія; на меня же напротивъ рукоплесканія произвели совершенно противуположное дъйствіе: они заставили меня отвернуться отъ искусства, затупить въ душъ моей всъ побужденія... Миъ надоъль свътъ я его понялъ и оцънялъ: слава, которою онъ вънчаетъ свояхъ любимцевъ, не стоитъ ви гроша. Публика это дитя, которое готово придти въ восторгъ отъ глупости, сказанной ея любимцемъ, и которое готово заснуть, когда этотъ-же самый любимецъ ея заговоритъ что-нибудь умное.

Англичанинъ глядълъ съ какою-то грустною улыбкою на своего собесъдника, слушая его печальную ръчь; и въ самомъ дълъ, лицо Моцарта въ это время имъло что-то необыкновенное, что то гробовое: щеки его были блъдны, потъ выступалъ на лбу, въ глазахъ его горълъ какой-то странный огонь. Послъднія слова договорилъ Моцартъ дрожащимъ голосомъ.

- Что съ вами, маэстро? Не дурно ли вамъ? Вашъ пульсъ ослабълъ?
- Нътъ, это вичего, это слабость, господинъ докторъ. Да, вы просили меня, чтобъ я вамъ написалъ какую-пибудь пьеску на

память. Хорошо, именно ради васъ я снова вспомню старыя времена. Скажите, что вамъ написать?

- Напишите мит requiem, сказалъ англичанинъ, посмотръвъ на Моцарта съ глубокою тоскою.
  - На что вамъ requiem ?
- Развъ вы не знаете насъ, англичанъ? Въ насъ все странно. Такъ, напримъръ, я бы очень желалъ быть похороненнымъ подъ звуки печальной мелодіи, въ которой говорила бы ваша великая душа.
- Ваше желаніе довольно оригинально, но я постараюсь исполнить его.
- Одно только жаль, перебиль его англичанинъ, что я долженъ сегодня же выъхать въ Прагу, по чрезъ недълю я буду обратно. Надъюсь, что вы поторопитесь своею работою.
- Непремънно. Завтра или послъ завтра работа будетъ кончена.

Было давно за полночь, когда англичанинъ распрощался съ Моцартомъ и ушелъ въ трактиръ, гдъ его уже ждали нетерпъливыя лошади. Выъзжая изъ города, онъ прошенталъ: дай Богъ, чтобы опасенія мон были напрасны!

Commence of the commence of th

principles or as or property to the real line.

— Меня назвалъ мой новый знакомецъ геніемъ; но въдь онъ самъ сказалъ, что первая отличительная черта генія— неистощимая дъятельность, а я не могу написать теперь одного простаго requiem....

Такъ мечталъ Моцартъ, прогуливаясь по городскому саду, на другой день послъ отъъзда англичанина.

— Я читалъ когда-то одинъ предсмертный сонетъ Шекспира, гдѣ онъ называетъ себя развалиною, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ осенью.... Мнѣ кажется, что Шекспиръ при концѣ своей жизни былъ точно въ такомъ же состояніи, какъ я теперь, только съ тою разницею, что онъ былъ геній, а я обыкновенный человѣкъ.

Моцартъ глубоко вздохнулъ и поглядълъ на пожелтъвшіе листья сада съ глубокою тоскою.

— Да, да, это мысль Шекспира: Гамлетъ называетъ свою жизнь

заглохшимъ садомъ. Видно Шекспиръ много перечувствовалъ въ жизни своей, не даромъ его похитила такъ рано смерть. А я развъ мало перечувствовалъ? О, также, какъ Шекспиръ, и я могу передать звукамъ всъ мученія, какія только могутъ терзать сердце человъка!

Моцартъ остановился, посмотрѣлъ какъ-то странно на поблекшую природу и сталъ прислушиваться къ шелесту листьевъ; среди этого неповятнаго говора деревъ долетѣла вдругъ до его слуха трель соловья.

Въ изнеможени опустился Моцартъ на близъ-стоявшую скамью. Въ немъ происходило что-то странное.

— Да, проговориль онъ шопотомъ, когда замолкъ соловей. Да, это пропълъ соловей requiem природъ.... Мысль, ты уже шевелишься въ душъ моей....

Онъ задумался; казалось онъ впалъ въ сонъ: лицо его было неподвижно.

— Я снова прежній Моцартъ! воскликнуль онъ, вскочивъ съ своего мъста. Requiem — созръль въ моей душъ, онъ просится на свътъ.... Онъ выразитъ плачъ природы при разлукъ души съ тъломъ.... О, Шекспиръ, если бы я тебя увидъль теперь, я бы обнялъ тебя и сказалъ: Шекспиръ, теперь я могу назваться тво-имъ братомъ: я чувствую, что силы наши равны!

Быстрыми шагами вышелъ Моцартъ изъ сада. Каждое движеніе въ воздухт, во время его ходьбы, принимало въ ушахъ его чудную гармовію; душа его, воспринимая впечатлтнія звуковъ, претворяла ихъ въ дивныя мелодій. Это былъ снова великій творецъ «Донъ-Жуана», въ которомъ сосредоточивался весь міръ звуковъ, это былъ снова тотъ мощный геній, который открылъ свъту многія тайны своего искусства, дотолт непостижимыя уму человъческому.

Проходя по городскимъ улицамъ, онъ ничего не замѣчалъ, ничего не видълъ: голова его горъла, на лбу выступалъ холодный потъ. Когда же онъ поровнялся съ трактиромъ Томаса, то остановился, какъ-бы удержанный невидимою рукою.

Нѣсколько секундъ постоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, какъ будто хотѣлъ что то вспомнить, потомъ быстро вошелъ въ трактиръ.

- Здравствуйте, господинъ Моцартъ! чему обязанъ я вашимъ посъщениемъ? сказалъ трактиршикъ, увидъвъ входящаго Моцарта.
- Г. Томасъ, вы меня нъсколько разъ просили настроить клавикорды, которые вамъ достались отъ одного пріъзжаго, и я вамъ

объщалъ привести ихъ въ порядокъ. Теперь, проходя мимо вашего трактира, я вепомнилъ свое объщание и готовъ его исполнить.

— Ахъ, вы меня премного обяжете этимъ! Ну-что въ самомъ дълъ! стоитъ въ залъ инструментъ, а играть на немъ пельзя. Нъсколько разъ попытались пріъзжіе разыграть что-нибудь, но по ихъ словамъ клакикорды такъ разстроены, что терзаютъ слухъ.

Моцартъ не дослушалъ трактирщика, который все еще болталъ, и принялся усердно строить клавякорды. Послъ двухчасоваго

труда онъ паконецъ привелъ ихъ въ порядокъ.

— Теперь, подумалъ онъ, взявъ въсколько аккордовъ и видя, что изъ клавикордъ можио извлекать спосные звуки; теперь, и разыграю свой requiem. Давно уже я не игралъ.

Едва только пришла ему эта мысль въ голову, какъ руки его уже привели ее въ дъйствіе. Кто разыгрывалъ или, по-крайней-мъръ, слышалъ этотъ историческій геquiem, тотъ легко можетъ себъ вообразить, какіе звуки могли извлекать пальцы Моцарта,—и страхъ и радость слышались въ пихъ.

Когда Моцартъ окончилъ игру, овъ посидълъ нъсколько секундъ въ какомъ-то забвеніп; видно было, что онъ еще не вышелъ изъ подъ вліянія собственной игры своей; потомъ онъ всталъ и, медленно закрывъ крышку клавикордъ, хотълъ уйти. Но каково было сго удивленіе, когда онъ увидълъ, что все семейство Томаса окружало его, и что почти у всъхъ виднълись слезы на глазахъ.

— Г. Моцартъ, сказалъ Томасъ, въ городъ говорятъ, что нъсколько дней тому назадъ одинъ знатный пріъзжій, который стоялъ въ моемъ трактиръ, пожалъ въ ратушъ вашу руку, называя васъ великимъ человъкомъ. Призпаться, я этому слуху не върилъ, теперь же считаю его достовърнымъ.... Вы такъ хорошо играете, какъ я въ жизни моен никогда не слышалъ.... Ей Богу, говорю правду! Смотрите, вы насъ всъхъ заставили прослезиться.

Эта простая рачь Томаса глубоко тронула Моцарта: онъ пожаль ему съ чувствомъ руку и быть можетъ въ первый разъ въ жизни своей отдалъ себъ должную справедливость, подумавъ: должно быть и въ правду я геніальный артистъ, когда и эти грубыя натуры сочувствуютъ миъ.... Тысячу благодарностей тебъ, Томасъ, что ты наивностью своею примирилъ съ самимъ собою геніальнаго творца Донъ-Жуана.

Съ спокойствиемъ и радостью въ сердцъ Моцартъ направилъ шаги домой: по по приходъ, онъ почувствовалъ кружение въ го-Огд. I. ловъ и бісніе сердца. Боясь испугать Эмму, онъ скрылъ свою физическую немощь. Добрая Эмма, видя, что Моцартъ пришелъ веселъ съ прогулки, сама радовалась, какъ дитя; но она не предчувствовала, что надъ головою ихъ собярается гроза.

Настала ночь. Тогда ужъ былъ октябрь въ началъ. Небоднахмурилось, одъвшись сърыми тучами. Мелкій дождь стучалъ въ окно. Вътеръ свистълъ въ трубъ. Сидя предъ ночникомъ изъкопоплянаго масла, Эмма вязала чулокъ, а Моцартъ сидълъ за столомъ и писалъ ноты.

Въ комнатъ было тихо, лишь слышался скрипъ пера.

- Что это вы сочиняете? спросила Эмма.
- Пишу requiem для англичанина.
- Скажите, пожалуйста, онъ не сказалъ вамъ, къ чему ему геquiem?
- Онъ миъ сказалъ, только его слова показались миъ странными: онъ желаетъ быть похороненнымъ подъ звуки музыки моего сочиненія.
  - Странно.

Настало снова молчаніе. Чрезъ нъсколько минутъ, Моцартъ положилъ въ сторону перо.

— Наконецъ я кончилъ, сказалъ онъ, складывая поты. Теперь пойду спать. Спокойной ночи, не забывайте меня, Эмма, въ своихъ молитвахъ.

При этихъ словахъ Моцартъ пожалъ ей руку и поцъловавъ ее въ лобъ, пошелъ къ себъ въ комнату.

Въ продолжение нъсколькихъ минутъ слышала Эмма, какъ Моцартъ приготовлялся ко сну, потомъ все замолкло.

Когда все усноконлось въ домѣ, Эммой овладѣло какое-то тревожное чувство, что-то похожее на страхъ: въ завываніи вѣтра, въ стукѣ дождевыхъ капель, ударявшихъ въ стекла оконъ, во всемъ— ей чудились какіе-то странные голоса. Будучи религіозна, она понимала, что только одна молитва можетъ ее успокоить, и она начала читать про себя Ave-Maria.

Но что это — какъ тяжко застональ въ сосъдней комнать Моцартъ.... Вотъ раздался стукъ, похожій на паденіе тъла человъческаго.... Эмма схватываетъ ночникъ, бъжитъ въ комнату Моцарта, и невольный крикъ, крикъ ужаса, вырывается изъ груди ея: на полу лежитъ Моцартъ съ лицомъ, обезображеннымъ смертью.

IX.

Между тъмъ, какъ эта катастрофа едва пе лищаетъ Эмму разсудка. Фридрихъ спъшитъ къ своему жилищу, и сердце его бъется радостно при мысли, что онъ скоро прижметъ къ груди своей тъхъ, которые для него дороже жизни.

Покинувь ферму отца, Фридрихъ направиль было путь въ Прагу, но какое-то предчувствие звало его обратно домой; пройдя въсколько верстъ, Фридрихъ пришелъ въ такое душевное взнеможение, что невольно повернулъ въ обратный путь: онъ долженъ былъ уступить влечению сердца.

Въ полдень остановился опъ на одной ферм въ тридцати верстахъ отъ своего роднаго крова. Фермеръ, встрътивъ его по дорогъ и разговорившись съ инмъ, узналъ объ его познай яхъ по части ветеринарной и какъ у него болълъ скотъ, предложилъ Фридриху остаться у него на двое сутокъ, объщаясь съ своей стороны вознаградить его. Фридрихъ всегда былъ радъ заработать что-нибудь, особенно же въ настоящемъ случат ему бы пригодились заработавныя деньги, потому-что съ пустымъ карманомъ было бы ему тягостно верпуться домой: двухмъсячное заточение неминуемо ожидало его въ городъ. На третій день, часу въ первомъ по полудии, вышелъ онъ изъ фермы и лицо его сіяло разостію: въ карманъ его лежали пять талеровъ.

Мы видъли вначалъ этой главы, что онъ подошелъ къ городу, когда уже была глубокая ночь.

Липкая грязь покрывала дорогу. Дождь проникаль сквозь платье. Съверовосточный вътеръ дуль порывисто и заставляль Фридриха дрожать, не смотря на то, что на немъ была блуза изътолстаго сукпа.

Чъмъ больше онъ приближался къ городу, тъмъ труднъе становилась дорога, тъмъ суровъе разыгрывалась погода: Фридрихъ хотълъ удвоить шаги, но силы ему измъняли; къ тому же имъ овладъла тоска. Онъ остановился отдохнуть. Блуждающій взоръ его хотълъ процикнуть сквозь мракъ ночи, отыскивая огонька; но тщетно: непроницаемый мракъ покрывалъ всю окружность. Перекрестясь, Фридрихъ собрался съ силами и пошелъ дальше; послъ получаеовой ходьбы, ему послышался лай собакъ; спустя же еще нъсколько минутъ, опъ былъ въ городъ, гдъ все уже было объято сномъ.

Быстрыми шагами пошелъ онъ домой и чрезъ изсколько минутъ постучался въ двери своего дома.

- Кто тамъ? Раздался за дверьин голосъ Эммы.

— Я, Фридрихъ!

Быстро повернулась дверь на петляхъ, и Эмма бросилась къ мужу въ объятія; ручьи слезъ оросили лицо и грудь Фридриха.

- Успокойся, другъ мой, говорилъ онъ женъ.

Эмма ничего не отвъчала и только рыдала.

- Что случилось? спросилъ Фридрихъ, и сердце его сжалось.
- Ахъ, не спрашивай!... Будь только твердъ, мой другъ.... Объщай миъ прежде, что ты перенесешь съ твердостью новое несчастіе, постигшее насъ....

Фридрихъ затрепеталъ — сердце его облилось кровью.

— Ради Бога, скажи, что случилось !...

Эмма взяла его за руку и повела за собою.

Проходя первую компату, служившую имъ рабочею, Фридрихъ увидълъ на столъ ноты. Опъ остановилъ Эмму и, взглянувъ на исписанный листокъ, прочелъ заглавныя слова: requiem. Взоры его впились въ это слово, в онъ стоялъ почти, какъ окаменълый Эмма повлекла его въ другую компату, гдъ на полу лежалъ умершій Моцартъ. Фридрихъ посмотрълъ на мертвеца, потомъ на Эмму, и страшный вопль вырвался изъ груди его; онъ спльно сжалъ руку Эммы, глаза его закрылись—онъ упалъ безъ чувствъ на полъ.

Ударъ былъ для него слишкомъ жестокъ: Моцарта любилъ онъ какъ друга, какъ брата, какъ отца, какъ человъка, какъ генія. Эмма была тоже привязана къ Моцарту, по только какъ къ другу ихъ семейства; Фридрихъ же со смертію Моцарта потерялъ половину своей собственной жизни. На другой день послъ объда твиулась скромная или лучше сказать нищенская "процессія: Фридрихъ шелъ съ крестомъ, а за нимъ несъ Томасъ съ служителями своими простой деревянный гробъ, сколоченный на скоро деревянными гвоздями. Никто въ городъ не обращалъ вниманія на эту печальную процессію, одна природа какъ-будто оплакивала смерть генія: дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Въ уединенномъ уголку городскаго кладонща опустилъ Томасъ бренные останки Моцарта.

Когда возросъ холмъ надъ могилой, Фридрихъ снялъ шляпу и сказалъ:

- Мы лишились друга, а свътъ генія!

Больше не могъ онъ говорить: колъна его согнулись, онъ поцъловалъ холмъ, скрывшій отъ него Моцарта.

Въ тотъ-же самый день Фридрихъ былъ посаженъ въ тюрьму.

I will be the second to the se

эпилогъ.

Harton equilibrium appropriate propriate propriate propriate pro-

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ кончины Моцарта, и въ одной нѣмецкой газетѣ появилась статья, авторъ которой упрекалъ Германію въ равнодушін къ своимъ знаменптостямъ, приводя въ примѣръ Моцарта, мѣсто погребенія котораго не было никому извѣстно. По поводу этой статьи, всѣ пѣмецкіе журналы подняли страшный крикъ, вызывая патріотовъ на великое дѣло: на отысканіе могилы Моцарта. Вся Германія поднялась на ноги, всѣ кладбища были осмотрѣны, по Моцартъ, какъ будто канулъ въ воду. И въ то время, когда свѣтъ уже отчаявался найти могилу великаго Моцарта, случай указалъ ему изгипвшій деревянный крестъ, подъ которымъ покоплось тѣло того, который пе могъ найти себѣ покоя въ мірѣ, и это случилось вотъ какимъ образомъ:

Въ Вънъ жила одна ветеранка драматическаго искусства; пріобрътя въ сценическомъ міръ громкую славу, она сошла со сцены на сороковомъ году своей жизни, для того, чтобы провести остальные дни въ кругу семейства; но интересы общества не были ей чужды. Домъ ея былъ сборищемъ артистовъ, художинковъ и литераторовъ. Два раза въ педълю собирались въ ея гостиной всъ знаменитости Въны. Въ одинъ вечеръ разговоръ шелъ объ новыхъ пъвцахъ, прибывшихъ въ Въну; оперный театръ хотълъ открыть сезонъ Допъ-Жуаномъ. Незамътнымъ образомъ коспулся разговоръ и Моцарта. Одинъ редакторъ газеты, бывшій въ числъ литераторовъ, памекнулъ при этомъ, что уже нъсколько лътъ Германія ищетъ на кладбищахъ и не можетъ отыскать могилы Моцарта.

— Какъ! воскликнула хозяйка дома. Отчего же вы не обратились ко мит — я бы указала вамъ могилу Моцарта, который носилъ меня когда то на рукахъ!...

Услышавъ это, всъ гости начали ее убъдительно просить разсказать имъ, какимъ образомъ она удостоилась чести быть носи-Отл. I. мою творцомъ Донъ-Жуана. Хозяйка разсказала имъ то, что сама знала: что она урожденная Монтагъ, что она родилась въ городъ Х., что Моцартъ жилъ и умеръ въ ихъ домъ, когда она была еще ребенкомъ и что если имъ угодно видъть могилу Моцарта, то они могутъ обратиться къ младшему ея брату Геприху Монтагъ, который служитъ въ томъ городъ судьею.

Недълю спустя послъ этого разговора, редакторъ газеты, который былъ причиною этого открытія, объявилъ свъту, что наконецъ усилія Гермавіи увънчались успъхомъ, что могила Моцарта открыта. Съ восторгомъ прпиялъ свътъ это извъстіе: открылась подписка, и великолъпный мавзолей быль воздвигнутъ надъ могилой того, кто умеръ — нищимъ!

rayed, which except the or and the grown and a middle or of he were

ance give the particular is a second of course on the Mary from the course

en l'el ricinfo, la dellecine è n'i i celepes Magai car inne eccession a

auf von Amerika die George Gewell des Aufannes (a. d. 1922), de seiner Lever de seine de de la company de la comp

were agreement mortings near arous, are vise friednished

distant have there a consider and a formation which does

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

the rough and accompanies of the second and the sec

entransport of the property of the second of

(4) mirgin (- another see of stronger transformation and another and a second control of the co

комедін эмиля ожьё. *

Статья Густава Планша.

Имя Эмиля Ожье теперь гремить. Произведенія комическаго поэта должны быть отмъчены совершенной зрълостью ума и сердца. Эмиль Ожье очень молодь; онъ еще не вполнъ изучиль людей, которыхъ изображаеть. Трудъ, предпринимаемый комическимъ поэтомъ, не согласуется съ надеждами и мечтами юности; чтобъ основательно понять и безукоризненно выполнить законъ комедіи, надо приглядъться къ жизни, постигнуть всъ ея изгибы, а тридцатильтній поэтъ вовсе не можеть надъяться на скорое достиженіе этой трудной цъли. Если

(*) Комедін г. Эмиля Ожье, принятыя съ восхищеніемъ французскою нубликою, увѣнчанныя премією французской Академіи, и теперь разыгрываемыя съ большимъ успѣхомъ на нашихъ французскомъ и русскомъ театрахъ, составляя предметъ современнаго удивленія и любопытства, требовали полной и опредѣлительной оцѣнки. Извѣстный критикъ Густавъ Планшъ предупредилъ насъ въ этомъ случаѣ и мы представляемъ здѣсь его критику, позволивъ себѣ однакожъ впослѣдствіи высказать и собственное наше мнѣніе объ этихъ прославленныхъ произведеніяхъ современной французской драматургіи. Ред.

Отд. III.

мы и приступаемъ теперь къ оцънкъ литературныхъ достоинствъ господина Ожье, то разумъется не излагаемъ нашего окончательнаго мнънія. Насъ занимаетъ въ особенности сравненіе трудовъ съ успъхомъ, увънчавнимъ ихъ, изученіе публики и автора. — Цикута (La Ciguë), Добродьтельный человькъ (Un Homme de bien), Искательница приключеній (L'Aventurière), Габріэль (Gabrielle), Флейтщикъ (Le Joueur de flûte), различные по выбору сюжетовъ, сохраняютъ единство между собою по родству мыслей и языка. Мы находимъ во всъхъ этихъ комедіяхъ тъ-же идеи, тъ-же чувства, подъ разной одеждой, подъ разными именами. Не трудно образовать, изъ этихъ идей и чувствъ, родъ философской и вмъстъ поэтической доктрины и ея общій смыслъ, изложенный ясно, будетъ руководить насъ при нашихъ сужденіяхъ.

Начнемъ съ Цикуты (La Ciguë). Комедія эта представляеть прекрасное начало. Хотя авторъ и выбралъ Анины мъстомъ дъйствія, однако разговоры его не отзываются археологическимъ наборомъ. Клиній, Клеонъ, Парисъ, Гипполита и не думаютъ объяснять намъ названій своей одежды, окружающей ихъ утвари и пънистой заздравной чаши. Въ нашихъ глазахъ это большая заслуга, за которую нельзя не похвалить господина Ожье. Намъ до того наскучили поэтыпеданты, у которыхъ эрудиція поглощаеть поэзію, что мы съ радостью и признательностію приняли авинскую комедію, для которой не нужны схоластическія изследованія. Авторъ избралъ Авины только для большаго простора своей фантазіи. Если онъ и запасся на школьныхъ скамьяхъ историческими свъденіями, то руководствуясь изящнымъ вкусомъ, очень скромно употребилъ свое зняпіе въ дъло. Ему стоило перечитать Путешествіе Анахарсиса или Жизнеописанія Илутарха, въ пятнадцать дней заготовить себъ порядочный запасъ и гордо выставить предъ взорами изумленной массы свои нетрудно нажитыя богатства. Но върный здравому смыслу, онъ говорить намъ, какъ человъкъ, обжившійся съ Анинскими гражданами, и эта скромность принесла ему счастье; она придала дъйствію и разговору живую, самородную наружность, которой не терпить чопорная эрудиція. Благодаря господина Ожье, Клиній говорить о скукв и о приближеніи смерти съ неподдельною простотою: онъ испыталь, исчерпаль всь наслажденія жизни, по-крайней-мъръ опъ такъ думаеть и въ смерти хочетъ найти забвеніе. Для него нъга уже угратила обаяніе,

игра не волнуетъ его души, вино притупило его вкусъ. Утомленный наслажденіями, которыя можеть доставить богатство, онъ думаеть, что жизнь его истощена. Готовясь испить цикуту, которая должна избавить его отъ скуки, онъ приглашаетъ къ объду Клеона и Париса, постоянныхъ товарищей его пировъ, свидътелей и участниковъ всъхъ его безумствъ. Имъ объясняеть онъ свое намъреніе и отвергаетъ, безъ горечи и безъ гивва, всъ возраженія, внушенныя имъ эгоистической и чувственной дружбой. Со смертью Клинія надо проститься съ роскошными пиршествами, надо отказаться отъ пляски ръзвыхъ гетеръ; они принуждены будуть вести жизнь умъренную, не для исправленія, но для бережливости, потому что кошелекъ Клинія всегда былъ открыть й друзья могли черпать въ немъ полной рукою. Клиній, слушая ихъ, придумываетъ, какъ развеселить свои послъднія минуты. Управитель долженъ привести ему сегодня-же молодую рабыню. Пусть Парисъ и Клеонъ оспаривають другъ у друга сердце хорошенькой Гипполиты, — побъдитель будеть ея мужемъ и наслъдникомъ Клинія. Эта мысль заключаетъ уже въ себъ зародышъ комедін; однако, приведенная къ такому положенію, она не могла-бы доставить автору большаго и разнообразнаго развитія. Клиній остался бы свидътелемъ безполезной борьбы и обоюдной неудачи своихъ пріятелей, что очень легко предвидъть. Съ перваго появленія Гипполиты, съ первыхъ словъ ея, зритель понимаетъ, что она не сдълаетъ выбора между Клеономъ и Парисомъ, что она съ равнымь презравіемъ отвергнеть и того и другаго. Клиній угадываетъ, по отвътамъ молодой рабыни, судьбу ожидающую его друзей. Чтобъ продлить борьбу, возобновить ее и придать ей забавный характеръ, послъ перваго испытанія, въ которомъ Гипполита обращается съ обоими соперниками холодно и гордо, онъ намъревается оставить свои богатства тому, кто будеть презрънъ Гипполитою. Первоначальная мысль, при такомъ развитіи, совершенно выполняеть сценическія условія, и господинъ Ожье прекрасно доказаль это на дълъ.

Правда, зритель самъ предвидитъ перемъну, которая должна произойти въ лицахъ Клеона и Париса. Не обладая даже провицательнымъ умомъ, онъ легко угадываетъ, что друзья Клинія, очарованные болъе его богатствомъ, нежели красотою Гипполиты, постараются унизить себя въ ея глазахъ со всъмъ искусствомъ, какое употребляли за минуту передъ тъмъ, выказывая свои достоинства. Но господинь Ожье вдохнуль въ новую борьбу Клеона и Париса столько жара и веселости, столько движенія и откровенной насмышки, что
слушатели забывають охотно свое предвидьніе, съ удовольствіемъ
слъдя за двумя соперниками, которые наперерывь украшають себя
всевозможными недостатками. Одинь называеть себя трусомъ и скупцомъ, другой — прожорою и глупцомъ, одинъ становится ниже другаго только-бы заслужить отвращеніе Гипполиты и утышиться въ невзгодъ наслъдствомъ Клинія. Вся сцена, о которой мы говоримъ,
написана мастерски и хотя собственно она лишь снимокъ съ другой,
гдъ Клеонъ и Парисъ употребляють свои старанія, чтобъ понравиться Гипполитъ, тъмъ не менъе авторъ съумълъ, разнообразіемъ и тонкостью подробностей, придать ей всю прелесть неожиданности.

Конечно этихъ данныхъ было достаточно для двухъ актовъ: насъ удовлетворяеть Клиній, увеселяющій свой предсмертный часъ зрълищемъ добровольнаго униженія своихъ друзей и снова возвращенный къ жизни красотою и простодушной откровенностью Гипполиты. Авторъ искаль въ развитіи характера Гипполиты новый источникъ интереса; онъ хотълъ представить эту дъвушку не только невинною и чистосердечною, но и способною къ признательности, къ любви, и вотъ что въ особенности придаетъ пьесъ поразительную свъжесть. Борьба Клеона и Париса оставила-бы въ нашей душъ непріятное впечатлъніе: позабавясь надъ продълками соперниковъ, мы не преодольлибы отвращенія. Наивное и страстное сердце Гипполиты незамвтно возвращаетъ насъ къ чистой поэзін. Великодушіе Клинія, который отпускаеть ее на волю, платить за ея провздъ на корабль и отсылаеть ее чистою на родину въ Кипръ, пробуждаеть въ ней живую признательность. Въ то время, когда она трепещущимъ голосомъ благодарить своего благодътеля, она узнала уже его тайну изъ споровъ Клеона и Париса. Если-бы Клиній, который почитаеть себя погибінимъ для любви, котя никогда не любилъ, еслибы Клиній, знакомый съ однимъ чувственнымъ удовольствіемъ, могъ полюбить чистою любовью прелестную и невинную женщину, то безъ сомнънія онъ бы не умеръ. Какъ возвратить ему самоувъренность? Какъ доказать, что онъ можетъ любить, что онъ не знаеть могущества своего собственнаго сердца, что жизнь его еще не угасла въ безсили, но едва начинается и объщаеть ему долгіе годы счастія? Чтобъ возвратить его къ жизни, надо открыть, что онъ любимъ. Можетъ-ли Гипполита колебаться?

Даже и не любя Клинія, изъ признательности она должна спасти его. Въ ту минуту, когда Клиній береть цикуту и твердою рукою подносить къ губамъ, Гипполита бросается къ нему и заставляеть его оставить отравленную чащу. «Ты умираещь, —говорить она ему иъжно, — оттого, что не знаешь любви. Послущай! я люблю тебя, неужели и теперь ты хочещь умереть?» Клиній отказывается отъ своего намъренія, женится на Гипполить и сохраняеть богатство. Клеонъ и Парисъ уничтожены и презръны; никто не побъдилъ, никто не побъждень — и Клинію не кого утъщать своимъ наслъдствомъ.

Создавая свою вторую комедію, господинъ Ожье встратиль трудность, которой не предвидълъ: поздно, въ вечеръ перваго представленія, почувствовалъ онъ необходимость ознакомиться съ міромъ, въ которомъ мы живемъ, чтобъ обрисовать и показать его врителямъ, которые тогда только могутъ судить картину, когда сравнивають ее съ своими воспоминаніями. Въ драмъ, въ трагедіи исторія помогаеть воображенію автора; въ комедіи сущность созданія надо извлекать изъ собственныхъ воспоминаній; надо пожить общественною жизнью, изучить страсти и смъшныя стороны, чтобы представить намъ лица естественныя, въроятныя и полныя интереса. Ничто не замънить собственных вопытовъ. Живость воображенія, привычка къ древнимъ поэтамъ, доставили господину Ожье всъ элементы Цикуты; изображая Клинія, спасеннаго любовью, не нужно ему было углубляться въ изученіе свъта ; онъ могъ обойтись безъ книгъ, заимствуя у современной жизни комическіе персонажи и дъйствіе, свободно развивающее ихъ карактеры. Во второй комедін мы должны упрекнуть господина Ожье за начинание предпріятія безъ яснаго опредъленія желаемой цъли. Пожалуй, онъ отвътить намъ, что хотълъ изобразить борьбу совъсти, находящейся между долгомъ и выгодами: такой отвътъ неудовлетворителенъ; еслибы онъ точно имълъ въ виду обработать указанный нами предметь, еслибъ въ мысляхъ его не оставалось ни недовърчивости, ни сомнънія, то онъ откровеннъе и смълъе приступиль-бы къ разработкъ этой идеи. Кажется, опъ началъ трудъ, не опредъливъ себъ прямой дороги: онъ слишкомъ понадъялся на игривость своего ума и надежда его не исполнилась; онъ пренебрегъ строгимъ анализомъ каждаго лица до вывода его на сцену, и эта небрежность придала полному ходу дъйствія что-то неясное, неопредъленное. Фелимій, Октавій, Роза вовсе не походять на людей, окружающихъ насъ. Въ точности Фелимій ни честенъ, ни безчестенъ. Онъ осуждаетъ въ своемъ собственномъ поведеніи незамътные промахи и синсходить къ важнымъ проступкамъ; правственное чувство лишено въ немъ правильности; его совъсть тревожится безъ всякой причины и спить непробуднымъ сномъ въ минуту самой опасности. Въ такомъ видъ Фелимій не принадлежитъ комедіи. Роза не интересуеть насъ, котя она и прозорливо угадываетъ эгоисмъ мужа, за то, въ ней нътъ жизненности, нътъ страсти, она не обращаетъ серьезнаго вниманія на любовь Октавія, и разсуждаеть съ хладнокровіемъ судьи. Октавій натураленъ только вполовину. Конечно, изъ покольнія, едва покинувшаго школьныя скамьи, встръчается молодежь, которая хвастается своимъ разочарованіемъ и холодностью; но отчаянный, хоть и двадцати-пяти лътъ, не можетъ быть обманутъ, какъ Октавій, женщиною, назначившею ему свиданіе. Состязаясь съ человъкомъ, презирающимъ страсть, Роза не раздълалась бы такъ дешево. Откровеннаго любящаго человъка побъдить можно; но человъкъ, насмъхающійся падъ чувствомъ, ръдко пощадитъ его въ женщинъ. Жюльета не лишена простодушія, но ея характеръ обрисованъ слишкомъ поверхностно. Дядя Бридень, по нашему мазнію, единственное комическое лицо во всей пьест; къ сожальнію, оно служить эпизодомъ и, при всей своей върности, не оживляетъ дъйствія.

Однако, не смотря на строгость, съ которою мы принуждены разбирать «Добродотельнаго челостька,» мы не можемъ раздълять нерасположенія зрителей къ этой пьесъ. Охотно признаемся, что эта вторая комедія скучнъе, однообразнъе «Цикуты», но въ «Добродотельномъ Челостько» есть мъста, запечатленныя истиннымъ талантомъ. Кто впадаетъ въ такія ошибки, какъ Ожье, тотъ способенъ къ произведеніямъ болье важнымъ.

Принимаясь за дъйствительность, господинъ Ожье почувствовалъ, что паденіе его неизбъжно и, обученный этой попыткой, возвратился въ область фантазіи. Гдв и когда происходить дъйствіе «Искателіницы Приключеній»?— Никому неизвъстно. Авторъ называетъ городъ Падуу, но не характеризуетъ мъста дъйствія. Что касается до времени, онъ и не думаль опредълять его и мы вовсе не порицаемъ его за это, потому что для развитія задуманнаго дъйствія, ему ръшительно не нужно было означать эпоху и страну. «Искательница Приключеній» — влюбленная вътренница; авторъ съумълъ обновить этотъ

сюжеть, столько разъ употребленный итальянскими разскащиками. Въ первыхъ трехъ актахъ господствуетъ непринужденная веселость. Хотя изображаемыя лица принадлежатъ одной фантазіи, хотя трудно опредълить, гдъ встръчаются такіе типы, но чувства и мысли ихъ выражаются ясно, обильно, самородно, ничто не замедляеть хода дъйствіявсе быстро и правдоподобно, и мы съ удовольствіемъ въримъ этому вымышленному міру. Но одно удивительно, какъ господинъ Ожье не нонялъ необходимости заключить шуткою то, что онъ началъ такъ весело? Комедія останавливается въ концъ третьяго дъйствія; съ четвертаго начинается новая пьеса, въ которой авторъ показалъ не менъе искусства; но только эта вторая пьеса нисколько не служитъ продолженіемъ первой; это драма, пришитая къ комедін. Въ первыхъ трехъ актахъ, мы видимъ простака, обманутаго искательницей приключеній; въ двухъ послъднихъ эта куртизанка совершенно перемъняется по манію какого-то волшебства: женщина безъ сердца становится страстной и нъжной, забываетъ честолюбивыя мечты, жаждеть только заслужить внимание человъка, котораго любить и отказывается отъ богатства, чтобъ пріобръсть его уважевіе. Сліяніе этихъ двухъ пьесъ не могло родить гармоническаго созданія, и въ-самомъ-дълъ «Искательница Приключеній» вовсе не удовлетворяеть мыслящаго зрителя, но многія части этого произведенія выполнены съ замъчательнымъ талантомъ и почти ничего не оставляютъ желать. Любовь Ораса и Селіи дышеть граціей и свъжестью; языкъ ихъ половъ благоуханія юности, которое чаруетъ слушателей; сцена попойки Фабриція и дона Аннибала написана съ увлекательнымъ жаромъ, трудно прослушать ее безъ смаха. Знаемъ, что донъ Аннибалъ не новость, что господинъ Ожье, при созданіи его характера, удовольствовался хвастуномъ старой комедін; все это справедливо и ясно: для доказательства не требуется большихъ запасовъ эрудиціп; но старость дъйствующаго лица ничего не отнимаетъ у таланта, съ которымъ авторъ вывелъ его на сцену. Разсужденія дона Аннибала, при окончаніи третьей бутылки — черты, взятыя прямо изъ природы, изученныя старательно и переданныя чрезвычайно върно. Меланхолія, овладъвающая его умомъ, вопросы новому другу — долго - ли онъ будетъ горевать о его смерти, все въ этой сценъ носить отпечатокъ истины. Способъ, употребляемый Клориндою для обмана, переданъ съ неменьшимъ искусствомъ : увърить Мукарада,

что онъ любимъ не за богатство, но за блескъ очей, за увлекательность голоса — попытка смълая, которая удалась бы Клориндъ, если-бъ соперникъ ея не зналъ давнымъ давно всъхъ уловокъ кокетства. Не помъшай Фабрицій и она нашла бы средство сдълаться женою Мукарада. Признаемся, намъ не нравится сцена между Клориндою и Селіей. Есть безъ сомнънія, въ этой сценъ стихи прекрасные, благородныя чувства, выраженныя языкомъ возвышеннымъ; но трудно понять, какимъ образомъ Мукарадъ могъ поручить этой женщинъ, которой прежняя жизнь ему извъстна, увърить Селію, что она не заслуживаеть ея презрънія. Съ какимъ-бы талантомъ прелестница ни вела своихъ убъжденій, съ какой-бы гордостью не отвъчала молодая дъвушка, мы не можемъ допустить этой борьбы праводушія и невинности противъ порока, гнуснаго самому-себъ. Намъ кажется родительская любовь не можетъ допустить такаго испытанія. Не смотря на страсть къ Клориндъ, Мукарадъ не смъетъ посягнуть на нравственную чистоту дочери; но развъ онъ не посягаетъ на нее, подвергая дочь такой пыткъ. Сверхъ-того, не достаетъ занимательности въ этой разговорной диссертаціи о достоинствъ добродътели, о трудности возвратиться на прямой путь послъ перваго паденія, о юности и красотъ, томимыхъ лишеніями и голодомъ.

Во второй части Искательницы Приключеній, въ отдъленіи драматическомъ, прекрасна та сцена, гдъ Клоринда, униженная презръніемъ Фабриція, устрашается его угрозъ, признается побъжденною и чувствуетъ въ первый разъ въ жизни огонь истинной любви. Въ прошломъ, она всегда видъла мужчинъ у своихъ ногъ; чтобъ полюбить ей нужно было найдти повелителя; едва лишь встрътила она его— и вотъ уже на колънахъ проситъ у него пощады. Это чувство, полное истины, господинъ Ожье передалъ чудными стихами.

И такъ, самый строгій судья найдеть много достойнаго похвалы въ этомъ произведеніи. Конечно, общая мысль Искательницы Приключеній недостаточна: вторая половина не отвъчаеть первой; характеръ главнаго лица, въ-продолженіе цълаго дъйствія, выдержанъ
невърно; чтобы почувствовать и доказать ошибочность этой мысли
не надо прибъгать къ древнимъ поэтамъ, достаточно здраваго смысла; но веселость, оживляющая три первые акта, показываеть въ господинъ Ожье истинное призваніе къ комедіи. Хотя дъйствующія
лица и принадлежать фантазіи, но авторъ надълилъ ихъ чувствами

правдоподобными: страстями и глупостью, которыя мы поминутно встрвчаемъ въ великой семьв человъческаго рода. Одно ужъ это дълаетъ изъ Искательницы Приключеній, если и не полную комедію, то, по-крайней-мъръ, сочиненіе, заслуживающее одобренія.

Сюжеть Габріали, по природъ своей, слишкомъ деликатенъ. Чтобъ нонять всъ трудности, представляемыя такимъ сюжетомъ, надо упростить его и выразить ясиле. Господинъ Ожье хотълъ доказать, что любовь семьянина всегда благороднъе и глубже случайной страсти молодаго холостяка. Другой задачи и быть не можеть въ основъ этой комеліи. Но эта задача пріобратаетъ истинную цанность въ области поэзін. являясь подъ видомъ серьезной борьбы между увлеченіемъ и долгомъ. Если страсть, презирающая и нарушающая законъ нравственный, не будеть представлена зрителю со всъмъ жаромъ и красноръчіемъ, которые дълають ее заразительною, то задача эта превратится въ пустую фразу. Ничего нътъ легче доказать, какъ то, что женщина, предпочитающая своего мужа и дътей всъмъ соблазнамъ свъта. не слушающая голоса страсти, достигаетъ болъе върнаго блага въ жизни, чъмъ женщина легкомысленная; не нужно писать двъ для убъжденія слушателей въ такой истинъ. тысячи стиховъ нътъ ни одной ложи въ залъ, гдъ-бъ эта мысль не была вполнъ принята до поднятія занавъса. Тезисъ, избранный господиномъ Ожье, налагаеть на поэта исключительную обязанность завязать между мужемъ и обольстителемъ борьбу одушевленную, состязаніе прямое, не походящее на забаву. Женщина должна быть доведена скукою, праздностью, гордостью до потери чувства справедливости; она должна оскорбляться, что мужъ посвящаеть ей такъ мало времени, должна стыдиться и краснъть, что занимаеть такъ мало мъста въ его жизни. Пеобходимо, чтобы мужъ, преданный совершенно исполнению своихъ обязанностей, не имълъ ни малъйшей мысли о грозящей ему опасности, чтобъ онъ не думалъ отвращать жену отъ праздности и развлекать ея скуку, самаго коварнаго совътника. Доказательство не можетъ-быть полнымъ, если притомъ соперникъ мужа не способенъ на всъ жертвы для обладанія, любимой жевщиной, Если этотъ соперникъ не въ чаду очарованія, если онъ не полагаетъ все счастіе въ женщинъ, которою надъется обладать, если его нападеніе не жарче обороны мужа, то онъ не пробудить въ насъ ни малъйшаго участія. Это картонный рыцарь, поставленный противъ человъка; мужу стоитъ только дать ему щелчекъ — и онъ побъжденъ! Положивъ однажды эти начала, истину которыхъ, по нашему мнънію, трудно опровергнуть, посмотримъ, чего стоятъ лица, выведенныя на сцену господиномъ Ожье. Габріэль скучаетъ и горюетъ, какъ всъ праздныя женщины, которыя въ употребленіи своихъ умственныхъ способностей, въ управленіи домомъ, въ семейной любви не умьютъ находить сильнаго интереса, отдаляющаго отъ нихъ всъ искушенія; но въ ея жалобахъ, счастіе быть любимой играетъ ужъ черезъ-чуръ скромную роль. Въ горести, овладъвающей ею, гораздо больше оскорбленнаго тщеславія, чъмъ изнемогающей нъжности: это ребенокъ, просящій забавы, а не женщина, призывающая любовь. Женщина, такъ созданная, не можетъ впушать глубокой любви. Страсть, поддерживаемая одной праздностью, никогда не пробудить и въ ея сердцъ сильныхъ треволненій.

Жюльено представляеть довольно върно типъ довърчиваго мужа, онъ дълаетъ для Габріэли все, что можетъ или, по-крайней-мъръ, все, что считаетъ нужнымъ для ея счастія, и чувство исполненнаго долга удаляеть отъ его мыслей всъ опасенія. Не имъеть-ли Габріэль желаемаго благосостоянія? не одъта-ли она по своему вкусу? не перемъняетъ-ли она своихъ нарядовъ, когда захочеть? не упрочена-ли будущность ея дочери? чего-же не достаеть ей? Развъ Жюльенъ не взяль на себя всъхъ хозяйственныхъ хлопоть? развъ трудъ Габріэли не состоить лишь въ томъ, чтобъ спокойно наслаждаться благополучіемъ, которое доставляеть ей мужь? Жюльенъ твердо увъренъ, что обезпеченіе, увъренность найдти завтра покинутое наканунъ, достаточно наполняють сердце женщины. Онъ не понимаеть необходимости занимать постепенно въ Габріэли всъ способности, говорить то ея воображенію, то разсудку, удовлетворять всв ея склонности, чтобъ сберечь ихъ отъ всъхъ соблазновъ. Увъренный въ своемъ безукоризненномъ поведенін, не сомнъваясь въ самомъ себъ, видя въ своей совъсти одну преданность, готовую на всъ испытанія, будеть-ли онъ сомнъваться въ Габріэли? Неужели придеть ему въ голову развлекать, какъ вътренное созданіе, мать своего ребенка?

Стефинъ болъе лицо пошло-комическое, чъмъ серьозно-правственное. При самомъ лучшемъ расположени, трудно повърить его клятвамъ. Поцълуи, расточаемые розъ, сорванной и оброненной Габрі-

элью, сожальнія о временахъ рыцарства, которое встарину поднимало благоуханную перчатку среди окровавленной арены, о нашихъ прозаическихъ нравахъ, о нашей нетревожной, безопасной жизни, вовсе не дълаютъ изъ него лица поэтическаго. Послъ обътовъ, слышанныхъ имъ изъ устъ Габріэли, понятно-ли, что онъ отказывается отъ нея, какъ только она заводитъ ръчь о бракъ? Габріэль ужасается, измъривъ пройденную дорогу, и отступаетъ передъ послъднимъ шагомъ, который долженъ предать ее въ руки обольстителя. Мужчина, чувствуя себя любимымъ, обманется-ли такою ложью, какую Габріэль призываеть на помощь? Она говорить о забвеніи, но долженъ-ли Стефанъ терять надежду и бросать свое счастіе, не стараясь пробудить, возжечь въ сердцъ любимой женщины страсть, которая готова потухнуть? Отреченіе отъ нея ему стоить такъ мало, онъ такъ поспъшно покоряется своей участи, что зритель не можетъ видъть въ немъ истинно-влюбленнаго, когда одно слово въ состояніи измънить всъ его мысли. Въ самомъ дълъ, поведение Стефана не послъдовательно и не извиняется даже его молодостью. Если незнаніе хитростей, на какія женщина способна для своей защиты, могло склонить его къ женитьбъ, противъ влеченія сердца, если онъ принялъ серьезно совъты Габріэли, то все-таки непонятно одно : какъ . онъ могъ пожертвовать всемъ своимъ счастіемъ, всеми мечтами, вслъдствіе одного только слова ? Положимъ, сердце человъческое непостоянно, но надо-же, чтобъ движенія его объяснялись страстью. Когда Габріэль говорить, что Стефанъ долженъ отъ нея отказаться, когда она противопоставляетъ роману любви — существенность долга, онъ повинуется ей, не смотря на то, что въ совъть ея заключается горькая иронія надъ его печалью. — Одна слеза Габріэли заглаживаетъ всъ ея насмъшки. Зритель не можетъ върить такому быстрому превращению. Когда Стефанъ задумываетъ похитить свою возлюбленную и уединиться съ нею на морскомъ берегу, въ какой-нибудь Бретонской деревушкъ, слушатели удивляются этому чудаку, который за минуту не ощущаль въ себъ достаточно любви, чтобы говорить въ свою пользу, а теперь отказывается отъ цълаго свъта для женщины, уязвившей его проническимъ высокомъріемъ. Жюльену легко восторжествовать надъ такимъ противникомъ. Габріэль, видя внезапную ръшимость Стефана, не можеть принять съ особенною довърчивостью и его готовность къ уединению. Любовь, ослабъвающая такъ быстро,

служить для мужа прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ, и отнимаетъ у завязавшейся борьбы всю ея цънность.

Адрізина, помъщенная авторомъ возлъ Габрізли съ намъреніемъ представить образумленное сердце, разсудокъ, просвътленный опытомъ, обрисована съ большимъ искусствомъ, и съ нъкоторою истиною. Языкъ ея дъйствительно языкъ женщины, увлеченной въ заблуждение скукою и возвращенной на путь истинный желаніемъ отдыха. Впрочемъ, какъ ни натурально такое лицо, оно никогда не займеть въ комедіи роли дъйствительной. Пусть прибавляетъ Адрізнна къ авторитету своихъ совътовъ авторитетъ собственнаго примъра, пусть говоритъ Габріэли, со всемъ пыломъ убъжденія: въ словахъ ея нетъ такой горячей привязанности, нътъ такого глубокаго сочувствія, чтобъ слушая ее, племянница ръшилась отказаться отъ всъхъ своихъ надеждъ и очарованій. Въ ръчахъ Адріэнны господствуєть чувство усталости, жажда бездъйствія, а такой языкъ, безъ сомнънія, не способенъ преобразовать двадцатильтнее сердце. Адрізнна интересуеть зрителя только своими отвътами на упреки мужа. Приготовясь къ оборонъ, она опровергаетъ съ неотразимымъ искусствомъ всъ доводы мосье Тампониэ. Но точно-ли мужъ Адріэнны лицо принадлежащее комедіи ?--Въ этомъ, по-крайней-мъръ, позволено сомнъваться. Хотя первое испытаніе даеть ему право не довърять женъ, трудно однако допустить его ежеминутное безпокойство. Не говоримъ о раскаяніи Адріэнны, которое заслуживаеть, быть можеть, болье откровеннаго прощенія и поступковъ болъе великодушныхъ : мы очень хорошо знаемъпогръщность такого деликатнаго свойства не скоро изглаживается изъ памяти мужа; во допуская даже, что Тампонез помнить обмань, котораго сдълался жертвою, намъ трудно понять, по какой причинъ принимаетъ онъ на свой счетъ опасность, угрожающую Жюльену. Если и существуетъ гдъ-нибудь подобный типъ супружеской недовърчивости, то онъ до того переходить за предълы въроятія, что правъ гражданства на театръ. Комическій можеть имъть поэтъ никогда не долженъ отыскивать своихъ персонажей между типами исключительной природы, онъ сдълается непонятнымъ. Партеръ улыбнется, видя постоянный страхъ Тампоннэ, но не приметъ его за копію съ натуры. Преувеличеніе приноситъ ту пользу на театръ, что придаеть болье выразительности страстямъ и смъшному, но и въ самомъ преувеличени должно уважать правдоподобіе, а лицо Тампоннэ не удовлетворяєть этому условію.

Въ первомъ актъ, мы видимъ Стефана колодно принятаго Габріэлью въ присутствіи Адріэнны. Адріэнна угадываетъ опасность въ самой холодности этого пріема и не обманывается уклончивыми отвътами племяницы. Хотя тетка и не слышала ни разговора Жюльена съ Габріэлью, ни отчаяннаго монолога, въ которомъ племянница ея изливаетъ весь свой гитвъ, все оскорбление, она предузнаетъ, что нроисходитъ въ глубийъ ся юнаго сердца. Еслибъ она присутствовала нри бесъдъ двухъ супруговъ, то безъ сомнанія, объяснила-бы Жюльену, какъ надо поступать, сказала-бы ему, что жена можеть любить своего мужа и не принивая пуговицъ къ его сорочкамъ. Что касается до насъ, мы отъ души жалъемъ мужей, которые не могутъ найти другихъ обезпеченій своего счастія. Когда глава семейства на худой конецъ получаетъ тысячъ двадцать франковъ годоваго дохода, женъ позволяется безукоризненно позабыть иголки. Адріэнца, наученная опытомъ, увидъла-бы въ упрекъ Жюльена оскорбительную насмешку и привела бы мужа на путь здраваго смысла и истины. Партія пикета между Стефаномъ и Тампоннэ ведена не менъе забавно, какъ и сцена попойки между Фабриціемъ и дономъ Аннибаломъ, въ Искательницъ Приключеній. Глупо-ревнивый мужъ, старающійся охуждать свою жену, и Стефанъ, выказывающій самую упрямую недовърчивость, безъ всякаго сомнънія представляють много комическихъ данныхъ. При всемъ томъ, авторъ не съумълъ остановиться во время. Таинственная дуэль, повъренная Жюльену подъ печатію тайны, о которой Жюльенъ разсказываетъ въ присутствіи жены и тетки, конечно пружина полезная, но столько разъ употребленная, что остается безъ всякаго дъйствія на зрителя. Пусть Жюльенъ, въ намъреніи удержать Стефапа, старается покровительствовать ему и опредъляеть его секретаремъ къ министру, пусть силится служить ему противъ воли, тутъ нътъ ничего дурнаго: все это върно, все списано съ натуры; но нослъ разговора Стефана и Адрізнны, узнавъ тайну Габріэли, чтобъ онъ еще поручилъ Стефану возвратить свою жену къ долгу, это, по нашему мнънію, ужъ черезъ-чуръ преувеличено. Какъ Жюльенъ ни уважаетъ Стефана, какъ ни почитаетъ его не способнымъ къ безчестному поступку, все-таки онъ подвергаетъ его добродътель слишкомъ тягостному испытанію. Гдъ вы найдете мужа, который-бы просиль человька, любимаго женою, проповъдывать ей забвеніе и презръніе страсти? Не знаемь, можно-ли встрътить такой подлинникъ на бъломъ свъть!

Мы допускаемъ, что Жюльенъ, отвергая совъты гиъва и еще не рискуя своей жизнью противъ жизни Стефана, взываетъ къ его дружбъ и въ признательности его ищеть средствъ къ отвращению опасности; но не понимаемъ, какимъ образомъ онъ поручаетъ ему образумить Габріэль, и въ особенности, не открываеть, что все ему извъстно. Еслибы Стефанъ чувствовалъ признательность сильнъе любви, ему бы оставалось одно : удалиться; но неспособный къ восторженной страсти, Стефанъ неохотно слъдуетъ великодушнымъ чувствамъ, на которыя разсчитывалъ Жюльенъ. Не питая къ Габріэли страстной любви, что заключаемъ мы изъ всъхъ его поступковъ, онъ не хочеть терять своихъ выгодъ и убъжденій. Мечталь опъ объ обладаніи Габріэлью, получиль ея объть и не откажется отъ своей мечты и надежды. Онъ съ радостью готовится къ общему побъгу и ни минуты не думаетъ о несчастін Жюльена; въ немъ гордость заглушаетъ признательность - и какъ Жюльенъ, человъкъ умный, положительный, быль такъ глупъ, что не предвидъль этого?

Приступаемъ къ сценъ, которую публика осыпаетъ всегда рукоплесканіями, къ сценъ, когда Жюльенъ, слыша отъ самого Стефана, что онъ вдеть и вдеть не одинъ, начинаеть съ нимъ разсуждать о счастін, находимомъ въ выполненін долга и о горъ, безславін и отчаянін, объщаемыхъ слъпымъ порывомъ страсти. Истина чувствъ и откровенность выраженія не выкупають странностей этой сцены. Слова Жюльена были-бы прекрасны въ устахъ отца, объясняющаго сыну гибельныя послъдствія страстей, но обращенныя мужемъ къ человъку, за которымъ готова послъдовать его жена, они возбуждаютъ только удивленіе. Потомъ авторъ, какъ кажется, еще недовольный нарушеніемъ истины, авторъ, который за минуту предъ этимъ, поручалъ Стефану убъжденіе Габріэли, поручаеть теперь Габріэли убъжленіе Стефана. Въ самомъ дъль Жюльенъ долженъ имъть высокое понятіе о любви, когда заставляеть влюбленныхъ поочередно выполнять роль наставниковъ; здъсь истина въ явномъ пренебреженіи. Еслибъ Габріэль и Стефанъ любили другь друга съ большимъ увлеченіемъ, они, въ отвътъ на мудрствованія Жюльена, увхали бы, оставивъ его на досугъ размышлять о недъйствительности самыхъ красноръчивыхъ наставленій. Къ счастію мужа, Габріэль и Стефанъ не такъ еще ослъплены страстію, чтобы презръть порицаніе свъта. Они разстаются безъ усилій, безъ сожальнія, какъ два сердца, брошенныя случайно въ жгучія страны любви, и которыя съ радостью готовы возвратиться опять въ теплыя, мирныя области жизни общественной.

Рукоплесканія публики, увънчавшія эту сцену, уничтожають-ли возраженія, изложенныя нами? Нътъ. — Обязанности и благополучіе семейной жизни, благородно понятыя и благородно выраженныя, всегда возбудять въ слушателяхъ живое сочувствіе: значить публика имъла причину рукоплескать словамъ Жюльена, но никто не долженъ принимать этихъ рукоплесканій за одобреніе поведенія, которымъ надъляеть авторъ Жюльена. Намъ кажется, что мужья, подверженные подобной опасности, не послъдують его примъру, а постараются снова пріобръсть сердце, на минуту увлекшейся, жены, чъмъ ввърять свое благополучіе защить краснорьчія. Въ самомъ дъль, если тріумоть долга или страсти зависить только отъ ораторскаго поединка, то надежда мужа не слишкомъ въроятна; въ противникъ своемъ онъ можетъ встрътить человъка, одареннаго ръчью болъе искусною, воображеніемъ болье цвътущимъ. Что-же тогда выйдеть? - Къ какому результату приведеть насъ задача, избранная господиномъ Ожье? Для доказательства, что жена должна во всякомъ случаъ предпочитать своего мужа, человъку, внушающему ей страсть, надо въ тоже время удостовърить, что этотъ человъкъ не будетъ объясняться лучше ея мужа ; другой смыслъ намъ трудно дать словамъ Габріэли: «Отецъ семейства! о поэтъ! я люблю тебя.» Еслибы Жюльенъ не прибралъ въ своей памяти дюжину блестящихъ фразъ, значить онъ быль-бы осуждень лишиться своей подруги.

Жальемъ, что господинъ Ожье въ успъхъ Габріэли не увидъль поощренія къ описанію современныхъ нравовъ, или, говоря откровенные, къ лучшему обработанію того, что едва лишь обрисовано имъ, а возвратился, написавъ Флейтицика, къ прежнему началу. Надо сказать правду, слушатели хвалили въ «Габріэли» скоръе намъреніе, чъмъ выполненіе. Выражая нашу мысль въ такой формъ, которая покажется, пожалуй, парадоксомъ, мы не боимся встрътить серьезныхъ противоръчій. Вмъсто того, чтобъ воспользоваться благосклонностью публики, авторъ возвратился къ своимъ первымъ этюдамъ, къ первымъ фантазіямъ. Въ Флейтицикъ мы опять встръча-

емъ всъ достоинства и подробности, отличающія Цикуту ; но данныя, которыя завъщаны намъ древностью о жизни и смерти Лаисы очень незначительны для драмы. Впрочемъ, они имъють свой поэтическій карактеръ, но господинъ Ожье, кажется, нашелъ нужнымъ лишить ихъ этого характера. Плутархъ, въ «Жизни Никія», разсказываетъ намъ, въ нъсколькихъ строкахъ, что Лаиса была плънена п продана во время похода противъ Сициліи, предпринятаго Никіемъ и Алкивіадомъ. Болье ничего не говорить онъ и мы ограничились-бы однъми догадками о жизни этой знаменитой красавицы безъ изслъдованій Атенея. Пятьдесять-четвертая и пятьдесять-пятая главы тринадиатой книги Леипнософистовъ представляють намъ въ самомъ дълъ любопытныя на счетъ ея объясненія. Похищенная въ самомъ нъжномъ дътствъ изъ роднаго города Иккары, Ланса была продана въ рабство, поселилась въ Коринов, который быль тогда самымъ чувственнымъ городомъ цълой Греціи. Красота вскоръ доставила ей пылкихъ обожателей и значительныя богатства. Атеней разсказываттъ, что Аппелесъ, встрътилъ ее однажды на берегуручья, гдъ она черпала воду и привелъ на многолюдное пиршество. Съ этого началась ся извъстность. На сороковомъ году, истощивъ всъ наслажденія роскоши и богатства, Лаиса влюбилась въ молодаго оессалійца и для него покинула Кориноъ. Оессалійскія женщины, завидуя ея красоть и быть можеть также, хотя Атеней и не упоминаеть объ этомъ, влюбленныя въ ея жениха, умертвили ее въ самомъ храмъ Венеры, куда она скрылась. Эпитафія Лаисъ, дошедшая до насъ, вполнъ достойна любопытства; въ одной Греціи могли такъ прославлять красоту женщины : «Греція, гордая ненобъдимымъ мужествомъ, быма порабощена красотою Лаисы, соперницы богинь; любовь родила Лаису, Коринов вскормиль ее, теперь она покоится въ благотворныхъ поляхъ Осссалии.»

Конечно, есть что-то трогательное въ судьбъ этой прелестницы: Лаиса, найдя въ красотъ своей всъ обаянія богатства и гордости, умираетъ жертвою своей-же красоты; проданная на седьмомъ году, посвященная съ дътства служенію Венеры, впервые влюбленная на исходъ красоты, но еще прекрасная, еще возбуждающая зависть есссальянокъ, не представляетъ-ли она поэту ясно характеризованный сюжетъ, который ничуть не тривіаленъ по своей трагичесской развязкъ? Чтобъ согласиться съ нашимъ мненіемъ, не надочитать Атенея, довольно пробъжать эти строки. Господинъ Ожье,

выбравъ въ героини знаменитую красавицу Кориноа, кажется, вовсе не думалъ держаться исторіи, мы не упрекнули-бы его въ незнаніи или въ забвеніи существеннаго, еслибъ воображеніе доставило ему что-нибудь лучшее; къ несчастію Флейтицикъ, при всъхъ своихъ частныхъ достоинствахъ, не имъетъ даже того интереса, который заключается въ двухъ главахъ Атенея.

Халкидій, называемый въ тринадцатой книгъ Деипнософистовъ Павзаніемъ, продаль свою свободу Псомису, чтобъ въ продолженіе восьми дней наслаждаться красотою Лаисы, которую наперерывъ оспоривають другъ у друга полководцы, ораторы и философы, потому что Лаиса побъждаетъ даже самые закоснълые предразсудки. Чтобы вкусить безпрепятственно быстролетное блаженство, Халкидій является къ Лаисъ подъ именемъ Аріобарзана, сатрапа персидскаго царя. Восьмой день кончается. Псомисъ самъ неравнодушенъ къ красотъ Лаисы, но какъ скупецъ, не желая потерять своихъ выгодъ, старается сдълать хорошую аферу. Халкидій искусно играеть на флейтв. Псомисъ, пользуясь этимъ, хочетъ продать его повыгодиъе, чтобы на вырученную цъну, посредствомъ подарковъ, войти въ милость Лансы. Бомилькаръ, кареагенецъ, которому Псомисъ предлагаетъ торгъ, знаетъ, что Халкилій рышился умертвить себя во избъжаніе рабства, не смотря на то, покупаеть его за три таланта, въ надеждъ пріобръсть выгоды гораздо значительнъйшія. Онъ угадаль любовь Лаисы къ Халкидію. Открывъ ей, чъмъ пожертвовалъ для нея Халкидій, и его ръшительное намъреніе не пережить блаженства, онъ получаеть отъ нея сто талантовъ за уступку ей этого раба. Ланса, влюбленная въ Халкидія, охотно отдаетъ всъ свои богатства за то, чтобы свободно обладать своимъ возлюбленнымъ. Халкидія она не цънить ниже ста талантовъ, то есть, ниже ста тридцати пяти тысячь рублей серебромъ. Халкидій за восьмидневное восхищение Лаисою заплатилъ только десять тысячъ восемьсоть рублей. Правда, что онъ продалъ свою свободу за два таланта, а Лаиса и послъ этой удивительной покупки не доведена еще до крайности.

Сравните комедію господина Ожье съ разсказомъ Атенея: на которой сторопъ поэзія? на которой интересъ? Коринеская прелестница, Отл. III. 142

влюбленная впервые, следующая за своимъ возлюбленнымъ въ Оессалію, надъясь скрыть отъ него пороки прошедшей жизни, умираюшая у жертвенника Венеры, не справедливъе ли, не разительнъе, не трогательнъе ли Лаисы, проданной вчера человъку, котораго она покупаетъ сегодня? — Отвътъ не сомнителенъ. Будемъ ли говорить о Псомисъ? Такое лицо ни прямо, ни косвенно не служитъ развитно главной мысли. Скупость Псомиса, соединенная съ испорченностію правовъ, не представляетъ Лаисъ сильнаго искушенія и не придаеть цъны ея жертвъ. Отчего отказывается она, слъдуя за Халкидіемъ? Отъ ласкъ старца, который даже и не согласенъ щедро наградить ее. Ничего не говоримъ о Кареагенцъ, котораго мысленно авторъ назначиль открывать намъ то скупость Псомиса, то страсть Лаисы къ Халкидію. Халкидій, по нашему мизнію, лицо неудавшееся. Мы допускаемъ, что Лаиса выкупаетъ его и спасаеть отъ рабства, что даруя ему свободу — даруетъ сама себя, что почитаетъ жертву Халкидія достойною своей красоты; и не цънить своей жертвы, потому что сама страстно его любить, но чтобъ Халкидій могъ любить Лансу искренно, чистою любовью, послъ всего предшествовавшаго, это рышительно нельпо. Забудеть-ли онь когда-нибудь торгь, заключенный съ Аріобарзаномъ?

Впрочемъ, Флейтщикъ, какъ и предшествующія пьесы господина Ожье, написанъ съ большимъ талантомъ; мы можемъ сказать даже, не льстя автору, что многія части его новой комедін отличаются слогомъ, болъе твердымъ и точнымъ. Къ сожальнію, рядомъ съ періодами, обработанными съ ръдкимъ изяществомъ, встръчаются стихи, отмъченные умышленною грубостью, которые невольно быють по уху. Самый терпъливый, снисходительный слушатель не можеть удержаться отъ досады, видя превосходныя картиоы, вставленныя въ інутки самаго сомнительнаго вкуса. Многія мъста, указываемыя нами, исчезли между первымъ и вторымъ представленіемъ; все-таки, котя авторъ, послушный совътамъ друзей, осудилъ себя и пожертвоваль нъсколькими дюжинами стиховъ, въ его послъдней комедін остается еще много пятенъ, которыя должно-бы изгладить твердою рукою. Желаніе противупоставить грубую существенность, въ обыденныхъ, роскошному формахъ самыхъ поэтическому изо-

бражению — надо предоставить умамъ обыкновеннымъ и пошлымъ : кто смотритъ на литературу, какъ на искусство, тотъ долженъ удерживаться отъ этой обычной замашки дюжинной бездарности. стъйшее ребячество пускаться въ пошлыя тривіальности, если положеніе не требуетъ настоятельно такого простонароднаго языка. Мольеръ никогда не ошибался въ употребленіи выраженій простонародныхъ. Не безразсудно, но съ доброю цълью употребляеть онъ всегда языкъ тривіальный; онъ или сводить имъ на землю восторженность любовника, или хочеть показать комическую сторону въ постоянномъ контрастъ мечты и существенности. Нужны-ли примъры въ подтверждение нашей мысли? Отъ Школы Женщино до Ученыхо Женщинг, отъ Жорэка Дандена до Врача по неволю, можно-ми упрекнуть Мольера въ умышленной грубости? Кромъ того, можно обвинить господина Ожье и въ нъкоторыхъ злоупотребленіяхъ противъ законовъ языка, противъ правильности и чистоты оборотовъ. Слога правильнаго, истинно-изящнаго слога не можетъ быть безъ практического знанія законовъ языка. Какъ не презирали-бы форму и разстановку словъ, однако-жъ никогда не должно забывать важности грамматическаго ученія. Если языкъ, относительно основныхъ законовъ, не составляетъ слога, за то первое условіе слога — уважать законы языка. Господинъ Ожье пишетъ стихами легко и непринужденно, риема послушна ему: но нолагаясь на легкость и непринужденность языка, онъ не долженъ пренебрегать исправленіемъ неточныхъ словъ, темныхъ выраженій и неправильныхъ оборотовъ, которые, правда, замътятъ не болъе пятидесяти слушателей, людей привычныхъ, но которые и для непривычныхъ часто затемняютъ нить разговора. Если всякая экономія хороша въ дълъ обогащенія, такъ и всякая осмотрительность въ дълъ литературномъ похвальна, правильное употребление и размъщение словъ играють важную роль въ изображеніи мысли.

Господинъ Ожье, по-видимому, не понимаетъ важности единства въ слогъ; ему, кажется, правится постоянная противуположность изящества и тривіальности. Прельщенный внимательнымъ чтеніемъ Ученыхъ Женщинъ и Амфитріона, онъ забываетъ или вовсе пренебрегаетъ Мизантропомъ и Школою Женщинъ. Боже насъ сохрани,

чтобы мы ставили Амфитріона и Ученых женицинг ниже Мизантропа и Школы Женщинъ; Ученыя Женщины, по нашему мнънію, совершеннъйшее изъ произведеній Мольера, но для наблюдательнаго ума слогъ этихъ пьесъ никогда не представитъ единства. Въ Амфитріонть и въ Ученых женщинах есть воспоминаніе, отблескъ Ренье, чего не найдете ни въ Школъ Женщинъ, ни въ Мизантропъ. Господинъ Ожье, знакомый съ языкомъ Мольера и во многихъ случаяхъ извлекавній изъ его чтеній замъчательную пользу, не почувствовалъ еще необходимости изучить измъненія слога у этого знаменитаго мастера. Сорока лътъ отъ роду, Мольеръ написалъ Школу Женщинъ, образецъ изящества, наивности и простодушія. Спустя четыре года, онъ произвелъ Мизантропа, гдъ изящество, безъ натяжки, отличается болъе выдержаннымъ характеромъ. Въ слъдующемъ году онъ создалъ Тартюфа, котораго языкъ для прозорливыхъ имъетъ болъе учености и ясности, чъмъ языкъ Мизантропа. Наконецъ, на пятидесятомъ году, онъ написалъ Ученыхъ Женщинъ, верхъ усилія генія, котораго, безъ сомивнія, онъ не превзошель-бы никогда, если-бъ смерть и пощадила его еще на десять лътъ. По нашему митнію, слогъ Ученыхъ Женщинъ соединяеть всв условія комическаго разговорнаго языка. Не думаемъ, чтобы можно было довести далъе ясность, очевидность, движеніе, фамильярную иронію, острую и ъдкую насмъшку, живое и цвътущее изображение всъхъ подробностей обыкновенной жизни! Но комическій поэтъ, который беретъ Мольера въ совътники и за образецъ, долженъ опредълить въ умъ своемъ различіе, отдъляющее Школу Женщинг оть Ученыхъ Женщинъ; если онъ не обратитъ вниманія на это различіе, если смъшаетъ его, - не говоримъ - въ общемъ удивленіи, потому что удивленіе — справедливость, но въ общемъ, одновременномъ подражаніи, то необходимо встрътитъ на своемъ пути препятствіе, котораго не избъгнеть самое осторожное благоразуміе. Что бы онъ ни дълаль, чтобы ни предпринималь, не смотря на всъ источники ума, слогь его всегда будетъ лишенъ единства. — Это-то именно и случается теперь съ господиномъ Ожье; на лучнихъ страницахъ его встръчаются странныя несогласія, которыя очень върно можно назвать крикливостями слога.

Ясно, что господинь Ожье обладаеть неполнымъ понятіемъ

объ условіяхъ комическаго слога. Онъ полагаетъ эти условія въ постоянномъ контрастъ идеальнаго и существеннаго, а не замъчаетъ, что этотъ контрастъ, хотя-бы онъ и заключалъ не избавляетъ поэта отъ единства въ условія комедіи, Пусть каждое лицо говорить по своему положению, по своей роль; пусть Агнеса и Орасъ, Алэнъ и Арпольдъ выражають свои мысли каждый по своему, нътъ ничего лучше -- мы согласны; но прививать языкъ Алэна или Арнольфа къ языку Агнесы или Ораса, влагать въ уста Клитандра слова Хризаля или Мартина, это прихоть, непризнаваемая здравымъ смысломъ; если - бы и рукоплесканія партера опровергали приговоръ, произнесенный здравымъ смысломъ, мы послъдовали - бы примъру Катона — перешли - бы на побъжденную сторону. принятый господиномъ Ожье и употребляемый имъ попродолжени семи лътъ, вовсе не честь, оказы-ВЪ Мольеру, постоянное нарушение законовъ, учрежденa ныхъ авторомъ Ученыхъ эксенщинъ. Смъшиваніе Аристофана съ Менандромъ, Плавта съ Теренціемъ не показываетъ плодовитости и разнообразія, а скоръе пренебреженіе основныхъ условій комическаго языка. Если слогъ комедіи требуеть болье гибкости и фамильярности, чъмъ слогъ эпопеи или трагедіи, гибкость и фамильярность не должны быть смъщиваемы съ несогласіями, а господинъ Ожье портить, какъ нарочно, свои лучнія вдохновенія злоупотребленіемъ несогласій. Пусть каждое лицо остается върнымъ своему характеру. пусть говорить оно по своимъ страстямъ и интересамъ; пусть сохраняеть въ тоже время языкъ своего положенія, своихъ привычекъ, пусть не удивляетъ слушателей, произнося слова несходныя съ его назначеніемъ. Въ этомъ заключается прихоть, которая, пожалуй, займеть утомленные умы, но рано или поздно не избъгнеть строгаго осужденія; это перецъ, который щекочеть притупленное нёбо, но не вкусное блюдо, не здоровое, сочное мясо, - и такія заблужденія, покровительствуемыя сперва невъденіемъ и ослъпленіемъ, скоро примутъ осуждение законное. Постоянный контрастъ идеальнаго и существеннаго займеть степень общихъ мъстъ.

Въ пяти комедіяхъ, которыя господинъ Ожье написалъ въ продолженіи семи льтъ, никогда не приступаль онъ откровенно къ обязан-

ностямъ поэта комическаго. Первая, третья и пятая принадлежатъ прямо фантазіи, и не смотря на таланть, отмъчающій ихъ, не могуть быть приняты, какъ настоящія комедін, потому что комическій поэтъ долженъ нападать на пороки и смъщныя стороны своего времени. Не перенося насъ въ въкъ Перикла, въ палаты Клинія или Лансы, онъ можетъ могущественно подъйствовать на насъ. Мукарадъ, Клоринда и донъ Анпибалъ - лица, просто дошедшія до насъ по преданіямъ и обновленныя остроумной фантазіей; въ нихъ нътъ опредъленнаго времени и цвъта. Мы сказали, почему Флейтицикъ, не смотря на достоинства накоторыхъ частей, стоитъ ниже Цикуты и Искательницы приключеній. Въ Цикутю, въ Искательницю приключеній есть планъ, составъ, ясная, легкодоступная мысль, которая начинается, развивается, завязываеть и оканчиваеть дъйствіе. Мысль Флейтицика остается темною. Если авторъ хотълъ изобразить влюбленную прелестницу, - и думаемъ, другаго намъренія у него не было, - то воля его не выполнилась такъ откровенно и просто, чтобъ мы могли судить ее съ полною безопасностью. Въ-самомъдълъ, хотя Лаиса лицо главное, Бомилькаръ и Исомисъ занимаютъ столько мъста въ этой комедін, характеръ Халкидія обрисованъ съ такою неопредъленностью, что мы спрашиваемъ себя, не думалъ-ли авторъ изобразить намъ одни страданія влюбленной прелестницы?

Что касается до двухъ комедій, которыя господинъ Ожье почерпнуль изъ частной жизни, мы ставимъ ихъ несравненно ниже Пикуты и Искательницы приключеній. Рукоплесканія, собранныя Габрізлью, въ нашихъ глазахъ, не служатъ побъдоноснымъ аргументомъ. Публика, по справедливости, апплодировала таланту, выказанному авторомъ въ Габрізли, но напрасно предпочла Габрізль—Искательницю приключеній, то-есть, неполное изображеніе существенности — умному и оживленному изображенію міра, обновленнаго
фантазією.

Какую-же степень въ драматическомъ искусствъ должно назначить господину Ожье ? Если комедія, какъ мы думаемъ, должна заниматься изображеніемъ обыкновенной жизни, можно-ли помъстить въ ряду комическихъ поэтовъ писателя, который, сряду семь лѣтъ, былъ

счастливъе вдохновляемъ фантазіею, чъмъ воспоминаніемъ современныхъ пороковъ и странностей? Былъ-бы авторъ старъе — мы строго осудили-бы его; но передъ нимъ еще столько будущности, что наше мнъніе должно явиться не иначе, какъ въ видъ совъта. Да, безъ сомнънія, самая умная фантазія, самый цвътистый слогъ у комическаго поэта никогда не замънятъ изученія и изображенія существенности, потому что комедія живеть существенностью; но когда дело идеть объ авторъ, который уже далъ столько счастливыхъ залоговъ, надо припомнить мысль, прекрасно выраженную древнимъ писателемъ: «Безграничная справедливость — великая несправедливость». Господинъ Ожье не знаетъ современныхъ людей и дълъ, какъ долженъ знать ихъ комическій поэтъ. Онъ прилежнъе изучилъ преданія комедіи, чъмъ самую комедію, то-есть, существенную жизнь. Въ этомъ, безъ сомнънія, ощибка очень важная, но исправимая. Если господинъ Ожье не знаеть или знаеть, но не вполнъ, то общество, которое берется описывать, - онъ за то одаренъ способностью выражать желаемую мысль живымъ и увлекательнымъ языкомъ. Переноситъ-ли онъ насъ въ область фантазін, или показываеть намъ подробности семейной жизни — у него всегда картина. Превосходно и ясно выражаетъ онъ все. что хочеть; слово неизмънно и върно передаеть его грусть и насмешку. Надо уважать господина Ожье за этотъ драгоценный даръ, хотя и онъ, при всей своей блистательности, не можетъ образовать совершеннаго комическаго поэта. Находить для мысли всегда послушное выражение и не знать развиваемаго сюжета во всей его глубинъ, во всемъ разнообразін, значить — являться къ бою съ половиною вооруженія. Самое обильное слово никогда не замънить правильности и ясности мысли. Чтобы достичь правильности и ясности, надо жить между книгами и людьми, книги постоянно повърять существенностью, а существенность сравнивать съ свидътельствомъ книгъ, и не выводить на сцену персонажей, давно исчезнувших из живущаго міра. Кто не ръшится посвятить себя этому двойственному труду, тотъ долженъ отказаться отъ имени поэта комическаго. Господинъ Ожье прекрасно знаетъ традиціональныхъ персонажей комедін; пусть также тщательно и горячо изучить онъ естественныхъ персонажей, составляющихъ новъйшее общество; пусть отбросить пустое ребячество, возобновляя выражение старинных в отживших в типовъ, пусть займется серьезнымъ созданіемъ типовъ новыхъ, то-есть, представляющихъ намъ върную картину современности. Безъ сомнънія этотъ трудъ тягостнъе, но линь онъ одинъ истинно достоинъ комическаго по-эта, лишь онъ одинъ ручается за прочную его извъстность.

AND A TELEGRAPH CONTRACTOR OF THE SECOND STATE OF THE SECOND STATE

larger training to such a force so describe the subject of a street of a stree

-outer on a literar american statement and all dames around the literal

MEMTAPEI.

mail diversity and the contract of the contrac

anneal relation agreement for the following for the first section of the first section as

Ominous con Principle of Salaramen applicas recognized from

жизнь актрисы кино.

(ТЕАТРАЛЬНЫЕ НРАВЫ ХУШ ВЪКА.)

Людовикъ XIV только что скончался, сильное движеніе замътно было при дворъ и въ городъ: кареты летъли во всъ стороны, окрестности Пале-Ройяля кипъли необозримой толпою любопытныхъ.

Но. недалеко отъ шума и озабоченной дъятельности, въ улицъ Двухъ-Экю жило бъдное семейство, по видимому, совершенно чуждое всъхъ внъшнихъ перемънъ. Оно состояло изъ четырехъ человъкъ и занимало въ пятомъ этажъ три комнатки, въ которыя велъ мрачный коридоръ. Въ одной изъ этихъ комнатъ жилъ господинъ Кино, отецъ семейства, и его 20-ти лътній сынъ; въ другой двъ дъвушки, изъ которыхъ одной еще не было 18-ти, а другой только-что минуло 15 лътъ; третья комната, самая большая, служила въ одно время залою, столовою и замъняла кухню.

Единственный предметь роскони въ этомъ жилища былъ портретъ актера Барона, который висълъ на стънъ. Огромная суповая чаша, питательница всего семейства Кино, въ ожиданіи объденнаго часа, мир-Отл. IV.

но покоилась на очагъ. На полкъ лежало около десятка запыленныхъ книгъ и валялись лоскутья театральныхъ костюмовъ. Нъсколько паръчулокъ, еще сырыхъ, качались на веревкъ, растянутой подъ потолкомъ. Бъдный видъ комнатъ приводилъ въ трепетъ посторонняго, если-бы вниманіе его не останавливалось прежде всего на обитателяхъ, которые цвъли здоровьемъ и, казалось, были въ прекрасномърасположеніи духа. Отецъ важно сидълъ на скамейкъ и читалъ Мольера. За тонкой перегородкой, Кино сынъ декламировалъ роль Сида. Двъ молодыя дъвушки, — въ перчаткахъ, чтобы не замарать рукъ, — чистили вареный картофель.

Кино отецъ былъ заслуженный ветеранъ Французской Комедіи. Онъ никогда не былъ хорошимъ актеромъ, но съ-тъхъ-поръ, какъ взяль на себя роли, въ которыхъ слъдовало являться на сцену въ плащъ, публика такъ привыкла къ его фигуръ, что старинный репертуаръ ръшительно безъ него не могъ обойтись. Онъ хорощо исполнялъ свои обязанности, зналъ всъ преданія театра, никому не завидовалъ и никогда не нуждался въ суфлеръ. Это былъ человъкъ хитрый, опытный, понимавшій тайну успъха первыхъ представленій. У него не доставало трехъ зубовъ, что отчасти мъщало ему говорить. Онъ игралъ довольно хорошо Оргона въ «Тартюфъ» и удивительно вылерживалъ палочные удары въ «Скапеновых плутнях». Ему мало аплодировали, за то никогда не свистали. Онъ былъ знатокъ театра и добрый отецъ, скуднымъ жалованьемъ содержавшій большое семейство, которому передалъ много правилъ сценическаго искусства, и мало правилъ практической жизни. Онъ находилъ еще средства платить за старшаго сына, который учился контра-пункту у старика Муре и хотълъ быть вмъстъ актеромъ и музыкантомъ. Когда старикъ, потирая руки, говаривалъ въ фойе, что сынъ его, по своимъ талантамъ, любезности, уму и красотъ скоро будеть честью Французской Комедіи, никто въ этомъ не сомнъвался.

Въ самомъ дълъ, чрезъ три года, все семейство появилось съ успъхомъ на одномъ и томъ-же театръ и завладъло всъми ролями. Старшій сынъ дебютироваль въ «Баязетъ» и его тотчасъ ангажировали на роли любовниковъ. Второй, принявшій имя Кино-Дюфренъ, игралъ въ трагедіяхъ и былъ признанъ за генія. Старшая дочь нравилась болъе привлекательною наружностью; нежели талантомъ. Младшая появилась послъднею въ роли Федры, гдъ ей много апплодировали; но

она была небольшаго роста, съ насмъшливымъ взглядомъ, вздернутымъ носькомъ и чувствовала больше призванія къ комедіи. Въ роляхъ субретокъ, она обнаружила столько пылкости и увлеченія, что тотчасъ-же заняла первое мъсто по этому амплуа.

Когда счастливо окончились всъ дебюты, и семейство Кино вступило на сцену, отецъ, видя, что будущность дътей упрочена, сложилъ съ себя званіе актера и удалился въ провинцію, съ пенсіею въ 2000 ливровъ, половину которой пожаловалъ ему король.

 Дъти, — говорилъ онъ, уъзжая, — вы теперь на дорогъ, которая доставитъ вамъ и счастіе и богатство. Во мнъ вы болье не имъете нужды; я старъ, хочу отдохнуть и предоставляю васъ собственнымъ вашимъ силамъ.

«Ты, старшій сынъ, разсудителенъ и благоразуменъ, береги сестеръ. Ты, Дюфренъ, будешь богатъ, но ты гордъ и расточителенъ.... ты хорошъ собою : женщины будутъ неравнодушны къ тебъ. Не увлекайся успъхомъ. — Что касается до васъ, дочери, у васъ довольно ума, чтобы самимъ вести себя, какъ слъдуетъ. Я совътую вамъ быть осторожнъе; осторожность въ вашемъ быту нужна. То, что я говорилъ Дюфрену, не относится къ вамъ. Впрочемъ, дълайте, какъ знаете, только не ищите приключеній ни за кулисами, ни въ партеръ. Ты, Франциска, разсудительна : не давай сестръ слинкомъ увлекаться чувствомъ. Уважайте одна въ другой ваши достоинства. Вы объ надълены отъ природы привлекательного наружностью, которая еще болъе придастъ цъны вашимъ талантамъ въ глазахъ публики—и если съ такими достоинствами вы не будете купаться въ золотъ, я умываю руки. За тъмъ я вашъ покорнъйшій слуга, и благословляю ваши начинанія.»

Послъ этой гомерической ръчи, старикъ Кино обнялъ дътей и сълъ въ почтовую бургундскую карету. Онъ выбралъ эту провинцію изъ любви къ ея превосходпому вину.

По отъезде любимаго отца, приотъ улицы Двухъ-Экю былъ покинутъ и семейство Кино перевхало въ более просторную квартиру, въ улицу Св. Анны, но и тамъ недолго они оставались вместе. Дюфренъ имелъ такой успъхъ, что ему скоро понадобилось жилище великоленное, съ будуарами и резными лестницами; онъ переселился въ Ришельевскую улицу. Тщеславіе осленило Дюфрена, онъ загордился и виделся съ родными весьма редко. Онъ принудилъ Детуша переменить развязку въ «Высокомпериомо», говоря, что такой человъкъ какъ онъ, не можетъ играть роли отверженнаго любовника. Талантъ Дюфрена извинялъ всъ недостатки его самолюбія.

У старшей сестры, обладавшей красотою Венеры, былъ многочислепный рой поклонниковъ, изъ щедрыхъ и богатыхъ людей, которыхъ она цълый годъ утъшала одними надеждами, но наконецъ какой-то мушкетеръ успълъ овладъть ея сердцемъ. Между-тъмъ талантъ ея развивался, успъхи слъдовали за успъхами, появились деньги и роскошь. Она завела карету, наняла прислугу и домъ ея богатствомъ и вкусомъ могъ затмить домъ любаго банкира.

Въ скромной квартиркъ, въ улицъ Св. Анны, остались только старшій сынъ Кино и его младшая сестра. Этотъ человъкъ, любившій музыку до безумія, часто по десяти часовъ и болье, безъ пищи, просиживалъ за фортепьяно, сочиняя аріи. Въ это время сестра собрала вокругъ себя небольное общество изъ поэтовъ и писателей, которые не давали ей скучать. Сердце ея еще молчало; избранниковъ не было; всъ свободныя минуты посвящала она изученію своего искусства и за то блистательные успъхи и любовь публики вполнъ вознаграждали её.

-Дъвица Кино отличалась необыкновенной живостью. Она была совершенно на своемъ мъстъ въ этомъ закулисномъ міръ, въ тотъ въкъ непостоянства и легкомыслія. Она любила сатиру, но была добра; въ душъ ея было столько-же кротости, сколько ъдкости въ умъ.

Она инстинктивно открывала слабыя и сильныя мъста пьесы, и предсказывала успъхъ или неудачу,— такъ взглядъ ея былъ въренъ и скоръ, а сужденіе ясно. — Многіе писатели сообщали ей свои про-изведенія прежде, чъмъ отдавали ихъ на сцену. Вольтеръ, ставшій въ главъ драматическихъ писателей своимъ Эдипомъ, въ которомъ такъ высокъ былъ Дюфренъ, Вольтеръ, говоримъ, часто бывалъ у дъвицы Кино, читалъ ей свои пьесы и съ большимъ вниманіемъ выслушиваль ея мнъніе *. Въ числъ постоянныхъ ея посътителей были Дешанъ, кавалеръ Детушъ и нъкоторые придворные, любители искусствъ, потому что ея бесъды оживлялись всегда неподдъльной веселостью и

^{*} Существують тридцать писемь Вольтера къ г-жѣ Кино, изъ которыхъ видно, что она дала ему сюжеть Елудиаго сына, заставила перемѣнить многія сцены въ трагедіяхъ, и даже смѣло посовѣтовала сжечь одну изъ нихъ, что онъ и исполнилъ.

интересомъ. Осторожная жрица Таліи оказывала однако особое предпочтеніе своему знакомцу Жоли. Ему было около тридцати лътъ; давно уже посъщая г-жу Кино, онъ еще не приступалъ къ объясненію, что крайне удивляло ее. Однажды вечеромъ, когда они сидъли вмъстъ передъ каминомъ, она, шутя, спросила, отчего онъ одинъ только не говорилъ ей о любви.

- Потому, отвъчалъ Жоли, что я не хотълъ напрасно трудиться, зная, что вы ничьей любовью не дорожите.
  - Почему вы знаете?
- Я имъю тысячу доказательствъ. Ваше сердце еще не развито;
   надо ему дать время созръть.
- А я бы скоръе думала, что пчелы уничтожили плодъ прежде, чъмъ онъ созрълъ.
- 0! нътъ.... отвъчалъ Жоли. Теперь май вашей жизни, наступитъ лъто и тогда пробудится взаимность.

Поговоривъ еще нъсколько въ такомъ-же тонъ, дъвица Кино просила Жоли сказать ей откровенно, какого онъ мнънія о ней.

- Охотно! возразилъ онъ. Вы правитесь, но это вовсе не достоинство. Женщинъ отъ пятнадцати до 25 лътъ не мудрено правиться; но есть время между этими возрастами, когда таже самая женщина становится невыносимою. Зная свъть по инстинкту, женщины мало заботятся объ опытности, пока онъ еще молоды, онъ не боятся полета времени, и потому тратять его на бездълицы. Красоты для нихъ довольно; онъ влюблены въ самихъ себя, смотрятся съ удовольствіемъ въ зеркало, любуются могуществомъ своихъ прелестей, и безъ волненія смотрять на довърчиваго, который запутался въ ихъ волшебныхъ сътяхъ, и который, изъ угожденія имъ, готовъ жертвовать даже и тъмъ, что благоразуміе велить беречь. Это продолжается до-тъхъ-поръ, пока разсудокъ не скажетъ имъ наконецъ, что молодость не въчна; тогда онъ спъщать обезпечить будущее, выходять за мужъ необдуманно, безъ всякой идеи и цъли, и когда поздиве сознають свою ошибку, тогда только начинають любить съ разборчивостью.
- Прекрасно! отвъчала дъвица Кино, и такъ, по вашему мнънію, если я сдълаю глупость въ 25-ть лътъ, то и въ тридцать еще не буду имъть здраваго смысла.

⁻ Очень можетъ быть.

Мнъніе Жоли имъло нъкоторый въсъ. Незадолго его пьеса Школа влюбленных была представлена на Французскомъ театръ; въ ней находили много изящныхъ мъстъ и удивительное знаніе женскаго сердца; успъхъ этого произведенія долго поддерживался публикою; «Меркурій» отлично о немъ отзывался. Старшій Кино играль въ этой пьесъ влюбленнаго. Жоли ограничился этимъ легкимъ трудомъ и не хотълъ болье работать для театра, хотя былъ ободряемъ всъми къ продолженію поприща, которое такъ блистательно началъ. Ему было чъмъ жить, онъ не думалъ вступить въ Академію и удовольствовался извъстностью умпаго человъка.

Но онъ не замъчалъ, что дъйствуя болъе разсудкомъ, слишкомъ взвъшивая важность всякой вещи, онъ жилъ умозрительно и ничъмъ не жертвовалъ своимъ страстямъ. Точно тоже было и съ дъвицею Кино. По причинъ-ли этого сходства или потому, что молодая актриса удивлялась, видя Жоли всегда твердымъ въ убъжденіяхъ, но она чувствовала къ нему болъе уваженія, нежели къ другимъ, говорила съ нимъ откровеннъе, и выбрала-бы его въ сердечные друзья, если-бы самъ онъ не находилъ нужнымъ держать себя осторожно. Онъ говориль самъ себъ: или я заслужу когда-нибудь твою искренность или мы разорвемъ узы нашей дружбы навсегда.

Знакомцы дъвицы Кино замътили предпочтеніе, оказываемое Жоли; Вольтеръ, который никогда не былъ ревнивъ, совътовалъ ей вести съ авторомъ Школы влюбленных войну серьезную, но другіе соперники этимъ не удовольствовались. Появились эпиграммы и, какъ женщины не любять критики, то это было только средствомъ ускоренія союза. Наконецъ, его считали заключеннымъ, когда, къ удивленію вськъ, Жоли убхаль въ деревню. Въ свъть, гдъ обо всемъ судять по наружности, приняли это за разрывъ, не думая, что почта именно устроена для влюбленныхъ. Они переписывались въ самомъ дълъ; не знаемъ, что они говорили другъ другу, но когда завязывается переписка между двадцатилътнею актрисою и мо юдымъ неглупымъ человъкомъ, когда опи болъе, чъмъ въ половину любятъ другъ друга, нъть надобности распечатывать писемъ, чтобы знать ихъ содержаніе. Жоли клялся, что боится потерять покой, онъ хотълъ воротиться только тогда, когда будеть призванъ положительною надеждою. Дъвица Кипо горъла желаніемъ призвать его, но не смъла сдълать этого. Цълый мъсяцъ ее преслъдовала тоска; Жоли, пожираемый нетерпъніемъ, оставался однакоже твердымъ въ своемъ ръшеніи. Это могло-бы продолжиться, если-бы случай не обратилъ всъ обстоятельства въ пользу любви, котя тотъ-же случай ничего не могъ сдълать ко вреду ея.

A STATE OF THE STA

Людовику XV было тогда одинадцать лътъ. Театральную залу въ Тюнльрійскомъ дворцъ только что отдълали за-ново, ч король желалъ открыть ее представленіемъ новой комедіи съ прологомъ и балетами. Гувернеръ принца, герцогъ Виллере, говорилъ объ этомъ съ Регентомъ, который изъявилъ свое согласіе. Коапелю поручили приготовить пьесу, а Лаланду и старшему Кино музыку. Баонъ сочинилъ балетъ и дивертисманы. Первые артисты королевской Академіи музыки и Французской-Комедіи были призваны ; даже знаменитый Баронъ долженъ былъ снова появиться на сценъ, по этому торжественному случаю. Король и знативйшие молодые люди при дворъ взялись сами выполнить въ интермедіи нъкоторые характерные танцы. — Вслъдствіе этого, Коапель, не зная, какой сюжеть избрать для пьесы, «сообщилъ однажды о своемъ затрудненіи дъвицъ Кино, которой изобрътательный умъ былъ ему извъстенъ. Она посовътовала поставить на сцену эпизодъ Карденіо изъ романа Сервантеса. Коапель ухватился за эту идею, кончилъ, худо-ли хорошо-ли, въ восемь дней три маленькія адъйствія и объявиль для открытія театра, въ понедъльникъ 30 декабря 1720 года, «Шалости Карденіо.» Двадцать пятаго декабря утромъ актеры были собраны во дворецъ, для первой репетиціи. Дъвица Антье, которая открывала прологъ въ роли Минервы, едва пачала первую фразу, какъ герцогъ Орлеанскій остановиль ее, потому что она заговорила прозою. «Надо, по-крайней-мъръ, чтобы прологъ былъ въ стихахъ, - говорилъ Регентъ; - безъ этого представление отзывается ярморочнымъ театромъ.» Всъ одобрили это мнъніе. Коапель былъ въ крайнемъ смущеніи, онъ сознался въ своемъ безсилін, прося пятнадцать дней отсрочки для переложенія пролога въ стихи. Король, жел вшій поскоръе осуществить свою мысль, не терпълъ замедленія своимъ удовольствіямъ. Дъвица Кино

предложила призвать Жоли, говоря, что ему достаточно нъсколькихъ часовъ, чтобы написать прологъ въ стихахъ. Жоли жилъ въ Сенъ-Моръ. Немедленно отправили одного изъ придворныхъ, въ каретъ, который поскакалъ и вручилъ ему записку дъвицы Кино.

«Милый поэтъ, — писала сценическая субретка, — не я, а самъ король приказываетъ вамъ возвратиться. Надо повиноваться и сделать изъ уваженія къ Его Величеству то, чего вы не сдълали-бы изъ любви ко мнъ.»

Репетиція еще не кончилась, когда Жоли прівхаль. Ему дали прологь въ прозв, который начинался следующими словами Минервы:

« J' enseigne la sagesse aux jeunes gens par le moyen des plaisirs. C'est ainsi que je vais montrer aujourd' hui à Louis, qui écoute mes leçons et qui sait en profiter, à quel degré de folie l'amour peut conduire les cœurs où il règne.

Жоли взялъ перо и тотчасъ написалъ:

Oui, souvent le plaisir, ami de la jeunesse,
Sert aux desseins de la sagesse;
Je veux aujourd' hui, par sa voix,
Enseigner à Louis, que j'élève et qui m'aime,—
Où peut aller l'égarement extrême
Des faibles cœurs qu'Amour asservit à ses lois.

Не столько достоинство стиховъ, сколько легкость поэта заслужила всеобщее одобреніе; главное дъло состояло въ поспъиности. Жоли далъ такой-же оборотъ и слъдующей фразъ, и въ продолженіе второй репетиціи, весь прологъ, не очень впрочемъ длинный, былъ переложенъ въ стихи. Этотъ поэтическій подвигъ показался чудомъ молодому королю, который на другой-же день послалъ Жоли кошелекъ со ста луидорами.

Тридцатаго декабря, въ день представленія, весь дворъ былъ въ театръ, и можно сказать, что нигдъ и никогда не было подобнаго соединенія женской красоты и богатства нарядовъ. Про-логъ прошелъ прекрасно, дивертисманъ еще лучше. Онъ кончился кадрилью, въ которой танцовали король, герцогъ Шартрскій и дъти знатитишихъ фамилій, а именно: де-ла Тремуйль, де-Буфлеръ, де-Круссоль и де-Бранкасъ. Пьесу почти не слушали отъ восторга, въ который были приведены всъ присутствовавшіе граціозностію танцо-

вавшихъ. Такъ какъ это были дъти, то дамы не стъснялись въ похвалахъ и приходили въ восхищение отъ ловкости и благородной осанки юнаго короля. Первое дъйствие незамътно прошло въ разговорахъ. Однако-же Баронъ такъ прекрасно игралъ роль Карденіо, что его слушали съ нъкоторымъ вниманиемъ.

Аввица Кино своей игрою заставила зрителей придти въ себя: она играла молодую испанку, которая слушаеть другаго съ намъреніемъ возбудить ревность въ своемъ обожатель. Мужчины восхищались наивнымъ негодованіемъ и красотою актрисы. Зная, что дъвица Кино благоразумна, зрители восклицали: возможно-ли, чтобъ такая острая и смышленая дъвушка не испытала еще тревогъ любви! Бъдный Жоли чувствоваль себя уничтоженнымъ. Онъ хотълъ-бы одинъ обладать сердцемъ своей любимицы и сознаваль свое безсиліе передъ толною этихъ вельможъ, еслибъ имъ вздумалось ухаживать за нею. Посль спектакля онъ видьлъ, какъ цълая вереница восторженныхъ фатовъ устремилась къ уборной актрисы, онъ видълъ, какъ самъ регентъ взялъ субретку за подбородокъ, называя ее прелестной, и не желая видъть болъе, бъдный Жоли, съ отчаяніемъ въ сердцъ, побъжалъ домой. Цълую ночь проходиль онъ въ своей комнатъ, окидывая безнадежнымъ взоромъ свою скромную одежду и мечтая о великолъпіи вечера.

На другой день онъ отправился къ дъвицъ Кино. Роскошная карета стояла у подъъзда и горничная сказала Жоли, что госпожа не можетъ принять его. Теперь онъ уже не сомпъвался въ своемъ несчасти и, съ сердцемъ смертельно уязвленнымъ, удалился. Медленно, съ поникінею головою, щелъ онъ по улицъ, какъ вдругъ, на углу былъ остановленъ запыхавшеюся камеристкою, которая звала его назадъ. Въ тоже время позолоченная карета проъхала мимо и Жоли замътилъ въ ней одного изъ мужчинъ, которыхъ видълъ наканунъ; онъ посмотрълъ на него съ нахмуреннымъ видомъ. Надежда воскресла въ немъ, и принявъ гордую осанку, чтобы скрыть отчаяніе, онъ вощелъ къ неблагодарной:

[—] Вы пришли кстати, — сказала ему дъвица Кино. — Знаете-ли, что со мной случилось? Я имъла честь вскружить вчера голову одному чудаку.... ему нътъ времени ухаживать за мною, но онъ предлагаетъ мнъ на первый случай роскошную дачу, а потомъ свою руку....

- Что-же! сказалъ Жоли, мнъ нечего вамъ совътовать; слъдуйте вашему чувству.
- Вы говорите объ этомъ такъ хладнокровно, возразила субретка, — что я начинаю раскаяваться, что отказала ему.
  - Вы отказали! вскричалъ поэтъ.
- Безъ сомнънія. И если бы онъ предложилъ мнъ всъ сокровища Могола, я и тогда бы отказала, потому-что сердце мое занято.
- Поздравляю!
- Послушайте, Жоли, сказала актриса, оставимъ хитрости. Вы пишете комедіи, а я ихъ играю. Мы слинкомъ хорошо знаемъ дъло, чтобы обманывать другъ друга. Вы притворяетесь равнодушнымъ, тогда какъ въ душъ вашей адъ, а я забавляюсь вашими мученіями, тогда какъ сама отъ нихъ страдаю. Вотъ въ двухъ словахъ вся правда. Я не хочу играть собою, но чтобы, при другихъ соблазнахъ, не впасть наконецъ въ искушеніе, я намърена отдаться скоръе тому, кого люблю. Угадайте остальное; я не скажу ничего болъе.

Но она довольно сказала. Жоли уже былъ у ногъ ея.

- Возможно-ли! вскричалъ онъ, для меня вы пренебрегли этими утонченными маркизами, для меня, хотья и не обладаю ихъ средствами нравиться?
- Правда, отвъчала ему кокетка, вы не богаты и не дворянинъ; но въ области людей талантливыхъ, вы, по-крайней-мъръ, маркизъ; а я сама принадлежу къ этому обществу. — Отбросьто же скромность, если хотите, чтобы я върила вашему сочувствию.

Посль этого, они обмънялись тысячью клятвъ, которыя слышать читатель не имъетъ нужды, и начали строить планы для будущаго счастія. Они согласились тайно обвънчаться. Дъвица Кино хотъла, чтобы Жоли переселился къ ней жить, но онъ былъ слишкомъ благоразуменъ и не согласился. Онъ вспомнилъ свою Школу влюбленныхъ, гдъ самая согласная чета скоро видитъ конецъ страсти, потому-что слишкомъ предалась первымъ увлеченіямъ. Дъвица Кино уступила, хотя не безъ сожалънія.

Не смотря на старанія избъжать огласки, бракъ ихъ скоро сдълался извъстнымъ всему Парижу. О немъ поговорили день и замолчали. Вольтеръ увърялъ, что субретка отъ этого событія ни чуть не хуже играла въ «Любовной ссоръ» и что публика ни однимъ ударомъ не уменьшила своихъ рукоплесканій. Богатый чудакъ утвшился скоро другимь успъхомъ.

III.

Наши молодые влюбленные предались исключительно нъжности и жили ею въ продолженіе цълаго года, который навърно былъ самымъ лучшимъ въ ихъ жизни. Они испытывали ръдкое счастіе любить другъ друга безъ принужденія и ни отъ кого не скрывая любви своей ; они такъ сходствовали нравами, вкусами и характерами, что ихъ считали завидною парою, созданною другъ для друга. Но судьба подшучиваеть часто тамъ, гдъ узы кажутся прочными и сочетанія счастливыми. Жоли былъ извъщенъ однажды о смерти стараго своего родственника, который оставилъ ему наследство въ Остъ-Индіи. Во всякую другую минуту онъ возблагодарилъ-бы судьбу, потому что состояние его было очень не завидное. Но теперь онъ предчувствоваль, что эта улыбка счастія будеть бъдствіемь всей его жизни. Если-бы подруга вздумала удерживать его, онъ остался-бы, рискуя потерять половину этого нечаяннаго богатства; но изъ преданности и нъжной заботливости, она, напротивъ, торопила его ъхать, и Жоли согласился на отъездъ, сожалея, что подруга его более руководствовалась благоразуміемъ, чъмъ любовью. Они обмънялись портретами. объщая смотръть на нихъ въ одни и тъже часы и расточали другъ другу тысячи увъреній въ върности, подъ которыми въ сущности обыкновенно скрываются одни подозрънія и страхъ за непрочность собственныхъ чувствъ. Жоли сълъ на корабль, съ увъренностью, что возвратится не ранъе, какъ черезъ шесть мъсяцевъ, и между небомъ и землею началъ мечтать о своей возлюбленной подругъ.

Отъвздъ Жоли крайне удивилъ друзей г-жи Кино. И стариви, и молодые всъ были имъ довольны. Но одни примъшивали свои сожальнія ко вздохамъ опечаленной артистки; другіе считали это явнымъ разрывомъ. — Они начали усерднъе и чаще развлекать посъщеніями свою прелестную знакомку и въ чертахъ ея изучать постепенное уменьшеніе грусти и успъхи забвенія. Посыпались мадригалы, въ которыхъ сравнивали ее съ прекрасною Аріадною; домъ ея съ островомъ Наксосомъ, въ иныхъ ясно высказывали, что желали-бы

имъть способъ утъшенія, какимъ пользовался Бахусъ. Молодая актриса благодарила сочинителей, но не искала утъшенія. Спустя три мъсяца, начали шутить надъ нею и удивляться ея постоянству. Мадригалы перемънили тонъ и стали называть г-жу Кино Пенелопою; говорили, что ся Улиссъ не возвратится, пока не встрътитъ безчисленныхъ приключеній, чтобы составить изъ нихъ новую Одиссею, въдвадцать четыре пъсни.

Самымъ ожесточеннымъ противникомъ бъднаго Жоли былъ знаменитый Монкрифъ. Такъ какъ онъ познакомился въ домъ незадолго до его отъъзда, то не имълъ повода худо отзываться о немъ или питать къ нему непріязнь; но все-таки опъ не могъ быть и его другомъ. Монкрифъ, влюбленный по уши, задумалъ уронить Жоли во мнъніи его подруги. Онъ былъ ловокъ и искусно владълъ эпиграммою, которую особенно любила наша актриса. Жоли былъ атакованъ сначала слегка, потомъ съ большею злобою. Г-жа Кино незамътно привыкла слушать эти сатиры: она сердилась за дурныя, но когда шутка была замысловата и въ хорошемъ тонъ, по неволь надобно было смъяться. — Монкрифъ не хотълъ иначе говорить о Жоли, какъ эпиграммами и молодая актриса позволяла себъ смъяться, говоря, что думаетъ въ это время о немъ. Между-тъмъ, бъдный странникъ, полагаясь на объты своей подруги, считалъ дни и часы и радостно собирался въ обратный путь.

Однажды вечеромъ, многочисленное общество собралось, послъ спектакля, у г-жи Кино. Монкрифъ, который довольно удачно перенималъ чыч-бы то ни было манеры, началъ подражать Жоли. Нашъ поэтъ иногда щурилъ глаза, по близорукости, и любилъ публичныхъ трактирахъ. Монкрифъ очень смъшно какъ онъ спрашиваетъ у дикарей Индін, есть-ли у нихъ трактиръ. Г-жа Кино находила удовольствіе смотръть на эти гримасы; она принадлежала къ тъмъ женщинамъ, которыя не задумаются сказать острое словцо, даже на счеть техъ, кого болъе всего любять, если словцо это вертится на языкъ и въ добавокъ можетъ произвесть эфектъ. Она, въ свою очередь, передразнила Жолиеще лучие Монкрифа. Примъръ г-жи Кино уполномочивалъ и всъхъ присутствующихъ терзать странствующаго поэта; со всвуъ сторонъ посыпались колкости и насмъшки.

Въ числъ гостей находился кавалеръ де-Ко; онъ былъ не дуренъ

собою и не глупъ. Въ 1715 году играли его трагедію «Марій»; де-Ко ничего не дълалъ съ того времени; но его считали способнымъ производить творенія высокія, если-бы онъ захотълъ работать. Онъ не принималь участія въ інуткахъ надъ бъднымъ Жоли, и на вопросъ, почему онъ такъ серьезенъ, отвъчалъ:

— «Я думаю, какъ жестоко было-бы, еслибъ вдругъ узналъ я, что друзья мои и даже подруга сердца смъются надо мною. Я воображаю, что въ самое то время, какъ здъсь трунятъ надъ бъднымъ Жоли, онъ подвергается произволу волнъ, или ему угрожаетъ буря и что еслибъ въ эту минуту насъ извъстили о его смерти, изо всего общества огорчились-бы только двое, госпожа Кино — и я.

Актриса пе обидълась урокомъ, она прекратила шутки и громко объявила, что съ этой минуты почувствовала особенное уважене къ кавалеру. Всъ немного сконфузились; одинъ Монкрифъ, не считая себя побъжденнымъ, продолжалъ шутить, хотя съ большею умъренностію. Онъ внимательно читалъ Школу влюбленныхъ, зналъ всъ слабыя мъста наизустъ; съ умысломъ останавливался на плохихъ стихахъ, разбиралъ ошибки, однакожъ съ такимъ видомъ, будто придаетъ имъ мало важности. Г-жа Кино соглашалась, что произведеніе Жоли было не безъ ошибокъ, но что ей и ошибки эти нравились, потому-что въ нихъ она видъла оригинальный образъ мыслей и выраженія своего друга. У нея было къ стихамъ Жоли родственное пристрастіе, противъ котораго безсильна самая справедливая критика.

Кавалеръ де-Ко избралъ путь совершенно противуположный Монкрифу, хотя оба они стремились къ одной и той-же цъли. Когда ему случалось цитировать мъста изъ Школы влюбленныхъ, онъ выбиралъ всегда одну изъ лучшихъ тирадъ, похвалы его были справедливы и остроумпы, и онъ произносилъ ихъ съ особенною грацією. Онъ не защищалъ стихи слабые, но и въ нихъ умълъ находить достоинства, ускользнувнія отъ вниманія г-жи Кино или не признаваемыя Монкрифомъ. Эта доброжелательность нравилась субреткъ. Чъмъ сильнъе были нападенія, тъмъ съ большимъ блескомъ выставлялось великодушіе кавалера. Монкрифъ наконецъ упалъ совершенно въ ея глазахъ, когда ръшился на страстное признаніе. Тогда поняли къ чему клонились его нападки. Если женщина легко прощастъ зло, дълаемое для того, чтобы ей понравиться, то она безжалостно караетъ за въроломство. Монкрифъ былъ обвиненъ и признаніе его встрътили упреками и презръніемъ.

Кавалеръ де-Ко, напротивъ, выигрывалъ все болъе и болъе; его часто приглашали къ ужину; возможно-ли было скучать обществомъ человъка, который безпрестанно вспоминалъ о Жоли, и притомъ съ такимъ уваженіемъ? Когда онъ медленно и красноръчиво высказывалъ все прекрасное, что думалъ объ отсутствующемъ, онъ обыкновенно съ глубокимъ вздохомъ, прибавлялъ:

- Вы его върно очень любите! о! какъ онъ счастливъ; но онъ и заслуживаетъ свое счастіе. Ахъ! если бы я былъ также любимъ! я не пускался-бы въ путешествія, я побоялся-бы долгой отлучки; но человъкъ до того достойный и увъренный въ себъ, какъ онъ, не боится увъжать, онъ увъренъ, что нравится; притомъ, въроятно, безпрестанно думаетъ о васъ. Довъряя вашей любви, онъ правъ; за такую любовь я отдалъ-бы полжизни, не только что наслъдство американскаго дядюшки.
- Когда-нибудь и вы встрътите любовь; найдется сердце, которое оцънить и васъ! — отвъчала на это госпожа Кино.
- Нътъ! повторялъ кавалеръ, вздыхая еще сильнъе; я далеко не стою вашего избранника; если-бъ даже я приближался къ нему, гдъ нашелъ-бы я подобную вамъ женщину? Нътъ! Это не возможно! По-крайней-мъръ ваша взаимная дружба, ваша семейная любовь утъшаетъ мое одиночество.

И г-жа Кино протягивала руку, которую кавалеръ почтительно цъловалъ. Онъ встръчалъ взоръ полный участія и доброты. Это продолжалось иногда за полночь. Однажды вечеромъ, ръчи кавалера были пламенные обыкновеннаго. Онъ говорилъ, что уъдетъ изъ Парижа, боясь влюбиться въ подругу своего пріятеля. Его просили не дълать этого. Онъ отвъчалъ, что уже поздно, и что гораздо лучше страдать, чъмъ измънить дружбъ.

- Ахъ! кавалеръ, говорила ему г-жа Кино, вы достойны любви... вы великодушны!... вы!... И двъ волшебныя, очаровательныя слезы отуманили ея длинныя ръсницы.
- 0 ! перлъ красоты !... О женщина необыкновенная ! вы губите меня окончательно.... шепталъ кавалеръ, утопая въ восторгъ.

Тысяча увъреній въ постоянствъ заключили его тираду и измъну дружбъ.

Спустя нъсколько времени, когда увлечение исчезло, они не смъли взглянуть другъ на друга. Субретка объявила кавалеру, что онъ дол-

женъ вхать и никогда ее не видать. Кавалеръ быль человъкъ честный. Онъ убхалъ въ провинцію и вскоръ женился. Г-жа Кино долго разсуждала, умолчать-ли обо всемъ этомъ передъ Жоли, или признаться ему и просить прощенія. Она вообразила, что это накинеть въчное облако на ея любовь и ръшилась молчать. Жоли возвратился; его приняли со всъми знаками нъжности, онъ и не подозръваль своего несчастія.

IV.

Г-жа Кино требовала отъ нашего поэта новой пьесы и горъла желаніемъ видъть ея успъхъ. Жоли колебался. Неудача причинила-бы ему жестокую горесть. Онъ говорилъ очень основательно, что искать новаго счастья значить не довольствоваться настоящимъ и рисковать его потерею. Однако-же субретка настаивала и онъ нашелъ наконецъ сюжетъ. Однажды утромъ г-жа Кино спросила Жоли, какъ-бы онъ отмстилъ женщинъ еслибъ она измънила ему? Подумавъ съ минуту, поэтъ отвъчалъ:

- Я покинулъ-бы невърную, постарался-бы забыть ее и скрылъбы сожальне въ глубинъ сердца. Но съ вами, я чувствую, поступилъ-бы иначе. Я уступилъ-бы вашему раскаянію, а если-бы въ васъ его не было, постарался-бы отмстить за себя поступкомъ честнымъ и великодушнымъ.
- Въ самомъ дълъ это самое жестокое мщеніе! сказала кимо. Новое достоинство возлюбленнаго усилило-бы стыдъ невърной. Вотъ прекрасный сюжеть для комедіи. Выведите на сцену человъка слабаго и женщину, которая ему измънила, но онъ прощаетъ невърность и силою великодушія доводить ее до отчаянія.

Жоли, съ удовольствіемъ, принялъ идею, думая развить въ ней много личнаго чувства. Онъ составилъ вмъстъ съ г-жею Кино планъ и съ слъдующаго-же дня началъ писать комедію въ стихахъ. По утрамъ онъ прочитывалъ своей подругъ написанное наканунъ. Это было для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ забавы и душевнаго волненія. Понятно, какую роль играла во всемъ этомъ субретка. Черезъ шесть мъсяцевъ, пять дъйствій были кончены. Пьесу попробовали прочесть друзьямъ. Они выслушали ее нъсколько холодно и объявили, что

вообще въ ней слишкомъ много личныхъ убъжденій, которыхъ публика не можетъ чувствовать; но авторы пьесы увърили себя въ противномъ и дъло шло впередъ. Пьесу передали актерамъ, репетиціи подвигались быстро, и въ одинъ прекрасный день на афишахъ явилось: «Мщеніе Любви», комедія въ пяти актахъ и въ стихахъ. Но увы! она не появилась въ другой разъ! Публика выслушала ее до конца; но съ очевидными знаками неудовольствія и, не смотря на талантъ и старанія актеровъ, пьесу возвратили автору. Эта неудача вдвойнъ поразила Жоли: она оскорбила его самолюбіе и любовь; онъ воображалъ, что артистка будетъ меньше любить его, но сердцу г-жи Кино были понятны мученія бъднаго поэта; она, напротивъ, удвоила къ нему свою нъжность; быть можетъ, она менъе-бы ласкала его въ случаъ успъха. Жоли утышился, не хотълъ и думать о славъ, и всею душею предался любви, объщая не жертвовать ею ни для чего на свътъ.

Газеты не дремали; онъ, во всеуслышаніе, говорили о неудачъ Жоли, и злыя выходки ихъ достигали до слуха г-жи Кино. Меркурій разбираль ньесу осторожно; критики того времени слыли людьми честными и добросовъстными. О нъкоторыхъ стихахъ отзывались съ похвалою и говорили, что въ нихъ замътны мягкость и нъжность, какъ на картинахъ Альбано, но Французская Библіотека писала свое:

«Мы ожидали лучшаго отъ Мщенія любви, появившагося на сценъ 4 декабря 1721. Публика съ восторгомъ приняла Школу влюбленных, первый опытъ господина Жоли. Успъхъ этой комедін заставитумать, что поэтъ поддержить комическую сцену; но всъ надежды разсъялись съ паденіемъ настоящей пьесы. Правда, и опытные полководцы проигрываютъ сраженія. Мы желаемъ г-ну Жоли вышграть первое, предпринятое имъ въ слъдующій разъ. Перемиріе между публикою и авторомъ еще продолжается».

Упреки не были жестоки; но если критика того времени была снискодительна, тъмъ сильнъе чувствовалъ ее писатель; фраза, гдъ упоминалось о несбывнихоя надеждахъ, жестоко огорчила поэта. Г-жа Кино привыкла мало-но-малу слынать, что о другъ ея говорили съ меньшимъ уваженіемъ и сама начала менъе уважать его. Удвоивъ вначалъ нъжность, чтобы усладить горесть Жоли, она поступила великодушно, но заплативъ эту дань и считая Жоли утыненнымъ, она уже не столько его любила. Жоли замътилъ легкіе признаки ироніи и злости, въ которыхъ не было прежней благосклонности; слова и манеры его начали подвергаться критикъ. Говорили, что странно смотръть, какъ онъ достаетъ платокъ или поправляетъ галстухъ, онъ носитъ шляпу ужаснъйшимъ образомъ и кладетъ ногу на ногу до крайности безобразно. Бъдный поэтъ былъ чувствительнъе, чъмъ думали. Онъ втайнъ грустилъ, видя все это; скромность его говорила, что подруга его имъетъ полное право презирать его, потому-что для нея, какъ и для всъхъ, онъ былъ освистанный писатель.

Когда счастіе человъка пошатнулось на одномъ изъ своихъ основаній, все зданіе не замедлить обрушиться. Г-жа Кино почувствовала однажды очень ясно, что любовь ея улетъла, и откровенно призналась въ этомъ Жоли. Погрустивъ, они оба согласились измънить свои отношенія. Поэтъ объщаль жить одной дружбою. Они разъъхались, но клялись увъдомлять другъ друга о новыхъ впечатлъніяхъ и объщали мъняться взаимными тайнами. Но предположенія всегда дълаются, а ръдко исполняются. Встръчаясь съ измънницею, Жоли терзался тысячью жестокихъ пытокъ. Наконецъ, у г-жи Кино явился поклонникъ, и любовь, какъ исключительное и самовластное чувство, заставила ее пренебречь всъми условіями. Жоли нъжно упрекалъ ее въ нарушеніи даннаго объта, онъ продолжалъ оказывать ей всъ знаки своей почтительной дружбы; но это ни къ чему не послужило: ей некогда было замъчать ихъ, въ шумной, оживленной сферъ, которую она себъ избрала, переъхавъ къ старшей сестръ.

٧.

Старшая сестра, прозванная красавицей Кино, вошла въ большую моду. Сердца многихъ бились изъ за нея и для неё. Удачно сыгранная роль Пандоры доставила ей прекрасное помъщеніе въ богатомъ отель, гдъ она принимала знаменитыхъ литераторовъ и артистовъ; оиміамъ восторговъ и похвалъ безпрерывно курился вокругъ нея. Потомъ это сдълалось смъпно, когда ея красота начала проходить, когда уже въ ней не находили прежняго ума, прежней веселости; но въ то время, о которомъ мы говоримъ, она была въ славъ. Г-жа Кино младшая, героиня нашего разсказа, скучала сначала у сестры, гдъ го-

сподствовалъ этикетъ, но она почувствовала болъе склонности къ этому отборному обществу. Наконецъ нашлись и для нея поклонники. Двое молодыхъ людей, извъстныхъ богатствомъ, именемъ и наружностію, одновременно помъстились въ первыхъ рядахъ ея вздыхателей. Это были де-Вилларъ и Куаньи; одинъ немножко заикался, но имълъ оригинальный образъ мыслей; другой говорилъ плавно и пріятно, но въ его словахъ, кромъ изысканной учтивости, не было вичего; впрочемъ оба они были предпріимчивы и великодушны. Они начали съ подарковъ. Куаньи послалъ серебряный сервизъ; Вилларъ ларчикъ съ драгоцънными каменьями. Первый дълалъ деревенскіе праздники, на которые приглашалъ актрисъ всъхъ трехъ театровъ; второй задавалъ завтраки въ городъ. Это соперничество продолжалось цълый мъсяцъ, гости забавлялись и съ любопытствомъ ожидали, кому достанется пальма первенства. Побъдителемъ остался Вилларъ.

Незадолго до того, г-жа Кино, съ большимъ успъхомъ, играла въ комедін, дъйствіє которой происходило въ Турцін. Вилларъ прівхаль къ ней угромъ, одътый по восточному и въ кареть, которой кучеръ и лакен были одъты по-турецки. Г-жа Кино надъла свой театральный костюмь и они новхали прогуливаться, смъясь сами и возбуждая смъхъ въ проходящихъ. Вечеромъ, они ужинали въ тъхъ же костюмахъ и молодая актриса возвратилась домой, изнемогая отъ усталости. Жоли и Детушъ, приходившіе въ этотъ день, не застали никого дома, и самъ Вольтеръ принужденъ былъ вхать въ другое мьсто читать пятое дъйствіе своей «Маріанны.» Г-жа Кино весело проводила время съ Вилларомъ, къ которому чувствовала нъкоторую склонность, но это продолжалось недолго. Однажды, прівхавъ къ модисткъ, она увидъла прекрасное платье, заказанное, какъ ей сказали. Вилларомъ. Платье было не по ея росту и она узнала его на дъвицъ Деге чрезъ нъсколько дней. Обиженная, она скрыла досаду и когда на другой день прівхалъ Вилларъ, она съ большимъ усердіемъ вышивала камзолъ изъ бълаго атласа. Она спросила, нравится-ли онъ ему и заставила подержать мотокъ шелку. Вышивка была цвътами по бълому полю и чрезвычайно эфектна. Вилларъ хвалилъ узоръ и наконецъ сказалъ, что великолъпный камзолъ этотъ будеть върно на достойной груди. Черезъ три дня онъ дъйствительно украшалъ грудь де-Куаньи. Шутка, сыгранная съ Вилларомъ,

вполнъ утъщила г-жу Кино. Она оказала вниманіе Куаньи изъ оскорбленнаго самолюбія, а потомъ, удовлетворивъ свое мщеніе самымъ въжливымъ образомъ, постаралась черезъ -мъсяцъ же удалить его. Эти два случая сдълали ее разсудительнъе и осторожнъе. Она обратилась къ своимъ прежнимъ забытымъ друзьямъ, и первымъ явился върпый ея Жоли, опъ избъгалъ намековъ на ея недавнія безразсудства; она чувствовала это и Жоли опять пачалъ выигрывать во мнъніи легкомысленной артистки.

Въ это время разнесся слухъ о новомъ писателъ, появившемся на литературномъ поприщъ; его звали Сень-Фуа; онъ имълъ мужественную наружность и говориль, что инпагою владъеть лучше пера. Онъ отдалъ на театръ свою комедію «Гораціи» и во всеуслышаніе объявляль, что если критики вздумають поступить невъжливо съ его комедіей, то онъ постарается отплатить имъ тою-же монетою. Онъ уже имълъ исторію съ редакторомъ Меркурія; дъло донло до дуэли и несчастный противникъ остался на мъстъ. Сен-Фуа обратилъ особенное вниманіе на г-жу Кино. Ей нравилась его самоувъренность, но послъ недавнихъ приключеній, молодая субретка хотъла пожить въ покоъ. Вокругъ нея вздыхали и другіе, но имъли не болъе успъха. Однимъ словомъ, бъдная актриса скучала, зъвала и ръчи ея далеко не имъли прежней увлекательности и оживленія. Жоли старался развеселить ее и однажды вечеромъ, когда они были на единь, разсуждая о непріятномъ расположеній духа, въ которомъ находилась г-жа Кино, онъ естественно увлекся отъ грустнаго настоящаго къ воспоминаніямъ прошедшаго, и началь живо описывать счастіе, которое они вкушали, живши еще вдвоемъ. Онъ безъ труда доказаль, что ничего нъть возвышенные супружеской любви и что союзъ ихъ во всемъ гармонировалъ съ ихъ чувствами и наклонностями. Онъ напомнилъ и огорченіе, причиненное имъ обоимъ неудачею пьесы «Мщеніе любви.» Г-жа Кино принуждена была сознаться, что время, о которомъ говорилъ Жоли, было пріятнъйшимъ въ въ сравненіи съ нимъ, послъдніе мъсяцы, и что проведенные ею въ кокетничаные съ Вилларомъ и Куаны болъе чъмъ ничтожны. Красавица задумалась и поэтъ удалился въ надеждъ, что сдълаль благопріятное впечатльніе. Онъ скоро возвратился, стараясь отыскать въ глазахъ актрисы признаки раскаянія и возвращающейся нъжности, но прочиталъ въ нихъ только замъшательство и недоумъніе

- Что съ вами? спросилъ Жоли. Не обидълъ-ли я васъ нечаянно.
- Обидъли! отвъчала субретка, совсъмъ нътъ; но за чъмъ такъ хороно описывали вы счастіе нашей прежней жизни. Ваши доказательства до того хороны, что вскружили мнъ голову.
  - И такъ? сказалъ поэтъ.
- И такъ! только что вы увхали, ко мнъ вошелъ Сен-Фуа, и продолжалъ лекцію въ томъ же тонъ. Въ немъ много ума и таланта; онъ мпъ нравится...

Жоли взялъ инляпу и увхалъ въ деревню. Таковъ былъ плодъ его ръчей. Впрочемъ, чрезъ недълю, онъ появился снова. Невърная уснъла убъдиться, что въ Сен-Фуа не было ничего, кромъ чванства, она заперла свое сердце и клялась, что это будетъ надолго.

Заплативъ послъднюю дань легкомыслію и духу времени, героиня наша исключительно посвятила себя театру. Комедія нравственная была въ совершенномъ упадкъ, публика начала пренебрегать ею, зрителямъ болъе нравилась дерзкая интрига немножко циническихъ пьесъ Мариво. Г-жа Кино имъла ръдкое счастіе правиться, играя произведенія въ новомъ родъ, и обладала этимъ плодомъ труда и размышленія впродолженіе цълыхъ десяти льтъ. Часто артисты, которые истрачивають много мысли и чувства передъ публикою, въ домашней жизни предаютъ свой умъ и сердце сладкому усыпленію. Г-жа Кино дълала на обороть : богатая мыслію, она не старалась однако-же возвышать ею достоинство пьесы, къ тому же въ ней не было столь значительнаго запаса страсти. Въ гостиной ея продолжали сбираться всъ заслуженные люди, литераторы, артисты и ученые, но она никому не оказывала предпочтенія, и въ этомъ то обществъ изощряла весь умъ свой, сообщая прелесть разговору. Бесъды эти увлекали ее болъе, чъмъ искусство, и она оставила театръ въ 1741 году, еще въ цвътущихъ лътахъ и въ лучшую пору своей славы. Французская Комедія назначила ей 1,000 франковъ пенсіи, столько же опредълиль ей и король, изъ собственныхъ суммъ. Съ этими умъренными доходами, г-жа Кино нашла средство давать

разъ въ недвлю вечеръ *, но скромная гостиная далеко не вмъщала всъхъ, желавшихъ присутствовать на артистическихъ ея раутахъ.

Она вмънила гостямъ своимъ въ обязанность, чтобы всякій приносиль съ собою повъсть, или разсказъ, которыхъ чтеніемъ занимались передъ ужиномъ. Такъ началось литературное общество, котораго г-жа Кино и графъ Калью были первыми основателями и которое продолжалось много льть. Въ началъ посъщалъ его Вольтеръ, но присутствіе Сен-Фуа и Пирона, которыхъ онъ не любилъ, скоро отдалило его. Кребильонъ сынъ, Монкрифъ, Мариво, аббатъ Вуазенонъ долго поддерживали общество и аккуратно приносили небольшія пьесы, которыхъ все достоинство состояло въ томъ, онъ написаны были кстати. Г-жа Кино и сама писала и мы жалъемъ, что въ концъ этихъ повъстей не выставлено именъ; желательно-бы узнать слогъ этой прославивнейся женщины. Върный Жоли участвоваль во встхъ засъданіяхъ и обществахъ, созданныхъ г-жею Кино и которыя она ввела въ моду. Среди такихъ увеселеній, актриса наша тихо прошла тотъ мятежный возрастъ, въ которомъ покидаетъ насъ молодость. Въ одно прекрасное утро, она вдругъ увидъла себя старухою, никогда не думая и не заботясь о старости.

Впрочемъ, хотя пора вътренности и миновала для г-жи Кино, судьба назначила ей еще играть роль въ довольно странномъ приключени.

VI.

Въ то время общее вниманіе было обращено на появленіе Энциклопедін, — новость занимала всъхъ. Дидро, Руссо, д'Аламберъ были друзьями, и извъстность ихъ возрастала со дня на день. Г-жа Кино желала съ ними познакомиться. Дюкло привезъ къ ней Руссо; большаго труда стоило ему познакомить её съ Дидро. Дикарь Дидро не любилъ шумныхъ собраній и развъ изръдка являлся въ тъсный кружокъ друзей. Стараніями и удивительнымъ тактомъ хозяйки, умъвшей обходиться со всъми и примирять мелкія самолюбія, согласіе не

[•] Въ запискахъ г-жи д'Эппне можно видъть подробности ужиновъ актрисы Кино, и составить себъ подное понятіе о токъ и привычкахъ этихъ обществъ, чрезвычайно характеризующихъ въкъ.

нарушалось между знакомцами въ продолжени цълаго года. Дюкло, порицая онибки въка, пользовался исключительнымъ правомъ разсказывать курьезные анекдоты: Руссо, который изъяснялся безъ прикрасъ и не блисталъ экспромтами, избъгалъ преній и довольствовался сентенціями. Дидро давалъ волю своимъ парадоксамъ и какъ потокъ увлекалъ все сопротивлявшееся ему; но онъ ръдко посъщалъ своихъ друзей и появленіе его между ними было настоящимъ праздникомъ. Г-жа Кино слъдила за спорами, искусно останавливала побъдителя и ободряла побъжденнаго, обращала ссору въ шутку, съ невыразимою прелестью и пскусствомъ играла трудностями, и одушевляла всеобщую веселость каламбурами и шампанскимъ.

У ней быль въ провинціи двоюродный брать, который умерь, оставя посль себя шестнадцати-льтнюю дочь. За продажею мебели и платьевъ и за уплатою всяхь долговъ, сиротъ осталось всего на все пятьдесять червонцевъ. Молодая дъвушка писала къ теткъ и г-жа Кино не оставила ея просьбы безъ вниманія. Она поговорила съ друзьями, которые посовътовали ей молоденькую родственницу взять къ себъ. Гортензія Кино съла въ дилижансъ и прівхала къ теткъ, которая нашла ее очень хорошенькою, тотчасъ полюбила, назвала своей милой племянницей и даже объщала ей наслъдство. Пріятели одобрили ея поступокъ и приняли большое участіе въ ея племянницъ.

Дъвушка, прівхавшая съ юга Франціи, была еще совершенный ребенокъ. Отецъ, который прежде всего заботился доставить насущный хлъбъ своей дочери, не образовалъ ни ея ума, ни сердца. Природа съ избыткомъ надълила её красотою : черные глаза, взглядъ нъжный и понятливый одумевляли ея лицо, и хотя слушая разговоры, она не могла принимать въ нихъ участія, но у нея была прекрасная память и она, какъ въ послъдствіи увидимъ, воспользовалась тъмъ, что слышала въ бесъдахъ у своей тетки. На воспитаніе молодой дъвушки смотръли, какъ на особенный подвигъ. Руссо предписывалъ воспитывать ее физически, тетка нашла, что это слишкомъ по-Спартански; Дюкло предлагалъ сдълать изъ нея другую Дасье. Дидро былъ противъ учености. «Ей нужно, — говорилъ онъ, — только знать пемпого музыку и умъть танцовать; но главное, надо пріучать ее мыслить, внушать ей правила нравственности и добродътели.»

Сенъ-Ламберъ убъждалъ предоставить дъвушку природъ и врожденнымъ инстинктамъ, которые, рано или поздно, восторжествуютъ надъ всякимъ ученьемъ и что если она родилась кокеткою, то лучше быть кокеткою открыто и простосердечно, нежели сдълаться ею чрезъ воспитаніе. Г-жа Кино приняла этотъ послъдній планъ за самый простой и спокойный. Такъ какъ въ характеръ племянницы незамътно было явныхъ недостатковъ, то ее предоставили самой себъ.

Живя въ тъсной связи съ дъятельными, живыми умами того въка, Гортензія Кино, слушая ихъ теоріи, непримътно къ нимъ пристрастилась. Не имъя руководителя, она судила по-женски, отдавала
пальму первенства тому, кто казался ей красноръчивъе. Она не довъряла Дюкло, Жанъ-Жакъ казался ей оригиналомъ, но Сенъ
Ламберъ, съ его даромъ импровизаціи, былъ для нея убъдительнъе
и осповательнъе всъхъ прочихъ. Она върила его парадоксамъ, воображеніе ея воспламенялось и всякой вечеръ, засыпая, она намъревалась стать выше своего пола. Къ счастію, господа ученые, которые
искали только развлеченія, всякій вечеръ перемъняли тему разговора,
такъ, что между этими колебаніями мнъній, мысли дъвушки, уподоблялись волнамъ, которыя плещутъ въ корабль, стоящій на якоръ, но
безсильныя сдвинуть его, безполезно разбиваются другъ о друга.

Противъ комнатки, гдъ помъщалась Гортензія, жилъ, на другой сторонъ улицы, модный торговецъ, котораго прикащикъ часто глядълъ въ окно Благодаря тъснотъ улицы, онъ видълъ молодую дъвушку очень близко. Этотъ прикащикъ, молодой человъкъ съ кудрявыми волосами, игралъ на скрипкъ, посылалъ своей прекрасной сосъдкъ самые нъжные взгляды и выполнялъ для нея самыя чувствительныя арін изъ комическихъ оперъ. Въ отвътъ на это, Гортензія, изъ кокетства, иногда расчесывала передъ окномъ волосы, но не обрашала на сосъда большаго внимавія, думая, что, по роду запятій его, не было въ немъ ни глубины мысли, ни знанія истиннаго изящества. Прикащикъ продолжалъ свои продълки, не унывая, питая надежду смягчить наконецъ это нечувствительное сердце. Случай помогъ ему лучше нъжныхъ взглядовъ, музыки и терпънія. Однажды вечеромъ Дюкло прівхалъ къ г-жъ Кино. Онъ, съ видомъ покровителя, кивнулъ головою хозяйкъ дома и племянницъ, которая сидъла въ углу за работой, развалился на бержеркъ, положилъ ноги на ръшетку камина, точно какъ у себя дома, и, послъ минутнаго молчапія, небрежно сказалъ :

- Сегодня у васъ будетъ ужинать Дидро.
- A! возразила хозяйка, эта новость очень пріятна. Надо побольше шампанскаго; Дидро веселый собесъдникъ.
- Безъ сомпънія! отвъчаль Дюкло, и я совътоваль ему пить до суха, для разсъянія.
  - Развъ есть у него какое-нибудь горе?
- Такъ вы не знаете, что съ нимъ случилось? Онъ былъ влюбленъ въ малютку Бальбюси, дочь книгопродавца, а она вышла замужъ за живописца Греза. Я сейчасъ встрътилъ Дидро; онъ совершенно разстроенъ: хотълъ во-первыхъ бъжать изъ Франціи, во-вторыхъ броситься въ воду и въ третьихъ ъхать немедленно въ Монморанси къ Руссо и повърить ему свою печаль.... но я раскрылъ ему мои объятія, онъ со слезами бросился въ нихъ и охота путешествовать и умереть прошла въ туже минуту. Я знаю человъка. Минута сердечнаго изліянія скоро проходить. Онъ вполовину излечился. Новая страница противъ непостоянства женщинъ, новая тирада, которою вы будете наслаждаться, слушая его сегодня, докончатъ исцъленіе и завтра онъ будетъ писать къ Гримму: «Мы пили шампанское и тебя не было съ нами!» Но я объщалъ, что у васъ никого не будетъ.

— Никого, кромъ васъ.

Сенъ-Ламберъ быль въ то время въ арміи; Руссо не выходилъ изъ эрмитажа, такъ что ужины немножко разстроились, а потому г-жа Кино была въ восторгъ отъ посъщенія Дидро. Молоденькая илемянница просила позволенія остаться послъ ужина въ залъ, чтобы послушать знаменитаго Дидро. Дюкло присоединилъ свою просьбу о томъ же — и тетка согласилась. Гортензія побъжала позаботиться о приготовленіяхъ къ ужину, перемънила платье, поправила прическу, прилъпила мушку, которая улучшила цвътъ ея лица и снова появилась въ залъ, дрожа отъ волненія, при мысли увидать чрезъ нъсколько минутъ автора прославленныхъ сочиненій.

Десять часовъ только что пробило, когда вошелъ Дидро. Парикъ его былъ надвинуть на лобъ, черные шерстяные чулки худо подвязаны, галстукъ измятъ; но онъ очень ловко извинился въ безпорядкъ

своей одежды и просиль не сердиться, если будеть скучень, говоря, что человых, пораженный несчастіемь, не въ состояніи бесыдовать свободно и давать волю уму своему. Черезь десять минуть отворились двери столовой. Дидро взяль руку г-жи Кино, Дюкло предложиль свою Гортензіи и всв пошли ужинать. Полчаса употребили на то, чтобы хорошо покушать и разсказать другь другу городскія новости. Вино было доброе и наши ученые отдали ему должную честь. Подали дессерть, слуги поставили бутылки на столь и вышли. По привычкь, г-жа Кино облокотилась на столь; это означало, что начиналось время нецеремонности, и обыкновенно, съ этой минуты, разговоръ становился одушевленные. Въ этоть вечеръ говорили о меркуріи, вновь выставленной статуъ.

Дюкло критиковалъ, онъ находилъ въ статуъ недостатокъ округлости и значительныя отступленія отъ античныхъ формъ красоты
древнихъ, которая, по его мнънію, была правильна до того, что
ваятелю невозможно было отступить ни на одну линію, не повредивъ
прекрасному. Дидеро защищалъ Меркурія, онъ утверждалъ, что красота разнообразна до безконечности и что можно одинаково сдълать
прекрасную статую мужчины или женщины, при условіяхъ совершенно различныхъ.

— Возьмите, — говориль онь, — Геркулеса Фарнезскаго, одинь изъ прекраснъйшихъ образцевъ мужчины.... Почему онъ прекрасенъ? — Потому что прекрасно изображаетъ Геркулеса. При видъ этихъ широкихъ плечъ, этихъ мускулистыхъ рукъ, этихъ атлетическихъ ногъ, вы восклицаете: «Вотъ именно плеча, которыя въ состояни сдержать сферу, вотъ руки задушавния змъй, вотъ ноги способныя пройти съ одного края свъта до другаго!» — Это типъ человъка сильнаго и дъятельнаго. Но уменьшите немного эти широкія плеча, удлинните шею и ноги — и передъ вами модель не одной силы, но и ловкости, передъ вами — гладіаторъ и вы скажете: «вотъ руки, способныя отразить ударъ и нанести новый съ быстротою; вотъ ноги, созданныя для неуловимаго бъга, вотъ гибкое, стройное, кръпкое тъло.» Гладіаторъ, уступаетъ-ли въ красотъ Геркулесу? — Нътъ, онъ совершенный образецъ гладіатора. Теперь округлите еще формы, вдавите грубые мускулы и вы получите образецъ человъка лъниваго, недъ-

ительнаго, вы получите Антиноя — и онъ будеть, въ своемъ родъ, прекрасенъ, какъ Геркулесъ или гладіаторъ, потому что формы его изобразять всъ условія человъка празднаго. Тоже самое въ статуяхъ женщинъ: въ Венеръ—должна быть красота чувственная; въ богинъ Милосердія должны быть выражены состраданія, материнская нъжность; словомъ, по различію условій красоты, и самая красота разнообразна. Вы можете сдълать прекрасное лицо посильщика, воипа, американскаго дикаря, празднолюбца, сибарита, дайте только вашему творенію отличительныя черты его. Вотъ почему Меркурій, хотя его формы не имъють округленій пріятныхъ для взора, хотя онъ кажется легкимъ и худощавымъ, какимъ впрочемъ и долженъ быть посланникъ боговъ, все-таки статуя въ своемъ родъ прекрасна.

- Вы правы, замътилъ Дюкло; однако-же, кромъ тъхъ родовъ красоты, которые вы исчислили, существуетъ еще красота общая. Если вы позаимствуете отъ Геркулеса немного его силы, отъ гладіатора его ловкости, отъ Антиноя его грацію, у васъ получится статуя, удовлетворяющая всъмъ типамъ изящества, у васъ будетъ наконецъ Апполонъ Бельведерскій, типъ мужеской красоты. Онъ можетъ сдълаться носильщикомъ, гладіаторомъ, сластолюбцемъ... но прежде всего онъ красавецъ, и ничего болъе!...
  - Господа выпьемъ за красоту! прервала хозяйка.
- Выньемъ за формы! возразилъ Дюкло; красота состоитъ въ формахъ.
- Да въ мраморъ, отвъчала г-жа Кино; но не въ природъ;
   скажите лучше о новъйшей красотъ, состоящей въ выражени души
   въ статуъ, въ ел жизни.
- Это испорченность вкуса.
- Какъ! вы считаете за ничто выражение глазъ, игру физіономіи! Я ставлю эти достоинства выше всего остальнаго и утверждаю, что если античная красота возбуждаетъ удивленіе, новъйшая пробуждаетъ въ душъ симпатію, а это не бездълица, не такъ-ли, Дидро?
- Нътъ, это влеченіе, которое съ перваго взгляда сближаетъ два существа между собою, отнюдь не бездълица; но всякая красота способна возбудить симпатію, красота душевная, такъ же, какъ и тълесная Симпатія можетъ возбудиться добродътелью, храбростію, геройствомъ.... О! друзья мои! эту то симпатію надобно стараться возбудить скоръе, чъмъ безплодное удивленіе; слеза или поцълуй

имъютъ несравненно больше цъны, нежели рукоплесканіе. Налейте мнъ еще вина, я хочу пить за симпатію.

- Симпатія, продолжаль Дидро, осушивъ бокаль, владычица свъта: нътъ силъ, нътъ преградъ, которыя бы воспрепятствовали ей проникнуть въ душу. Невърность, непостоянство, все извиняется симпатіею. Страстно влюбленные, пробуждаясь, страшатся не найдти болье вчеращней любви, потому что знають невозможность повельвать симпатіею; значить, что она приходитъ и уходить сама собою, что ее ни удержать, ни призвать невозможно. Друзья мои! Придетъ день, когда вы встрътите существо, къ которому увлечетесь симпатіею и только соединивнись съ этимъ существомъ, вы будете счастливы; согласіе будетъ царствовать въ домъ вашемъ. Въ противномъ случать вы будете избъгать вашего домашняго очага, симпатія будетъ преслъдовать васъ, сидъть за вашимъ столомъ и отравитъ всю жизнь вашу.
  - Сейчасъ видно, что говоритъ женатый! сказалъ Дюкло.
- Но что-же станется съ дътьми, когда симпатія разъединить ихъ родителей? спросила Кино.
- Ба! вскричалъ Дидро. У меня есть дочь, которую я обожаю, потому что въ ней моя кровь, и я бы воспитывалъ ее съ неменьшимъ стараніемъ и пъжностію, если-бъ даже жена моя пренебрегала мною. Чувства отца къ дътямъ нетлънны, между-тъмъ, какъ любовь хрупче стекла. Горе родителямъ, оставляющимъ дътей своихъ!
- Такъ вы позволите вашей дочери заключить союзъ, какой ей вздумается?
- Я не говорю этого. Надо, чтобы дъвунка выходила замужъ, такъ принято въ свътъ; но еслибъ я былъ женщиной....
- Славная бы женщина изъ васъ вышла, сказала Кино, смъясь. Я воображаю: башмаки у васъ были-бы стоптаны, ченчикъ на сторону, платье короткое, безъ корсета, и притомъ вы были-бы болтунья и плакса.
- Вы прервали его, сказалъ Дюкло, въ ту минуту, когда онъ хотълъ было представить намъ жизнь свою, если-бъ былъ женщиною.
- Въроятно, возразилъ Дидро, ни Мюреръ, ни Марсель не научили-бы меня держать ноги, какъ слъдуетъ, и я не былъ бы щеголихой, но не былъ-бы и безстыденъ. Меня трудно было-бы

увлечь какими-вибудь вздорами, одни высокія качества, заслуги, добродътели, могли-бы мнъ правиться въ мужчинъ.

- А такъ какъ, милостивая государыня, сказада Кино, въ наше время герои ръдки, то вы всю жизнь остались-бы безъ жениха.
- Если-бъ я былъ женщиною, продолжалъ Дидро, я былъ-бы женщиною странною. Я не былъ-бы легокъ на любовь, я хотълъ-бы быть любимымъ; или стать выше другихъ, или совсъмъ не знать люб-ви; тогда бы кричали, что я чудо добродътели.

Далъе: я считалъ бы обязанностію произвести на свътъ существо, которое должно замънить меня, и тогда, можетъ-быть, люди, одинаково скорые на похвалу и порицаніе, бросили бы въ меня камень. Но я былъ-бы матерью, потому что былъ-бы достоинъ быть ею!

Выпивъ еще, Дидро продолжалъ ръчь съ возрастающей энергіей. Г-жа Кино хвалила красоту языка и одушевленіе оратора, но не раздъляла его мивній. Такъ застала ихъ полночь и собесъдники разстались.

VII.

Гортензія Кино съ удивленіемъ слушала все, что говориль Дидро. Никогда ей не случалось встръчать подобныхъ воззръвій на жизнь. Она съ жадностію пожирала его слова и усиливалась обнять умомъ непонятныя для нея теоріи. Возвратясь въ свою комнату, она поспъшно набросала на бумагу свои замътки и легла въ постель. Голова ея горъла, сердце раздиралось желаніемъ сдълаться необыкновенною женщиною; къ этому присоединялось сознаніе собственной слабости. Все это было причиною, что она заснула очень поздно; тягостные сны тревожили ее. Ей снилось, что ее выдають замужъ и что строгій мужъ объясняеть ей, какъ она должна быть снисходительною супругою, доброю хозяйкою и матерью семейства. Она не хочеть отдать руку свою этому гордому супругу, разрываеть свадебное покрывало и бъжитъ, бъжитъ.... ее встръчаетъ толпа и сотни голосовъ кричатъ ей: «Ты не хочешь мужа, такъ у тебя не будеть дътей и ты умрешь безъ потомства.» Наступившій день разсъяль досадныя видънія и про-

будилъ Гортензію. Она встала, старалась припомнить все слышанное наканунт и увтрилась, что ничего не забыла, потомъ съла у окна подышать чистымъ воздухомъ и подняла взоры къ небу.

Весна была въ самомъ началь; свъжій вътерокъ прихотливо игралъ косынкой Гортензін, и еслибъ его невинныя продълки были подмъчены Грёзомъ, то непремънно явилась-бы картина во вкусъ тогдашняго времени. Лучи восходящаго солнца, пролагая себъ путь между трубами домовъ, заскользили на илечикахъ Гортензіи и теплотою своею умърили свъжесть ръзваго зефира. Молодая дъвушка закрыла глаза вполовину, чтобы защититься отъ солнца тънью своихъ длинныхъ и черныхъ ръсницъ, и оставалась въ этомъ пріятномъ положеніи. Къ довершенію нъги, томные звуки скрипки неопредъленно коснулись ея слуха. Виртуозъ-прикащикъ разучивалъ куплетъ извъстнаго водевиля; въ припъвъ говорилось о страданіяхъ сердца и върности. Замътивъ сосъдку, молодой человъкъ открыль окно, и въ эту минуту яркая мысль блеснула въ головкъ Гортензіи.

— Вотъ, — подумала она, — этотъ молодой человъкъ миъ правится. Онъ не будетъ строгимъ, нестерпимымъ мужемъ. Онъ покоренъ и постояненъ. Если-бы онъ могъ внушить мнъ любовь, я, кажется, могла-бы сдълаться жепщиною, достойною быть матерью.

Гортензія внимательнъе посмотръла на сосъда. Она замътила, что онъ соединялъ античную красоту съ новъйшею, какъ будто былъ моделью, о которой говорилъ Дидро. Отъ этого замъчанія родилось чувство симпатіи въ сердцъ молодой дъвушки, и помня, что Дидро пилъ за симпатію, она не вздумала сопротивляться этому сладкому чувству.

Прикащикъ, не воображая въ какомъ благопріятномъ расположеніи духа находилась его возлюбленная, началь въ сотый разь повторять свои обыкновенныя продълки. Онъ нъжно взглянуль на Гортензію; она отвъчала ему радужной улыбкой. Онъ положилъ руку на сердце, тоже сдълала и Гортензія. Онъ дерзнуль послать поцълуй, она ему отвъчала тъмъ-же. Тогда онъ надъль свое лучшее платье, взялъ шляпу, знакомъ просилъ позволенія проникнуть къ предмету очарованія.... Новая улыбка была отвътомъ и прикащикъ бросился на улицу. Ворота отворены, онъ прошелъ въ нихъ, перешелъ дворъ,

пробрался мимо швейцарской, никъмъ не замъченный, вбъжаль на лъстиицу и въ одно мгновеніе очутился у ногъ своей прелестной сосъдки.

- Молодой человъкъ, сказала взволнованная Гортензія, не воображайте, чтобы я согласилась преступить границы приличія. Если бы вы были герой, человъкъ, одаренный высокими добродътелями, о тогда я подчинилась-бы вашему произволу!. . Меня влечеть къ вамъ одна только симпатія, и я хочу остаться свободною.
- Сударыня, отвъчалъ прикащикъ, я не хочу, чтобъ вы видъли во мнъ Цезаря, или другаго какого героя. Я просто честный прикащикъ и готовъ умереть за васъ. Когда утрачу счастіе правиться вамъ, удалите меня. Я слишкомъ уменъ, чтобъ надовдать вамъ моею любовью.... А сегодня позвольте мнъ поцъловать вашу бълую ручку и потомъ ваши розовыя губки....

Гортензія не отказала ему въ этой милости.... Онъ быль такъ жалокъ.... онъ такъ страдалъ, бъдный молодой человъкъ!

Прикащикъ продолжалъ свои отважныя посъщенія и время незамътно летъло для нихъ въ восторгахъ радости.

Иден Гортензін нечувствительно измънялись подъ вліяніемъ новыхъ впечатльній, ея прекранныя системы испарялись и мъсто ихъ самовастно занимала любовь. Молодой человъкъ былъ чистосердеченъ, добродушенъ; онъ такъ завладълъ сердцемъ Гортензін, что прошло уже два мъсяца, а она и не думала напомнить ему о разлукъ.

Недолго продолжалась таинственность свиданій; совъсть упрекала Гортензію; тетка любила ее горячо, съ нею раздъляла она и радость, и печали, за чъмъ-же было скрывать отъ доброй родственницы лучшія, чистьйшія чувства сердца. Въ одно утро Гортензія пошла къ г-жъ Кино и разсказала ей съ начала до конца свое приключеніе, не скрывая причинъ, которыя побуждали ее такъ вести себя. Г-жа Кино судила весьма здраво: она избавила себя отъ всякихъ патетическихъ сценъ и даже не сдълала выговора племянницъ. Она отправила къ Дидро письмо, въ которомъ поздравляла его съ вождвленными плодами его ученія.

— Милое дитя, — сказала Кипо, — вотъ къ чему привело тебя легкомысліе.... Ты понимаешь сама свой проступокъ.... Надо теперь какъ-нибудь поправить дъло.

И вследъ за этимъ, опа поъхала къ хозяину молодаго прикащика.

Хозяинъ былъ человъкъ честный, желалъ добра прикащику и помогъ общему горю. Онъ далъ денегъ, устроилъ хозяйство молодаго человъка и Гортензію выдали за него. Слъдуя во всемъ системъ Дидро, она упустила изъ виду, что для полнаго счастія, по мнънію ученаго, достаточно имъть одного потомка. У нея было трое полненькихъ, здоровыхъ дътей.

Г-жа Кино часто забавлялась, разсказывая эту историо своимъ друзьямъ, она говорила чудесно и въ заключение восхищалась, какъ тирада знаменитаго энциклопедиста осчастливила Гортензію и доставила ей модный магазинъ, сдълавшійся въ скорости знаменитымъ; съ другой стороны г-жа Кино поражала сатирою правила и системы Дидро, на которыя случай Гортензіи былъ самою жестокою и убъдительною критикою.

VIII.

Спустя нъсколько времени послъ описанныхъ нами происшествій, дружеская бесъда г-жи Кино разстроилась. Гриммъ поссорилъ Руссо съ Дидро. Дюкло раздувалъ пламя ссоры и друзья перестали видъться.

Когда герцогъ Бранкасскій открыль двери своего отеля всямъ знаменитостямъ того времени, въ числя ихъ явилась и знаменитая актриса. Гриммъ говоритъ, въ своей перепискъ, что она была душою собраній; къ сожальнію, не с охранилось для насъ никакихъ подробностей объ этихъ вечерахъ.

Получая недостаточный пенсіонъ, г-жа Кино, въ 60 льтъ отъ роду, принуждена была войти въ долги, чтобы поддерживать родъ жизни, къ которому привыкла. Это же обстоятельство побудило ее наконецъ удалиться въ Сенъ-Жермень. Тамъ, въ четырехъ миляхъ отъ города, друзья не забывали ее и посъщали во всякое время года въ ея уединеніи.

Уже въ значительно-преклонныхъ льтахъ, г-жа Кино подверглась бользни, отъ которой едва не умерла. Докторъ отказался лечить ее, но спокойствіе и благотворный, деревенскій воздухъ возвратили ей здоровье; она еще долго жила и умерла въ 1783, на 80-мъ году отъ рожденія.

Кино младшая погребена въ Сенъ-Жерменъ, оплаканная друзьями, которые снова встрътили повсюду и ужины, и растворенныя двери, и добродушный пріємъ, но нигдъ не нашли прежней веселости и расположенія духа. Господа ученые и литераторы любили, чтобы ихъ слушали, а никто не исполнялъ этого такъ ловко и умно, какъ г-жа Кино. — Поэтъ Жоли умеръ гораздо раньше ся. Они оставались друзьями до смерти, но уже не сходились болъе въ домашней жизни.

- en a formant de la company d

Breath, States, and property of the Control of the

Advisabilitación dellas del conservento especial conserve della colonia della Disc.

mercent a significant each in tabete demon an arriver in all adjusted upon

Concepts and Azhandez equipment and Azhanz (Melle - 1915) in a call and a cal

The contract of the contract o

HOMOPHCTHKA.

the Light continues of the property of the continues of t

on their respondence is no notice of the party which the first first re-

- negle par equipose de la manda en forma de la compara de

невъсты.

три сцены изъ жизни.

estimate annual principles of the contract of

AND THE RESERVE OF THE PROPERTY OF THE PROPERT

дъйствующія лица.

Максимъ Игнатьевичъ.
Анисья Федоровна, жена его.
Татьяна Максимовна, дочь ихъ, лътъ 28.
Акулина Леонтьевна, нъчто въ родъ свахи.
Анна Ивановна, бъдная вдова, старушка.
Дунюшка, дочь ея.
Фіона Павловна, старая дъвица.
Федоръ Петровичъ, пожилой холостякъ.
Александръ Дмитричъ, богатый человъкъ.
Фекла, кухарка.

I.

(Гостиная максима игнатьича, изрядно иеблированная. — ОЕКЛА, подметая половою щеткою комнату, въ тоже время стираетъ пыль со столовъ и стульевъ, и потомъ рукой облокотясь на щетку, а другой вытирая фартукомъ носъ.)

Туда-же, тянутся за большими господами; еще пыль имъ тутъ вытирай, да полъ разъ пять въ день подмети, вишь, чтобъ все бы-Отд. V. ло, какъ стеклышко; а по моему — такъ жили-бы, какъ Богъ велълъ, когда большую прислугу не на что держать. (Окидывая взоромъ гостиную). Что я тутъ одна могу сдълать? Я у нихъ н въ кухив успъй, и въ гостиной прибери, и съ самоваромъ управься, и барынъ чулки заштопай, и барину сапоги вычисти, и барышнъ одъваться помогай, какъ-будто у меня сто рукъ, прости Господи! (Разгорячившись). Да, что я лошадь водовозная что-ли имъ далась? Вишь — они не намърены даромъ кормить меня, да за даромъ жалованье платить; а что такое ихный хлъбъ? (Плюетъ). Пфу! (Вытираетъ, гдоъ плюнула). Поскоръй вытерътъ, чтобъ сама ве увидала.

Акулина Леонтьевна (осторожно входя). Что ты тутъ, Өеклуша, возниься? И въчно одна одинешенька! Какъ это ты только вездъ успъваещь? А господа-то гдъ твой? чай еще почиваютъ послъ объда? Дай имъ Господи добраго здоровья! А на кухнъ-то у тебя самоваръ до половины выкипълъ; върно раненъ-ко поставила.

ӨЕКЛА (размаживает рукой). Здравствуйте, Акулина Леонтьевна!... Экой окаянный! въчно уйдетъ! бъжать поскоръй, да долить колодной водой; а то пожалуй еще и труба отвалится; да тутъ отъ Анисьи Өедоровны брани не оберешься на цълую недълю. (Ставить щетку въ уголъ.)

Акулина Леонтьевил. Не ужъ-то она такая злющая! а смотрить такою овечкой.

ӨЕКЛА. Хороша овечка! съ утра до вечера, какъ цѣпная собака, лается: то то худо; то другаго не смыслишь; какъ-будто и въ людяхъ не живали и добра не видали, окромъ ихняго.

Акулина Леонтьевна. Да ты, полно, сама не виновата ли? Оекла. Да чъмъ виновата? Развъ тъмъ, что изъ шкуры лезешь вонъ, только-бы хоть что-инбудь въ угоду имъ пришло? а сколько брани еще перемолчишь? Да другая-бы, на моемъ мъстъ, дня у нихъ не выжила.

Голосъ Анисьи Федоговны. Оекла! Оекла! Этакая соня! поставила самоваръ, а самой и горя мало. Этакой народъ — эти кухарки! Ихъ только корми, а дъла и не спрашивай. Оекла! куда тебя лукавый занесъ, что не докричишься? Вотъ безтолковая голова!

ӨЕКЛА. Пу, вотъ сами видите, Акулина Леонтьевна! Для нихъ же радъешь, а они тебя-же ругаютъ. Виновата, что-ли я? Уйдетъ самоваръ, такъ его рукой не удержишь.

Голосъ Аписы Обдоровны. Вотъ пегодныя! Вамъ ниче-

го хозяйскаге не жаль; по вашему, все хозяйское, хоть огнемъ гори, хоть въ водъ тони.

Голосъ Оеклы. Да что это вы, Анисья Оедоровна, изволите даромъ безпокоиться? Самоваръ цълехонекъ; вы такъ раскричались, что я думала ужъ не отвалилась-ли труба; а что выкивъть, такъ не велика бъда; воды въ Фанталкъ довольно, не занимать стать; долить самоваръ-то не великая работа.

Голосъ Анисьи Обровны. Ей еще хочется, чтобътруба отванилась? Да ты съума что-ли спятила? (Входить въ гостиную, хлопнувъ дверыю.)

Акулина Леонтьевна (низко кланянсь). Заравствуйте, матушка, Аннсья Өедоровна! все ли здоровы? по хозяйству хлопотать изволите; здорова-ли моя лебедушка Татьяна Максимовна?

Анисья Өедоговна (не въ дужь). Здравствуй, Леонтьевна; садись голубушка!... Этакой народъ! только не присмотри зачъмънибудь, такъ ужъ надълаютъ дъла.

Акулина Леонтьевна (продолжая кланяться). Хозяйское дело; всякому своего жаль, что и говорить. Беда пришла ныньче съ кухарками: хорошей и днемъ съ отнемъ не найдешь.

Анисья Өедоровна (садясь). Садись, голубушка Леонтьевна, садись. Именно и днемъ съ огнемъ не найдешь; сколько я ихъ передержала? А толку просто ни на волосъ!

Акулина Леонтьевна. Что и говорить, матушка Анисья Өедоровна! Не дальше, какъ сегодня, была я у одной знакомой; тоже у нее этакое сокровище — кухарка, въ однать день цёлый чайный сервизъ перебила; шутка ли, матушка, цёлый сервизъ? И сама того не стоитъ; пъяна что-ли она была, кто ее тамъ знаетъ. А сервизъ чудесвъйшій, фарфоровый.

Анисья Обдоговна. Съ моей такого гръха не случалось, коть и выпьетъ яной разъ; слова цътъ — отобъется отъ рукъ, за то ужъ хоть въ рукахъ то нячего не бъется!... Ужъ только народецъ.... Что будешь съ нимъ дълать?

Акулина Леонтьевиа. Извъстное дъло; что будещь дълать? (Какъ будто спохватясь). А что это не видать Темиры Максимовны? Ужъ и она не почивала ли?

Анисья Обровна Что ты это? Да гдв видано, чтобы дв-вицв спать послв объда? Она въдь не намъ старухамъ чета.

Акулина Леонтьевна. То-то и я думаю: дъвичье ли дъло спать послъ объда? И глазеньки-то сонные будутъ, и румянецъ отъ сна пропадаетъ и личико то поизмято бываетъ, точно, не во гиъвъ сказано, съ похмълья.

Анисья Обробни. Да опа у меня и ночью-то не много спить; все читаеть, моя голубушка, толстыя, претолстыя книги; говорить, что кто больше читаеть, тоть и умиве.

Акулина Леонтьевна. Экая разумница! Да ей и жениха подъ пару не вдругъ найдешь! любаго за поясъ заткиеть; ей бы какого-

нибудь ученаго.

Анисья Обраговым. Что добраго, матушка, въ ученомъ? въ головъ у него можетъ и сидитъ какая-нибудь философія, да за то въ карманъ часто ровно шишь.

Акулина Леонтьевна Либо сочинителя, что книги пишутъ. Анисья Оедоговна. И! голубушка! Какой прокъ въ сочинитель? въдь только слава, что сочинитель; а толку-то у другаго просто ни на грошъ: пять рублей въ день получитъ, а десять проживетъ.

Акулина Леонтьевна. Вотъ что! а я съ дуру думала, что сочинители—народъ пререзонный.... не даромъ, думаю, такія мудреныя книги пишутъ, что и въ толкъ не возъмешь; а выходитъ, что сочинители писколько не лучше нашего брата.

Анисья Обробни. Гав имъ быть лучше? Хуже; во сто кратъ хуже! Ныньче, безъ хорошей сватьи, какъ разъ оборвешься; поддънешь такое сокровище, что не рада и зятю будешь. Вотъ хоть бы ты, Леонтьевна, похлопотала для Танечки.

Акулина Леонтьевна. На что вамъ, Аннсья Оедоровна, сватья? Вы и сами женщина политичная; насквозь все видите; да и Татьяна Максимовна не такой товаръ, чтобы залежался; и голосомъ и волосомъ — всъмъ взяла. Да гдъ-же это она, что не кажетъ своего яснаго личика?

Аннсья Өедоровна (кричить). Танечка! Танечка! Акулина Леонтьевна хочетъ тебя видъть. (Входить Таня).

Таня. Ахъ! maman! сколько разъ твержу я вамъ, чтобъ вы называли меня — Темира, а не Татьяна; въдь я не кухарка.

Анисья Обровна. Полно, полно, душечка. Развъ не все равно — Татьяна или Темира? по моему простому уму, Татьяна еще лучше; проще какъ-то выговаривать.

Таня. Да знаете-ли, maman, что ныньче простонародныя имена не въ модъ? Толи дъло — Юлія, Людмила, Леонида, Капитолина, а что это за имя — Татьяна?

Акулина Леонтьевна (вставая и кланяясь). Ай да разумница! какъ разъ озадачила; да все, этакъ, по ученому. Здравствуй, моя косаточка! Какъ живешь-можешь, моя кралечка?

Т м н я (потупивъ глаза, кланяется).

Акулина Леонтьевна (оглядывая Таню). Да кому не пара эта красавица? Взглянетъ, словно серебряннымъ рублемъ подаритъ....

Анисья Өбдоговил (самодовольно глядя на дочь). Полно, полно тебъ, Акулина Леонтьевна; она ничего не понимаетъ, она

сущій ребенокъ.

Акулина Леонтьевна. Ребенокъ и есть; вишь зарумянилась, какъ яблочекъ на солнышкъ. Кому-то она будетъ суженая, да

ряженая?

Анисья Оброговна. Богъ въсть; нынъшнихъ жениховъ и не поймещь нашимъ старымъ умомъ; прежде, бывало, давай, сначала невъсту, а приданое послъ; а ныньче на оборотъ; давай тысячи, а подъ вънецъ хоть чучелу поставь, жениху и горюшка мало.

Таня. Ахъ, maman! Какую прекрасную статью я сейчасъ читала въ журналъ!

Анисья Обдоровил. Раскажи же намъ, душечка, что такое

ты прочитала?

Таня. Да вы не поймете.

Анисья Обровил. Что ты это выдумала? Уже и не поймемъ.... Слава Богу, въкъ прожили, а ума у другихъ не занимали. Ну, разскажи.

Таня (потупивъ глаза). Да тамъ, татап, описывается любовь; и какой-то Александръ Оедоровичъ обнималъ Върочку, а она плакала....

Анисья Обробна (чуть не сквозь слезы). Акъ, ты ребенокъ! (къ Акулинъ Леонтьевнъ.) Не правду-ль я говорила? Не ребенокъ ли?

Акулипа Леонтьевна (ст чувствомт). Ахъты, голубка моя сизокрылая! Ахъты канареечка! Дай мит разциловать тебя иташечку. (Цилуетт Таню ст жаромт.) — (Въ сосидней комнати голост Максима Игнатьича.) А.... а.... а.... у.... у... у! Ухъ, какъ разоспался! (Максимъ Игнатьичъ входить въ гостиную въ халать, подполсанный носовымъ клытчатымъ платкомъ, и садится.)

Максимъ Игнатьичъ (нюхая табакъ). Матушка, Аписья Оедоровна, самоваръ скоро? Со сна бы не ившало и чаншку напиться.

Анисья Обраться, а до дочери и дела нетъ.

Максимъ Игнатьичъ (чихнуль). Вотъ правда! чаншко раз-

въ худое дъло, особенно со сна? И мужики ныпьче попиваютъ чаёкъ, а намъ и подавно.

Анисья Обровна. Кто тебе говорить, что чаншко худое дело? Тебе говорять на дочь то свою полюбуйся сначала.

Максимъ Игнатьичъ. А что она тамъ сдълала? если опять что нибудь напроказила; такъ ужъ раздълывайся съ ней сама, какъ знаешь; мое дъло сторона.

Анисья Обровны. Тебъ все проказы мерещутся.... да ты послушай, что дочь твоя говоритъ.

Максимъ Игнатьичъ (зъвая). А что она тамъ болтаетъ? (Въ продолжение этого разговора, Акулина Леонтьевна что-то шепчетъ Танъ, а та краснъетъ.)

Акулина Леонтьевна (вставая и обращаясь къ Максиму Игнатычиу). Наградилъ же васъ Господь дътищемъ; сущій ребенокъ! Здравствуйте, батюшка Максимъ Игнатычъ! Много лътъ вамъ здраствовать.

Максимъ Игнатьичъ (улыбаясь). Зараствуй, Леонтьевна! а что вамъ Танечка наболтала?

Аписья Обдоговна (весело). Спроси самъ.

Максимъ Игнатьичъ (зпьвая). Ну-ка, ну, скажи, Танечка! Танечка (потупивъ глаза). Да я имъ говорила, какъ Александръ Өелоровичъ обнималъ Върочку, а она плакала....

Максимъ Итнатьичъ (сначала взглянувъ робко на эксну и потомъ съ укоризной обратясь къ Танечкъ). Славную же ты имъ рацею сказала! Да я бъ тебя спросилъ сначала: гдъ ты изволила видъть подобныя веши?

Таня (сконфузясь). Да я, я, я, папенька...

Максимъ Игнатьичъ. Знаю, знаю, что ты дура. (Таня зажныкала, закрывшись платкомъ.)

Анисья Обробовых (мужу). Съ ума что-ли ты сошель? Чего ты привязался къ ребенку?

Максимъ Игнатьичъ. Хорошъ ребенокъ, нечего сказать.... (Обращаясь къ Танъ.) Да въдь тебъ, матушка, скоро третійдесятокъ стукнетъ. Пора, кажется, и ума набраться. Вишь ты изволитъ потъшать публику амурами....

Анисья Обдоровна (мужу). Что ты сцены-то заводить? Не стыдно ли тебъ старому шуту, дочь свою порочить? Шуткали, изволитъ говорить, что ей третій десятокъ? Не глупая ли ты голова? (Со слезами.) Да что съ тобою сдълалось, старый дурень? Наградилъ же меня Создатель мужемъ!

Акулина Леонтьевиа. Да вы не безпокойтесь, Анисья Оедо-

ровна; въдь Максимъ Игнатьичъ изволили пошутить.

Анисья Обращаясь къ Максиму Игнатышу.) Супостать ты этакой! воть до чего я дожила; тридцать слишкомъ льть берегла его да ухаживала за нимъ, а онъ изволить родную дочь свою порочить.

Максимъ Игнатьичъ (растерявшись). Да что ты, матушка?

Я только резонъ.... наставление хотълъ....

Анисья Өедоговна (продолжая плакать). Да какъ ты н на свътъ-то Божій глядишь, безсовъстный?

Максимъ Игнатьичъ (принуэнсденно смпясь). Xa! xa! xa!

я пошутиль; а она и за правду принимаеть! Ха! ха!....

Аннсья Өбдоровна. Ты пошутиль? Ты пошутиль?... (Въ сосподней комнать раздается стукъ разбитой чашки.)

Анисья Өедоговил. Ахъ, ты безтолковая! Ахъ, ты супостатка! (бросается изъ комнаты. Танечка продолжаетъ жныкать.)

Акулина Леонтьевна. Ахъ, вы какой, Максимъ Игнатынчъ! Какъ это вамъ нестыдно безпокопть Анисью Өедоровну?

Максимъ Игнатьичъ. Что ты, матушка? Чего безпоконть? Я и не думалъ!

Акулина Леонтьевна (показывая на Таню). Да и сударуш-

Максимъ Игнатьичъ (Тань). Что ты, глупенькая? Тебъ-

чего плакать?

Таня. Да какъ же, папенька? Если Акулина Леонтьевна комунибудь разскажетъ ваши слова; такъ меня, пожалуй, и замужъ никто не возьметъ.

Максимъ Игнатьичъ. Не разскажеть; я ей дамъ цълковый. Акулина Леонтьевна (обидлышись). Что вы, батюшка, съ

цълковымъ-то разъъхались, я не продажная душа; захочу, такъ и даромъ промолчу....

Танечка. У меня есть два платья — одно ситцевое, другое муслинъ-делень, которыя миз не въ пору; такъ я ихъ подарю

Акулинъ Леонтьевнъ.

Акулина Леонтьевна. Спасибо, голубушка, спасибо, что не забываешь меня сиротниушку. Полно же плакать, моя косаточка! (Отдергивая платоко от глазо Тани.) Глазенки краснёхоньки будуть, да и личико поблёдиветь. Не безпокойся, моя сударушка; быль бы кусочикь, а мыши найдутся.

Максимъ Игнатьичъ. Именно найдутся; ей, ей найдутся,

только не плачь. (Входить Өекла съ подносомь върукахь, за нею Анисья Өедоровна.)

ОЕКЛА. Да чёмъ же я виновата? Ишь тутъ ни зги не видно! Всякъ человёкъ голову сломитъ!

Анисья Федоговил. Не твое дёло разсуждать.... пошла вонь! (Өекла идеть и въ дверяжь сталкивается съ Өедоромь Петровичемь.)

ӨЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (ӨЕКЛВ). Куда ты это, голубушка, торопишься? чуть-чуть не чокнулись лбами; дружно бы жить пришлось! (Подходя къ ручкъ Анисьи Өедоровны.) Здравствуйте, Анисья Өедоровна! Какъ ваше здоровье, Темира Максимовна! (Пълуетъ ей руку; экметъ руку Максима Игнатьича.) А вы какъ?...

Анисья Өедогових (ласково улыбаясь). Здравствуйте, Өедоръ Петровичъ! прошу садиться.

Максимъ Игнатьичъ. Слава Богу, слава Богу! (Вст. садятся.)

Акулина Леонтьевна (кланяясь и потому садясь). Здравствуйте, батюшка Өедөръ Петровичь! какъ живете, можете? Ужъ не изволили-ль жениться?

О е до ръ Петровичъ. Здравствуй, Деонтьевна! а жениться доколъ еще не изволилъ; подкръпи Господи только впередъ!

Анисья Облоговна (улыбаясь). Вы, Облоръ Петровичь, теперь что-то не полюбливаете насъ женщинь; а вотъ придетъ время — тогда другимъ голосомъ запоете.

Обловъ Петровичъ. Правда ваша, какъ придетъ жутко, поневолъ запоещь не своимъ голосомъ.

Максимъ Игнатьичъ. Ай-да молодецъ, что ни скажетъ, тутъ, какъ тутъ.

Анисья Оброгових (бросиет на мужа гипеный взглядт). Оброзу Петровичу простительно такъ говорить; онъ холостой человъкъ; а вотъ тебъ-то, Максимъ Игнатьичъ, и очень гръшно потакать подобнымъ ръчамъ. Неуже-ли ты не доволепъ мною?

Максимъ Игнатьичъ (оторопъвъ). Я, матушка, я просто предоволенъ.

Акулина Леонтьевна. Полно вамъ, Оедоръ Петровичъ! Гдъ женщинъ устоять противъ мужчины? Бывало, мой покойникъ только прикрикнетъ, такъ не знаешь, въ который уголъ и сунуться.

Өедоръ Петровичъ. И навърное всегда совалась въ тотъ уголъ, гдъ стояли ухваты.

Акулина Леонтьевна. Что вы, батюшка? мы съ покойнымъ жили просто душа въ душу; иной разъ, нечего гръха тапть, порядкомъ ругивались; но до ухватовъ или тамъ до половой щетки.... ни, ни... поклейать — нельзя! (Вздохнувъ.) Да и кто проживетъ безъ гръха, особенно, какъ со всъхъ сторонъ нужда пристигнетъ?

Максимъ Игнатьичъ. Именно, кто проживетъ безъ гръха. Вотъ, напримъръ, хоть я....

Анисья Облоговна (перебивал Максима Игнатычча). Лучше бы тебъ помолчать о своихъ гръхахъ, когда хорошаго не умъешь сказать, такъ о худомъ и толковать нечего. (Максимъ Игнатыччъ нюхаетъ табакъ.)

Өедогъ Петровичъ (разстянно). Отчего помолчать? признанье, говорятъ, половина исправленія.

Анисья Өедоговна (вадохнувъ). Горбатаго пеправить одна могила! (Өекла приносить самоварь, ставить на столь и уходить.)

Анисья Оброговил. Танечка! потрудись разлить чай; Богъ дастъ выйдешь замужъ; такъ не мъщаетъ заранъе пріучаться къ козяйству.

Танечка. Да я, татап, ужъ давно умъю хозяйничать....

Акулина Леонтьевна (весело). Что вы задумались, Өедөръ Петровичъ? Аль задумалъ молодецъ думушку о сударушкъ молодой женъ? Да на что же я и сватья, если такому молодцу не найти невъсты?

Обрать Петровичь. Пора перестать въ наши лъта мечтать о глупостяхъ; мит жениться — все равно, что тебъ замужъ идти — то-есть, немного поздненько.

Акулина Леонтьевна. Что я за старуха? Замужемъ была и только одинъ разъ; и съ мужемъ жила всего восемнадцать лътъ, да два года вдовъю; какая-же я старуха?

Өедоръ Петровичъ. Ну, не молодись, Акулина Леонтьевна, въдь ужъ дъло-то видимое не въ первой поръ, да, чай, и не въ третьей....

Максимъ Игнатьичъ. Именно — не въ первой; она старше моей жены, а у Анисы Оедоровны лътъ десять уже, какъ выпали всъ корневые зубы.

Анисья Оброговил (ст гивомт). Да ты развъ изволиль считать мон зубы?

Максимъ Игнатьичь (встревожившись). Помилуй, матушка,

тебъ не клади пальца въ ротъ!... до твоихъ зубовъ не вдругъ доберешься.

Акулина Леонтьевна (Өедөру Петровичу). Положить, что я старуха, а вы что за старикъ? По правдъ сказать — вы женихъ въ самой поръ; вы только что пришли въ совершенный разумъ.

Өедоръ Петровичъ. А дълаютъ-ли глупости въ совершенномъ разумъ? Стараго воробъя на мякинъ не обманешь; теперь я не тотъ болванъ, который, лътъ за пятнадцать, съ дуру сватался то же на нъкоихъ особахъ; но дважды бъда миновала, что будетъ впредь — пе знаю.

Акулина Леонтьевил. Въ третій не минуетъ.

Максимъ Игнатьичъ (сквозь зубы). Пожалуй, братъ, и въ самомъ дълъ попадешься.

Анисья Обровна. То-ли дело — быть женатымъ? Жена приготовитъ для мужа и обедъ, и ужинъ, и белье, и чай.... однимъ словомъ, женатый, за что ни хватись — все подъ рукой; скученъли мужъ — жена старается его разговорить; веселъ-ли — и жена съ нимъ радуется. То-ли дело быть женатымъ?

ӨЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. А брань? а слезы? а капризы? Извивите меня, Анисья Өедоровна; я довольно на своемъ въку навидался семейныхъ ужасовъ и врагъ женатой жизни.

Максимъ Игнатьичъ (вполголоса). Не бойся, не то увидишь, — только женись.

Анисья Θ едоровна (Максиму Игнатычу). А ты чего навидался? въдь ты тоже женать.

Максимъ Игнатьичъ. Да я и не говорю, чего я навидался.

Танечка (съ чувствомъ). Что могъ папенька видъть отъ татап, кромъ любви? Онъ всю свою жизнь наслаждался. (Прибъгаетъ Өекла въ попыхахъ и останавливается у дверей)

ӨЕКЛА. Анисья Оедоровна, пожалуйте-съ.

Анисья Обровна. Ну, что тамъ такое?

ӨЕКАА (нетерпъливо). Да пожалуйте-съ; но вотъ онъ п самъ идетъ! (отодвигается всторону, входитъ Александръ Дмитричъ и раскланивается).

Анисья Обровна. Ахъ, дорогой гость! что это вы совствъ къ намъ запали? (Танечкю). Поправь, душечка, на плечикъ у себя пелериночку. (Максиму Игнатьичу). Что ты не встръчаеть дорогаго гостя? (Оеклю). Пошла вонъ, глупая! и этого не смыслила хорошенько сказать. (Максимъ Игнатьичъ поднимается съ

кресель, глубоко вздохнувь; платокь развязывается и табакерка скачеть къ ногамь Александра Дмитрича.)

Максимъ Игнатьичъ (въ одной рукт держа платокъ, а другую подавая Александру Дмитричу). Развязался окаянный! (поднимая табакерку.) Заравствуйте, мое почтение! (выпрямившись). Извините! (отправляется на прежнее мъсто, вытираясь платкомъ. Анисья Федоровна взглянула на мужа и покачала головой).

Александръ Дмитричъ (усаживаясь подль Өедора Петровича и пожавъ ему руку). Какъ только устроилъ свои дъла, первою обязанностію почель засвидътельствовать вамъ почтеніе.

Анисья Облововы. Покорно благодарю, покорно благодарю. (Танечка разливаеть чай).

Анисья Обловил. Савлайте милость — присядьте поближе къ столу; извините — у насъ просто по домашнему. Не угодно-ли сухариковъ, или булочекъ? (Всть подвинулись со стульями къ столу; Акулина Леонтьевна, взявъ въ одну руку чашку, другою набрала порядочное число сухарей и отправилась на старое мъсто. Пьютъ чай.)

Танечка (кокетливо поправляя пелеринку). Вы; Александръ Дмитричъ, любитель чтенія; не знаете-ли какихъ новыхъ книгъ?

Александръ Дмитричъ. Я читаю преимущественно журналы; но говорятъ, что въ нынъшнемъ году много вышло ученыхъ книгъ.

Танечка. А въ журналахъ не пишутъ-ли чего новаго?

Александръ Дмитричъ. Очень много; особенно-же теперь процевтаетъ натуральная школа.

Танечка. Мит не правится эта школа; она мало чувствуеть; она любить много смъяться, а я люблю плакать....

Анисья Обрана. Она у меня ужасно чувствительная; когда она начетъ читать книгу, у меня сердце всегда не на мъстъ; боюсь, что выплачетъ всъ глаза. Вотъ и я съ молоду иногда читывала; но я не могла такъ много плакать, какъ она. Бывало, прочитаешь, что какой-инбудь добрый человъкъ умеръ отъ несчастія; такъ перекрестишься да и скажешь: царство ему небесное! добрый быль человъкъ. Чего-жъ больше?

Танечка. А вы, Өедоръ Петровичъ, любите-ли натуральную школу?

Өедогъ Петровичъ. Одинъ мой пріятель говорить: если внига очень толста — то въ ней много вздору; а если очень тонка-то въ ней мало дъльнаго; въ обоихъ случаяхъ не стоитъ читать; я инкогда и не читаю.

Акулина Леонтьевна. И умпо деласте, батюшка Осдоръ Петровичь, что не читаете; что толку въ чтеніи? только глаза испортишь. Да и какую еще натуральную школу тамъ сочинили? Не у цынёшнихъ людей искать натуральности; что ни ступять, то сфальшивить.

Анисья Оброговна. Не вст-же люди съ фальшью; вотъ коть и про себя скажу; какая во мит фальшь, когда у меня, что на умт, то и на языкт?

Өедогъ Петговичъ. Темира Максимовна перещеголяетъ васъ

натуральностію.

Максимъ Игнатьичъ. А я скажу, что проще меня и въ міръ не найдешь человъка.

Аписья Обдоровна. Проще тебя?

Максимъ Игнатьичъ Какъ же? Не ты-ли сама въ день разъ двадцать назовешь меня простофилею?

Өедогъ Петговичъ. Прямой, брать, ты простофиля!

Максимъ Игнатьичъ. А ты что думалъ?

Акулина Леонтьевна (опрокидывая чашку). Благодарствуйте, матушка Анисья Өедоровна! (обращаясь къ Танп.) И вамъ, моя красавица, спасябо за хлопоты.

Анисья Обровна. Что ты это, Леонтьевна, такъ мало выпила? Ну, хоть еще чашечку, съ сухариками выкушай.

Акулина Леонтьевна. Спасибо, матушка; я и то довольно накушалась.

Танечка. Да не угодно-ли вамъ, Акулина Леонтьевна, въ при-

Акулина Леонтьевил. Ни-ни, моя голубтшка! Въдь и безъ церемоніи; захотьла бы, такъ и сама спросила. (Благодарять).

Анисья Обдоровил. Не взыщите, чёмъ богаты, тёмъ и рады. Милости просимъ въ залу; тамъ попрохладиве, а здёсь отъ самовару душно стало; Танечка проводи дорогихъ гостей. (Уходять Танечка, Өедоръ Петровичъ и Александръ Дмитричъ.)

Анисья Обробны (Максиму Игнатычу). Нечего сказать разутышиль! Ну, какъ тебы не стыдно? Хоть бы слово какое ласковое сказаль Александру Дмитричу; а то усылся, какъ тюлень морской. А встрытиль-то какъ?... На какой прахъ тебя угораздило напялить халать? Да и кто сидить при гостяхъ въ халать?

Максимъ Игнатьичъ. Да халатъ нетрудно снять; я, пожалуй, сниму.

Анисья Оброговна. Все научи тебя, а своего ума нътъ что-ли у тебя? Ступай да надънь фракъ.

Максимъ Игнатьичъ. Который? синій что-ли? онъ про-

сториће.

Анисья Өедоровна. Ну, коть синій.... (Максимъ Игнатыччъ

Акулина Леонтъевна. Кто онъ такой Александръ Дмитричъ? Какой видный мужчина? Вотъ-бы пара Темиръ Максимовнъ. А что онъ богатый, или такъ себъ, ин то, ин се.

Анисья Өедоровна. Кто его знаетъ, говорятъ впрочемъ,

что онъ получилъ хорошее наследство.

Акулина Леонтьевна. Такъ, матушка, такъ. А имъетъ намърение жениться?

Анисья Өедоговил. Поговаривають, что будто хочеть; а впрочемь, кто его тамъ знаетъ.

Акулина Леонтьевна. Да ужъ я для васъ постараюсь; всю подноготную узнаю.... (Вбъгаеть Таничка.)

Танечка. Ахъ, maman, какъ интересенъ Александръ Дмитричъ. Анисья Өедоговна. Знаю и безъ тебя, знаю; только ты смотри въ оба, не зъвай. А отецъ тамъ?

Танечка. Тамъ, а пваче съ къмъ-же бы я оставила гостей?

Анисья Обдоровна. А что на немъ надъто.

Танечка. Да старая бекешь.

Анисья Өедоговил (съ сердцемъ). Этакой упрямецъ! Да я его!.... (Входитъ Өекла).

ӨЕКЛА. Прикажете убрать самоваръ?

Анисья Обробна. Погоди! какія свічи ты подала въ залу.

ӨЕКЛА. Какъ какія? да такія, какія горять.

Анисья Оедоровна. Безтолочь! Стеариновыя, или сальныя? Оекла. Вотъ про што вы спрашивать изволите; въстимо дъло, что сальныя; стеариновыя вы приказали беречь.

Анисья Обробовна. О Господи! Въчно въ стыдъ введуть! Да развъ нътъ стеариновыхъ свъчей? Да и не тебъли я говорила, чтобы при случать всегда подавать стеариновыя?

Өекла. Да я то почемъ могу знать, когда такой случай при-

деть, чтобы стеариновыя свъчи подавать, а не сальныя?

Анисья Оедоровна. Полно теперь объ этомъ разсуждать; вотъ что саблай.... вотъ тебъ целковый; (вынимаеть изъ кармана монету и даеть Оеклы). Зэйди спачала къ Аннъ Ивановнъ да позови ее съ дочкой чай пять; а потомъ сбъгай въ трактиръ да

закажи тамъ порціи четыре жаркаго безъ огурцовъ, десятокъ огурцовъ купишь въ мелочной лавкъ, тамъ дешевле; да смотри, чтобъ порціи были побольше; а не то, скажи — господа назадъ пришлютъ. Слышишь; да поживъе.

ӨЕКЛА. Слушаюсь (уходить).

div Things on By and

Танечка. Я пойду, maman, въ залу; только сдълайте милость, не называйте меня Татьяной, а просто Темирой, — въдь это интересите.

Анисья Обровна. Ступай, душечка, ступай, буду называть,

только-бы даль Богь въ прокъ (Танечка уходить).

Акулина Леонтьевна. А за къмъ это вы послали Оеклу? Анисья Оедоровна. Да это наша сосъдка, бъдная вдова; нищая, просто нищая. Пусть хоть чаю холоднаго съ дочкой напьются. Да и дочь такая вертушка, что и Господи; и въ подмётки Танечкъ не годится. Я нарочно послала за ними, чтобы всъмъ видно было, что степенная дъвица совсъмъ не то, что какая-вибудь вътреница.

Акулина Леонтьевна (подмигнувъ). Вы просто, матушка, женщива политичная. Любую сватью за поясъ заткнете.

Анисья Өедоровна. Научишься политичности, когда дочь висить на шев ужъ скоро тридцать.... (спожватившись). Тьфу ты !... Пойдемъ, Акулина Леонтьевна, и мы въ залу? что намъ здёсь сидъть? (Идуть; Анисья Өедоровна поправляя чепець, Акулина Леонтьевна расправляя платье).

II.

Утро. Небольшая комната; одинъ уголъ отгороженъ ширмами; въ другомъ старпиные стънвые часы; столъ, нъсколько ветхихъ стульевъ. Анна ивановна вяжетъ чулокъ, дунюшка шьетъ.

Анна Ивановна (глядя на часы). Скоро восемь часовъ и на рынокъ пора бъжать... (Печально). А что купишь на два другривенныхъ? Охъ, бъдность, бъдность! Какъ тутъ не согръшишь, не пожелаешь быть богатымъ? (Вздыхаетъ. Взглянувъ на Дунюшку). Ты, кажется, полъниваешься, а на завтрашній день у насънъть ни гроша.

Дунюшка (весело). Вы, маменька, сегодня не въ духъ; върно лъвой ногой встали съ постели.

Анна Ивановна. Хоть лѣвой, хоть правой вставай, намъ одна радость; коса въ руку не дается.... куда ни обернись, вездъ чего-нибудь не достаетъ. А ты между-тъмъ прелъниво шьешь.

Дунюшка (полупечально). Не вчера ли вечеромъ вы называли меня самою прилежною дъвочкой? А сегодня, я стала уже лънивою!

Ан, на Ивановна. Вчера было другое дёло, не то, что сегодня. Дунюшка (оставя работу и ласкаясь къ матери). Да я знаю, маменька, какое дёло сегодня, знаю.

Анна Ивановна. Какъ тебъ не знать? Кому-же и знать, какъ не тебъ?

Дунюшка (глядя ез лицо матери). Матенька! милая матенька! У насъ нътъ кофе; вотъ отчего я стала лънивою. Не сердитесь, милая матенька. Я и сегодня такая же прилежная, какъ была вчера.

Анна Ивановна. Вотъ, что выдумала, нътъ кофію! Да я развъ не могу быть безъ кофію? мнъ не привыкать стать терпъть нужду; въ нуждъ я родилась въ нуждъ, выросла и умру въ нуждъ. А мнъ вотъ тебя жаль; работаешь день деньской, а утромъ горячаго нътъ. Притомъ, у покойной благодътельницы, дай ей Господи царство небесное, ты жила въ привольъ, не такъ какъ теперь.

Дувюшка. Какъ вамъ не стыдно, маменька, укорять меня, что я жила въ привольъ, да раздольъ? Чъмъ-же миъ теперь хуже? Только одна печаль и есть, что кофе въ другой разъ не случится.

Анна Ивановна. (съ сердцемъ). Что тебъ дался кофій да кофій? ну, нътъ кофію, такъ и болтать по пустякамъ нечего.

(Дунюшка принимается за работу; молчаніе. Входить Оекла

ст узелкомт подт мышкой.)

ӨЕКЛА (перекрестясь въ передній уголь). Здравствуйте, сударыня Анна Ивановна.

Анна Ивановна. Здравствуй, Өеклушка, что скажешь новенькаго? садись, гостья будешь.

ӨЕКЛА. Покорно благодарствуйте,—сидѣть-то миѣ некогда. А вотъ, я принесла вамъ немного кофейку; (кладето на столо завернутую во комоко буманску). Да вотъ хочу попросить Авдотью Петровну, не потрудится-ли миѣ скроить куцавеншку. Вчера ходила на толкучій да купила китайки, по сорока копѣекъ за аршинъ платила; да насилу выторговала, не отдаютъ, скавылыжные, меньше пяти-алтыннаго, хоть безъ китайки домой иди.

Анна Ивановна. Спасною, голубушка! Да ты напрасно безпоконлась; мы бы тебъ и даромъ скроили куцавейку; ты человъкъ небогатый.

Ө в к л л. Что за безпокойство такое? Въдь кофій не купленый

мить господа каждый мъсяцъ по фунту отсыпають; пью то я всегда, что послъ ихъ остается; ижный разъ и переварки употребляю; а свой то кофій приберегаю про случай да про добрыхъ людей. Вотъ я вчера узнала отъ Авдотьи Петровны, что у васъ итъ кофію, такъ вотъ и принесла, думаю, что вы тоже не Богъ знаетъ, какіе богачи.

Анна Ивановна. Какое богатство! День какъ-нибудь пробъешься, а о другомъ и подумать некогда.

ӨЕКЛА. А вотъ наши господа! вы, кажется, для нихъ паръ пять чулокъ связали, а они хоть бы плюнули; въдь я все знаю! (Махнувъ рукою). Наши толкуютъ все о барышниномъ женихъ, вы его знаете; только и ръчи, — что Александръ Митричъ, да Александръ Митричъ, а онъ и не думаетъ о нихъ. Да и то сказать — кому надоъли красные дни?

Дунюшка (съ безпокойствомъ). Развъ онъ сватается?

ӨЕКАА. Гав сватается? Кого понесеть нелегкая въ петлю? (Значительно глядя на Дунюшку.) Да воть вчера, какъ васъ не было, такъ онъ повернулся только, да и быль таковъ; говоритъ, дома, дескать, дъла много. (Сполватившись.) Заболталась... я чай, ужъ проснулись наши.... бъжать поскоръе. Прощайте! (Оставляетъ узелъ и бюжитъ. Кричитъ у дверей.) Я вечеромъ зайду; такъ вы ужъ, пожалуйста, кацавеншку-то! (Убъгаетъ.)

Анна Ивановна (торопливо снимая очки и укладывая чулокъ). Хорошо! хорошо! (Дунюшкъ.) Подай, Дунюшка, мит салопъ; поскорте бы сбъжать на рынокъ, да и печку пора затопить.

Дунюшка (весело). Сейчась, маменька, сейчась! (Уходить за ширмы.)

Анна Ивановна (разсматривая Дунюшкино шитье). Да ты, Дунюшка, не торопись шить-то; Богъ дастъ къ вечеру работа поспъетъ —побереги себя. (Входить въ комнату Фіона Павловна въ старомъ салопъ и въ старой шляпъ и садится на первый стулъ.)

Өтона Павловна. Извините! я просто — безъ церемовін. (Отпыхиваясь.) Этакая дваь, идешь, идешь и конца нътъ! Нарочно забъжала за вами, чтобъ на Сънную сходить; двоимъ идти какъто веселье, хоть поболтаешь дорогою о чемъ-нибудь.

Анна Ивановна. А я только что собираюсь туда идти. Какъ ваше здоровье, Оіона Павловна?

Өтона Павловна (потрогивая ност). Плохо — очень плохо! Насморкъ одолълъ... теперь, слава Богу, немного легче, а то въ день разъ сто чихаеть, точно на заказъ? (Дунюшка выносить изъ-за ширмъ салопъ и шляпку.)

Дунюшка. Здравствуйте, Оіона Павловна! Какъ здоровье вашихъ любимцевъ?

Отона Павловна. Ничего.... только Шавка захромала.... да она такая больная върно и уродилась! Кстати, поздравьте меня съ находкой.... иду я третьяго дня вечеромъ домой; вдругъ слышу— собаченочка скулитъ.... Не вытериъла, пошла поглядъть.... гляжу— лежитъ моська запачканая такая; тронула ее — она руку лижетъ.... спрашиваю: что ты, бъдненькая? визжитъ. Повърите-ли, такъ сердце у меня и заныло! Взяла съ собой се домой, вымыла и вышла прехорошенькая собачка. Да какая уминца? Вы не повърите: спросишь ее: «Бибишинька, какъ собаки ъсть просятъ?» А она: гам! гам! Гам! Преумная собаченка!

Анна Ивановна. Какъ жалостно вы разсказывали про собаченку! другой и про человъка такъ не съумъетъ разсказать. По моему — лучше накормить человъка одинъ разъ, чъмъ пать собакъ двадцать разъ.

Өтона Павловна (ст горячностію). Да развъ не доброе дъло прикормить скотину? Въдь вы не знаете, что собаки преблагодарныя животныя, оттого такъ и разсуждаете, что собакъ не нужно кормить.

Апна Ивановна. Полно вамъ, Фіова Павловна! Какъ не стыдно? Человъкъ все таки вашъ ближній; а собака что? просто на

просто — собака.

Өтона Павловна. Фуй! какія вы жестокія. Самое доброе, самое ласковое животное вы называете просто собакой.... Кто кормить собаку да поить, такъ ужь собака того никогда не укусять и не лаеть на того; а другой иной пріятель, хоть каждый день корми его соусами да пирожнымъ, а онъ хуже чужой собаки лается.

Анна Ивановна. Что правда, то правда; всякій народъ есть на бъломъ свътъ; но все-таки съ человъкомъ имъть дъло лучше, чъмъ съ собакой.... Ужъ какъ вы хотите....

Өтона Павловна. Вы оттого такъ разсуждаете, что не можете понять благородной собачьей натуры. Но полно объ этомъ.... вы, кажется, готовы; пойдемъ-те!

Анна Ивановна (надъвая салопъ). Прощай, Дунюшка!

Дуню шка (цвауя ей руку). Да вы недолго, маменька, ходите; теперь холодно.

Анна Ивановна. Хорошо, хорошо. (Уходять.)

Дунюшка (садясь за работу). Добрая маменька! Какъ мнв ее жалко! Сколько у нея горя?... Посль нъкотораго молчанія, Отл. V.

улыбаясь.) Но кто проживеть жизнь безь горя? Кажется, о чемъ бы печалиться біонъ Павловнъ? А и у нея есть свои безпокойства: то у собачекъ аппетитъ пропалъ, то захромала.... Прегрустно жить на свътъ. (Задумчиво.) Любовь, любовь.... Неужели маменька правду говоритъ, что влюбиться могутъ только тъ, которымъ нечего дълать? Неужели бъдной дъвушкъ, которая добываетъ себъ кусокъ хлъба иголкой, нельзя ни въ кого влюбляться; а нужно ждать — не подсунетъ-ли судьба кого-нибудь подъ руку.... Но вотъ бъда: сердце то не ждетъ. (Принимается за работу; входитъ Федоръ Петровичъ.)

Обрать Петровичь. И вычно за работой! Сколько передылають дыла двы такія миленькія ручки, какъ у Дунюшки? И какія прилежныя ручки? Только имъ быднымы и отдыха, когда замечтаеть эта головка о чемы инбудь этакомы идеально-прекрасномы... и быдное сердчишко забыется, забыется.... однимы словомы, забыется такъ, что чуть-чуть не замреты. (Дунюшка во все время глядить съ улыбкой на Өедора Петровича.)

Дунюшка. Вы говорите поразительно смѣшно; откуда у васъ такое тонкое наблюдение, такой проницательный взглядъ, такой острый слогъ? Вы сегодня удивительно умны!

ӨЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (усаживаясь подлю Дунюшки). Послушай, вътреная головка, уважай съдины... не знаешь развъ, что я гожусь тебъ въ отцы?

Дунюшка. Пожалуй и въ дъдушки.

Өедоръ Петровичъ (смпьясь). А въ мужья не годенъ.... а? Дунюшка. Мое воображение уже рисуетъ пречудесную картину: молоденькая жена вертится передъ зеркаломъ, а старый мужъ, потврая поясницу, ворчитъ себъ подъ носъ: «Экъ какъ разболълась, знать къ погодъ.»

Өедогъ Петровичъ. Знай-же, злая насмъшница; я тебя, какъ

говорятъ институтки, ненавижу!

Дупюшка. Вы, кажется, для того только и созданы, чтобъ пграть роль институтки.

Өедоръ Петровичъ. Не одну роль институтки, и роль стараго селадона, когда встрътится меланхолическая дъва. Но послъдняя моя роль — роль страстнаго твоего обожателя.

Дунюшка. Которую же изъ нихъ вы артистически выполняете? Обрать Петровичъ (падая на кольна). Ты моя мечта, мой идеалъ, моя жизнь, мое сердце, мое солице, мое — все!

Аунюшка (трагически). Все! все! Какъ это поэтически высоко? Өедоръ Петровичъ. Да развъ я не поэтъ въ душъ? развъ я не мастеръ говорить высокія нелъпости? развъ я не могу возвыситься, какъ говорятъ, до прекраснаго?

Дунюшка. Встаньте на поги, и пепремънно возвыситесь; а что касается до прекраснаго — это другой вопросъ.

Өедоръ Петровичъ. И и возвышусь въ твоихъ глазахъ?

Дунюшка (показывая рукой). На столько! Федоръ Петровичь (живо вскочивь и поциловавь Дунюшку въ лобь), Воть же тебъ, злая насмъшница! что.... правится?

Дупю шка (спокойно). Очень.... такой почтенный поцълуй невольно напоминаетъ отца.

Өедоръ Петровичъ. Отца! ну, а мужа?...

Дунюшка (недовольно). Я не пспытала мужниныхъ поцелуевъ и не могу вамъ отвечать.

Өедоръ Петровичъ (важно). Вижу, что ты пребойкая дъвочка!

Дуню шкл. Смотрите хорошенько, не ошибитесь. И главное, на свои глаза много не надъйтесь; я вамъ давно совътовала обзавестись очками, а вы до-сихъ поръ не исполняете моихъ совътовъ и потому въчно ошибаетссь.

Өбрөр Петровичъ. Вижу, и безъ очковъ вижу, что я тебя люблю, что ты меня не любишь и любишь другаго!

Дунюшка (конфузясь). Заболтали... заболтали!

Өедогъ Петровичъ (весело). А! попалась!... какой роскошный румянецъ? ты, въ эту минуту, удивительно мила!

Дунюшка. Мила, или нътъ — объ этомъ можете судить и безъ очковъ; но чтобъ върпъе судить о сердечныхъ тайнахъ, еще разъ совътую — заведите очки.

О є до ръ Петровичъ. Полно шутить; я и безъ очковъ вижу, что ты влюблена и влюблена такъ....

Дунюшка (перебивая). Какъ вы не можете влюбиться.

Өедоръ Петровичъ. Пожалуй и такъ; но вотъ вопросъ — въ кого ты влюблена?

Дунюшка. Въ васъ! (Смпется.)

Өедоръ Петровичъ. Нътъ — не въ меня, а въ нъкоего Александра Дмитрича. Что... не правда?... а?

Дунюшка (печально). Правду говорять, что вы злой человъкъ и страшный насмъшникъ; какое вамъ дъло до моей любви? Если вы проникнули въ сердце бъдной дъвушки, чтожъ тутъ смъшнаго?

Обдоръ Петровичъ. Въ твоей печальной ръчи очень много

смъщнаго: ты знаешь, что я тебя люблю и дорожу твоимъ счастіемъ; а я знаю, что сердечныя бользии — самыя опасныя изъ всъхъ существующихъ въ міръ бользией и не скоро вылечиваются. Ты больна сердцемъ, опасно больна; ты влюблена; и я, какъ опытный докторъ, употребляю противъ твоей бользии насмъщку. Повторяю тебъ, сердечныя бользи эле скоро вылечиваются.

Дуню шка (seceло). Оставьте этотъ наставительный тонъ! Вы напрасно хлопочете о бользни моего сердца. Эта бользнь самая пустая, и не вы-ли говорили, что только дураки не знаютъ средства отъ любви? стоитъ только выпить стаканъ холодной воды.... это, кажется, вашъ рецептъ....

Өедоръ Петровичъ. Я не шучу; и ты не шути съ такой опасной игрушкой, какова любовь. Сердце бабочка, — любовь —

огонь; не обожги крылышекъ!

Дунюшка. Вы болбе моего шутите, къчему эти истертыя сравненія? Вижу, что совъты давать легче, чъмъ исполнять ихъ.

Оброженатель?—твое сердце! Правда, что и я плохой совътникъ, а сердце съ своими совътникъ.

Дуню шка (съ нетерпънісмъ). Оставьте, пожалуйста, мое сердце въ покоъ!... Посмотрите — девять часовъ, вамъ пора въ должность, а миъ пора заняться дъломъ.

О в доръ П втровичъ. О, если бы ты была моимъ директоромъ! моя бъдная голова не такъ бы еще побълъла! Да и ктобы дерзнулъ не исполнить воли такого миленькаго начальника? Язнаю человъка, который, по мановенію твоего мизинчика, бросился бы на мостовую изъ втораго этажа, право....

Дунюшка. Вы мит надоблаете!

Өедоръ Петровичъ. Ты сердишься; но не потому-ли, что мечтать о миломъ предметъ несравненно пріятите, чтмъ говорить о немъ съ такимъ неотвязнымъ старичишкой, какъ я?... А?

Дунюшка. О комъ вы говорите, о томъ и мечтать пройдетъ охота.

Обрать Нетровичь. О, молодость! о вытреность! (взглянува на часы). Посмотричь, десятаго иять минуть; какъ-то ты запоешь? (Молчать.)

(Входить Александрь Дмитричь, кланнется, Дунюшка конфузится.)

ӨЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (вставъ и Александру Дмитричу, указывая на Дунюшку). Имъю честь рекомендовать вамъ разгивван-

ную и оконфуженную красоту.... (Дунюшкю, указывая на Александра Дмитрича). А вамъ, сударыня, рекомендую вздыхателя съ блистательными способностями, готоваго своими воплями поднять на ноги цълый кварталъ, лишь только бы его стенанія достигли до вашего слуха.

Дунюшка (раскланиваясь). Здравствуйте, Александръ Дмитричъ! (указывая на Өедора Петровича). Позвольте рекомендовать вамъ самаго болтливаго старика, который въ состояни на-

добсть целому свету. Прошу садиться!

Оедоръ Петровичъ (Дунюшка). Ну, вотъ видите ли, сударыня моя! Вы называете меня старичишкой, болтувомъ, а этотъ болтувъ изо всъхъ силъ хлопочетъ о вашемъ счастіи. Скажите же миъ, правится-ли вамъ Александръ Дмитричъ?

Дуню шка (смъясь). Вамъ, въроятно, извъстно, что дъвушки на подобные вопросы не любятъ давать прямыхъ отвътовъ; съ такими вопросами слъдуетъ адресоваться къ ихъ маменькамъ.

Обрать Петровичь (Александру Дмитричу). Плохи же твои дълишки! Подобную жену, какъ говорится, и въ ступъ не утолчешь. Пыталъ я се тутъ безъ тебя по своему урезонить, да не въ прокъ! Принимайся же самъ за себя хлопотать, мое дъло

сторона!

Александръ Дмитричъ (вставал). Выслушайте меня, Авдотья Петровна! Я всегда дъйствоваль прямо и открыто, чувствъ
своихъ я никогда не умълъ скрывать. И до-сихъ-поръ, хотя миъ
уже тридцать семь лътъ, я не умъю ни промолчать при случаъ,
ий сказать пріятное слово, один называютъ меня прямымъ, добрымъ человъкомъ, другіе величаютъ пабитымъ дуракомъ. Дуракъ
я или въ самомъ дълъ добрый человъкъ, объ этомъ не мое дъло
говорить. Я васъ люблю такъ, что отъ всей души желаю, чтобы
вы меня полюбили и пожелали быть моей женою. Я все высказалъ,
что хотълъ сказать и что чувствовалъ.... теперь ваша очередь!
(Дунюшка потупила глазки.)

Өедоръ Петровичъ (Дунюшки). Полно красивть по пустя-

камъ, нужно говорить дело! (Дунюшка молчить.)

ӨЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ (весело). Въ сотый разъ вижу, что признаться въ любви просто престыдно! любовь — презастъячивая барышня, и въроятно потому, что боится насмъшки. (Дунюш-ки). Неужели и Александру Дмитричу прикажешь адресоваться къ маменькъ?

(Дунюшка протягиваеть руку Александру Дмитричу; тоть съ жаромь ее цылуеть.) Өедоръ Петровичъ. Давно бы пора взяться за умъ и дъйствовать жестами тамъ, гдъ языкомъ плохо говорится! люблю и этотъ выразительный мимическій языкъ; сколько, напримъръ, чувства въ этомъ простомъ жестъ? (Томно протягиваетъ руку.)

(Входить Өйөна Павловна въ салопъ и шляпкт и Анна Ива-

новна.)

Өтона Павловна. Здёсь господа кавалеры, а я такъ и ввалилась.... Ахъ, какой срамъ! (Скрывается за дверь.)

Өедоръ Петровичъ. Вы, въроятно, не ожидали видъть у

себя гостей! (Александръ Дмитричъ кланяется.)

Анна Ивановна. Я всегда рада гостямъ, особенно если эти гости — добрые люди. (Дунюшки). Что ты это, Дунюшка, какъ сама не своя? возъми мой салопъ. (Дунюшка беретъ салопъ съ плечъ матери и уноситъ за ширмы. Возвращается Өйона Павловна въ блузъ и старой мантильи.)

Өтопа Павловна (раскланиваясь съ достоинствомъ). Извините меня, что в одъта запросто, въ блузъ; не думайте, чтобъ я была какая-вибудь невъждэ.... Өгөна Павловна, дочь умершаго подпоручика, имъю честь рекомендоваться! (Низко присидаетъ.)

Өедоръ Петровичъ (кланяясь). Очень пріятно, Оіона Павловна! очень пріятно! (Александръ Дмитричъ кланяется, молча.)

Өтөна Павловна (садясь). Удивительно холодиая погода стоить! того и смотри, что носъ отморозишь!

Өедоръ Петровичъ. Вы, въроятно, очень бережете вашъ посъ?

Өтона Павловна. Кто не бережеть своего добра? А носъ не такая вещь, которая-бы валялась на улицъ и ин гроша не стовла. На кого похожъ человъкъ безъ носа?

Өедогъ Петровичъ. А на кого похожъ человъкъ съ цълой дюжиной носовъ?

Өтона Павловна. Извините, подобныхъ людей я не видывала....

Обрать Петровичь. Да я самъ, сударыня, самъ лично имълъ около дюжины носовъ; отъ начальника отдъленія въ одинъ мъсяцъ я получилъ восемъ посовъ; и какихъ носовъ? чудеснъйшяхъ!

Отона Павловна. Вотъ про какіе носы вы толкуете; да если такіе носы считать настоящими; у другаго, пожалуй, найдется и пять дюжинъ.

Анна Ивановна. Дунюшка! что ты дълаешь за ширмами? какая ты сегодия педогадливая; чтобы тебъ кофе сварить?

О е доръ Петровичъ. У насъ есть дѣло поважиѣе кофе и носовъ (Фіоню Павловию). Извините, если я оставлю наши носы въ покоѣ. Авдотья Петровна! вѣроятно вы знаете, что начатое дѣло нужно кончить? а?

(Дунюшка выходить.)

Өедоръ Петровичъ (взявши руки Дунюшки и Александра Дмитрича и подводя обоихъ къ Аннл Ивановнъ). Предъ вами стоятъ виновные; они, не спросясь людей опытныхъ, подобныхъ мпъ и вамъ, изволили полюбить другъ друга. Что вы на это скажете?

Анна Ивановна (съ изумленіемь). Я просто не знаю, что н

говорить!

Обдовъ Петвовичъ. Если позволите, я васъ поучу.... «Живите въ миръ и согласіи; въ счастій не забывайте насъ старыхъ людей!...»

Александръ Дмитричъ. Не противьтесь пашему счастію; я люблю вашу дочь.

Дунюшка. Миленькая маминька! (Вырываеть руку от Федо-

ра Петровича и прячеть личико на грудь матери).

Анна Ивановна (лаская Дунюшку). Что съ тобою, глупенькая? О чемъ ты это встревожплась? (Александру Длитричу). Я готова составить ваше счастіе, какъ вы говорите; тёмъ болбе, что это и Дунюшкино счастіе. Но мы б'єдны. У васъ, какъ я слышала, есть капиталъ; не лучше-ль вамъ искать нев'єсты побогаче Дунюшки?

Александръ Дмитричъ. Я хочу имъть жену, а не приданое. Отопа Павловна (вытирая сухіе глаза). Какая трогательная сцепа!

Өедоръ Петровичъ. Красота, умъ, доброта — не есть-ли богатство? Съ богатой женой можно разойтись, а съ умной и доброй пикогда не стапетъ силъ разстаться!

Анна Ивановна (цвалуя Дунюшку). Что ты на это скажешь? Дунюшка. Я люблю Александра Дмитрича!

Өтона Павловна. Полно вамъ, Анна Ивановна, такъ мучить молодыхъ людей, они любятъ другъ друга; такъ что же тутъ остается, какъ не благословить? (Подходя къ Дунюшкю, беретъ се за руку). Поздравляю васъ, душа моя; желаю вамъ счастія; вы върно будете такъ добры, что пригласите меня на сватьбу, а я, Богъ дастъ, когда будете жить своимъ домомъ, непремънно подарю вамъ парочку собачекъ. Вы тогда будете дамой и вамъ не

помъщаетъ имъть хорошенькую болонку! Поздравляю васъ, Александръ Дмитричъ! и васъ Анна Ивановна! (присъдаетъ).

III.

Гостиная Максима Игнатьцча. — **максимъ игнатьичъ**. въ халатъ, съ газетой въ рукахъ, сидитъ въ креслахъ и дремлетъ; **танечка** вертится передъ зеркаломъ.

Танечка (вполголоса). Какъ пріятно быть замужней женщиной.... мужъ тебя ласкаетъ, цълуетъ тебъ ручки, а ты на него п не глядишь. Говорить тебъ разныя ивжности, спрашиваетъ, чего ты хочешь, клянется, что каждое твое желаніе для него законъ, зоветь тебя въ Пассажъ разсъять домашнюю скуку, объщаетъ купить новую шляпку, заказать новый бурнусъ, и тутъ только ты улыбнешься, а онь, бъдный, и въ восторгъ, что усиълъ сорвать съ твоихъ усть пріятную улыбку! Ахъ, какъ хорошо быть замужней женщиной! (тише). О! если-бы Александръ Дмитричъ!... Я называла бы его Сашетой; заставляла-бы его подавать подъ ноги себъ скамеечку, чтобы онъ имълъ случай любоваться моей ножкой; гоняла бы его каждый день въ магазины за обновками: гуляла бы съ нимъ по Невскому. Ахъ, какъ тамъ хорошо! Сколько тамъ кавалеровъ? какая тамъ избранная публика! О, Александръ Дмитричъ! Я-бы вотъ какъ имъ вертъла!... (Въ порывъ чувство дернула застуль и за стучила).

Максимъ Игнатьичъ (вздрогнувъ и зъвая). А, а.... а! Это ты, Танечка, а я думалъ, что мать! ничего, ничего! (погружается въ дремоту).

Тапечка (садясь въ романическую позу). Я-бы тогда сидела такъ; а около меня вертелись-бы обожатели; и которые изъ нихъ интересиве, я теми и сама-бы интересовалась. Я ужасно люблю обожателей!

(Входить Анисья Оедоровна.).

Анисья Өедогових (Танечків). Что ты кривляешься туть, какъ актриса какая? (Максиму Игнатычу). А вы? почивать изволите, какъ вамъ не стыдно!

Максимъ Игнатьичъ. Я, матушка, что ты? Я сейчасъ прочиталь прелюбопытную вещь: пишутъ, что теперь разгуливаетъ грипъ; и знаешь ли — какой каналья этотъ грипъ? И въ Пассажъ, и на тротуаръ, и у подъъздовъ — просто вездъ поджидаетъ народъ, чтобы кому нибудь заседить въ посъ насморкъ

а въ горло втиснуть хорошій кашель! Совітують одіваться по-

Аписья Обровна. Да это и безъ твоей дурацкой газеты всякой мужикъ знаетъ; всякому извъстно, что когда холодно да сыро, тогда нужно одъваться потеплъс....

Максимъ Игнатьичъ. Что ты, матушка? Какая дурацкая?... въ ней описываются и тв лошади, которыя шибко бъгаютъ!...

Анисья О едоровна (печально). Тебъ бы только добраться до грипу да до лошадей. А нътъ того, чтобы поговорить съ женой о семейныхъ дълахъ. Какой ты отецъ семейства?

Максимъ Игнатынчъ. Да говори, матушка, сколько хочешь; я тебъ не запрещаю.... и газету положу....

Анисья Өедоровна (ласково). Какой ты чудный, Максимъ Игнатьичъ! Не запрещаешь? Да что въ этомъ толку? Не запрещаешь, да и совъта добраго не даешь.

Максимъ Игнатьичъ (ст чувствомт). Добрая Анисья Оедоровна! Цълую жизнь я прожилъ и ни однажды не давалъ тебъ совътовъ, ты и безъ меня всегда знала, что нужно дълать; а гдъ мнъ взять теперь для тебя совътовъ? Да я, живя за тобой, какъ за каменной стъной, и думать то не знаю какъ. Читаю газеты и ума не приложу, какъ это только люди могутъ такую кучу выдумывать, что сколько не читай, а всего не перечитаещь; все найдутъ, что написать!

Анисья Өедоговил (съ легкой укоризной). Теперь только разгадаль, что безъ меня ты и гроша не стоишь.... Ахъ ты! А туда же вторитъ Өедору Петровичу — этому старому вруну, прости Господи! Скажи миъ на милость: умный мужъ дастъ-ли жену свою на посмъяніе другимъ?

Максимъ Игнатьичъ. Да и я, матушка, не дамъ тебя на посмъяніе; ей-ей, не дамъ, смъй только кто слово пикнуть, такъ со мной не раздълается, — я его по свойски!

Анисья Оброговна. Не храбрись напрасно; не храбрись! А кто смъялся надо мной съ Оброромъ Петровичемъ? Кто надълъ бекешь, вмъсто того, чтобы надъть фракъ?... а?

Максимъ Игнатьичъ. Да я и хотёлъ, матушка, надёть фракъ.... ей-ей, хотёлъ.... да подъ мышками жметъ окаянный, ей-ей, не лгу, жметъ. Да это еще ничего; вечеръ какъ-нибудь перетериълъ бы; а тутъ проклятая бекешь подвернулась подъ руку, а бекешь, ты знаешь, просторная; ну и не вытериълъ. Что жъ будешь дёлать?... Не вытериълъ....

Анисья Обровна. А то делать, что нужно слушаться техъ людей, которые умиве тебя.

Максимъ Игнатьичъ. Ну, прости меня; впередъ не буду. Анисья Обровна (печально). Еслибъ зла ему желала, или дуракомъ поставила, а то бъешься — бъешься, какъ рыба объ ледъ, чтобъ сдълать его порядочнымъ человъкомъ. А ты что дълаешь? Шутка ли, тогда изволилъ раскричаться на дочь и еще при записной сватъъ? на что это похоже?

Максимъ Игнатьичъ. Да я тогда ошибся; я думалъ, что ты хочешь, чтобъ я приструпилъ пемпого Танечку. Ну-ну, виноватъ.... ошибся.

Анисья Оедоговна. Когда-же ты перестанешь ошибаться? Вотъ скоро ровно тридцать льтъ, какъ я съ тобой живу; а ты каждый день ошибаешься. Когда будетъ конецъ твоимъ ошиб-камъ?

Максимъ Игнатьичъ. Прости меня, матушка, накажи какънибудь; хоть за волосы вытрепли; хоть высъки, только оставь меня въ покоъ.

Танечка. Ахъ, папа, что это вы говорите!

Анисья Обровца. Ты и при дочери не опасаеться говорить различныя глупости; кто тебя стараго дурака, прости Господи, согласится съчь? Хорошо еще, что мы теперь одни; а скажи это при постороннихъ? Кто-бы тогда женился на твоей дочеря? Нечего сказать — хорошъ! Или ты хочешь, чтобъ твоя дочь засидълась въ дъвкахъ?

Тапечка. Ахъ, татап, какіе ужасы вы разсказываете!

Максимъ Игнатьичъ. Да я еще не сошелъ съ ума, чтобы при постороннихъ расказывать то, что говорится между своими. Авось, найдется женихъ и для Танечки! (Входить Акулина Леонтьевна.)

Акулина Леонтьевна (низко кланяясь). Здравствуйте, матушка, Анисья Өедоровия! Какъ поживаете, батюшка Максимъ Игнатьичъ? (Танечкъ.) Здорова-ль ты, моя спълая ягодка?

Анисья Өедоровил. Откуда тебя Богъ принесъ? Садись, Леонтьевна.

Леоптьевна (усансиваясь). Благодарствуйте, матушка, все сидъла. Да и то сказать, какое мпъ старухъ и дъло, какъ не сидъть да не ходить?

Анисья Обровна. Какъ тебъ не стыдно, Леонтьевна, говорить, что тебъ нечего дълать? Да ты, я думаю, въ одинъ день

передълаеть столько дъла, что любому приказному станетъ на не-

Акулина Леонтьевна. Наше дело, матушка, не приказное; тамъ работаютъ перомъ, а мы языкомъ, а языкъ наладить, чай, трудите, чемъ перо.

Анисья Өедоговил. То-то и есть; а говоришь, что ты безъ

дъла. Не принесла ли и намъ какой-нибудь въсточки?

Акулина Леонтьевна. Какъ не принести? Развъ наша братья ходитъ куда безъ въсточки? Узнала, матушка, все узнала, только-бы удалось дъло уладить. Сто тысячъ и домъ на Васильевскомъ каменный.

Танечка. Только визъ каменный, а верхъ деревянный; я нарочно вчера утромъ туда ъздила и сама своими глазами видъла.

Анпсья Обровна (ст сердцемт). Это не твое дело, Тане-

чка, говорить; твое дело слушать. А самъ-то каковъ?

Акулина Леонтьевна. Ничего.... говори, моя косаточка, говори. А самъ-то? Самъ, матушка, человъкъ пререзонный; не пьетъ, и въ карты не играетъ и трубку куритъ только по воскресеньямъ да праздпичнымъ днямъ.

Танечка. Онъ курптъ паппросы, а трубки терпъть не мо-

жетъ.

Анисья Обдоровна. Да твое-ли это дело, Танечка?

Танечка. Чье-же, maman? Александръ Дмитричъ будетъ мой мужъ, а не вашъ; значитъ это мое дъло, а не ваше! (Входитъ Анна Ивановна и кланяется.)

Аписья Обдоговим (небрежено.) А! Здравствуйте, Анна Ива-

новна, садитесь!

Максимъ Игнатьичъ (протирая глаза и улыбаясь). А, Анпа Ивановна! Каково я въ послъдий разъ-то, игралъ? а? двънадцать разъ у меня осталась дурой.

Анна Ивановна (садясь). Вы не последній пгрокъ, особенно

въ дураки; нечего дълать...

Танечка. Ахъ, папенька! Вы несносны съ вашвип дураками; какъ только встрътитесь съ Анной Ивановной, сейчасъ припимаетесь за дураковъ. (Анню Ивановню.) Здорова ли Дупюшка?

Апна Ивановна. Слава Богу! съ радости люди не заболъва-

ють — ве то, что съ печали.

Танечка (съ пренебренсениемъ). Ваша дочь не меланхолическаго характера; она не умъетъ печалиться.

Анна Ивановна. Теперь, слава Богу, ей нечего печалиться;

а было и такое время, что печалилась не хуже меня; а ужъ яли не мастерица печалиться? Слава Богу! цёлую жизнь провела въ горяхъ да печаляхъ.

- Акулина Леонтьевна. Что и говорить, матушка Анна Ивановна, ужъ намъ-ли не умъть печалиться, когда въ цълый темный годъ проглянетъ одинъ свътленькій часокъ? Слава Богу, помыкали горюшка на своемъ въку!

Анисья Оброговил. Да моя Тапечка на Дунюшкиномъ мъстъ съ угра до ночи не осущала-бы глазъ.... Что за жизнь ваша?

Ужъ вы меня извишите, а ваша дочь пребеззаботная.

Анна Ивановна. За то Богъ объ ней заботился. Вотъ пристрою ее и печалямъ конецъ!

Аписья Обдоговна (глядя на дочь свою). Легко сказать — пристрою, а гдъ взять жениха? Найдутся невъсты и богаче и казистъе Дунюшки, да и тъ ждутъ, доколь Господь не окажетъ своей милости, не пошлетъ хорошей судьбы.

Анна Ивановна. Хорошая-ли судьба Дунюшки, или худая одинъ Богъ знастъ; воротиться нельзя; дъю уже вполовину одълано.

Аписья Обровна (съ удивленіемь). Какь? развънашелся жепихь Дунюшкь?

Тапечка (съ презръніемъ). Върно какой-нибудь канцеляристъ. Анна Ивановиа (обидъвшись). Нътъ, мой будущій зять совсъмъ не бъдный человъкъ; дочь моя, благодаря Господа, не будетъ нищею. Вы и сами, Анисья Оедоровна, говорили, что онъ имъетъ хорошій капиталъ.

Анисья Өедорових (съ недоумпніемь). Кто-же это такой? Я, кажется, не говорила.

Анна Ивановна. Какъ не говорили? Помпите, какъ въ первый разъ я увид зла у васъ Александра Дмитрича, вы сказали, что опъ очень богатъ.

Анисья Обдоровна. Да развъ Александръ Дмитричъ?

Анна Ивановна. Да, матушка, онъ.

Тапечка (дернувъ пелеринку и разорвавъ ее). Какъ такъ? съ ума что-ли онъ сошелъ?

Анисья Өедогових (въ попыхахъ). Неужели?

Акулина Леонтьевна (кланяясь Анню Ивановню). Поздравляю васъ, матушка, поздравляю! послалъ вамъ Господь зятюшку; не женихъ, а кладъ!

Максимъ Игнатьичь (вытаращиет глаза и нюхая табакт). А!... А!... А! (Молчать. Танечка ломаеть въ досадт руки; Анисья Өедоровна оглядывается съ снъвомъ кругомъ, Акулина Леонтьевна съ подобострастіемъ глядить на Анну Ивановну; Анна Ивановна задумалась, Максимъ Игнатьичь понюхиваеть табакъ).

Акулина Леонтьевна (Аннь Ивановню). Услышалъ же Господь твои спротскія молитвы! Да и то сказать: доченька твоя раскрасавица; поневол'в заглядишься на ея аленькій ротокъ; да и умница не посл'єдняя; начнетъ говорить, такъ что твой соловей запоетъ!

Анисья Обровна (Максиму Изнатычу). Что ты это табачину то фыркаеть? Развъдобрые люди такъ фыркають? Какъ тебъ не стыдно безпоконть жену?

Максимъ Игнатьичъ (оторописъ). Да я, матушка, и не фыркаю, а просто напросто нюхаю. Да и кто сказалъ тебъ, что я

фыркаю?

Анисья Облоговна. Кто сказаль мив ?... что я дура, что-ли? Не хочешь ли, чтобы я прослыла глухою? Онъ будеть фыркать, какъ лошадь, а ему жена и сказать не смъй! О Господи! дожила же я до поры, до времени, что и мужъ меня въ грошъ не ставитъ! (сквозь слезы). Какъ тебъ пе стыдно меня тиранить? что я тебъ сдълала? Дуракомъ что-ли назвала, что ты изволяшь надо мной потъшаться?

Максимъ Игнатьичь. Что ты, матушка? Ты не тово....

Анисья Оедоровна. Гдѣ бы утѣшать жену, да лелѣять, а онъ только на гнѣвъ ее наводитъ, да выводитъ изъ себя, чтобъ она больна сдѣлалась. Вѣрно я тебѣ надоѣла? Вѣрно наскучила? Доживешь до того, что и меня не будетъ; придетъ время, и обо мнѣ вепомнишь.

Максимъ Игнатьичъ. Да что я тебъ сдълалъ? Успокойся, другъ мой! Успокойся, душечка! Ну, что за бъда.... Ну, фырквулъ.... ну, не буду!

Анисья Обдоровил. Не вдругъ успоконшься послъ такого

удару.

Анна Ивановна (вставая). Извините, что я васъ обезпоконла! Хочу попросить васъ, не будете-ли такъ добры, не пожалу сте-ли на Дунюшкину свадьбу; ровно черезъ недълю будетъ, я нарочно зашла къ вамъ, чтобы дать вамъ знать поравьше, чтобъ вы могли приготовиться (кланяясь). Сдълайте милость, не оставьте своимъ посъщеніемъ.

Анисья Обрагових (ст сипьомъ слядя на Анну Ивановну). Прощайте, прощайте! поглядимъ, что будеть впередъ!

(Танечка зажмурила глаза, Максимъ Игнатычъ улыбается, Анна Ивановна уходитъ.)

Акулина Леонтьевна. Этакое счастіе, подумаешь! Кто-бы могъ думать, что такой резонный человъкъ сойдеть съ ума и женится на нищей? (Вставая). Забъжать къ нимъ да поглядъть, какое приданое готовятъ. Да не дадутъ-ли мнъ на радостяхъ какого-нибудь старья изъ платья?.... Наше дъло сиротское.... пригодится. Прощайте, матушка Анисья Федоровна! Не печалься, моя сударыня Темира Максимовна! (кланяется и уходитъ).

Анисья Оброговна (вслюдо ел). У! въдьма! сама же върно и насплетничала, а тутъ совътуетъ не печалиться! (Танечкю). Разутъшила-же ты меня! Спасибо тебъ, голубушка! Въдь ты просто осталась набитой дурой! Поймай же теперь Александра Дмитрича! А отчего все это происходитъ? оттого, что отецъ моржъ... тюлень просто! (Максиму Игнатьичу). Какой дуракъ будетъ говорить, что его дочери тридцать лътъ? Не сумасшедшій-ли ты? (Танечкю) А ты что думаешь? Прожить на свътъ тридцать лътъ и не поймать жениха? Въдь ты за это мало того, что дура, а просто дурища!

Танечка (со слезами). О! я несчастная! только и знаютъ, что укорять меня! о я несчастная!

Анисья Оедоровна. Вой, матушка, вой! не такъ завоещь, когда безъ насъ останешься. Да сама виповата; умъй женихамъ нравиться.

Танечка (топая ногой кричить). Я несчастная! я несчастная!

(Максимъ Игнатьичъ въ продолжении этой сцены стоитъ, вытянувшись въ струнку.)

Анисья Обровна (мужу). Что ты туть глазвешь? Другой давно бы на твоемъ мъстъ, принесъ бы гофманскихъ капель! Ступай поскоръе; въ спальив на столикъ найдешь.... (Максимъ Игнатьичъ убпъгаетъ).

Танечка (продолжает кричать). Я несчастная! я несчастная! (томно). Я умпраю! (разваливается въ креслахъ безъ чувствъ.)

Анисья Обровна. Экой характерець! настоящій мой! чуть не выдержка, сейчась за истерику руками!

Максимъ Игнатьичъ (прибъгая и подавая аптекарскій пузырект). Возьми, матушка! на-силу дорылся; тамъ цёлая куча всякихъ дрязговъ!

Анисья Обровна. Да что ты принесъ? посмотри! Въдь это креозотъ! какъ ее приведешь въ чувство? Не умълъ и принести того, что нужно. Что будешь дълать?

Максимъ Игнатьичъ (раскрывая табакерку, робко). Не тиснуть ли ей, матушка, въ носикъ табачку?

Анисья Оброговна. Что можетъ сделать табачишка?

Максимъ Игпатьичъ. Какъ что? расчихается, матушка, до слезъ разчихается.

(Беретъ щепотку табаку и подноситъ къ носу дочери; Танюшка издаетъ стонъ и отворачивается, Максимъ Игнатьичъ ловитъ ен носъ.)

Анисья Обловна. Видишь, что не хочеть; такъ зачемъ тискать. Довель дочь свою до истерики, такъ и пъстуйся теперьсъ нею самъ.

Максимъ Игнатьичъ (вынюживая табакъ назначенный для Тани). Чуть-чуть не попаль, да уверпулась; а табакъ кръпчайтій, задаль-бы ей трезвову.

Анисья Өедорових (кричить). Өекла! Өекла! (Прибъгаеть Өекла.)

Ө Е к л л. Что прикажете, барыня?

Анисья Обдоговна. Что прикажете? не видишь развъ, что съ Танечкой случилась истерика? Принеси холодной воды!

ӨЕКЛА. Ахъ, ты Господи. И перелиночку-то всю изорвала: а перелиночка такая славная, совству почти новая! Да эту болъсть не холодной водой лечать. Я жила у одного женатаго хозянна; такъ у его жены тоже разъ приключилась мистерика; а онъ такой крутой и умный былъ, нече сказать; онъ ее нагайкой; знаю, говоритъ, какъ лечить мистерики; съ-тъхъ-поръ, какъ рукой сняло; ни разу не приключалась; а я у нихъ цълый годъжила!

Анисья Овдоровна. Эхъ ты дура! какъ языкъ-то у тебя поворачивается выговаривать такія рычи? (Танечка открываеть глаза.)

Слава Богу! опомнилась! (Максиму Игнатьичу). Отнесемъ ее въ спальню; пусть уснеть! (Уносять Танечку.)

Ө е к л л. Я-бъ тебя, матушка, отучила отъ мистерики! Я бъ тебъ въ зубы не поглядъла! Я-бъ тебя вотъ какъ! (стучита въ пола ухватома). Бъжать поскоръй.... чай супъ-то весь выкипълъ!

the parties of the reason of the last of the complete of the contract of

The state of the s

second american a troop in the resolution of the Resolution of

The control of the co

ROD CESTA THE DELY NO REPURDOLATION : A A NEBER MILITAR FORE

Control of Charles and open and the second strains

п. александровъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

BEF CHO OD "ASTORDED STANTAGE ASSESSMENT AND AUTOMS ABOUT ON

Contrar expression consists and devices and odd of configurations.
 Contrar of the con

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

County of the support of the support

НЕ СПРОСЯСЬ БРОДУ, НЕ СУЙСИ ВЪ ВОДУ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

МЕЛЮЗИНА И ЛУЗВНЬЯНЪ или ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ. Волшебно.

романтическая трагедія, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ танцами.

СИРЕНА. Комическая опера, въ трехъ дъйствіяхъ. Музыка Обера, слова Скриба.

Никогда еще театральный годъ въ Петербургъ не начинался такимъ изобиліемъ новыхъ пьесъ, такими блистательными и совъстливыми обстановками, такимъ заманчивымъ репертуаромъ, какъ онъ начался въ ныньшнемъ году! Мы не узнаемъ Александринскаго театра! Все въ немъ обновилось, начиная отъ декорацій и костюмовъ, до — мельчайшихъ мелочей бутафорскихъ: все дышетъ свъжестью, изяществомъ, обдуманностію! Заботливость дирекціи видна на каждомъ шагу, даже въ рачительности исполненія аксессуарныхъ принадлежностей пьесъ и въ стройномъ ходъ спектаклей. Передъ любителями театра, передъ постоянными его посътителями, невольно воскресаютъ

Дъла давно минувшихъ лътъ, Предавья старины глубокой.

Но когда съ одной стороны все двинулось впередъ, съ другой, за которую никакое театральное управление отвъчать не можетъ, все осталось in statu quo, то-есть, въ прежнемъ порядкъ. Мы говоримъ о самыхъ произведенияхъ, исполняемыхъ на сценъ.

OTA. VI.

Дпрекція можетъ устроивать декораціи, костюмы, всю вившною роскошь сцены, придумывать эфектныя монтировки, но она не въ состояніи создавать драматическихъ авторовъ, не можетъ придумывать пьесъ. Довольно и того, что она даетъ авторамъ всѣ средства явиться передъ публикою въ блестящемъ видѣ; вымыслы, изобрътеніе, искусство плѣнять и увлекать эрителя, эти господа должны уже почернать изъ собственной фантазіи, изъ своего творческаго таланта.

Къ сожальню, на этотъ разъ усилія дирекціи остались тщетпыми и большая часть произведеній, воснользовавшихся сценическимъ обновленіемъ, не выходятъ изъ разряда самой безотчетной посредственности. Лътописи нашей на этотъ разъ придется занести на свои страницы одни печальные факты: — неуспъхи и паденія. Разсматривать подобныя произведенія съ эстетической точки нельзя, да и было-бы совершенно безполезно, а потому мы ограничимся краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и легкими замътками.

НЕ СПРОСЯСЬ БРОДУ НЕ ГУЙСЯ ВЪ ВОДУ, — очень старая погудка, въ десятый разъ повторяемая на новый ладъ. Скряга, который прибъгаетъ къ самымъ экспентрическимъ и невъроятнымъ продълкамъ скупости, узнаетъ случайно, что лотерейный билетъ его кухарки вынгралъ большой кушъ. Скрывъ отъ нея эту новость, объ, обходившийся съ нею до тъхъ поръ грубо и сурово, начинаетъ за нею ухаживать, нъжинчать, объясияться въ любви и наконецъ даже на ней женится. Кухарка, сдълавшисъ изъ простой и робкой бабы — чиповпицею, тотчасъ перемъцяетъ тонъ: она важничаетъ, буянитъ, забираетъ весь домъ и мужа въ руки. Но каково положение скряги, когда онъ на другой день свадьбы узнаетъ, что кухарка его, почувствовавъ вожделъние къ кофе и не допросившись у него жалованья, продала свой билетъ! Вмъсто богатства — у него теперь мегера на шеъ. По счастию, билетъ оказывается въ рукахъ очень порядочнаго молодаго человъка, которому скряга не позволялъ жениться на своей дочери, по причивъ его бъдности. Скупецъ утъшается хоть тъмъ, что можетъ теперь выдать дочь замужъ, не давъ ей ни гроша приданаго.

Анекдоть очень старый. Леть тридцать тому изъ пего была сдёлана немецкая пьеса, которая пгралась и въ русскомъ переводе. Потомъ она была переложена песколько разъ въ водевили и теперь появилась снова подъ формою комедіи. По это еще быль бы грехъ очень простительный, на томъ основанія, что «ничто не ново подъ луною», еслибъ только пьеса имъла стороны занимательныя, новыя, еслибъ характеры были выпукло очертаны и выдержаны до конца, еслибъ въ ней не было утрировки и въ слабостяхъ, и въ положеніяхъ дъйствующихъ лицъ, еслибъ, наконецъ, унизительное положеніе бъдной дочери скряги, не возбуждало непріятнаго, даже негодующаго чувства въ зрителъ. Вотъ главныя причины, почему эта пьеса не имъла никакого усиъха на сценъ и была сыграна только одинъ разъ.

МЕЛЮЗЕНА в АУЗЕЯБЛЕБ — принадлежить къ романтическимъ трагедіямъ. Мы, признаемся, не умъемъ совмъстить этихъ двухъ понятій - романтизму и трагедія, понятій, решительно противоположныхъ и ви съ какой стороны не сходящихся. Подъ трагедіей мы подразумъваемъ древнюю форму драмы, драму мысли и слова, драму описательную, основанную на одномъ вибшнемъ проявленін событія, вытекающаго изъ непреодолимыхъ законовъ рока (fatum); подъ романтизмомъ - драму чувства и дъйствія, основанную на современной жизпенной вден, развивающуюся изъ элементовъ самой природы человъческой. То и другое никакъ не сходится: гдв человькъ, всв его двиствія и помыслы-следствіе роковаго предпазначенія, тамъ его собственная природа скована; гдь-же дъйствують человъческія страсти и, оть столкновенія идея съ существенностію, порождають драматическія положенія и катастрофы, тамъ не можетъ быть допущевъ слепой произволь рока древнихъ.

Стало быть, авторъ Мелюзины задалъ себъ очень трудную задачу для разръшенія, желая соединить два совершенно разнородные элемента. Путемъ для этого онъ избралъ себъ волшебство, область фантастического. Но для того, чтобы сплавить двъ эти драматическія стихін, волшебство служить весьма плохою лигатурою. Передъ силою волшебства должна повориться всякая сила природы: это мечь Экендера, не развизывающій, а разрубаюшій Гордієвъ узелъ. Волшебство, не знакомое древнимъ, въ повъйшей драмъ играетъ туже роль, какъ и фатумъ у грековъ и римлянъ, вся разница въ томъ, что фатумъ была сила сознательпая, потому-что поконлась на върованияхъ древнихъ народовъ, на понятіяхъ ихъ о божествъ, а волшебство — есть порожденіе дикой и легковърной фантазіи народовъ, не проникнутыхъ еще свътомъ истины. Фатумъ - вдея, волшебство - отсутствие даже ясного понятія о природь. Въ этомъ смысль романтическая трагедія Мелюзина есть таже классическая пьеса, съ зам'яною рокаволшебствомъ.

Второе заглавіе пьесы «Освовожденный Іерусалимъ» уже знакомить читателя съ ея содержаніемъ: оно частію заимствоваво изъ исторіи, частію изъ поэмъ Торквато-Тасса и Аріоста «Освобожденвый Іерусалимъ» и «Неистовый Роландъ». Крестовые рыцари перваго похода, въ 1099 году, являются, подъ предводительствомъ Готфрида Бульонскаго и пустынника Петра Аміеньскаго, на высотахъ Эммауса, ввиду Іерусалима. Они отправляютъ къ Судану Моктадеру посломъ Лузиньяна, требул сдачи святаго города. Вотъ сцепа, въ которой Лузиньянъ исполняетъ возложенное на цего порученіе:

лузиньянъ.

Готфридъ Бульонскій, вождь всей рати христіанской Тебъ — Судану — шлетъ свой дружескій привътъ. Ужъ нъсколько въковъ, какъ власти музульманской Подпаль Іерусалимъ, гдв дивной Въры свътъ Впервые возсіялъ, — и гдъ нашъ Искупитель Страдалъ, училъ, — и смерть за всъхъ насъ претерпълъ; Гдъ гробъ Его святой, гдъ Богъ нашъ и Спаситель Небесной кровью свой завътъ запечатлълъ. Сюда всъхъ христіанъ стремятся помышленья, Воспоминаніемъ согрътыя святымъ ... Но Цареградскіе владыки въ ослъпленьи Вамъ предали и Гробъ и Крестъ. — Герусалимъ Въ плену, въ цепяхъ, въ слезахъ! - Онъ вечнымъ намъ укоромъ За равнодушіе и слабость христіанъ. Но день насталь! - Господь съ небесъ всезрящимъ взоромъ Взглянулъ, и царства всъ въ одинъ собрались станъ. Онъ повелълъ, - и всъ стеклись сюда народы Подъ знаменемъ Креста святой исполнить долгъ. Іерусалимъ святой! Твой близокъ день свободы! Великъ и свять объть сердецъ! Такъ хочеть Богь *! Върь, мудрый Моктадеръ, — ничтожною враждою Мы не горимъ къ тебъ; - мы не хотимъ народъ Твой истреблять мечемъ, губительной войною. Не слава тлънная усилій нашихъ плодъ ; Не тщетныхъ мы хотимъ у васъ завоеваній, И налагать на васъ не думаемъ оковъ — Иная цъль трудовъ, священной нашей брани: — Лишь торжество Креста, честь Въры и любовь. Мы побъдить должны : противиться напрасно! Къ чему кровь воиновъ безъ пользы проливать?

^{*} Dio volt! (такъ хочетъ Богъ!) извъстный военный кликъ Крестоносцевъ.

Отдайте городъ намъ — и въ немъ вы безопасно Жить можете. — Мы васъ не будемъ притъснять. И если кто отсель захочеть удалиться, Тотъ пусть съ собой возьметь имущество, рабовъ, Дътей, стада и женъ, — и пусть переселится; Онъ и тогда друзей найдетъ въ насъ — не враговъ. — Воть, мудрый Моктадеръ, что вождь нашъ предлагаетъ! Коль дорога тебъ жизнь подданныхъ твоихъ.... Царь добрый кровь дътей безъ пользъ не проливаетъ.... Ръши, — и мира вътвь прими изъ рукъ моихъ.

джа фаръ полходить сперва къ Моктадеру, какъ-бы тихо испрашивая его позволенія, чтобъ отвъчать Лузиньяну.

Франкъ! вашей мы еще неиспытали силы, А самохвальство въ васъ и дерзость велики. Безумцы! Вы пришли сюда искать могилы; Здъсь лягутъ трупами враждебные полки. Вы храбры на словахъ, - но-словъ мы не боимся: Повърь, Герусалимъ отъ нихъ не упадетъ. Съ оружіемъ въ рукахъ мы на ствнахъ, сразимся; Набъгу вашему намъ мечъ и щить оплотъ. Васъ много съ запада безумцевъ налетъло, Мечтая побъдить словами и числомъ, Но грудью и мечемъ мы здъсь васъ встрътимъ смъло И побъжите вы въ свой край назадъ съ стыдомъ. Чего хотите вы ? Кто вы ? Мы васъ не знаемъ; Друзьями вашими быть вовсе не хотимъ.... Мы также вашего Пророка уважаемъ, — Но мы владъемъ здъсь, - и нашъ Герусалимъ! Вы рабство предлагать намъ смъли! - Мусульмане Извъстны вамъ давно.... Вы знали силу ихъ!... Забыли битвы вы, въ которыхъ христіане Скрывалися отъ насъ въ лъсахъ, снъгахъ своихъ? Какой васъ буйный духъ и сила изувърства Вели изъ за морей сюда къ намъ на востокъ? Гласъ Въры? — Нътъ! Одно въ васъ видно лицемърство! — Придите-жъ! Здъсь васъ ждетъ награда, воздаянье: -Костями вашими усъемъ мы поля! За гробомъ вы принли? - Исполнится желанье! Іерусалимская покроетъ васъ земля. -Еще дней нъсколько, - и рать Египта грянетъ, И путь на родину вамъ будетъ загражденъ. Она уже идеть, - и скоро день настанеть, Когда мы нападемъ на васъ со всъхъ сторонъ. -И вани силы мы измъримъ и узнаемъ : Вы въ бъгствъ также-ли искусны, какъ въ ръчахъ!...

Но время есть еще; — совътуемъ, желаемъ, Чтобъ вы спасеніе нашли на корабляхъ. — Спъщите! Поскоръй отсюда увзжайте На хладный западъ свой, въ болота и лъса. — Вы не побъды здъсь, а смерти ожидайте: Все наше здъсь за насъ, — земля и небеса.

лузиньянъ.

На дерзость отвъчать я буду лишь презръньемъ;
На вызовъ, — встрътимся съ тобой съ мечемъ въ рукахъ!
Ты битвой намъ грозишь, Египта нападеньемъ? —
Въсть эта разнесетъ у насъ восторгъ, — не страхъ!
Египетскую рать давно мы ожидаемъ....
Придетъ она, — и мы сразимся, побъдимъ!
Нотомъ пойдемъ къ стънамъ. — Мы вашу храбрость знаемъ....
Но неизбъженъ рокъ, — падетъ Іерусалимъ!

виллахъ, тоже подойля сперва къ Моктадеру и подуча его согласіе.

Франкъ! Можетъ-быть, ты вождь искусный, смълый, знатный, -Но городъ нашъ нельзя такъ скоро силой взять. Предъ твердою стъной копье и мечъ булатный Ничтожны; надобно вамь годы осаждать, И стънобитныя орудія построя, Твердыни потрясти, произвести проломъ, -И чрезъ сто тысячъ тваъ, сраженныхъ среди боя, Войти въ Герусалимъ съ пожаромъ и мечемъ. Не скоро это вы свершите, христіане! А между тъмъ, на васъ возстанетъ весь востокъ. Сюда со всъхъ сторонъ стекутся мусульмане, -И върь, - постигнетъ васъ печальный, горькій рокъ, Когда-бъ оружсиеми мы васъ не истребили, Васъ голодо изнуритъ у кръпкихъ нашихъ стънъ. Напрасно вы сюда изъ родины спъшили: Васъ ждетъ безъ пользы смерть, или постыдный плънъ. Прими-жъ совъть вождя египтяпъ : — Удалитесь! На предложенья, — вотъ послъдній нашъ отвъть! Пословъ къ намъ присылать вы больше не трудитесь, -И мы не примемъ ихъ; — межъ нами мира иътъ!

Но начавъ свое посольство такъ великольно, Лузиньянъ оканчиваетъ его ловольно легкомысленио: слабосердый рыцарь влюбляется по маковку въ Мелюзину, которую видълъ только одно мгновение изъ - за запавъски. Турки пользуются этимъ рыцарскимъ увлечениемъ и употребляютъ Мелюзину орудиемъ гибели посла и всъхъ крестоносцевъ. Они доставляютъ сму свидание съ нею въ садахъ Судана. Но случай играетъ съ ними довольно за-

бавную шутку: Мелюзина сама влюбляется въ красиваго юношу и уже вовсе не думаеть о его погубленін, а напротивь, хочеть ему доставить престоль Герусалимскій и сделаться его королевою. Для этой цъли она похищаетъ у отца своего, волщебника Биллаха, его жезлъ и книгу мрака — и начинаетъ ими такъ трунить надъ мусульманами, что имъ приходитъ жутко. Но неловко достается оттого и крестоносцамъ. Явясь въ станъ ихъ, подъ видомъ Армиды, дочери Триполійскаго султана, Мелюзина влюбляетъ ихъ всёхъ въ себя и заманиваетъ въ свой волшебный дворець, гдё они, въ полномъ значения слова, становятся въ нень отъ своей страсти: она превращаетъ ихъ въ древесные стволы. Впрочемъ, четыре акта трагедів дають широкое раздолье ея проказамъ и кокетству. Она мъняетъ свои фантазіи также часто, какъ и костюмы. Но спла волшебства, которымъ она владъетъ, имъетъ свое маленькое неудобство: за право задавать театральному машинисту страшную работу въ теченіе целаго года, она одинъ день въ году должна сама облечься въ непріятный и стъсвительный костюмъ змен. День этотъ настаеть для нея именно въ лъсу, куда крестоносцы отправились строить стъпобитныя орудія. Видя зм'тю, Петръ пустынникъ её убиваетъ, всв чары рушатся и рыцари берутъ Герусалимъ приступомъ.

Пьеса эта, въроятно, паписана почтеннымъ авторомъ очень давно, когда внъшняя обстановка или такъ называемые великольпные спектакли — представляли еще зрителямъ предметъ интереса и развлеченія. Появленіе ея на сценъ въ пастоящее время, гдъ каждый посътитель театра требуетъ не одного зрълища, во и внутренняго содержанія, дъйствія, страстей, натуры, кажется намъ анахронисмомъ.

Мы не говоримъ о стихахъ, потому-что представили образчикъ, по которому каждый читатель самъ легко можетъ обсудить ихъ.

Обстановка пьесы была блистательная. Декораціи, въ особенности четвертаго и пятаго дъйствій, представляющія волшебный садъ Арміды, и внутренность стънь Іерусалима, прекрасны и дълають честь гг. декораторамъ Петрову и Исакову. Машины, полеты, превращенія и разрушеніе стънъ, сдъланные машинистомъ Вальцомъ, быстры и эфектны. Танцы нимфъ, между которыми лучшею инмфою была г-жа Ришаръ, возбуждали общія рукоплескація.

Г-нъ Каратыгинъ, въ пебольшой роли Петра Аміеньскаго, былъ чрезвычайно эфектенъ; но намъ кажется, что авторъ при-

далъ этому лицу слишкомъ геропческій характеръ. Петръ дъйствоваль не столько проконсульскою строгостью, какъ смиреніемъ и силою кроткаго убъжденія. Религіозное одушевленіе вообще носить на себъ совершенно другой отпечатокъ, чъмъ фанатическое увлеченіе героя-воина. Г-жа Жулева, не слишкомъ эфектную роль Мелюзины силою своего таланта умъла сдълать интересною.

Достаточно назвать имена непстощимаго Скриба и игриваго Обера, чтобы дать полное понятіе обо всъхъ достоинствахъ и недостаткахъ оперы «Сирена». Скрибъ придалъ ей интересъ своимъ кудрявымъ вымысломъ, этой забавной, хотя и неправдоподобной путанвцей происшествій; Оберъ украсиль ее нъобаятельной, пахучей, какъ дымъ, отъ хорошей регаліп Флоръ-де-Кабапьясъ. Музыка эта такого свойства, что ее критически разбирать почти нельзя : въ ней пътъ никакихъ претензій, ни на глубину мысли, ни на оригипальность стиля, ни даже на новизну и особенную свъжесть мелодій. Вы слушаете и говорите: «вотъ это мило!» — «Это такъ-себъ... не дурно!» — «Это бывало, но эфектно!» — «Это общее мъсто!» Въ иномъ мъстъ — вы улыбнетесь, въ другомъ захлопаете, а третье будете напъвать, выходя изъ театра. Вообще, Оберъ не въ состояніи написать рышительно пустой вещи, но на «Сирену» онъ очень экономически потратилъ свое вдохновение: она далеко не сродии старшимъ его произведеніямъ въ томъ же родъ: «Невъстъ», «Фра Дьяволо», «Лейстеру» «Черному домино» и другимъ. И что всего удивительнъе: главная партія оперы, партія самой Спрены, которая п по смыслу дъйствія, и по расположенію музыкальной канвы должна бы господствовать надъ другими, вышла у него всъхъ слабъе. И на мастера гръхъ бываетъ! За то Скрибъ отличился. Онъ придумалъ такую гисторію, напуталъ такихъ узловъ и такъ неожиданно ихъ распутываетъ — что невольно завлекаетъ вниманіе и не разъ заставляетъ хохотать отъ души. Центромъ своего остроумія выбралъ опъ здъсь знаменитаго неаполитанскаго вмпрессаріо Бар-

ораль онъ здъсь знаменитаго неаполитанскаго импрессарто Барбаю, объ которомъ по Италіп ходять цёлые томы анекдотовъ. Скрибъ добавиль къ нимъ еще следующій: Въ Абруццахъ поселилась шайка контрабандистовъ, подъ начальствомъ ловкаго пройдохи Скопетто. Капитанъ фрегата Этны, сеньоръ Сципіоне, захватиль ихъ судно съ товарами на значительную сумму. Правитель Абруцкой провинціи, генераль Пополи, продаль призъ и выручку употребиль въ свою пользу. Скопетто поклялся отметить ему, а генераль, въ свою очередь, назначилъ большую сумму тому, кто откроетъ притонъ Скопетто и доставить его живаго или мертваго. Но Скопетто чрезвычайно ловокъ—онъ не такъ то легко поддается въ ловушку. У него молоденькая и хорошенькая сестра, Церлина, съ такимъ голоскомъ, что ее заслушаешься. Ее то онъ употребляетъ орудіемъ, чтобъ обманывать сыщиковъ: едва гдъ въ горахъ покажется подозрительный человъкъ, она начнетъ заливаться соловьемъ и это служитъ сигналомъ для контрабандистовъ. Горные жители, постоянно слышавшіе рулады пъвицы, по никогда не видавшіе ее, ръшили, что это должна быть Сирена.

Между тъмъ въ Абруцкихъ горахъ умеръ старый школьный учитель. Братъ его, директоръ Неапольского опериого театра, Бальбанья (Барбая), явился за паслъдствомъ въ его небольшой домикъ. Туда же гроза загоняетъ капитана Сципіона и главу контрабандистовъ Скопетто. Узнавъ въ Сциніонъ своего врага, Скоцетто хочетъ отметить ему, но въ самую эту минуту раздается голосъ Спрены, предписывающій ему осторожность. Между тъкъ, какъ Бальбанья приходить въ конечный восторгъ отъ высокаго сопрано пъвицы и увлекаетъ Сципіона съ собою въ горы, чтобы отыскать ее и ангажировать на первыя роли къ своему театру, Скопетто остается спокойно на мъстъ. Онъ знаетъ, кого предвъщаетъ ему голосъ сестры, потому-что самъ устроилъ здъсь свидание съ генераломъ Пополи, посредствомъ апонимнаго письма. И дъйствительно, правитель Абруцкой провинціи является съ порядочнымъ отрядомъ драгунъ. Видите-ли, въ чемъ дъло. У Пополи былъ старшій братъ, герцогъ и богатый человікъ, который умеръ въ чужихъ краяхъ, оставя по себъ спротку сына, который, неизвъстно почему, былъ отданъ кому-то на воспитание и пропаль безъ въсти. Генераль Пополи, на этомъ основания, наслъдовалъ всъ титла и сокровища брата. Теперь, въ безымянномъ письмъ, ему пишутъ, что сынъ его брата живъ, находится въ Италін; что есть всв акты о его законности, и что если онъ не явится въ условленный часъ къ пещеръ Сирены и не принесетъ туда денегъ, вырученныхъ отъ продажи товаровъ контрабандистовъ, то бумаги эти будутъ отданы законному наслъднику и онъ лишится всего своего богатства и званія. Пополи скупъ; отдать деньги — это не по его части, и потому онъ распорядился такъ : отправиться на пріятное rendez-vous, но захватить и Сирену, и бумаги, и если можно, и Скопетто, который, въроятно, всъмъ этимъ орудуетъ. Для полнаго успъха, онъ ждетъ только изъ Неаполя депеши съ полнымъ описаніемъ примътъ контрабандиста.

Встретивъ Сконетто въ доме учителя, онъ узнаетъ въ немъ своего прежняго комердинера, разсказываетъ ему, что вскоръ носль того, какъ онъ отошель отъ него, чтобы открыть какуюто гостиницу, контрабандисты его обворовали, по что онъ теперь самъ готовитъ имъ хорошенькій гостинецъ. Сконетто пользуется болтывостью Пополи, и когда тотъ получаетъ бумагу съ его примътами и выходить на минуту, чтобъ отдать приказанія своимъ драгунамъ, опъ подм'вияетъ ее примътами капитана Сципіона, который именно въ эту минуту возвратился съ Бальбаньею изъ своихъ безполезныхъ поисковъ Спрены. Генералъ возвращается, читаетъ примъты и видитъ передъ собою контрабандиета въ особъ Сципіона. Но какъ его ехватить? Арапуновъ онъ уже отправиль впередъ, а самъ не ръщается пуститься на явную опасность. Чего-же лучше — нало залучить ихъ въ засаду и онъ предлагаетъ Сципіону и Бальбань в пдти вивств, говоря, что это въ горахъ безопасиће. Они согласны и вся компанія отправляется въ путь.

Второй актъ представляетъ намъ горную таверну контрабандистовъ, родъ подземелья, гдъ эти почтенные господа предаются наслажденіямъ жизни, послъ почныхъ своихъ похожденій. Голосъ миленькой Церлины, которая порхаеть по горамъ, возвращаясь въ таверну, опять привлекъ Сциніона и Бальбанью, которые бросили дорогой генерала, чтобы последовать этому волшебному голосу. Бальбанью голосъ этотъ влечетъ, какъ зпатока и любителя, Сципіона, какъ влюбленнаго, потому что опъ напоминаетъ ему дъвушку, которую онъ зналъ въ Неаполъ и отъ которой досихъ-поръ безъ ума. Представьте же его удивление, когда онъ находить эту девушку въ горной таверив. Дело решено: онъ на ней женится, а Бальбанья ангажируеть ее на театръ. Церлина бъжитъ къ брату открыть ему о своей находкъ и пояснить біографію своего жениха. Въ это время Пескіоне, товарищъ Скопетто, узнаетъ въ Сципіонъ похитителя ихъ судна в всъ комтрабандисты кидаются на него съ кинжалами. Но Скопетто поспъваетъ во время, чтобы остановить ихъ удары и спасти своего будущаго зятя, тъмъ болъе для него драгоцъннаго, что зять этотъ никто иной, какъ закопный наслединкъ герцогства Пополи.

на бъду голосъ Спрены привлекъ также въ таверну и генерана Пополи, и онъ является туда въ самую патетическую минуту съ своими драгунами. Увидъвъ Сципіона, онъ велить его ехватить, какъ контрабандиста Скопетто. Церанна въ отчаяніи, узнавъ, что ея возлюбленный занимается такимъ гнуснымъ ремесломъ. Надо вамъ сказать, между прочимъ, что Церлина, не смотря на то, что брать ея каждую ночь куда то отмучается, и потомъ, возвратясь съ шайкою подозрительныхъ людей, бражиичаетъ съ пичи въ таверив и дълится барышами, и что опъ заставляеть ее пъть, какъ только она завидитъ порядочнаго человъка, что не смотря на все это, простодушная Церлина никакъ не догадывается, что за гусь ея братецъ и принимаетъ его за честнаго торговца. Но генералъ Пополи вовсе не такъ близорукъ: странныя физіономін господъ контрабандистовъ тотчасъ бросаются ему въ глаза и онъ наводитъ справки, кто они. Ловкій Сконетто не задумывается: онъ выдаетъ свою шайку за странствующую оперную труппу, а бъднаго, напуганнаго импрессаріо заставляетъ сказаться ихъ директоромъ. Гепералъ очень радъ такой встръчъ и приглашаетъ всю труппу въ свой замокъ, чтобы, по случаю праздника, который онъ даетъ, сыграть какую-нибудь

оперу.

Въ третьемъ дъйствін контрабандисты въ замкъ Пополи и успъли уже очистить вст кладовыя и сундуки почтенного правителя Абруцкой провинціп. Бъдпый Бальбанья пграетъ между ними самую жалкую роль. Является самъ правитель и объявляетъ, что онъ получилъ извъстіе изъ Неаполя, что арестанть его вовсе не Скопетто, а капитанъ фрегата Сципіонъ; что оттуда посланы уже судьи для пасл'едованія дела и обличенія его товарища, который должень быть настоящій атамань шайки. Такимъ образомъ, несчастный импрессаріо дълается контрабандистомъ и не смъстъ оправдаться и сказать правду, потому-что бонтся стилета настоящаго атамана. Между-темъ весь домъ, оценлевъ солдатами, все контрабандисты уже перебрались на свое судно, чтобы отправиться въ Геную, ждутъ только Скопетто. Но ему вътъ возможности вырваться, всъ глаза обращены на него. Судьи заияли свои мъста и ждутъ только прибытія Спипіона, который долженъ обличить настоящаго виновника. Чтобъ отвлечь внимание судей, Скопетто предлагаетъ имъ послушать арію примадонны: Церлина пачинаетъ пъть. Понемногу и стража, стоящая около дома, начинаетъ собпраться на галлерею, чтобы послушать ея пъсню. Когда всв часовые взошли на галлерею и, увлеченные музыкальнымъ восторгомъ, заслушались Сирены, Скопетто передаетъ ей бумаги, для отдачи своему жениху, а самъ украдкою бъжитъ. Является

Спипіонъ, выручаетъ бъднаго импрессаріо, объявляетъ, вто настоящій контрабандистъ... но его уже нътъ — онъ достигъ своего корабля, который, распустивъ паруса, уходитъ въ море.

Изъ полученныхъ отъ Церлины бумагъ, Сципіонъ узнаетъ о своемъ происхожденія и правахъ, но онъ оставляетъ дядъ его богатство, а себъ беретъ одну Сирену. Такимъ-образомъ всъ довольны и счастливы — и, на радостяхъ, заключаютъ оперу общимъ хоромъ.

Какъ ни великъ весь этотъ сумбуръ, однако Скрибъ умълъ придать ему видъ въроятія и сильный интересъ, который не оставляетъ зрителя отъ начала до конца. Вся ньеса ведена ловко, пгриво; многія сцены исполнены неподдъльнаго комизма.

Переводъ оперы чрезвычайно хорошъ, что большая рѣдкость въ рускихъ переводахъ, дѣлаемыхъ подъ готовую музыку и особенно съ французскаго языка, гдѣ силлабическое стихосложение чрезвычайно затрудняетъ русскаго либретиста и часто заставляетъ дѣлать промахи противъ выраженій удареній и употреблять выраженія неловкія или натянутыя. Въ этой оперѣ ничего подобнаго не встрѣтишь.

Обстановка оперы «Сирена» на нашей сценъ рачительна и даже роскошна. Декорація втораго акта, г. Лонгинова, составленная вся изъ практикаблей и представляющая сверху горныя дороги, между вершинами и ущеліями Абруцъ, а впизу — подземную таверну контрабандистовъ, въ высшей степени эфектиа. Вся опера исполняется такъ, что ее можно прослушать съ удовольствіемъ не одинъ разъ. Г. Петровъ превосходенъ въ роли генерала Пополи; г. Гумбинъ - хорошо поетъ и очень удовлетворительно играетъ комическую роль Бальбанья; Леоновъ — живъ и ловокъ въ роли — Скопетто. Роль Сципіона выполняетъ молодой нашъ теноръ г. Булаховъ. Этотъ артистъ подаетъ самыя блистательныя падежды; правда, голосъ его еще не окръпъ и не установился, но теперь уже въ немъ столько сладкаго, симпатическаго, столько энергіп и металла, что при дальнайшемъ развитін, онъ непремънно займетъ мъсто между замъчательнъйшими современными тенорами. Въ пъпін г. Булахова замътна хорошая школа ": онъ поетъ съ толкомъ и одушевлениемъ и слъдуетъ, сколько мы замътили, самой лучшей методъ пънія — методъ Рубини. Помня

^{*} Г. Булаховъ ученикъ репетитора Императорскихъ театровъ, отличнаго учителя пънія, г. Вителяро, и за успъхи этого артиста мы обязаны стараніямъ и вкусу этого совъстливаго наставника.

превосходный, обаятельный голосъ отца г. Булахова, замѣчательньйшаго пѣвца, когда лвбо бывшаго на русской сценѣ, мы отъ души желаемъ, чтобъ и талантливый сынъ наслѣдовалъ всѣ его прекрасныя качества. Партія Сципіона не совсѣмъ лежить въ свойствѣ голоса г. Булахова и мало представляетъ ему средствъ показать всѣ его хорошія стороны, не смотря на то, артистъ выполняетъ эту роль удовлетворительно и пріятно. Партію Церлины поетъ г-жа Степанова. При всемъ уваженіи нашемъ къ старательности и усиліямъ этой заслуженной артистки, мы не можемъ, однакожъ, не замѣтить, что роль Спрены рѣшительно противорѣчитъ и ея средствамъ, и возрасту. По значенію этой роли въ оперѣ — ее непремѣнно должна занимать молоденькая пѣвица, съ свѣжимъ, симпатическимъ голосомъ, гибкимъ, полнымъ и хорошо выработаннымъ, чтобы всѣ фіоритуры и трели, вложенныя композиторомъ въ партію, производили желаемое дѣйствіе. — По свонмъ средствамъ, г-жа Степанова выполнила эту партію, если не блистательно, то, по-крайней мѣрѣ, совѣстляво.

Говоря объ оперъ, скажемъ кстати нъсколько словъ и о польскомъ балеть «Крестьянская свадька» (Wesele w ojcowie.) Читателямъ уже извъстно, что этотъ балетъ завезли къ намъ Варшавскіе тапцовщики и приводили имъ публику въ восхищеніе. По открытін вновь театра, балетъ стали танцовать наши русскіе артисты и на деле доказали, что въ переимчивости съ русскимъ человъкомъ никто не можетъ состязаться. Балетъ выполняется нашими артистами много лучше, чтмъ самыми поляками. Гг. Пишо и Шамбурскій отличаются удалью, ловкостью, энергіей въ краковь-якъ; а госножа Радина 2-я въ мазуркю производить фуроръ. И въ самомъ-дъль, эта молоденькая артистка, которая досель въ балетахъ проходила незамъченною — вдругъ выступила въ этомъ танцъ изъ ряда обыденныхъ талантовъ. У цея эта мазурка приняла характеръ величественной грацін, какой-то драматической полноты: это что то Фанни Эльслеровское, что то милое, увлекательное и вибств полное страсти и внутренняго движенія. Недурна также и госпожа Амосова 2-я въ Краковьякъ, но она далеко уступаетъ госпожъ Радиной — и въ отдълкъ па и въ самомъ одушевленін.

Благодаря этимъ артистамъ, маленькій польскій дивертисманъ производить постоянный эффектъ и, въроятно, долго продержится на сценъ, какъ одно изъ любимъйшихъ зрълищъ публики.

ОСАДА УГЛИЧА или РУССКІЕ ВЪ 1611 ГОДУ. Драматическое представленіе въ пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. Реймерса, съ пъніемъ и плисками. (Ŷ)

ОДНА НА ПРИМЪТЪ, ДРУГАЯ ВЪ КАРЕТЪ. Орисинальная комедія въ одномъ дъйствіи, соч. Г.***

СУМАТОХА ЗА ШНРМАМИ. Оригипельный водевиль, въ одномъ действіи, соч. Г. Пономарева.

(Бенефисъ г. Славина.)

Пяти-актиая драма, въ древнихъ русскихъ нравахъ, съ историческимъ содержаніемъ и притомъ написанная стихами — возбуждаетъ невольно большія ожиданія, Темъ непріятите бываетъ разочарованіе, когда эти ожиданія обмануты. Такъ случилось и съ драмою господина Реймерса «Осада Углича,» заимствованной имъ изъ весьма слабой повъсти господина Масальскаго и переложенной, безъ всякаго знавія сценическихъ условій, въ разговоры. Не говоря уже о томъ, что русскихъ правовъ начала XVII стоавтія здісь и сліда піть, всі лица скроены какъ-то по данной мъркъ: смотришь на нихъ и невольно вспомпнаешь и «Ляпунова» и «Скопина Шуйскаго,» и «Хоммскаго,» и «Ермака,» et tutti quanti, но только въ тъхъ видишь самобытные вымыслы, а въ этихъ — искаженные ихъ портреты. Дъйствіе драматическое въ этомъ произведении такъ незначительно, что оно удобно уложилось бы въ одинъ, много въ два акта; разведенное въ пяти актахъ - оно совствит исчезаетъ. Причины и побужденія поступковъ дъйствующихъ лицъ вовсе не пояснены или вичъмъ неоправданы - это лишаетъ ихъ всякаго участія зрителя. Но какъ и отношенія ихъ между собою не пояснены достаточно авторомъ - то все дъйствіе представляется какимъ-то темнымъ, загалочнымъ хаосомъ.

У стрълецкаго головы Алмазова есть сестра, Лидія, а у нея подруга Марія, которыя вмъшнваются во всъ дъла мужчинь, объясняють открыто свои страсти, изтригують и геройствують въ продолженіе всей пьесы — и это дъвушки 1611 года! когда женщинь держали кръпко за замкомъ, въ теремахъ, за косящатыми окнами! Лидія эта — была въ Варшавъ: зачъмъ, долго-ли и какъ, авторъ не объясняеть, но только, вслъдствіе этого, онъ даль ей полную свободу дълать въ Угличъ, что только ей вздумается. Сомнъваемся, чтобы угличане того времени потерпъли такой соблазиъ. Извъстный польскій партизанъ Струсь, который знаменить своей отчаянной храбростью и панесъ нашему отечеству, во время его неустройствъ, много вреда съ

своей ватагою, - выставленъ трусомъ, единственно для каламбура съ его фамиліей. Онъ является къ коменданту Углицкаго укръпленія для переговоровъ, и забываетъ о своемъ важномъ дъль, найдя случай проплясать мазурку съ Лидіей Алмазовой. Но указать на всъ несообразности драмы невозможно, она вся — одна огромная несообразность. Это просто компиляція изъ всехъ пьесъ, которыя доныне были известны у насъ на сцень подъ названіемъ драматических представленій: изъ одной взятъ молодой человъкъ, ослъпленный любовью до того, что ръшается на преступление (Ермакъ); изъдругой — раскаявающийся измъпинкъ (Скоппиъ-Шуйскій); изъ третьей — пьяный приказвый писецъ (Смерть Ляпунова); изъ четвертой — польскій панъ. танцующій мазурку (Князь Серебрянный); изъ пятой — герой, жертвующій собою безъ всякой пользы (Холискій); наконецъ, весь четвертый актъ есть переложение въ русские вравы последняго акта Кёрперовой трагедін «Дрини.» Само собою разумъется, что въ подобной рансодически-сшитой ньесъ не можетъ быть ни единства мысли, ни единства дъйствія: все расчитано на народность сюжета и на аппробованную эфектность сценъ. Результатъ этого расчета однако-жъ не достигается: сцена, вытекающая изъ самаго содержанія драмы, всегда произведеть эфекть, а перенесите ее безсознательно въ другую пьесу и вставьте въ видъ эпизода, она пройдетъ незамъченною такъ случилось и здъсь.

Во всей пьесъ наибольшій эфектъ произвели: во второмъ дъйствій — мазурка, прекрасно протанцованная г. Сосинцкимъ, а въчетвертомъ разрушеніе дома Стрълецкаго головы, устроенное машинистомъ Карташевымъ.

Стихи г. Реймерса, хотя не сильны, по гладки и довольно звучны. Для примъра, приводимъ здъсь тпраду, которою герой драмы, Алмазовъ, заключаетъ пьесу, утъщая своихъ современниковъ въ неустройствахъ времени предсказаніемъ цвътущей будущиости:

Нвтъ! не погибнетъ Русь, имъя сыновей,
Которые всегда съ любовію готовы,
По манію Творцомъ помазанныхъ царей,
Нисколько не щадить имущества и крови!
Для чужеземнаго, позорнаго ярма
Мы головы свои съ покорностью не склонимъ,
И русской храбрости, и русскаго ума
Предъ хитростью враговъ коварныхъ не уронимъ.
Нашъ Мономаховскій, священный нашъ вънецъ,

Которымъ русскіе вънчаются владыки, Не тронетъ чуждый принцъ.... Намъ нуженъ свой отецъ, Намъ нуженъ царь великій! Не въчно намъ страдать подъ гнетомъ козней, смутъ И быть агралищемъ политики позорной: Другія времена съ собою приведутъ Благополучіе — подъ властью благотворной, И позабытое спокойствіе семействъ Среди теперешнихъ общественныхъ уроновъ, И безнаказанно свершаемыхъ злодъйствъ, Къ памъ явится тогда подъ сънію законовъ....

(Становясь на кольна.)

О, Господи! Ты благъ! Услышь мольбу рабовъ Пошли намъ благодать во образъ царевомъ, Да возрастетъ у насъ народная любовь Твоимъ спасительнымъ посъвомъ.... И помяни во царстви твоемъ Защитниковъ молящейся державы, Да удостоятся они земнымъ трудомъ Узръть твою Божественную славу!

Этотъ монологъ былъ превосходно прочитанъ г. Каратыги-

нымъ 1, и удостоплся всеобщихъ рукоплесканій.

Совътуемъ г. Реймерсу употребить свой талантъ на самобытное творчество, а не передълывать въ драмы неудачныхъ повъстей, и тогда предсказываемъ ему върный и болъе прочный усиъхъ.

Отъ печальнаго — перейдемъ къ смѣшному. Г. Трусовъ имѣетъ на примѣтѣ богатую дочку помѣщика Пустолобова, которую видаль въ Петербургѣ въ пансіонѣ. Онъ прискакалъ теперь въ уѣздный городокъ, чтобы на ней жениться, разумѣется, съ родительскаго разрѣшенія. Въ трактирѣ, гдѣ онъ остановился, встрѣчаетъ его провинціальный моншеръ Загорскій, который также кочетъ на ней жениться для поправленія своихъ обстоятельствъ. Они ссорятся. Едва Трусовъ ушелъ въ свою комнату, чтобы переодѣться, какъ въ трактиръ является Олимпіада Ивановна, дѣвица въ лѣтахъ, которая хочетъ на себъ женить моншера нѣсколько насильственными средствами. Чтобъ отъ нея какъ-нибудь отдѣлаться Загорскій, даетъ ей слово и говоритъ, что онъ оста-

новился въ томъ нумерѣ, гдѣ живетъ Трусовъ, а самъ уходитъ. Но устарѣлая дѣвица очень боится упустить изъ рукъ свою добычу и хочетъ поторопить дѣломъ. По счастію, пріѣзжастъ въ трактиръ самъ Пустолобовъ, чтобъ встрѣтить нареченнаго зятя. Олимпіада Ивановна адресуется къ нему, объясняетъ свое положеніе, приглашаетъ его въ посаженные отцы и проситъ не выпускать ея бѣглеца изъ трактира, а отправить его въ приготовленной каретѣ прямо въ церковь. Пустолобовъ исполняетъ порученіе сосѣдки буквально: онъ сперва уговариваетъ Трусова ѣхатъ подъ вѣнецъ, а когда тотъ противится, выдаетъ его за сумас шедшаго и насильно отправляетъ въ карету. Изъ этого происходитъ imbroglio, которое вовсе не забавно и было увѣнчано торжественнымъ паденіемъ.

суматоха за ширмами — уже своимъ заглавіемъ поясняетъ свое содержаніе. Это сотая пьеса съ перегородкой поперегъ театра. Возьмите содержаніе любой изъ вихъ — и вы будете знать въ чемъ состоитъ дъло за ширмами. Тутъ есть старый мужъ, молодая жена, отчаянный франтъ и болтливый провинціялъ. Перемъшайте все это и получится желаемая путаница, къ которой однако-жъ зрители остались довольно равнодушными.

ДЮБОВЬ ИСПАНКИ. Оригипальная драма, въ трехъ дъйствіяхъ, въ прозт.

БЪДНЕНЬКІЙ ОХЪ, А НАДЪ БЪДНЕНЬКИМЪ БОГЪ! Историческая быль, въ

двухъ дъйствіяхъ, соч. г. С.

УЧИТЕЛЬ И МЕЛЬНИЧИХА, или ВОСПИТАНІЕ И ПРИРОДА. Оперетка, въ одномъ дъйствіи, передъланная съ французскаго дд. Т. Ленскимъ.

(Бенефись г. режиссера Алекина.)

Оригинальная драма «Любовь Испанки» показалась намъ не совсъмъ оригинальною и сочинение г. С. не совсъмъ новымъ сочинениемъ. Во первыхъ, мысль этой драмы и главныя ея сцены взяты изъ извъстнаго романа Евгенія Сю «Коатвенская башня»; во вторыхъ, лътъ десять тому мы видълв, эту пьесу на здъщнемъ французскомъ театръ, подъ названіемъ «Ritta L'Espagnole» только тамъ она была во французскихъ правахъ. Впрочемъ — les beaux esprits se rencontrent — какихъ странностей на свътъ не бываетъ! Да и въ новой пьесъ, оригинальной русской, мы не видимъ ничего испанскаго, кромъ ея названія, и фамиліп геропни. Любовь эта можетъ принадлежать всъмъ націямъ, которыя только способны ощущать это чувство въ самомъ безумномъ его проявленіи.

Дъло вотъ въ чемъ:

Рита, герцогиня де Санто-Феличе, при Вереальскомъ дворъ до того кокетинчаетъ, что кружитъ головы всъмъ молодымъ кавалерамъ. Однако всъ искательства вздыхателей остаются безъ успъха. Одинъ изъ вихъ, графъ Юлій де Водре, простираетъ свою смълость до того, что приступаетъ къ Ритъ настоятельно, какъ разбойникъ съ ножемъ къ горлу: или отдай миъ свое сердце, или возьми мою жизнь! Свое сердце Рита считаетъ слишкомъ дорогимъ даромъ, чтобы бросить его первому встръчному, а пустыхъ подарковъ она сама ни отъ кого не принимаетъ. Такимъ образомъ дъло не ладится. Маменька пламеннаго сынка наконецъ сама является къ Ритъ и проситъ настоятельно, чтобъ она полюбила Юлія: отъ этого де зависитъ его жизнь, мое счастіе и благо цълаго человъчества! Для блага человъчества, Рита ръшается пожертвовать своей рукою, вовсе не любя Юлія. Но пока дамы толкуютъ да ладятъ, молодой безумецъ теряетъ терпъніе и застръливается.

Черезъ годъ, а можетъ быть и больше, Рита проводить льто въ Бретани, въ хорошенькомъ загородномъ домъ, куда одинъ изъ ея поклонинковъ, графъ де Сануа, последовалъ за нею, какъ неотвязчивая оса. Разъ они отправляются погулять въ окрестностяхъ стараго, заброшеннаго замка, какъ вдругъ изъ развалинъ выскакиваетъ цълая шайка вооруженныхъ разбойниковъ и кидается на нихъ. Пропала бы Рита ни за грошъ, еслибъ не явился молодой отшельникъ, и безъ всякаго оружія, однимъ своимъ кулакомъ, не разогналъ всей вооруженной шайки. Но онъ самъ раненъ. Рита велитъ его перенести въ свой загородный домъ и очень довольна темъ, что ей попался такой хорошенькій избавитель. Осматривая съ любопытствомъ, гдъ онъ раненъ, она нечаянно открываетъ, что онъ не совсъмъ безоруженъ: въ рукахъ его медальонъ съ ея портретомъ. Вотъ и прекрасно: значить, онъ давно въ нее влюбленъ, если даже посить съ собою ея портреть, ну, а она въ него влюбилась сразу, какъ по заказу.... Что-же долго думать и время терять! Рита велить все приготовить къ браку и зоветъ неизвъстнаго отшельника съ собою вънчаться.

— Э, и тът ! не такъ скоро, — говоритъ онъ, скидавая съ себя платье пустынника ! — Я въдь не то, что ты думаешь.... меня такъ легко не подцъпишь ! Это я одну комедію съ тобою пгралъ; разбойники были мои слуги, рану я себъ нарисовалъ боканомъ да цурикомъ, портретъ твой купилъ у живописца, а въ любви объяснялся просто шутки ради.... А! какову штуку откипулъ?

— Но для чего же все это? епрашиваетъ Рита.

— А для того, чтобы отмстить. Я брать Юлія Водре, отъ дюби къ тебъ онъ умеръ, мать моя умерла отъ тоски по немъ, — такъ теперь, не угодно ль на себъ примърить: пострадай ка сама, да исчахни отъ любви, а я полюбуюсь.

— Но помилуйте, я въдь васъ люблю, — говоритъ опа, — просто жить безъ васъ не могу, ъсть вичего не хочется, во снъ васъ вижу, сжальтесь, женитесь на мнъ, на колънахъ васъ умоляю....

— А, на колънахъ! — восклицаетъ онъ съ хохотомъ и засучивая рукава, — ладно! Постой же! Господа! сюда — вотъ она, гор-

дая то красавица! слышали, какъ просится замужъ?

Съ этимъ словомъ онъ отдергиваетъ занавъску, и изъ другой комнаты выходятъ всъ его пріятели, прежніе вздыхатели Риты, съ бокалами въ рукахъ и помирая со смъху. Тогда Рита ободряется и говоритъ своему герою, что онъ де не благородный юноша, а злокачественный дворянняъ; что она, молъ, невиновата въ томъ, что братъ его былъ сумасшедшій и застрълился, а маменька его умерла отъ старости; что она никому не можетъ запретить въ себя влюбляться, но не за всякаго же влюбленнаго ей выходить замужъ. Стало быть, мстить ей за то только, что она недурна собою и нравится чувствительнымъ сердцамъ — очень глупо.

При сей върной оказіи, она вынимаетъ изъ кармана письмо, которое туда зарапъе положилъ заботливый бутафоръ, и показываетъ его графу Водре старшему. Въ этомъ письмъ мать графа, въроятно напередъ зная, что сынокъ ея надълаетъ какихъ-нибудь глупостей, пишетъ: «Сыпъ мой убилъ самъ себя, а не Рита его умертвила; а я умяраю такъ же сама по себъ, потому что смертъ пришла, а Рита чудесная дъвушка, дай Богъ ей много лътъ здравствовать!» Невърившій словамъ Риты, графъ изъ этого письма вполиъ убъждается, что опъ набитый дуракъ. Пріятели его просятъ у нея прощенія, а опъ становится на колъна и дълаетъ ей любовное объясненіе по всей формъ. Но опа не даромъ испанка. «Не хочу, — говоритъ. Вы, говоритъ, меня унизили, осрамили; такъ я, говоритъ, съ вами сыграю такую же штуку.»

Она опускаетъ руку въ другой карманъ и вынимаетъ еще письмо. Ужъ видно у нея такая привычка посить всю свою корреспонденцію въ карманахъ. — «Вотъ, говоритъ, другое письмо отъ вашей мамаши, послушайте.» Графъ слушастъ, мамаша пишетъ: «Хотя я въ самую эту минуту умираю, языкъ мой не шевелится, руки окостепъли, однако не могу лишить себя удовольствія, въ

последній разъ поболтать съ тобою, милая Рита, и сообщить тебе некоторыя новыя сплетни, которыя я на дняхъ только узнала. Представь себе, ведь мой старшій сынъ — вовсе не сынъ мой! Когда онъ родился, мы хотя жили блистательно, имели огромное состояніе и полный домъ безполезной прислуги, однако отдали его въ одну Бретанскую деревню, на грудь къ мужичке, у которой тоже былъ грудной младенецъ. Разъ она была на имянинахъ у кумы, подгуляла и выронила моего сыпа изъ качалки. Онъ убился до смерти, а она, скрывъ это, подменила его своимъ мальчикомъ. Такимъ образомъ выходитъ: что сынъ мой — во первыхъ, не графъ, а мужикъ; во вторыхъ, не иметъ права на мои богатства; въ третьихъ; долженъ лишиться званій и титловъ. Не могу больше писать.... въ глазахъ темнетъ.... у.... ми.... ра.... ю.»

— Ну-съ, что вы на это скажете? — спрашиваетъ Рита. — Вы меня хотъли лишить уваженія вашихъ пріятелей, такъ я же теперь сама разскажу имъ обо всемъ.... Посмотримъ, какъ-то вы запоете.

— Нѣтъ, — восклицаетъ герой, — остановитесь! Я самъ сообщу имъ о моемъ позоръ. Къ чему мцѣ пять деревень, восемь замковъ, двѣсти тысячъ серебромъ доходу, къ чему титла, чины и проч. и проч., если я не могу обладать вашей миленькой ручкой, если вы меня не любите! Нѣтъ, пичего не хочу! Пойду, все брошу, и сдълаюсь опять мужикомъ.

Тутъ Рита не выдержала: «Мужикъ! восклицаетъ она — я люблю тебя!» — и граціозно падаетъ въ его объятія.

Герой, чувствуя, что если нельзя быть природнымъ графомъ, то все-таки лучше быть мужемъ графини, чъмъ простымъ мужикомъ, осыпаетъ клятвами и поцълуями ту, которую за минуту покрывалъ презръніемъ, клеветою и униженіемъ.

Вотъ она - Испанская-то любовь!

Изъ разсказа - содержанія уже видно, что драма эта, не имѣя опредѣленной иден, не представляя даже логическаго развитія событій, не подлежитъ критикѣ. Но даже и отъ такого издѣлія, которое назначается только для произведенія мѣстныхъ эфектовъ поразительными сценами, требуется, по крайней мѣрѣ, чтобы сцены были правдоподобны, чтобъ онѣ не противорѣчили слишкомъ явно здравому смыслу и чтобъ онѣ, наковецъ, клеплись съ главнымъ ходомъ дѣйствія. Можно-ли допустить, чтобъ дѣвушка высшаго круга, хотя-бы даже испанка, увидѣвъ въ первый разъ мужчину, притомъ отшельника, не зная, и не спрашивая, кто

онъ, — бросилась къ нему прямо на шею съ страстнымъ объясненіемъ любви и повлекла-бы его в'ичаться, не спросясь, кочетъ ли онъ быть ея мужемъ? — Можно-ли допустить, чтобъ посторонній человъкъ, въ чужомъ домъ, рядомъ съ комнатою козяйки, безъ ея въдома, могъ помъстить дюжину своихъ пріятелей и задать имъ оргію? Можно-ли допустить всю эту комедію съ письмами, которыя такъ кстати отыскиваются въ карманахъ? Наконецъ, можно-ли допустить, чтобъ женщина, осмъянная и оскорбленная публично такимъ образомъ, какъ оскорблена Рита, въ порывъ своего мщенія, отплатила оскорбителю — своимъ сердцемъ и своей рукою? Да это просто любовь изъ дома сумасшедшихъ! Въ природъ такой быть не можетъ.

Господинъ Каратыгинъ 1-й и г-жа Жулева употребляли всъ усилія своихъ талантовъ въ главныхъ роляхъ, старшаго графа де Водре и Ритты, по жизпи вдохнуть въ эти безхарактерные

образы не могли.

БЪДВЕНЬКІЙ СХЪ, А НАДЪ БЪДНЕНЬКОМЪ БОГЪ. — Пьеса названа исторического былью, но въ дъйствительности это только сборникъ анекдотовъ изъ временъ Петра Великаго, и притомъ анекдотовъ не въ дъйствін, а въ разсказахъ. Выходить лицо — разскажеть анекдотъ, выходитъ другое — разскажетъ другой, и такъ отъ начала до конца пьесы. Лица всъ стереотипнаго изданія: все тъже, что и во всъхъ другихъ пьесахъ, одного съ этою покроя. А дъло все въ томъ, - какъ и во многомъ множествъ по той-же выкройкъ скроенныхъ пьесъ — что добродътельный старикъ долженъ злокачественному купцу пли подъячему, и не можетъ заплатить. Злокачественный заимодавець, вмъсто денегь, требуеть руки дочери должника. Дочь становится такимъ образомъ угнетенною невинностію, потому-что любить юношу, богатаго надеждами и бъднаго наличностію. Юноша кидается туда, сюда — но безполезно: на слово и на талантъ ему пикто не върятъ. Наконецъ онъ попадается на глаза Меценату-вельможѣ и тотъ вымаливаетъ ему у монарха пособіе. Злокачественные удовлетворены, благоправные — счастливы, и пьесъ консцъ.

Въ пастоящей пьесъ роль добродътельнаго должника принадлежитъ куппу Воробьеву, злокачественнаго кредитора — подрядчи-ку Шубину, угиетенной невинности — Машъ Воробьевой, страждущаго генія — живописцу Никитипу. Аксессуарныя лица въ такихъ пьесахъ всегда одни тъже: одинъ пьяный, одниъ подъячій, одниъ нъмецъ, одинъ юродивый, одна сваха, одна сплетипца, одинъ шутъ и одинъ гепералъ. Въ пьесъ г. С. ничего и убавлено, им

прибавлено — весь штатъ на лицо. Все отступление состоить въ

Публика приняла пьесу очень неблагосклонно, въроятно потому, что знала ее наизустъ до представления.

учитель и мельничих выи воспитание и природа — очень ловко передъланный г. Ленскимъ французскій водевиль «Le joli-moulin.»

Мусье Квартусъ, менторъ молодаго Гастона, готовнъъ его къ духовному званію и отдаляль отъ него всъ мірскіе соблазны. Вдругь отецъ Гастона даетъ сыну другое назначеніе: онъ присылаетъ ему мундиръ и патентъ на чинъ полковника. Квартусъ въ отчаяніи: воспитанникъ его совершенная красная дъвушка; ну, что это за драгунскій полковникъ! Онъ начинаетъ понемножку просвъщать его по части драгунства — но куда! ученикъ ничего не понимаетъ. По счастію, Ментору помогаютъ къ достиженію желанной цѣли хорошенькая мельничка Пакеретта и добрая бутылка шампанскаго. Прирола беретъ верхъ и Гастонъ становится драгуномъ — хоть куда.

Эта хорошенькая оперетка была прекрасно исполнена госпожами Жулевой (Гастонъ) и Лилъевой-Шифердекеръ (Накеретта), господами Григорьевымъ 1 мъ (Квартусъ) и Марковецкимъ (глуный мызникъ Нивель). Г жа Жулева была очаровательно мила своей непринужденной напвностію, неизысканнымъ комизмомъ, съ которымъ она умъла схватить и передать довольно трудныя положенія своей роли. Съ каждой подобной ролью, г-жа Жулева все больше и больше убъждаетъ публику, что она, въ настоящее время, одна изълучшихъ и умиъйшихъ водевильныхъ актрисъ на нашей сценъ.

Между бенефисами и новыми иьесами, данными въ этотъ мъсяцъ на русской сцепъ, было и нъсколько возобновленій старыхъ пьесъ. Изъ нихъ замъчательнъйшая «Шельменко, волостной писарь» комедія Грицки-Основьяненки (Квитки). Въ ней явился въ главной роли Шельменко — нашъ прекрасный пъвецъ г-нъ Артемовскій и нередаль ее превосходно. Съ нъкотораго времени г-нъ Артемовскій началь играть въ водевиляхъ и комедіяхъ и успъль обпаружить замъчательный комическій талантъ. Въ ролъ Чупруна, въ «Москаль-Чаривникъ» и въ «Мельникъ и Сбитеньщикъ» — онъ производилъ фуроръ, столько въ игръ его простоты, натуры и тицичности. Для народныхъ ролей это талантъ неоцъншый, и если г-нъ Артемовскій не оставитъ драматической

сцены, то мы предвидимъ въ его дарованіяхъ одно изъ лучшихъ

ея украшеній.

Въ концъ мъсяца дебютировалъ въ драмъ трагикъ Московскаго театра г нъ Полтавцевъ. Это артистъ до того замъчательный и выходящій изъ ряда обыкновенныхъ сценическихъ явленій, что мы не рашаемся ограничиться о игра его пасколькими словами, а посвятимъ ему особенную статью въ «Театральной лътописи» будущаго мъсяца.

театръ-циркъ.

PARTY AND DESCRIPTION AND ADDRESS OF STREET, S

The supplemental applied for the state of the state of the second -order to be providence contacts - Progressia contacts want motors

НЕЗАБВЕННЫЙ ГОДЪ БЪДСТВІЯ И СЛАВЫ РОССІИ, народное драматическое представленіе; соч. П. Г. Григорьева 2.

«ГАМЛЕТЪ» дъйствіе третье.

ЧУДО НАШЕГО СТОЛЬТІЯ или ДБЛО МАСТЕРА БОПТСЯ! орисинальный водевиль.

(Бенефист г- Григоръева 2.)

Главная отнова большей части бенефиціантовъ состоить въ желанін блеснуть новизной пьесъ. Они убъждены, что если пъесы новы, то публика непремънно будетъ запитересована; а между-тъмъ, какъ часто эти надежды остаются неосуществленными. Публика уже постигла давно, что такое значатъ наши новыя драмы, или пятнактныя комедін, которыя зріють, какъ грибы и по большей части не приходятся по вкусу людей съ эстетическимъ чувствомъ. Вслкій родъ, въ области драматической поэзін, — не есть произвольное явленіе, ни на чемъ не основанное, или созданное однимъ только воображениемъ поэтовъ! - По строгомъ обсужденія, всякій убъждается, что всь виды драматической поэзін должны непремънно вытекать изъ законовъ правственной нашей природы: Драма отражаетъ въ себъ наши страсти, наши бури душевныя, наше воззръніе на жизнь, противоположное дъйствительности; Комедія точно также есть эмпирическій анализъ нашихъ понятій, сужденій, дъйствій. Оттого каждая от от вимательнаго зрителя, хотя бы онъ даже, по причинь ограниченности психическихъ познаній, и не могъ себъ объяснить, въ чемъ именно заключаются недостатки произведенія. Довольно и того, что онъ сознаетъ эти недостатки. Такія безотчетныя отрицанія иногда сильнье говорятъ въ невыгоду какогонибудь драматическаго произведенія, чёмъ строгіе логическіе доводы, которые нерёдко отзываются софизмами или педантизмомъ. Каждому человьку дана меньшая или большая доля эстетическаго чувства и оно то въ сложности и составляетъ справедливый судъ публики! — Какъ-же послё этого полагаться на ея легковъріе? какъ хотъть уродливой драмой или неправдоподобной комедіей увлечь этого строгаго цънителя? — Это все равно, если бы знатоку въ винъ подали стаканъ теплой воды вмъсто шампанскаго.

Все это мы говоримъ для того, чтобы отдать полную справедливость достоинствамъ бенефиса г. Григорьева 2 го и похвалить его за его скромную афишку, глъ послъ Незабвеннаго года, назначенъ былъ третій актъ изъ Гамлета; мы этому радовались, тъмъ болъе, что надъялись въ первый разъ увидъть г. Полтавцева въ ролъ Гамлета

Драма Назабвенный годо уже заглавіемъ своимъ напоминаетъ что-то родное русскому сердцу. Авторъ вызвалъ этотъ годъ изъ тумановъ прошедшаго, чтобы воскресить передъ пами всегда любезныя намъ картины мужества и самоотверженія нашихъ отцовъ и братій. По всей справедливости, новое произведеніе г. Григорьева 2-го не можетъ выдержать строгой критики, какъ произведеніе эстетическое. Оно скоръе представляеть намъ отдъльныя историческо-драматическія картины. Въ этомъ смысль, оно заключаеть въ себъ много достоинствъ, какъ относительно върности красокъ, такъ и удачнаго расположенія сценическихъ эфектовъ. Хотя пьеса названа «Незабвеннымъ годомъ», но въ продолженіе ея проходить и всколько літь. Она начинается съ русскаго ополченія въ 1812 году, и оканчивается нашимъ торжественцымъ возвращеніемъ изъ Парижа въ 1815 году. Драма раздълена на четыре картивы: въ первой получается извъстіе о нашествін депріятелей на Россію; во второй, смоленскіе помъщики отправляются въ ополчение; въ третьей, представляется нападение французскихъ мародеровъ на русское село, которое крестьяне сами

поджигають; въ четвертой — герои пьесы возвращаются на родину, послъ торжественнаго занятія Парижа,

Не говоря о томъ, что вся пьеса прекрасно слажена, ловко ведена и разыграна, вторая и последняя картины производять большой эфектъ. Во второй — сельскій праздникъ съ русскими хороводами, пъснями и плясками, и наконецъ отъездъ помъщиковъ на лихихъ ямщичьихъ тройкахъ, поражаютъ своей върностью дъйствительности, своимъ чисто русскимъ характеромъ. Послъдняя картина: Возвращение на родину, очень забавна по положениямъ и обстановкъ и заключаетъ въ себъ много истиннаго комизма. Г. Бурдинъ весьма не дурно пред-ставилъ вертопраха, которыми богаты всъ въка и всъ народы. Самъ авторъ заставниъ пасъ отъ души хохотать своимъ ломанымъ французскимъ фразамъ, которымъ паучился въ Парижъ.

Обстановка пьесы прекраспая, кром'в одного сраженія, которое мпого проигрываетъ по педостатку въ пемъ жизии и движенія. Пожаръ деревии, устроенный машинистомъ Вальцомъ, также мно-

го способствуеть общему эфекту.

Пьеса г. Грвгорьева 2 имъла большой успъхъ и въроятно долго удержится на репертуаръ, какъ пародное зрълище.

Всявдъ за драмою г. Григорьева сявдовалъ третій актъ изъ « FAMAETA.»

Мы съ удовольствіемъ зам'ятили въ пгр г. Полтавцева несомнънную даровитость. Г. Полтавцевъ беретъ пе столько своими ередствами, какъ глубокимъ знаніемъ и изученіемъ роли. Онъ избъгаетъ придуманныхъ эфектовъ и это именно придаетъ ему особенную цену въ нашихъ глазахъ.

Каждое слово Шекспира дышетъ жизнію, въ каждой его фразъ — цълая пдея, цълый трактатъ. Къ чему же послужило-бы афектировать такое произведение? неужели оно не постоитъ само за себя? — Притомъ, естественна-ли афектація въ такомъ положенін, въ какомъ находится Гамлетъ? — Гамлетъ не есть личность, чисто индивидуальная, подчиненная времени и мѣстности. Нѣтъ, геній Шекспира хотълъ изобразить въ немъ человъка всъхъ въковъ; онъ хотълъ олицетворить въ немъ ту тайную борьбу души въ ея высокихъ стремленіяхъ, съ мелочными условіями жизни, которая составляетъ драматическое начало каждой человъческой натуры. Положимъ, что обстоятельства жизни Гамлета исключительны, по мысли, сужденія, дъйствія его насъ нисколько не удивляють и не отвращають. Опъ намъ сродни, мы сами когдато такъ мыслили, разсуждали, дъйствовали, или, по-крайней-мъръ,

OTA. VI.

мы чувствуемъ, что все это съ нами могло бы случиться, еслибъ мы находились на его мъстъ. Это все происходитъ оттого, что Гамлетъ есть поразительно върный анализъ человъческой природы.

- Г. Полтавцевъ во многихъ мъстахъ, и въ особенности, въ сценъ

Г. Полтавцевъ во многихъ мъстахъ, и въ особенности, въ сценъ съ матерью, доказалъ, что онъ глубоко постигаетъ Шекспира, а это одно стоитъ всякой похвалы. Простота выраженія, отсутствіе натянутой декламаціи дълаютъ игру его свободною, правдоподобною, естественною. Въ одномъ только мы могли бы упрекнуть даровитаго артиста, въ томъ именно, что онъ иногда дълаетъ неправильныя интонаціи. Это происходитъ, кажется, оттого, что онъ не освоился еще положительно съ чистотою дикціп и не выработалъ вполнъ своего органа. За то, избытокъ чувства и теплота игры все въ немъ выкупаютъ.

Водевиль Чудо нашего стольтія или дъло мастера боится! быль дань въ заключеніе бенефиса. Благодаря игръ Мартынова и Жулевой, онъ не испыталь ръшительнаго паденія. Володинька Бъльской, матушкинъ сынокъ, лътъ двадцати-пяти, запимается рукодъліемъ, гоняется за бабочками, дичится гостей и все потому, что маменька пріучила его считать себя ребенкомъ. Въ паралель къ этому недорослю, авторъ вывелъ на сцену перерослую дъвушку — папиросницу, наъздищу, которая, желая пріобръсть себъ онаго недоросля въ мужья, въ одну минуту передълываетъ его на свой ладъ. Онъ находитъ вкусъ въ шампанскомъ, пьетъ бокалъ за бокаломъ; восхищается счастливой перемънъ въ самомъ себъ; призываетъ слугу, чтобы тотъ полюбовался, какимъ опъ сдълался молодцомъ и въ заключеніи изъясняется въ любви своей наставницъ. Входятъ родители и благословляютъ ихъ на брачную жизнь. Чистый свътъ на изворотъ.

Но вообще мы очень благодарны г. Григорьеву 2 му за его бене-

medical particles and the process of the control of

and the state of t

А. Б.

CMBCL.

en e arman i program la angumin (san la armanan ar

marging of such of their an entire of

on and the representation of the support and and you not

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО МОРЯКА.

Плаваніе Индійскимъ Оксаномъ. — Альбатросы и фрегаты. — Береговыя и морскія черенахи. — Праздникъ Христова Воскресснія среди Оксана. — Штормовки. — Ураганъ. — Суматры въ Малакскомъ проливѣ. — Молюска галера. — Архипелагъ Никобарскихъ острововъ и приключенія на нихъ. — Нанковрійская бухта. — Первая встрѣча съ островитянами. — Дикари на транспортѣ. — Старшина Тетуй. — Обмѣнъ вѣжливостей. — Никобарскіе дикари: ихъ наружность, костюмъ, вооруженіе, суда. — Торгъ съ островитянами. — Остроуміе и честность русскаго боцмана. — Жилища островитянъ. — Ссыльный свропесцъ. — Характеръ, вѣра и промышленность островитянъ. — Кладбище. — Кровавыя событія на Никобарахъ. — Слухи о женщинахъ и происхожденіи Никобарцевъ. — Дѣвственныя лѣса и растительность. — Островъ Катчалла.

Съ выходомъ изъ Капштадта, расположение нашихъ курсовъ было таково, чтобъ забраться на параллель 40°, по которой, слъдя къ востоку, мы продолжали плыть благополучно при свъжихъ и кръпкихъ попутныхъ вътрахъ. Марта 4-го погода была какъто особенно бурлива; однако, на другой день она поутихла иъсколько, такъ-что утро 6-го числа мы провели въ штилъ, при помощи котораго намъ удалось пойматъ альбатроса. Эту велича-Отд. VIII.

2 Смпьсь.

вую океанскую птицу я поймаль — какъ-бы вы думали, читатель, на что? — на удочку! Вамъ это кажется смѣшно, пожалуй, невъроятно, а между тѣмъ оно совершенно такъ. Альбатросъ имѣетъ крючкообразный клювъ, почему, захвативъ крючокъ съ нанизанною на него наживкою (изъ говяжьяго жира или бараньяго сала), онъ непремѣнно долженъ на немъ повиснуть, если въ то-же время потянуть линь и, не давая слабины, начать его выбирать ходомъ. Это върнъйшій, наискоръйшій и одинъ изъ забавнъйшихъ способовъ ловить эту огромную птицу.

Альбатросы принадлежа къ числу очень прожорливыхъ, и, по видимому, зам'вчательно-глупыхъ птицъ, жадно бросаются на всякую приманку, и всегда становятся върною добычею ловца, даже въ такомъ случат, еслибъ они срывались по итскольку разъ съ крючка; въ такихъ случаяхъ они бросаются даже на брошенную приманку, съ какимъ-то особеннымъ остервенънемъ, съ какою-то особенною злостью какъ на какого-нибудь ничтожнаго комара, осмълнвшагося ихъ водить за носъ. Пойманный мною альбатросъ былъ изъ числа очень большихъ, онъ имълъ въ размахъ крыльевъ 9 футовъ 2 дюйма, а величиною равнялся больтому лебедю. Альбатросы этой величины такъ тяжелы, что прямо взъ воды ий-за-что не могутъ подняться въ воздухъ, но должны сперва разбложаться по ней, пособляя себъ при этомъ крыльями. На деревянной-же палубъ этотъ маневръ не такъ-то удобенъ для ихъ нъжныхъ лапокъ, почему пойманнаго альбатроса можно смъло на ней оставить, какъ домашнюю птицу, инсколько не опасаясь за его естественное желаніе къ побъту. Альбатросы гуляли у насъ по палубъ, какъ хвастливые гуси, и жили по иъскольку педъль, пока наконецъ неумолимый ножу нашего повара не переръзамъ всёхъ этихъ гигантскихъ птицъ пустынныхъ океановъ.

Эта красивая, величавая океавійская птица принадлежитъ холодному поясу южнаго полушарія; мн'ь, по крайней мір'ь, не случалось видіть такихъ большихъ альбатросовъ въ съверномъ полушарія. Они гитадятся на мыст Доброй Надежды, въ Патаговін и на фалкландскихъ островахъ. Спина и крылья ихъ испещрены узенькими коричневыми полосками, а хвостъ покрытъ темно-стрыми перьями. Крылья, о двухъ и трехъ колітахъ, имітотъ въ размахіть отъ 6-ти до 12-ти футовъ. При величавомъ, можно сказать, отличномъ полеть, альбатрось ви разу не дрогнетъ крыломъ, держась за судномъ нітеколько часовъ сряду, и никогда не подымается въ воздухъ вышё рангоута судна. Въ пищу употребляеть овъ молюски и летучую рыбу; не отказывается однако-жъ и отъ всего, вы-

Смпьсь.

3

брошеннаго за бортъ, почему слъдитъ за судномъ, иногда, по недълямъ. Яйца альбатроса очень вкусны, составляютъ даже, какъ говорятъ, лакомство для гастрономовъ.

Другой родъ хищныхъ океанійскихъ птицъ называютъ фрегатами (Pelicanus aquilus, Linn.) Они многимъ менъе альбатросовъ,
но превосходятъ послъднихъ въ легкости и плавности полета. Гг.
Ке́ (Quay) и Гемаръ (Gaimard) замъчаютъ въ зоологической части путешествія капитана Фрейсине (Freycinet), что фрегаты не могутъ быть причислены къ морскимъ птицамъ, потому-что они весьма ръдко удаляются на значительныя разстоянія
отъ береговъ; однакожъ, замъчаніе это, по моему крайнему разумънію, весьма неосновательно: мы встръчали этихъ птицъ,
иногда за тыслиу миль отъ береговъ, что подтверждается также и другими описаніями кругосвътныхъ плаваній.

Но я было забыль сказать, что наканунь нашего отхода изъ Капштадта, мы получили сюрпризъ — не припомню, отъ кого именно, - состоявшій изъ 80 ти береговыхъ черепахъ. Онъ, ползая по палубъ, напоминали намъ иногда африканскіе хребты; но это натурально, потому что морякъ выростаетъ, такъ сказать, на паркеть, съ которымъ палуба всякаго военнаго судна можетъ быть сравнена: ни сучка, ни задоринки. А тутъ, выйдешь бывало ночью па вахту — глядь, споткпулся! И обо что же? о черепаху!... Однакожъ, мы не много думали, что дълать съ восемьюдесятью береговыми черепахами, которых не паять. Отчего не ъдять? пустяки!... Позвать повара Алекстева, да приказать ему сварить къ завтраму супъ à la tortue. Сварили. И что жъ, какъ-бы вы думали?... вышель прекрасивиший супъ, совершенно какъ кръпкій бульонъ изъ курицы. Вотъ, что касается до мяса, такъ оно не совствиъ то красиво: какія-то красновато сизыя волокиа, плававшія въ этомъ бульовъ, отбивали хотя вкусомъ онъ походили совершенотчасти аппетитъ, но на иъжное мясо цыплятъ. Береговыя черепахи, какъ я уже говориять, не годны къ употребленію въ пищу. Онъ предлагають человъчеству только прекрасную оболочку свою, между тъмъ, какъ морскія черепахи имъютъ совершенно противуположныя достопиства: оболочка ихъ не годна, а мясо и яйца чрезвычайно вкусны. Кстати объ этомъ. Знасте ли вы, сколько янцъ можеть снести разомъ морская черепаха?... Отъ восемьнадцати до двадцати дюжинт! Разумъется, эта способность принадле-житъ исключительно огромиъйшимъ породамъ морскихъ черепахъ, каковы напримъръ мидасъ (Testudo, Mydas), каретта и каяннъ (Testudo Caretta и Coucoanne).

Породы морскихъ черепахъ весьма многочисленны: большія изъ нихъ вазваны мною. Ябца этихъ черепокожныхъ гигантовъ очень питательны и вкусны, и охотно отънскиваются даже бълыми колонистами жаркихъ странъ. Я видълъ только однажды огромную черепаху, всплывшую на поверхность Океана. Она имъла въ поперечникъ, сколько можно было судить наглядно, до двухъ аршинъ. Морскія черепахи кладутъ свои яйца въ песокъ, въ теченіи жарчайшихъ мъсяцевъ года. Съ этою цълію онъ выходятъ подъ вечеръ на берегъ, вырываютъ въ пескъ довольно большую яму, несутъ въ нее яйца и зарываютъ ихъ пескомъ, который усердно утаптываютъ: Спустя два-три часа по солнечномъ восходъ, черепахи уползаютъ затъмъ къ своей стихіи, въ которой пребываютъ охотнъе, чъмъ на берегу.

Почью съ 14 то на 15-е марта мы прошли меридіанъ острововъ св. Павла и Аметердама, лежащихъ въ одинакой восточной долготъ 720 52' отъ Гринича; шпрота перваго изъ нихъ 37° 52', а другаго 38° 42' S. Отсюда мы сталя понемногу склонять курсъ къ NO, а прійдя въ долготу 90°, пошли прямо на нордъ. Съ марта 24-го мы плыли благополучно до самаго Свътлаго Христова Воскресенья, которое пришлось на 3-е апръля. Мы встрътили этотъ праздникъ, какъ истинные христіане, хотя и находились посреди Индійскаго Океана: отслужили заутреню, похристосовались; пригласивъ въ каютъ-компавію всёхъ, носившихъ на транспортъ галуны, т. е. унтеръ-офицеровъ, мы разговълисъ чъмъ Богъ послалъ. Ворочемъ, чего было ожидать больше: у насъ былъ превосходный куличъ, была миніатюрняя пасха (приготовленная изъ молока нашей козы), итсколько янчекъ, сыръ, ветчина и масло, капская мадера и голландскій джинъ. Разговъвшись, побестдовавъ, мы разошлись вскорт по каютамъ, междутъмъ, какъ другіе пошли на смъну вахтеннымъ.

Въ тотъ же день утромъ, когда мы дълали обсерваціи для долготы, появлялись по временамъ небольшія птички, называемыя моряками штормовками (Procellaria pelagica). И дъйствительно, появленіе ихъ предвъщаетъ бурливую погоду, что большею частію сбывается. Удивительно, однако, что предвъстницею разъяренія могучихъ стихій, вътра и воды, является такая крошечная птичка, какова штормовка. По величинъ ее можно сравнить съ ласточкою; по головка ея походитъ болье на голову понугая. Эти крошечки, кажется, наслаждаются бурливымъ

состояніемъ морей, и снуютъ около пушистыхъ вершинъ колоссальныхъ валовъ, совершенно какъ вьюны. Между тъмъ, въ штиль или тихую погоду ихъ ръшительно не видать. Неужели онъ слъдятъ по всему свъту за бушующимъ вътромъ, скрывая въ своемъ миніатюрномъ существъ антипатію ко всему тихому и спокойному?

Въ первый день праздника, т. е. въ то же воскресенье, мы объдали у капитана, и много смъялись и подшучивали надъ пъкоторыми участниками скромнаго пиршества, которые падали и сколько разъ со стульевъ — не въ слъдствіе однакожъ того, что объдъ былъ въ половинъ, а бутылки на псходъ, — вътъ, совстмъ пътъ! Свъжій и попутный для насъ юго-восточный вътеръ развель къ этому времени тихое волненіе, и каждый, подгонявшій съ кормы съдой валъ, располагая по своей прихоти нашимъ огромнымъ транспортомъ, какъ игрушкою, казалось, навязчиво просился къ намъ въ каюту. Качка была величественная, погода прекрасная, объдъ гастрономическій, а вина — не изъ англійскаго погреба, а съ острововъ Мадера и Тенерифъ и изъ славнаго Капштадта!

Къ вечеру вътеръ сталъ замътно усиливаться; воздухъ становился удушливымъ. При такомъ состояніи атмосферы, напитанной самыми знойными испареніями малой широты, можно вообразить себъ наше положеніе: не было никакой возможности свободно дышать! А между тъмъ, никто не догадывался о предстоящемъ памъ ужасъ.

Къ 11 ти часамъ вѣтеръ скръпчалъ; барометръ опустился на 29, 62°. Закръпили брамъ и бомъ брамсели, спустили лисели и поправили марса фалы до полъ стеньги. Черезъ полчаса барометръ стоялъ на 29, 50°, а вѣтеръ усилился до такой степени, что не было никакой возможности оставаться подъ большими парусами. Высвистали людей «брать рифы». Для подобныхъ авральныхъ работъ (нужно замътить читателямъ, не знакомымъ съ дѣломъ) весь экипажъ судна вызывается на верхъ, почему, вмѣстъ съ боцманскимъ свисткомъ, въстовые зашевелились и гуськомъ потянулись въ офицерскія каюты съ приглашеніями «пожаловать на верхъ брать рифы». Днемъ эти вызовы исполняются у насъ на судахъ моментально, а ночью — много много въ минуту или полторы: это подтвердитъ каждый знающій дѣло.

Една люди успъли выбъжать на верхъ, какъ сильнымъ порывомъ вътра изорвало кливеръ; судно бросилось къ вътру и обстенило всъ паруса до такой степени, что необходимость застаСмъсь.

вила поворотить на другой галсъ. Вътеръ быстро кръпчалъ; ходъ доходилъ до одинадцати узловъ (194 верстъ въ часъ).

Было приказано брать рифы; но при вытягиваніи рифъ-талей лопнуль гротъ-марсель, а всл'єдь за нимъ форъ-марсель и крюйсель. Нужно было кр'єпить паруса; но этого, къ сожал'євію, не было никакой возможности исполнить. Гитовы лопались, марселя рвались, потравленные ц'єпные марса-шкоты, отъ безпрестаннаго тренія въ ноковыхъ шкивахъ фока и грота реевъ, производили искры, растилавшіяся силою в'єтра почти до половины длины реевъ. Молнія изр'єдка осв'єщала горизонть, но грома не было слышно: его заглушалъ ревъ жесточайшаго урагана.

Между тъмъ вътеръ успълъ перейти въ самое короткое время отъ OSO черезъ SO и S къ SW. Въ это время бросали лагъ; лаглинь порвался на $11\frac{1}{2}$ узлахъ, тогда какъ вся наружность нашего оснащенія состояла въ то время изъ изорванныхъ клочковъ марселей и однаго фока!...

Во время урагана, молнія сверкала безпрерывно; дождь лиль ливмя; вітеръ рваль и ломаль всів снасти и паруса съ ожесточеніемъ; густыя, черныя тучи грозно носились надърангоутомъ; горизовта не было: все было мракъ, мракъ страшный, непропицаемый, грозный.... словомъ, олицетворявшій хаосъ. Въ началь шестаго часа занялась заря; вітеръ сталь замітно стихать; барометръ поднялся....

Какое перо, какая кисть въ состояни описать ту величественно-дикую картину, которой в быль въ то время свядътелемъ. какимъ-то онъмълымъ созерцателемъ?... Вообразите себъ непровицаемую тьму; сильный, почти горизонтальный дождь, смъшанный съ брызгами океанской воды, огромное всижнившееся волненіе, молнію фіолетоваго цвъта, ревъ грозно-могучаго урагана в, посреди всего этого хаоса, судно съ потеряннымъ рангоутомъ!... Сознайтесь: не является ли морякъ въ такія минуты человъкомъ великимъ, когда онъ хладнокровно наблюдаетъ за разъяренпою стихіею, сознавая свои силы и умънье, чтобъ отстранить въ подобномъ случат несчастія, которыя легко могли-бы возникнуть, еслибъ онъ не обладалъ быстротою соображенія и совершеннымъ хладнокровіемъ?... Чудный примъръ спокойнаго моряка явилъ намъ въ эти поучительныя минуты нашъ капитанъ; прикръпившись снастью къ борту навътренныхъ шканцевъ, онъ смотрълъ съ полнымъ спокойствиемъ и равнодушиемъ на эту страшную картину, и въ его лаконическихъ приказаніяхъ проявлялось полное доказательство его непоколебимой твердости.

Смъсь.

Огромное волненіе, бросавшее нашъ транспорть во всѣ стороны, кренило его при содъйстви жесточайшаго вътра до того, что онъ черпалъ бортами и ивсколько разъ гака-бортомъ. На палубъ было иногда столько воды, что она не успъвала пробъгать въ шпигаты и переливалась, при каждомъ кренъ, черезъ бортъ. Вода эта, съ десятвами тысячь мильоновъ молюсковъ, перебъгая по налубъ съ борта на бортъ, посила за собою по прихоти все, что ей встръчалось: вымбовки, спасти, ганшпуги и люки. Стеньги, сломившіяся, какъ сухой тростникъ, повисли на такелажъ и поддерживались силою вътра. Лоскутья парусовъ и лопнувшіе цъпные марса-шкоты производили произительный шумъ в дико вторили вою страшнаго урагана. Прибавьте къ этому ослъпительную молнію фіолетоваго цвъта, при освъщенін которой люди ка-зались какнин-то чудовищами, — и увилите предъ собою, въ лег-комъ и слабомъ очеркъ, величіе и ужасъ этой картины. Оглушительный ревъ вътра и трескъ изорванныхъ парусовъ былъ до того великъ, что капитанъ, передавая приказанія, былъ принужденъ говорить подъ ухо: иначе нельзя было ничего разслышать. Это зрълище продолжалось два съ половиною часа. Въ 6-мъ часу, когда стало уже гораздо тише, капитанъ отдалъ приказаніе, касательно дальнъйшихъ распоряжений, и скрымся подъ чахломъ, служившимъ защитою отъ дождя.

Разсвътъ представилъ намъ новую декорацію, которая невольно павела на насъ минутную тоску, какое-то мрачное уныніе. Если вы въ состояніи представить себѣ судно въ величайшемъ безпорядкъ, вы и тогда будете далеки отъ истины. Все, что за ѣс колько часовъ предъ тѣмъ красовалось стройностью, было теперь искажено до невъроятія. Лоскутья парусовъ, педавно и величаво боровшихся съ разъяренною стихіею, повисли какими то жалкими бахромками и печально развъвались въ воздухъ. Изътакелажа неистовый ураганъ сдълалъ подобіе надорванной паутины: до такой степени было все перепутано! Наконецъ транспортъ, безъ парусовъ и стеньгъ, нещадно изувъченный неумолимою стихіею, которая теперь какъ будто отдыхала отъ своихъ буйныхъ проказъ и, утомленная, молча любовалась своимъ побъжденнымъ противникомъ. Чье сердце не содрогнется при такомъ грустномъ зрѣлищѣ!...

Распутавъ такелажъ и прибравъ изломанный рангоутъ къ мѣсту, мы начали вооружение снова, и при усердии и ловкости нашихъ образцовыхъ людей, привели транспортъ, въ течение четырехъ дпей, въ прежнее состояние, съ тою, однакожъ, разницею, 8 Смпсы.

что за неимъніемъ запасной форъ-стеньги, которую мы потеряли при шкваль въ Атлантическомъ Океань, были принуждены итти подъ фальшивымъ вооруженіемъ. *

Весело было смотръть на эти работы! Не было человъка, который не старался-бы поскоръе исполнить возложенныхъ на него обязанностей: веъмъ хотълось изгладить слъды опустошительнаго урагана. Дъятельность была кипучая, веселая; только подшкиперъ пожималъ плечами, бормоча себъ ито-то подъ носъ. Дружный матросскій припъвъ:

«Эй, шкиперъ, сала!» и проч.,

раздававшійся съ марсовъ, досаждаль ему, какъ казалось, не въ шутку, потому-что большіе расходы тросовъ, парусины, сала и тому подобнаго вовсе не согласовались съ его экономическими видами. Онъ быль болье всъхъ недоволенъ ураганомъ, который нашутиль въ его голову, и быль вообще сильно не въ духъ.

Мъсто, на которомъ мы претерпъл ураганъ, вышло, по обсерваціямъ, въ широтъ 12° 36' S и долготъ 92° 31' О отъ Гринича. Судя по незначительному времени, которое мы провели въ этомъ, можно сказать опасномъ положеніи, надо полагать, что мы находились не въ центръ его, а едва только коснулись его орбиты: не то намъ не отдълаться-бы такъ дешево!...

Путь, которому мы следовали по назначению, сколько мне известно. былъ совершенно вовый для русскаго флага: мы должны были итти Малакскимъ проливомъ, взойдя въ него съ съверной стороны, и забъжать въ Сингапуръ, составляющій, въ настоящее время, центръ торговли острововъ восточной Индіп. По этому капитанъ пашъ счелъ необходимымъ запастись надежными стеньгами для дальнъйшаго плаванія Малакскимъ проливомъ, въ которомъ очень не трудно потерять рангоутъ даже при всей бдительности, потому-что особенность въ плаваніи этимъ проливомъ составляютъ жестокіе шквалы, называемые суматрами (the sumatras) и набъгающіе съ такою неожиданностью и быстротою, что не даютъ времени убираться съ парусами. Капитанъ рашилъ зайти сперва въ архипелагъ Никобарскихъ острововъ, чтобъ вырубить тамъ нъсколько деревъ для стеньгъ, такъ какъ по всъмъ описаніямъ мореплавателей, бывавшихъ на этихъ островахъ, тамъ было много хорошаго мачтоваго авсу. Такимъ образомъ расположение курсовъ было сообразно съ его ръшеніемъ, и мы, при тихой и прекрасной погодъ, наступившей послъ жестокаго урагана, продолжали благополучно наше плаваніе къ Никобарамъ.

^{*} Морской терминъ.

Апръля 17 перешли мы черезъ экваторъ; празднества, которое мы отправляли при этомъ случать въ Атлантическомъ Океанъ, на этотъ разъ, разумъется, не было, но за то мы были порадованы пріятною нечаянностью: мы поймали акулу, въ 7 съ небольшимъ футовъ, и радостно вытащили ее на палубу.

Въ здъшнихъ экваторіальныхъ водахъ мы встръчали довольно часто особенную молюску (Physalis), которую англичане называютъ Portuguese man of war, французы Galère, а португальцы Agoa viva и Caravela. Молюска эта состоитъ изъ слизи, надъ которою возвышается тріугольный пузырь, на подобіе лативскаго паруса. При небольшомъ вътеркъ, она, накренившись, плыветъ какъладья подъ парусомъ, а пойманная причиняетъ непріятную больтому, кто до нея дотропется въ нижвей ея части: она такъ спльво обжигаетъ руку, что ладонь значительно распухнетъ и образуетъ непріятный зудъ. Помнигся, я первый пострадаль отъ этой опрометчивости: лишь только я до нея дотронулся, она ядовито ужалила миъ руку, такъ, что я не могъ удержаться отъ бользненнаго восклицанія.

Другой родъ подобныхъ молюсковъ, называемый Medusa pelagica, встръчается преимущественно около самаго экватора, южитье котораго мы вядъли также и третій родъ ихъ, который величиною несравненно менъе перваго. Въроятно это таже молюска, изображеніе которой помъщено во второй части описанія Боска *. До-сихъ-поръ, сколько мы знаемъ, извъстны 460 породъ различныхъ молюсковъ, паселяющихъ пръсныя и океанійскія виды южнаго полушарія. Изъ этого числа насчитываютъ въ одной Канской колоніи 247 породъ **.

22 апръля намъ открылись берега острова Суматры, а на другой день островъ Рондо. Апръля 24 показался на горизонтъ одинъ изъ острововъ Никобарской группы, именно Большой или Каръ-Никобаръ. Тогда мы легли на NO, и къ двумъ часамъ по-полудни увидъли Малый Никобаръ. Въ 4 часа мы вошли въ проливъ Св. Геореія (George Channel), которымъ Большой Никобаръ отдъляется отъ Малаго. Этотъ проливъ, защищенный отъ господствующихъ здъсь муссоновъ, не представляетъ собою хорошей и безопасной якорной стоянки; глубина въ немъ вездъ значительная, грувтъ нехорошъ, а теченія очень сильны.

Красивые, холмами и польмами убранные острова, зеленъвшіе

^{*} Bose, Histoire naturelle des Vers, Tab 19.

^{**} Cm. Die Südafrikanischen Mollusken von Prof. Dr. Ferdinand Krauss, crp. 157.

10 Смъсь

посреди свътлаго буруна, оживили монотонную бесъду моряковъ, п веселые и занимательные разсказы послышались на всей палубъ. Капитанъ замътилъ, между-прочимъ, окружавшимъ его офицерамъ, что на всей группъ Никобарскихъ острововъ сахарный тростникъ растетъ въ дикомъ состояния. Фактъ дъйствительно любопытный.

Въ пятомъ часу мы вышли изъ пролива, а на другой день, апръля 25, часовъ около 10 утра, открылись намъ берега острова Нанковри. Успъшно лавируя, мы приблизились къ нему подъ вечеръ, и положили якорь въ полу верстъ отъ берега. У насъ не было положительныхъ данныхъ, а итти въ губу на авось не было никакой необходимости и было бы только рискомъ съ нашей стороны, почему входъ въ Нанковрійскую бухту и былъ отложенъ до слъдующаго дня. Вскоръ стемиъло; блуждавшіе около берега огоньки неоспоримо свидътельствовали, что островъ былъ обитаемъ, но шлюпки съ островитянами не показывались даже и въ виду транспорта, и мы простояли спокойно всю ночь, хотя и приготовились на случай, еслибъ пришлось дъйствовать противъ неожиданнаго нападенія островитянъ.

Съ разсвътомъ, нашъ старшій штурманскій офицеръ отправился на вооруженномъ катеръ въ губу, для предварительнаго обслъдованія входа въ нее промъромъ. Между тъмъ, у насъ подвернули канатъ и приготовились къ снятію съ якоря.

По прибытіи катера изъ губы обратно, нашъ почтенный X.
М. *** разсказалъ, что, во время его промъра, къ нему приближались двъ шлюпки съ островитянами, у которыхъ не было другаго оружія кромъ двухъ-трехъ острогъ (фалконетъ и ружья гребцовъ были у насъ закрыты брезентомъ, чтобъ не возбудить недовърчивости въ островитянахъ). У одного изъ островитянъ, повидимому, старшины острова, была въ рукахъ зеленая вътка: знакъ мира и дружелюбія. Осмотръвъ съ любопытствомъ нашъ катеръ, они спрашивали, на ломанномъ англійскомъ языкъ, о названіи нашего судна и порта, изъ котораго мы плыли. Къ нему подъъзжали, всего на все, шесть человъкъ островитянъ, а при его появленіи въ губъ, ихъ высынало на берегъ довольно много. Вообще-же изъ словъ нашего разскащика можно было заключить, что народъ этотъ кротокъ и дружелюбенъ.

Въ полдень подняли якорь и стали выбираться лавировкою на Навковрійскій рейдъ, па которомъ мы бросили якорь около четырехъ часовъ по полудни, на глубнит 27 саженъ. Мъсто наше было недалеко отъ коралловаго рифа, тянувшагося отъ прибрежныхъ жилищъ островитянъ. Дикари, во множествъ, сидъли на берегу на

корточкахъ и, по-видимому, о чемъ-то разсуждали. Посреди ихъ стоялъ величавый мужчина; онъ держалъ въ лѣвой рукъ лукъ, а въ правой стрѣлы. У остальныхъ островитянъ были тѣ же оружія. Трудно сказать, что могло быть предметомъ ихъ совъщаній; можно однакожъ думать, что они возсылали мольбы къ своему истукану, прося его о посланіи имъ счастія въ знакомствъ съ вновь прибывшими иноземцами, потому что во все время нашего пребыванія въ этомъ архипелагъ, они, какъ нельзя лучше, оправдывали это миъніе.

Едва мы управились уборкою парусовъ, какъ отъ берега отвалила шлюпка съ тремя островитянами, и стала приближаться къ нашему транспорту. Не взирая однако на всъ наши старанія заманить островитянъ къ себъ на палубу, они ин за что на это не соглашались, бормоча что-то непонятное по-англійски. Наконецъ послъ самыхъ соблазнительныхъ приманокъ, дикари ръшились пристать къ борту, и двое изъ нихъ взошли къ намъ на транспортъ. Съ безпокойствомъ и недовърчивостыю осматриваясь, они не отходили однако далеко отъ трана, и простояли въ такомъ положенін около четверти часа. Наконецъ, одинъ изъ вихъ, мужчина молодыхъ льтъ, кръпкаго сложения и высокаго роста, ръшился подать нашему старшему лейтенанту бумагу, на которой было написано по англійски, что предъявитель сего, никобарецъ Тетуй, назначенъ г. Розеномъ, бывшимъ на этихъ островахъ датскимъ резидентомъ, старшиною деревии Малага. Кромъ этого свидътельства, у него была въ рукахъ трость краснаго дерева, украшенцая серебрянымъ набалдашникомъ, на которомъ былъ выръзанъ вензель датскаго короля. Никобарецъ Тетуй говорилъ иъсколько словъ по-англійски, какъ и другіе, бывшіе съ нимъ дикари.

Види движение своихъ старшинъ, остальные островитяне, досихъ поръ со вниманиемъ слъдившие съ берега за нами, бросились въ лодки, и въ двъ минуты палуба нашего транспорта была покрыта нагими людьми. Во всъхъ лодкахъ дикарей не было ни одной стрълы, ни одного конья: конечно, имъ нечъмъ было выразить болъе своихъ миролюбивыхъ намърений. Усъвшись по бортамъ, на корточкахъ, они съ любопытствомъ и изумлениемъ поглядывали на все окружавшее ихъ, и, сколько по избранной ими позъ, такъ и по наружности, мало походили на людей. Эта любопытная сцена была, къ довершению, оживлена остротами нашихъ людей, тъшившихся надъ никобарцами.

Послъ долгихъ старавій и приглашеній, капитану нашему уда-

лось наконецъ уговорить первыхъ островитянъ, чтобы они спустились къ нему въ каюту, въ которой было накрыто къ объду. Употреблене вилокъ, ножей и ложекъ было дикарямъ не чуждо. Однако, вмъсто того, чтобъ брать, напримъръ, прямо вилкою, они насаживали сперва на нее кусокъ мяса рукою, то-есть, пальцами, и потомъ уже препровождали его церемоніально, по-европейски, въ ротъ. Въ отношеніи къ кръпвимъ напиткамъ, въ никобарцахъ было замътно какое-то классическое изученіе: они то и дъло чокались, называя вино пивомъ (beer), а ромъ или водку грогомъ (grogg). Чтобъ позабавиться надъ ними и пріобръсти нъкоторую ихъ довъренность, мы пригласили пъсколькихъ изъ нихъ въ каютъ компанію; дикари не противились и спустились охотно.

Мы надарили имъ разныхъ бездѣлушекъ, подчивали сигарами, трубками и виномъ. Удивительно, что всѣ дикія племена, почти безъ изъятія, имѣютъ такую вепомѣрную страсть къ куренію и любятъ упиваться, что называется, на повалъ, хотя викобарцы— не столько, конечно, изъ вѣжливости, какъ изъ опасенія, — никогда не напивались у пасъ до совершеннаго безчувствія. Но кто развиль въ вихъ эту пагубную страсть? конечно, просвѣщенные европейцы!... Куда какое славное начало цивилизаціи поселили они въ средѣ людей, — этихъ несчастныхъ, низшихъ насъ братій нашихъ!...

На третій день нашего прибытія на Нанковрійскій рейдъ, старшины деревни Малага подпесли нашему капитану, отъ имени всего селенія, связаннаго поросенка, и всколько кокосовъ и ямеу (родъ картофеля); капитанъ, натурально, отблагодарниъ ихъ разными подарками.

Островитя не Никобарскаго архипелага хорошо сложены. Глаза почти у всъхъ черные; физіономін непріятны, а выдавшіеся большіе зубы дълаютъ нъкоторыя лица безобразными. Непомърное употребленіе бетеля, очень здороваго кория отъ цынги, искажаетъ ихъ зубы и десна въ высшей степени, и тъмъ довершаетъ непріятность ихъ физіономіи. Корень бетель до того кръпокъ, что придаетъ зубамъ кирпичный цвътъ и даже измъняетъ ихъ направленіе. Разумъется, это происходитъ отъ неумъреннаго употребленія его. Страсть къ жеванію бетеля вкореняется въ никобарцахъ съ дътства, и становится для нихъ подъконецъ необходимостію.

Костюмъ никобарскихъ дикарей состоитъ единственно изъ одного пояса благопристойности. Оловянныя кольца они надъваютъ на ноги, на руки и на шею; бусы составляютъ предметъ росСмпсь. 13

коши, и сдъланы, по большей части, изъ мелкихъ ракушекъ, нанизанныхъ на нитку изъ волоконъ кокосоваго оръха. Въ мочкахъ ушей у нихъ пробиты огромныя дыры, которыя затыкаются высушенною травою, курительнымъ табакомъ или, по просту, окуркомъ брошенной сигары. Оловянныя и серебряныя кольца имъютъ не многіе. Иные островитяне любятъ румяниться на пропалую, при чемъ они не забываютъ ни лба, ни ушей, ни подбородка. Подарить такому кокетнику горсть сурику — значитъ, обрадовать его болъе всего на свътъ.

Шлюнки островитянъ вообще однодеревки; онъ имъютъ иъкоторое сходство съ нашими челноками, съ тою, однакожъ, разницею, что не имъютъ способности послъднихъ — ложиться на воду вверхъ диомъ. Это, безъ сомнънія, важное неудобство устранено у нихъ очень простымъ устройствомъ: бамбуковыми выстрълами, прикръпленными къ такому же третьему шесту, который, идя въ параллель челнока, заостренъ, и нисколько не мъшаетъ его ходкости.

Занимаемая нами бухта Нанковри получила название отъ острова, которому принадлежитъ. Отъ W, NW и NO вътровъ она защищена островомъ того же имени, а отъ S и SO островомъ Каморта. Во время западнаго муссона, какъ извъстно, бываютъ жестокие шквалы; но островъ Катчаллъ, защищающий бухту по этому направлению, не дозволяетъ разводить большаго волнения, почему якорная стоянка въ Нанковрийской бухтъ очень спокойна и совершенно безопасна. Господствующие здъсь вътры: NO и SW муссоны. Первый дуетъ съ октября по апръль, а второй въ остальную половину года. При SW муссонъ погода стоитъ вообще пасмурная и дождливая; при NO же природа оживляется, и мрачныя облака замъняются яснымъ небомъ, а температура воздуха доходитъ до 35° по Реомюру.

Непроходимые льса, наводняясь въ теченіе SW муссона проливными и постоянными дождями, просыхають енаружи при следующемъ муссонь, между-темъ, какъ внутри льсовъ образуются отъ сильнаго зноя злокачественныя испаренія, ядовитое состояніе которыхъ увеличивается, сверхъ того, смрадомъ истлевающихъ на корню деревъ. На главномъ островъ Никобарской группы, Большомъ или Каръ Никобаръ, были въ 1831 году датскіе миссіонеры; но лихорадки сырой почвы (Jungle fever) увичтожили ихъ поселеніе.

Въ первое воскресенье, которое мы провели въ Никобарской группъ, пріятели наши, дикари, явились къ намъ ранъе, чъмъ свътъ

и заря. У иныхъ изъ нихъ были ананасы, у другихъ свиньи, ямсъ и сахарный тростникъ. Сахарный тростникъ и ананасы дикари охотно уступали за стаканъ рому, по за свинью требовали денегъ.

«Да знаешь ли ты толкъ въ нихъ, черномазый?» отвъчалъ на подобное требование дикаря нашъ остроумный боцманъ, разсматривая апетитную свинью никобарца. «А вотъ, посмотримъ» прибавилъ онъ въ заключение, и вытащилъ изъ бисернаго кошелька старенькій четвертакъ. Островитянинъ понюжалъ сперва монету; потомъ бросилъ ее о палубу и прислушивался къ звону. Наконецъ, осмотръвъ четвертакъ еще разъ, онъ передалъ его боцману обратво, говоря по англійски «по, по!» и покачивая головою. Люди наши расхохотались.

«Вишь, чучело, нехристь, прости Господи!... Знаетъ, подика-сь, что грошъ, что мякина!... Что, видно старенекъ для тебя? не доберешься толку, а? мало лоснится? Подожди-же, ферфлюжтъ, проведу!» Такъ поговаривалъ боцманъ, погрозивъ пальцемъ, и удалился за тъмъ преспокойно въ палубу. Спустя нъсколько времени боцманъ нашъ снова появился на палубъ. Въ рукахъ у него блестълъ мъдный грошъ, немилосердо натертый ртутью. Прежній островитянинъ, замътивъ въ рукахъ боцмана такую соблазнительную монету, хотълъ было вырвать ее у него.

«Нѣтъ, врешь, асей!» замътилъ пресерьозно боцманъ. «Этакъто, братъ, не ладно. Давай-ка сперва поросенка, а ужъ потомъ и муней вери. Въдъ я, смотри, пе олухъ» говорилъ онъ, любуясь своимъ чистенькимъ грошомъ. Островитянинъ не вытернълъ и радостно промънялъ поросенка за нартученный грошъ. На другой день дикаръ пріъзжалъ къ боцману и съ грустною физіономією отдалъ ему почернъвшій грошъ обратно. «Вотъ то тоже, черномазый нъмецъ; впередъ наука: будешь умнъе. Давалъ деньги, такъ не берешь, чванишься!... Ну, да ужъ нечего дълать: поросенокъ-то твой былъ больно хорошъ; на вотъ возьми трехърублевый, да й бъги домой. Ужъ то, смотри, настояшій, веритулъ муней: не почернюетъ. Объясная это дикарю, боцманъ нашъ былъ въ высшей степени уморителенъ, показавъ съ тъмъ вмъстъ и примъръ честности русскаго человъка.

Въ тотъ-же день, послъ объда, одинъ изъ нашихъ лейтенантовъ отправился съ старшинами селенія Малага на островъ Каморта, для прінска годныхъ деревъ для стеньгъ. Лъсъ былъ най-

^{*} Мопеу, по-англійски — деньги.

Смъсь. 15

денъ прекрасный, и мы занялись на другой день вырубкою необходимыхъ для насъ деревъ. Нужно замътить, что пышные Никобарскіе лъса изобилуютъ различными родами пальмъ, мангровымъ и желъзнымъ деревомъ и прекраснымъ прямослойнымъ мачтовымъ лъсомъ, пуномъ (рооп), очень похожимъ на букъ. Удъльная тяжесть одного кубическаго фута его равняется 66 фунтамъ.

Проводя время по служебнымъ занятіямъ, мы не забывали также павъщать и селенія островитяння. Первое изъ нихъ, которое мн случилось посътить, было на островъ Нанковри. Бамбуковыя хижины дикарей построены на длинныхъ стойкахъ; это устройство имъетъ цълію то, чтобь быть въ безопасности отъ сильныхъ приливовъ. Ко входамъ въ хиживы приставлены бамбуковые трапики, подлъ которыхъ помъщены деревянные идолы, съ весьма грубо обдълаными чертами человъческого лица; прочія же части не удостоплись, въроятно, вниманія художника, и носять на себъ отпечатки обыкновеннаго пня. Войдя въ одну хижину, мы встрътили въ ней, къ невыразимому удивлению, блъднаго, болъзненнаго европейца. Чувство состраданія и изумленія невольно выразилось на нашихъ лицахъ при видъ обросшаго бородою одноплеменника, который, не взирая на двухдневное пребываніе нашего транспорта у этихъ острововъ, не удостоилъ насъ своимъ посъщениемъ, тогда-какъ во всемъ селении не было двкаря, не побывавшаго у насъ на судвъ. Если допустить предположение, что судьба забросила его на эти уединенные острова, то чемъ объяснить хладнокровіе, съ которымъ онъ могъ удержаться отъ свиданія съ земляками. Кто не бъжаль бы къ намъ, скажите, въ столь грустныя минуты жизни, кто удержался бы просить, умолять насъ взять его съ собою и увезти на родину, къ своимъ, въ милое и неизгладимое изъ сердца и памяти отечество?...

Незнакомецъ говорилъ по англійски; мы поспъшили узнать при-

«Я датскій подданный, господа, — отвічаль онь болізненнымь голосомь; — «морякь, зовуть меня Галсь. Комавдуя коммерческою шкуною, я имітль несчастіє разбить ее у этихь береговь, спась, однако жь, весь экппажь, и отправиль его, на заходившемь сюда суднів, въ Индію. Болізненное состояніе здоровья не позволило мить сопутствовать моимь счастливымь товарищамь, и я разсудиль остаться посреди дикарей, поправить свое здоровье и потомъ уже, при случать, отправиться на родину.»

Продолжая разговоръ онъ, въроятно, нечаянно проговорил-

ся о своемъ происхожденів, и именно вотъ какимъ-образомъ. Когда мы его разспрашивали о Никобарахъ, онъ замѣтилъ, между-прочимъ, что «датское правительство полагало сдѣлать изъ этихъ острововъ тоже, что у англичанъ Ботани бей.» Кажется, этого достаточно было, чтобы заключить, что несчастный Галсъ былъ не датчанинъ, по природный англичанинъ; къ тому-же чистый англійскій выговоръ подтверждаль эту догадку еще болѣе. Впрочемъ, мы скрыли отъ него наше сомнѣвіе на счетъ его происхожденія, и старались напротивъ того, вывѣдать подробныя свѣдѣнія объ архипелагѣ Никобарскихъ острововъ, который былъ ему весьма хорошо извѣстенъ.

Никобарская группа состоить изъ двинадцати острововъ: они почти всъ обитаемы. Число жителей полагаютъ на всемъ архипелагъ до 4,500 человъкъ. Съвернъйшій изъ острововъ этой группы называется Карт-Никобарт; на немъ 2,000 чековъкъ жителей. Следя отъ него къ югу, сперва встречается островъ Батти-Малла; онъ каменистъ, и около 5 человъкъ ссыльныхъ составляли въ то время все его население. Потомъ островъ Чаури, съ 50 жителями; далъе островъ Тиллангионго, на которомъ много хорошаго гранита и базальта, необитаемъ; на немъ находятъ также множество птичьихъ гитадъ, составляющихъ роскошь китайекаго стола. Островъ Бомбока, плодородивиший изъ острововъ этого архипелага, имъетъ около 200 жителей. Острова Нанковри, Трункутти и Каморта насчитывають вмъсть до 250 человъкъ жителей. Катчалля имъетъ 50 жителей; Малый Никобаря и Мероз необитаемы, а Большой Никобарт, какъ уже было сказано, имъетъ около 2,000 человъкъ жителей. Поручиться за достовърность этихъ свъдъній, разумъется, нельзя, потому-что они переданы намъ тапиственнымъ лицомъ, выдававшимъ себя за датчанина Галса.

Островитяне Никобарскаго архипелага очень кротки, боязливы и гостепріимны, не смотря на то, что они очень часто терпять недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ и даже голодъ. Никобарцы поклоняются всёмъ растеніямъ и животнымъ. Я видълъ въ одной хижнит изображеніе, которое, по словамъ Галса, было предметомъ обожанія островитянъ. Его составляла довольно большая бамбуковая рама, обтянутая листьями, которые были истыканы по линіямъ, обрисовывавшимъ какое-то подобіе храма; подлъ него изображался человъкъ, а подъ нимъ листья обольшихъ деревъ и растеній, рыбы и свиньи.

Островитяне здъшняго архипелага занимаются разведениемъ

овощей и фруктовъ; они держатъ также домашнихъ птицъ, собираютъ кокосы и продаютъ свои продукты китоловнымъ судамъ, заходящимъ для отдыха въ безопасныя гавани здъшнихъ береговъ.

Жирныя свины и кабаны, похрюкивая, расхаживали около хижинъ селенія, а куры, бродившія между ними, нагло вырывали у нихъ изъ-подъ носа найденную пищу. Замъчательно, что викобарскія свины превосходны на вкусъ; онъ питаются преимущественно кокосами, и оттого мясо ихъ получаетъ миндальный вкусъ.

Пробираясь сквозь чащу тропическаго лѣса къ другому селенію, мы добрались до кладбища. Это печальное мѣсто было застановлено бамбуковыми жердями, которыя становятся надъ пзголовьемъ усопшаго; на каждомъ шестѣ были развѣшаны тряпицы, которыми покойникъ себя украшалъ при жизни. Почетиѣйшее мѣсто между ними занимаетъ поясъ благопристойности.

Дойдя наконецъ до другаго селенія, мы встрѣтили здѣсь одно и то же. Тѣ же хижины, кокосы, свиньи, кабаны, куры и тѣ же островитяне. Невольно намъ показалось страннымъ, что мы не видѣли до-сихъ-норъ ни одной женщины (которыхъ, впрочемъ, и не искали), ни одного ребенка. Галсъ объяснилъ намъ причину этого.

«Мъсяца за два до вашего прибытія, - говориль онъ, - сюда заходило одно англійское китоловное судно. Матросы, сътхавъ на берегъ, самовластно настръляли себъ въ селеніяхъ островитянъ свиней и куръ, и, къ довершению, напали вооруженною рукою на дочерей и женъ дикарей. Такой дерзкій поступокъ возбудилъ справедливое негодование островитянъ, и между объими сторовами возникла самая кровавая сцена, стоившая жизни многимъ англичанамъ. Дикари, въ отминение за нанесенное оскорбление, напали въ расплохъ на судно, переръзали до половины экипажъ и принялись его грабить. И всколько человъкъ англичанъ успъли избъжать справедливаго мщенія островитянъ на шлюпкъ, въ которую опи бросились и ушли въ море, не имъя ни пищи, ни воды. Однакожъ, спустя нъсколько дней, имъ посчастливилось встрътиться съ купеческимъ судномъ, шедшимъ изъ Калькутты въ Пуло-Пепангъ (на островъ принца Валлійскаго, въ Малаккскомъ проливъ), на которомъ они прибыли къ мъсту, и разсказали о кровавомъ происшествін, сваливъ, разумъстся, всю вину на никобарцевъ. Пуло Пенангскій губернаторъ, повърнвъ ложному доносу, въ которомъ причину нападенія объ18 Смпьсь.

ясняли экселиніем в никобарцев разграбить судно и тому подобнымъ, послаль тотчасъ-же на Никобары военный брикъ, который, прибывъ къ мъсту назначенія (то есть, на Наиковрійскій рейдъ), подтянулся къ селеніямъ и открылъ по нимъ страшный и несправедливый огонь. Вотъ почему, продолжалъ нашъ тапиственный повъствователь, викобарцы, завидъвъ ваше судно на здъшнемъ горизонтъ, тотчасъ-же увезли своихъ женъ и дочерей на одинъ изъ сосъднихъ острововъ: они не желаютъ повторенія такого ужаснаго происшествія, до котораго вы, господа, конечно, не довели бы несчастныхъ пикобарцевъ.»

Говорятъ, что женщины этого архипелага очень не дурны и хорошо сложены; если-же, однако, онъ также пристрастны къ употреблению бетеля, какъ мужчины, то я первый осмълюсь замътить, что истина этого общаго «говора» должна подлежать большому сомнънию. Полагаютъ, что никобарцы припадлежатъ къ индъйскому племени, переселившемуся сюда добровольно или заброшенному бурею; впрочемъ, они не имъютъ одного общаго типа, и въ смъси отличительныхъ чертъ ихъ проявляется, въ особенности, малайское происхожденіе.

Чаща никобарскихъ лъсовъ до того непроходима, что, для дальныйшаго шествія, мы поминутно должны были вырубать молодые кустаринки и неспосныя мангровыя деревья (Rhizofora), которыми лъса эти перепутаны совершенно, какъ паутиною. Огромныя накопленія дождевой воды, во многихъ мъстахъ этой чащи, наполняють леса вечною сыростью и какимъ то гнилымъ, злокачественнымъ воздухомъ, который, не имъя надлежащаго движенія въ дремучихъ лъсахъ, напитываетъ всю окружающую атмосферу болотными испареніями, гибельными не только европейцамъ, но и туземцамъ, которые вообще слабаго сложенія и страдаютъ постояннымъ кашлемъ. Если-бы Данія, считающая Никобарскій архипелагъ своею собственностью, не пожальла издержекъ на расчистку и осушку здъшнихъ лъсовъ, то, очень естественно, это имъло бы благопріятное вліяніе на климать, и колонизація Никобарской группы могла-бы осуществиться въ короткое время и дойти до степени возможнаго процветанія, что достаточно подтверждается успъхомъ, съ которымъ датскіе миссіонеры разводили здъсь мускатъ, гвоздику и перецъ. Дикари, разумъется, не продолжали обработывание этихъ плантацій, а дъятельность тропической растительности скрыла все следы ихъ существованія, такъ-что единственнымъ признакомъ пребыванія

миссіоперовъ служать, въ настоящее время, только два каменные колодца.

Языкъ никобарцевъ состоитъ изъ гортанныхъ звуковъ, болъе или менъе непріятныхъ для слуха. Островитяне говорятъ помалайски, а нъкоторые изъ нихъ даже по-англійски и португальски, но, разумъется, весьма плохо. Частыя сношенія съ малайнами, заходящими сюда изъ Пуло-Пенанга и Ачемцы (на съверномъ берегу ос. Суматры) за птичьими гнъздами, ознакомили ихъ пъсколько съ потребностями людей цивилизованныхъ странъ, въ особенности, страсть къ куренію распространена между островитянами въ сильной степени: у ръдкаго не найдешь китайской трубочки и курительнаго табаку.

Къ вечеру, утомившись прогулкою, мы воротились на транспортъ съ коробомъ новостей — кокосовъ, анапасовъ, раковинъ, ракушекъ и самыхъ разнообразныхъ животнорастеній и плодовъ, въ числъ которыхъ находился также плодъ хлъбнаго дерева.

Между тъмъ, вырубка пеобходимыхъ для насъ деревъ шла довольно усиъшно, хотя и была иногда сопряжена съ большими трудностями. Лъсъ густъ; годныя деревья ръдко встръчались у берега, а вырубивъ дерево въ глубинъ лъса, для него пеобходимо было прорубать просъку, для которой уничтожались десятки большихъ деревъ, не говоря уже о кустарникахъ и надоъдательныхъ корнепускахъ. Трудно было бы европейцу, не побывавшему въ жаркихъ странахъ, составить себъ хотя слабое понятіе о тропической силъ растительности здъщнихъ дремучихъ лъсовъ: это необходимо видъть самому.

Я отправлялся, пвогда, на цёлые дни на охоту, и проводиль время романически пріятно!... Скудный объдъ въ ягдташъ, фляга вина, ружье и двое островитянъ — были монми постоянными спутивками въ подобныхъ прогулкахъ. И какъ пріятно, въ самомъ дълъ, приняться, послъ изряднаго моціона, за истребленіе яствъ, уложенныхъ въ ягдташъ заботливымъ въстовымъ. Усъвшись на лужкъ, молча любуешься роскошною природою, которая красуется повсюду, а дико растущіе ананасы и бананы невольно веселятъ взоры! Чудное, великольпное зрълище!... Случится, бывало, убить какую нибудь итицу, добрый островитянинъ опрометью бросается за нею въ чащу и непремънпо отыщетъ ее; отъ шуму, который онъ надълаетъ, пробираясь въ вустарникахъ, ящерины бросаются по всъмъ направленіямъ, испуганный попугай перемъняетъ мъсто своего отдохновенія, шумитъ, кричитъ, хлопочетъ.... право, пріятное воспоминаніе!...

Мив случалось также сбирать раковины и кораллы. Родъ послъднихъ удивительно разнообразенъ: всъхъ много, а выбрать изъ нихъ не ръшаенься: всъ хороши! Вообще, острова этой небольшой группы очень обильны разными родами животнорастеній и небольшими рыбками, отъ краснаго до чисто-голубаго цвъта; онъ встръчаются преимущественно въ кораллахъ, съ богатствомъ разбросанныхъ по мелководіямъ прибрежныхъ рифовъ.

Я пробовалъ также лазить на кокосовыя пальмы (Cocos butyгасеа), да только нътъ, слуга покорный!... На одну взберешься съ гръхомъ пополамъ, а о другой позабудешь. Не надивишься ловкости дикарей въ этомъ отношении: онъ не взлезаетъ на цее, а просто взлетить! Мгновенно наръжетъ вамъ два-три десятка кокосовъ, и съ тъмъ же проворствомъ спустится опять внизъ. Плавать островитяне также большіе мастера: они одинаково ловки въ водъ, какъ на сушъ.

Мая пятое число я провель въ поъздкъ на островъ Катчаллъ, на который нашъ капитанъ отправплея, чтобъ осмотръть по-подробиве группу Никобарскаго архипелага. Послъ сытнаго и вкуснаго завтрака, особенно замъчательнаго въ гастрономическомъ отношения по янчницъ, приготовленной изъ страусовых янцъ*, мы отправились въ путь въ 10 часу утра, следя вдоль пролива, отделяюшаго ос. Нанковри отъ Каморты.

День быль прекрасный и видъ маленькихъ острововъ Никобарской группы, которую, не преувеличивая, можно сравнить съ корзинками самыхъ ароматическихъ цвътовъ, былъ дъиствительно очарователенъ. Приблизившись къ Катчаллу на близкое разстояніе, мы стали держать къ первымъ кокосовымъ пальмамъ, которыя завидели по всему прибрежью, въ полной увъренности, что пристанемъ или къ селенію островитанъ, или къ ручейку. Послъднее предположение сбылось. Поставивъ катеръ на дрекъ, люди разложили большой огонь, а поваръ занялся между тъмъ приготовленіемъ объда, къ которому вашъ покорнъйшій повъствователь, замінательно плохой охотники, обіщаль настрілять дичи. Капитанъ отправился съ и вкоторыми офицерами по прибрежью, а я въ лъсъ, за дичью.

Растительность Катчалла гораздо роскошиве и многимъ свободиће камортской и нанковрійской. Почва не такъ сыра, растенія не такъ сжаты. Говорять, здесь водится много обезьянь;

^{*} Меня она поразила только величиною желтковъ: янчинца изъ деужь вицъ, для пятерыхо на завтракъ, - конечно, чего-пибудь да стоитъ!...

Смпсь- 21

однако жъ мив не случилось видъть на свободъ этихъ уморительныхъ животныхъ. Попугаевъ и другихъ тропическихъ птицъ
множество, такъ что мив даже удалось раздробить крыло одному
маленькому зеленому попугаю. Бъдняжка упалъ съ дерева и видимо страдалъ. Мив стало жаль, смотря на страданія жертвы
моей прихоти, и раздавшійся вторичный выстрълъ вспушилъ перья
маленькой головки попугая.

«Браво!» воскликнулъ капитанъ, увидъвъ въ рукахъ монхъ попугая, когда я къ нему подходилъ съ монми трофеями; «одна-ко-жъ, за пару голубей я сказалъ бы большее спасибо, а за попугая кромъ похвалы, какъ за мастерской, копечно, выстрълъ, инчего не скажу.»

Мы съли объдать. Веселыя пъсни гребцовъ дружно и гармонически раздавались подъ пальмами дикаго Катчалла, и много веселили нашу бесъду за трапезой, послъ которой, часу въ 7 вечера,
мы собрались въ обратный путь на трайспортъ. Отъъхавъ отъ
острова на разстояние четверти мили, мы увидъли огоньки, приближавшиеся къ разложениому пами костру. Въроятно, это были
островитяне Катчалла, которые узнали о нашемъ приъдъ. Въ 10
часу мы прибыли на транспортъ, и тутъ только я вспомнилъ объ
охотничьемъ сюртукъ, забытомъ мною на островъ. Немулрено, что
его донашиваетъ тамъ еще и по сис-время какой-нибудь никобарецъ, вполнъ счастливый и довольный этой диковинной находкою.

Дожданныя погоды, которыми сопровождалась наша двухънедъльная стоянка въ Никобарахъ, не позволили сдълать рядъ
астрономическихъ наблюденій, для точнаго опредъленія географическаго положенія наиковрійскаго рейда. По лаціп Горебурга
(East India Directory) рейдъ этотъ находится въ съверной широтъ 8° 00' и 93° 44' 0-й долготъ отъ Гринича. По нашимъ наблюденіямъ, дъланнымъ въ артифиціальный горизонтъ, на небольшомъ мыскъ, выдавшемся почти до средины рейда, долгота вышла до 26' менъе помянутой; впрочемъ, на точность этого вывода
нельзя положиться, но причинъ, о которой я упомянулъ.

Нарубивъ деревья и приготовивъ запасный рансоутъ, мы вооружились опять должнымъ образомъ, и въ субботу 10 мая, часу въ 10 утра, сиялись съ якоря, простившись съ гостепрінины ми и добрыми накобарцами. Вътеръ былъ ровный, брамсельный, и мы быстро удалились отъ береговъ живописнаго архипелага, располагая курсами къ съверной оконечности Суматры: мы шли, какъ я уже говорилъ, въ Малакскій проливъ. 22 Смпсь.

Несчастный Галсъ, не смотря на предложение нашего капитана отвезти его въ Снигапуръ, откуда онъ могъ бы отправиться на родину, не приъхалъ къ намъ въ день нашего отправления и, кажется, скрывался даже въ тотъ день въ лъсу. Нельзя было не пожалъть объ этомъ человъкъ, который, видимо, страшился своего отечества!...

КАНИБАКСЪ ... Ъ.

письмо изъ калифорніи.

Увеличеніе Санъ-Франциско. — Нынвшнее народонаселеніе его. — Распоряженія городскаго начальства. — Роскошь. — Игорные дома. — Калифорнійская журналистика. — Увеселенія. — Воловья травля въ новомъ циркъ. — Тюрьма. — Воровство. — Импровизованные дома, — Общій видъ Санъ-Франциско.

Прошло уже пъсколько времени, какъ я возвратился въ Санъ-Франциско. Увеличение этого города, чрезвычайные его размъры, огромное число кораблей, стоявшихъ на якоръ въ гавани, поразили меня съ перваго взгляда. Въ февралъ (1850 года), я оставилъ Санъ-Франциско тъснымъ, чрезвычайно неопрятнымъ, съ площадями, полными всякаго рода нечистотъ, непроъзжаемымъ, а во многихъ мъстахъ недоступнымъ даже и для пъшеходовъ; городъ состоялъ большею частью изъ шатровъ, плохихъ домишекъ, землянокъ и досчатыхъ шалашей, тонувшихъ въ моръ грязи; громадныя груды товаровъ были свалены въ грязныхъ улицахъ и придавали всему видъ хаоса.

Теперь Санъ-Франциско пельзя узнать: онъ — начало большаго и прекраснаго города, города не эфемернаго, но серьознаго, съ широкими улицами, построеннаго по всёмъ правиламъ искусства, — города, котораго будущее, судя по его теперешией важности и усиліямъ, дёлаемымъ для этого будущаго, должно быть велико. Уравниваніе города совершается въ большихъ разм'трахъ и имъ безпрестанно завимаются: срываютъ бугры, засыпаютъ лощины. Впрочемъ еще много остается дёлать. Важныя постройСмпсь. 23

ки начались въ Санъ-Франциско только въ последнее время, при наступленіп зимы, когда обманувшісся золотопромышленники бъжали съ плацеровъ, гдъ они были безъ убъжища и безъ провизіи на зиму. Автомъ же, никакая плата не могла удержать работниковъ въ городъ: все отправлялось на розсыпи, гдъ золото черпали всегда почти навърное, хотя и не пригоршнями. А если въ настоящемъ году столько людей обманулись на розсыпяхъ, то и это будеть имъть свою хорошую сторону, потому что обратить руки къ работамъ другаго рода, особенно къ необходимымъ труданъ, къ земледълно, которое всегда будетъ истиннымъ главнымъ псточникомъ народнаго богатства. Теперь, человъкъ, взглянувъ на Санъ Франциско, на огромное пространство, покрытое домами, изумится передъ своимъ трудомъ. Дъйствительно неслыханно, нътъ примъра въ исторіи, чтобы подобный городъ могъ, такъ сказать, выдти изъ земли, въ течении одного года, на огромномъ разстоянін отъ центровъ обятаемаго міра, въ пустын'є, куда все должно было привозить издалека, и чтобы въ самое короткое время пародопаселение этого города увеличилось до 50,000 человѣкъ!

Сапъ-Франциско ростетъ во все стороны. Онъ помещенъ амфитеатромъ на покатостяхъ нъсколькихъ горъ, въ долинахъ, раздъляющихъ ихъ, на берегу гавани и наконецъ на самыхъ водахъ ел. Но развитие его особенно увеличивается въ сосъдствъ гавани. Такъ какъ распространение города внутрь страны ограничено горами, то кварталы его правильно распространяются по водамъ гавани, такъ что ибкогда безчисленныя суда будутъ бороздить улицы Санъ-Франциско, какъ улицы Венецін, и корабли всякой нагрузки будутъ разгружаться прямо въ магазины. Дъятельность, преобладающая въ этой части города, чрезвычайна и увеличивается съ каждымъ днемъ; работы идутъ тамъ съ необыкновенною скоростью. Сван вопваются въ почву посредствомъ паровыхъ машинъ, поставленныхъ на маленькихъ судахъ, которыя легко перевозять ихъ съ мъста на мъсто. Сван — цълыя сосны, пригнанныя изъ Орегона или съ съвернаго берега Калифорнін: верхушки ихъ срубаютъ и потомъ, въ пъсколько минутъ вбиваютъ въ почву почти совершенио, не смотря на ихъ вышину. Къ несчастию, большая часть гавани, на которой строять новые кварталы, совершенпо обпажается отъ воды, во время отлива моря, и тогда издаетъ заразительный запахъ, производимый тиною и нечистотами, стекающими сюда изъ впутренности города. Если это продолжится и будетъ увеличиваться, а иначе не можетъбыть, если скоро пе возьмутъ необходимыхъ мѣръ, то состояніе здоровья въ Санъ-Франциско будетъ самое бѣдственное: и если справедливо, что холера была сильнѣе въ этихъ нечистыхъ мѣстахъ и окружности ихъ, чѣмъ гдѣ-нибудь, то это можно принисать сказанному обстоятельству. Надобно надѣяться, что начальство города возьметъ дѣятельныя мѣры для предохраненія здоровья жителей отъ этого зла, потому что всѣ заинтересованы тѣмъ, чтобы Санъ Франциско не имѣлъ, подобно столькимъ другимъ городамъ Америки, періодическихъ желтыхъ лихорадокъ или другихъ столь же опасныхъ болѣзней.

Деревянная мостовая улицъ строится не очень дъятельно. Время дождей наступило, а Санъ-Франциско вымощенъ только въ половину. Правда, что эта мостовая очень дорога. Улицы очень широки, какъ и въ другихъ городахъ Союза и вымощены во всю ширину, за исключениемъ тротуаровъ, устройство которыхъ пронзводится на счетъ домовладъльцевъ. Но улучшение путей не останавливается на этомъ: по мере того, какъ отделывается мостовая, по объимъ сторонамъ каждой улицы устронваются стоки изъ прочныхъ толстыхъ досокъ. Не смотря на эти издержки, начальство города не хотило понизить заработной платы, какъ оно уже давно могло сдълать; оно удержало туже цену, которую давало своимъ работникамъ въ течени десяти мъсяцевъ; оно предпочло уменьшить число ихъ и продолжаетъ платить имъ по 5 піастровъ въ день, не желая, чтобы понизились цены на съестные принасы. Къ несчастию, не всв подражаютъ городскому начальству. Многіе за вичтожную цену панимають золотопромышленниковъ, воротившихся ни съ-чъмъ съ россыпей и не менъе бъдныхъ прибывающихъ змигрантовъ, терпящихъ крайнюю нужду. Впрочемъ заработцая дневная плата все еще составляеть 5 піастровъ.

Въ Санъ-Франциско есть теперь двъ церкви, гдъ богослужение отправляется съ большою регулярностью. Одна изъ нихъ католическая, другая реформатская. Объ деревянныя, выкрашенныя, и вообще весьма просты. Въ католической церкви богослужение отправляется поперемънно на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Пресвитеріяне построили третью церковь.

Городъ имъетъ теперь кладбище. Когда я оставилъ, въ февралъ, Санъ Франциско, опъ не имълъ еще своего «мъста успокоенія». Если человъкъ умиралъ, то вырывали яму въ пескъ, и закапывали его туда, безъ креста и молитвы.

Роскошь значительно увеличилась въ Сапъ Франциско въ течевін лъта. Пижняя часть улицы Монгомери и ея окружности, съ

площадью Эльдорадо, носять на себь отпечатокъ лучшихъ кварталовъ европейскихъ городовъ. Большая часть домовъ кирпичная, въ и всколько этажей; многіе прекрасно убраны, особенно внутри; это — кварталъ банка и высшей коммерціи; золоченыя вывъски блистаютъ на всъхъ дверяхъ. Но въ особенности развита роскошь въ нгорныхъ домахъ; ничего не жалъютъ для украшенія стінь и внутренности этихъ домовъ. Особенно игорные дома площади Эльдорадо отличаются своими большими размърами и внутреннимъ великолъпіемъ; они всегда полны. Съ утра до вечера, ихъ ето етоловъ осаждены игроками. Играютъ не одни только золотопромышленняки; игра едъдалась здёсь обычнымъ занятіемъ, единственнымъ удовольствіемъ жителей: они безпрестацно пытаются умножить свое состояніе, и каждый день уменьшають его. Игорные дома размножаются изумительнымъ образомъ, хотя несколько разъ сгарали, подожженные, можетъ быть, несчастными, которые мстили за себя; и не смотря на то всякій разъ выходять изъ пепла еще болье пышными, чъмъ прежде. Теперь, при помощи милліоновъ, которые они выиграли, они несгараемы и прочно выстроены изъ кирпича; между ними есть стоющіе по милліону франковъ (250,00) р. сер.), и владельцы еще не отдадутъ ихъ за эту цену, потому-что наверное къ концу года получатъ съ нихъ процентъ, равный капиталу; такъ велико число ихъ посътителей!

Въ самомъ, дълъ, какъ не пойдти въ пгорный домъ, даже человъку самому невинному или самому твердому. Вы скучаете, лежа на землъ подъ шатромъ или подъ досчатою крышею, сквозь которую свободно проникаютъ вътеръ и дождь, когда все васъ тянеть, все удерживаеть въ пгорномъ домв. Вы находите тамъ вашихъ знакомыхъ, пожимаете имъ руку; разговариваете о пастоящемъ временя, о делахъ; говорите объ отечества, всегда миломъ сердцу эмигранта; спокойно глядите на людей, которые, желая составить въ одинъ день состояніе, теряють свое собственпое. Наконецъ, чтобы разстяться, вы имъете въ изобили мъстпые журпалы, съ ихъ тридцатью шестью столбцами объявленій. Говорять, что это — самая питересная и наиболье цънимая публикою часть англо-американскихъ журналовъ. Прибавьте къ этому обаяніе неперестающаго концерта, раздающагося подъ золочеными сводоми; порою вы не безъ волненія прислушиваетесь къ напъвамъ родиой стороны, и ваше сердце бъется скоръе при возникающихъ въ намяти дорогихъ воспоминаніяхъ. Музыканты заработывають здась хорошія деньін; скрипачь, пграющій не слишкомъ фальшиво, получаетъ двё унцін золота (160 франковъ, 40 р. сер.) въ день. Словомъ содержатели игорныхъ домовъ не жальютъ денегъ на всевозможныя приманки. Впрочемъ въ настоящее время игры запрещены по воскресеньямъ.

Журналистика замътно увеличивается: огромныя выгоды, подученныя первыми журналистами, привлекли другихъ, и теперь въ Санъ-Франциско издается восемь газеть: Alta-California, Pacific News, Evening, Picayune, Journal of Commerce, Herald' Courier, Public Balance, который показался сегодня поутру въ первый разъ, и маленькая еженедельная иллюстрованная газета Illustrated California News. Внутри страны тоже издаются газеты. Какъ только какой-нибудь городъ имъетъ жителей (есть еще много городовъ, не имъющихъ жителей), опъ тотчасъ начинаетъ издавать журналъ, который каждое утро, кромъ воскресенья, прославляетъ на всѣ возможные тоны величе города, его важность, громадную будущность, которую онъ не замедлить пріобръсть, благодаря своему превосходному положенію, наконецъ сулить счастье и богатство тому, который получить счастливую мысль купить одинъ или два участка земли этого города. Правда, что въ Санъ Франциско, Сакраменто и Штоктонъ, земли, дешево купленныя, составляють теперь целое состояніе; но за-то сколько городовъ, которые еще не жили, и которомъ суждено въчно оставаться въ состояни топографического плана.

Въ нъкоторыхъ пгорныхъ домахъ низшаго разряда для привлечепія народа, также стали устропвать концерты. Восхищеніе жителей превосходило всякую мъру, когда, въ одинъ прекрасный вечеръ, впервые раздался звукъ рожка съ клапанами (cornet à piston). Всъ нобросали свои занятія, всъ кпиулись къ дому, откуда раздавались эти звуки. Вмигъ игорные дома опустъли, кромъ того, который учредилъ у себя концертъ. Впрочемъ, вскоръ явились и подражатели, и въ другомъ игорномъ домъ явился хоръ пъвчихъ. Но что это былъ за хоръ! Ужъ истинно:

> Кто въ лъсъ, кто по дрова, И у кого что силы стало. —

Въ ушахъ у меня затрещало и бъдная голова моя пошла кругомъ. Я готовъ былъ съ великой радостью отдать этимъ пъвцамъ все калифорнійское золото, чтобы только они замолчали. Велико было мое удивленіе, когда я увидълъ, что нашлись люди, которымъ правилось это въ высшей степени раздирательное пъвіе. Продлись это недълю, я, безъ всякаго сомнънія, потерялъ Смъсь. 27

бы разсудокъ. Къ счастію этотъ игорный домъ лопнуль; хозяева его отправились искать счастія въ другомъ мѣстѣ; достославный хоръ также разсъялся по лицу Мехики и Америки.

Кстати о музыкъ, я чуть не забылъ сказать, что здъсь есть театры. Недавно пронесся слухъ, что на дняхъ должна была прівхать труппа мехпканскихъ актеровъ и что уже приступлено къ постройкъ театра. Дъйствительно театръ былъ выстроень. Воть, что это быль за театръ. Околотили въ землю нъсколько толстыхъ бревенъ, обтянули ихъ парусиной и все тутъ. Внутри положили въ и сколько рядовъ такія-же бревна, вотъ вамъ и мъста для дамъ; остальная публика должно была стоять. Великоленное освещение состояло изъ шкаликовъ и плошекъ, налитыхъ бычачьимъ жаромъ и разставленныхъ по землъ. Шпроко-въщательная аффишка, составленная въ духъ англо-американскихъ объявленій, возвъстила о прибытіп знаменитыхъ американскихъ актеровъ и представила подробное исчисление ихъ талаптовъ, также и всъхъ увеселеній, которыя они имъли представить почтенивнией публикъ за три пьястра съ человъка (4 рубля 75 коп. сер. на наши деньги). На дълъ оказалось, что все это представленіе совершенная гадость. Главнымъ действующимъ лицомъ быль Пьэрро; онъ кричаль, кривлялся и льзь изъ кожи, чтобы раземъшить публику, по увы, все было напрасно и смъшны были только его усилія. Всв эти кривлянья, пошлые фарсы и пеблагопристойности, не нашли ни малъйшаго сочувствія въ зрителяхъ и рядъ занимательныхъ представленій, объщавныхъ аффишей, только этимъ, первымъ п последнимъ, и окончился.

Педълю спустя, на мъстъ этого театра воздвиглось новое зданіе, — циркъ. Объявлено было, что въ такой-то день и часъ, произойдетъ въ этомъ циркъ воловья травля. Это извъстіе возбудило общее любопытство, потому-что въ Съверной Америкъ подобныя зрълища, столько обыкновенныя въ Испаніи, совершенно неизвъстны. Всъ ожидали этого дия съ нетериъніемъ. И вотъ, въ одно утро, при звукахъ торжественной музыки, по всему городу и лагерю золотопромышленниковъ провели вола, держа его за рога. Ввечеру циркъ былъ набитъ пародомъ; кромъ новости зрълища многихъ привлекла туда невысокая плата за мъста. Съ человъка брали по піастру.

На этой травлъ не оказалось ин тореадоровъ, ин никадоровъ, ин чулосовъ въ ихъ живописныхъ нарядахъ, ин лошадей, обвъ-шанныхъ лентами и погремушками, ни разъяреннаго вола, а главное ни капельки крови.

28 Смъсь.

Циркъ былъ такъ наполненъ зрителями, что негдъ было упасть яблоку; взоры встхъ гортли нетеритиемъ и жаждой чегото удивительнаго. Но представление не начиналось. Послышался ропотъ на медленность, громче, громче и скоро все слилось въ одинъ общій гуль; угрозы и крики раздавались со всёхъ сторонъ; но вдругъ все затихло: показался волъ. Всъ глаза устремились на него, но о разочарование разочарований! Этотъ волъ, котораго съ такимъ торжествомъ водили по стогнамъ града и весей, и котораго теперь такъ нетеривливо ждали, превратился въ какой-то остовъ. Рога его были отпилены и онъ едва держался на ногахъ отъ слабости: его морили голодомъ, чтобъ онъ не остервенился во время травли и не надълалъ бъды. Въ четырехъ концахъ арены стояли какіе-то ротозъи, махавшіе по-очередно краснымъ платкомъ. На арену выскочилъ Пьэрро, собираясь потешать почтенцую публику своими пошлыми кривляньями, но вст его выходки, какъ и въ первый разъ, не имъли ин малъйшаго успъха. Пусть бы онъ, по-крайней-мъръ выпачкаль себълицо мукой, чтобъ походить на извъстный персонажъ италіянского фарса, а то, представьте себь, что этотъ Пьэрро былъ негръ, съ чорнымъ, лосиящимся лицомъ, какъ-будто только-что вычищеннымъ ваксой. Волъ, въроятно, наскучилъ бездъйствіемъ; замътивъ, что подъ ногами у него росла трава, онъ преспокойно легъ на землъ и со стоическимъ хладнокровіемъ принялся пощинывать ее. Залиъ единодушнаго неумолкаемаго хохота разразвлея въ циркъ... Тъмъ представление и кончилось....

Кром'в того Санъ Франциско имветъ ивсколько лучшихъ театровъ. Главный-театръ Женни-Линдъ, на которомъ пграютъ пьесы Шексипра. Братья Равель показывають тамъ свою силу и ловкость. Недавно устроенъ другой театръ, который, торопясь заработать денегъ, выставилъ на своихъ аффишахъ: идите смотрыть тьжь, которые превосходить Равелей. Эти театры доставляють мало удовольствія: пътъ ничего скучиве и хололиве заль, во всёхъ частяхъ которыхъ видны только серьезные, молчаливые люди. Цена мѣстамъ, въ кассъ, отъ одного до двухъ піастровъ (отъ 11/4 до 21/2 р. сер.) Представления въ двухъ циркахъ прекратились съ наступленіемъ дождиваго времени. Теперь въ нихъ строятъ навъсъ и крытыя скамы, так публика, волтижеры и лошади будутъ защищены отъ вътровъ и бурь.

Въ Санъ Франциско тоже бывають и балы, по какіе балы!... Какъ въ театрахъ, тамъ пътъ инкого, кромъ мужчинъ. Впрочемъ теперь женщивы дълаются менъе ръдкими.

Смъсь. 29

Въ Санъ Франциско тоже есть тюрьма, и не на военной корветть, какъ было прежде, но въ самомъ городъ, — тюрьма временная, сквозная, которой миогочисленные обитатели проводятъ время въ томъ, что облокотившись на жельзныя ръшетки, отдъляющія ихъ отъ улицы Расібіс, смотрять на проходящихъ. Теперь для нихъ строятъ изъ кирпича правильную тюрьму, раздъленную на каморы, въ которыхъ они будутъ защищены отъ дождя и непогодъ. Народопаселеніе для этого зданія будетъ всегда. Здъсь часто грабятъ теперь ночью, на улицахъ, и воровства всякаго рода съ каждымъ двемъ дълаются многочислениъе. Въ настоящую минуту, одинъ негоціантъ въ улицъ Монгомери прибилъ на своихъ дверяхъ длинный списокъ украденныхъ у него вещей, и предлагаетъ 100 піастровъ (125 р. сер.) тому, кто откроетъ вора.

Еще недавно название вора было пензвъстно въ Калифорнии; теперь воры начинаютъ показываться въ ней; но они живутъ и занимаются своимъ ремесломъ только въ Санъ-Франциско. На розсыпяхъ они боятся показываться, по двумъ капитальнымъ причинамъ; во-первыхъ потому что тамъ они должны кръпко работать, а это имъ очень не по нраву; во-вторыхъ потому что тамъ расправа короткая: они знаютъ, что ихъ тотчасъ повъсятъ, какъ только поймаютъ, въ силу Linch-law, къ которому они питаютъ величайшее уважение.

Хотя Санъ-Франциско, какъ я сказалъ, весьма увеличился, много выпграль въ чистотъ и красоть; но ему осталось еще многое, чтобы быть совершеннымъ городомъ. По-мъръ удаленія отъ центра города, удивляющаго своею роскошью, поражаешься его странною физіономіей. Улицы, хотя уже назначенныя, еще не отстроены. Импровизованные дома разбросаны, почти вездъ, безпорядочно, неправильно, куда попало обращены фасадомъ. Всъ роды построекъ смъшаны, отъ прекраснаго дома, художнически раскрашеннаго блестящими красками, до самыхъ скромныхъ жилищъ. Постройка домовъ долго была здъсь самою выгодной спекуляціей, и тогда ихъ привозили готовыми изъ всехъ частей свёта. Каждая нація доставляла свои. Англія наводняла Сапъ-Франциско домами изъ листоваго жельза, изъ жести, изъ цивка, и пр.; но они плохо разбирались и присылавшіе ихъ должны считать себя счастивыми, если только воротять свои деньги. Маленькіе деревяпные домики привозились, въ большомъ количествъ, изъ Швецін, Францін в другихъ странъ, по въ особенности изъ Америки. Китай присылаль огромное количество домовъ, и они самые кра-

сивые, самые прочные и самые дешевые (отъ 50 до 60 піастровъ, отъ 621/2 до 75 руб. сереб). Они двухъ родовъ: одни въ европейскомъ вкусъ, другіе въ чисто-китайскомъ. Наконецъ, далье все смъшано: поперемънно встръчаются шалаши изъ дубовыхъ вътвей и кустарниковъ, крытые холстомъ или землею, шатры, землянки всёхъ размёровъ и видовъ. Какъ въ южныхъ странахъ, въ домахъ Сапъ-Франциско пътъ печей; исключенія ръдки. Окна малы, въ англо-американскомъ вкусъ. Новые кварталы расположены или на холмахъ, или въ лощинахъ; почва ихъ, покрытая кустаринкомъ, состоитъ изъ мелкаго глубокаго песку, по которому едва можно ходить. Летомъ, сильный северный вътеръ забрасываетъ глаза тучами этого песку, напоминая самумъ африканскихъ пустынь, съ тою разпицею, что леденитъ своимъ проницающимъ холодомъ. Для пополненія картины, должно прибавить, что промежутки между этими жилищами наполнены домашними животными. Лошади, мулы, коровы, свиньи, куры, собаки живутъ на свободъ въ этпхъ ориганальныхъ кварталахъ; подобное народонаселение естественно влечеть за собою много неудобствъ: обоняние и слухъ поражаются самымъ непріятнымъ образомъ. Но все это, окинутое однимъ взглядомъ съ вершинъ окружныхъ горъ, представляетъ великолъпную панораму. Видно, что здъсь лежатъ элементы промышленности и торговли, которымъ назначено со временемъ взять громадные размъры.

СТРАНСТВУЮЩІЙ АНТРИРЕНЕРЪ.

(Разсказъ.)

Послѣ того, какъ вы оставили пашу странствующую труппу, или лучше сказать послѣ вашего изгнанія изъ нея, — началъ Флизмей, обращаясь къ моему пріятелю, — я продолжалъ еще отличаться на сценѣ въ званіп героическаго актера. Наконецъ умеръ антрпренеръ и труппа пришла въ разстройство. Всякій домогался директорской власти, всѣ хотѣли повелѣвать, и вдова его, не смотря на то, что всегда завладѣвала главною ролью въ трагедіи, и въ добавокъ къ тому еще была настоящею мегерой за кулисами, объявила, что нѣтъ никакой возможности водворить порядокъ вътакой дикой толпѣ негодяевъ.

«По этому знаку заговориль я *»—сказаль Флизмей,—я выступиль впередь и самымь положительнымь образомь предложиль свои услуги. Опъ были приняты. Чрезъ недълю я женился на вдовъ и заняль упраздненное мъсто. «Похоронный обидь мы по домашнему раскушали не подогритымь на свадьби», какъ говорить Гамлеть. Только мит не являлся духъ моего предшественника, и я безъ мальйшаго затруднения спокойно наслъдоваль вънцы, лавры, шлемы, маски, квижалы, весь театральный хламъ и трянки, не выключая изъ этого числа и вдовушки.

Я повель жизнь веселую. Общество наше было довольно многочисленно и приманчиво, а какъ трудиыя роли въ трагедіяхъ всѣ занималь я или жена моя, то и съ этой стороны кармань нашъ не оставался въ убыткъ. Всегда на ярмаркѣ брали мы верхъ надъ всѣми возможными фокусниками и, смѣю увѣрить васъ, что даже на Варооломеевскомъ рынкѣ** у насъ было пропасть врителей, да и сами критики намъ аплодировали, не смотря на то, что мы должны были въ такихъ случаяхъ бороться съ труппою Астлея ***, съ диковиннымъ великаномъ и съ смертію Нельсона въ восковомъ кабинстъ.

«Однакожъ вскоръ и мит пришлось пспытать заботы и горести своего положенія. Я узналъ, что въ моей труппт гитздятся козни, которыхъ виновникомъ былъ паяцъ, — человъкъ, какъ вамъ безъ сомитнія извъстно, чрезвычайно скучный, вздорливый и всегда сварливый. Мит хоттлось по-просту выключить его изъ труппы, но безъ него нельзя было устоять театру. Онъ былъ самое смъшное и забавное существо на сценъ. Одна его наружность уже возбуждала смъхъ. Онъ зналъ свою значительность и умълъ ею пользоваться. Заставляя безпрерывно хохотать зрителелей на сценъ, негодяй этотъ бушевалъ и ссорился за кулисами, какъ будто-бы въ него вселился самъ нечистый. Я долго и многое прощалъ ему, зная, что эти люди вообще подвержены этой слабости характера.

Но меня занимало еще другое горе, которое доходило ближе къ сердцу и причиняло мит великое огорчение: это любовь моей жены. Надобно-жъ было ей, къ моему несчастию, забрать себт въ голову, что она меня очень любитъ и сдълаться отъ того без-

^{*} Шексипровъ Отелло, дъйствіе 1, явленіе 3.

^{**} Въ Лондонъ.

^{***} Волтижеры, имъющіе постоянный свой циркъ вблизи Вестминстерскаго моста.

32 Смпсь.

пощадно ревнивою. Я никакъ не дерзалъ принимать въ труппу красивой дъвушки, и едва осмъливался бросаться въ объятія къ дурной, ежели роль того требовала. Я былъ свидътелемъ, какъ она въ одно мгновеніе, по выраженію Гамлета, «истере-била въ куски» одну прекрасную даму и тъмъ уничтожила лучшій костюмъ нашего гердероба, единственно оттого, что подсмотръла, какъ и поцъловаль ее во времи репетиціи.

Все это вдвое меня терзало, во-первыхъ, потому что я отъ природы люблю хорошія личики и охотно себя окружаю вми, а во-вторыхъ, театральной труппѣ нельзя обойтись безъ нихъ на ярмаркѣ, гдѣ всегда приходится спорить о преимуществѣ со многими другими балагапами. Но если ужъ ревнивая женщина заберетъ себѣ въ голову дурь, то сколько ни толкуй ей о барышахъ и тому подобномъ, пичто не поможетъ. Вѣрите-ли, господа, что меня не разъ пробирала дрожь по всему тѣлу, когда бывало, въ припадкѣ своей дури, она дебютируетъ въ высокой трагедіи и размахиваетъ по театру жестянымъ кинжаломъ, я боялся, чтобы ей не вздумалось тогда дать воли своему мщенію и въ самомъ дѣлѣ поразить кинжаломъ какую-нибудь изъ мнимыхъ свояхъ соперницъ.

Наконецъ, я провъдалъ однажды, въ бытность нашу на деревенской ярмаркъ, что въ одномъ сосъдственномъ городъ можно снять на откупъ театръ. Я всегда одержимъ былъ желаніемъ пристроить себя къ какой нибудь осъдлой театральной труппъ, а главнъйшею цълію моею было: стать на одной доскъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ, который запималъ мъсто директора правильной труппы и до сихъ поръ обращался со мною съ презръніемъ. Теперь представился случай, которымъ непремънно слъдовало воспользоваться. Я заключилъ контрактъ съ владътелями театра и чрезъ нъсколько дней съ большою церемоніею открылъ представленія.

Теперь изволите видьть меня на самой вершинь моего честолюбія, «на брамстеньгь моего блаженства», какъ говорить Ромео.
Я не представляль уже болье фигуры пачальника какого-нибудь
кочующаго племени, но возсъдаль на директорскомъ стуль и
имъль право антриренеровъ Ковентъ - Гардена и Дрюли-Лена
именовать своими собратьями. Вы, безъ сомивнія, думаете, что уже
посль этого я быль совершенно счастливъ. Ахъ, господа, напротивъ, я быль самою несчастною тварью на бъломъ свъть!
Никто не имъетъ понятія объ страданіяхъ провинціальнаго антрпренера. Никто не можетъ составить себъ иден о ссорахъ и

33

побранкахъ внутри, и о гоненіяхъ и придпркахъ извить. Встранты и бездтавники провинціального городишка цтилялись мить на шею, осаждали мой гардеробъ и производили великія опустошенія между моими кулисами. Вовсе не было возможности отъ нихъ отвязаться, и я былъ бы пропащій человтять, ежели бы ртился ихъ обидть, потому что, какъ ни тяжко приходилось мить жить съ пими въ дружбть, однакоже все-таки это было лучше, нежели имть ихъ врагами. За ними следовала еще толпа деревенскихъ критиковъ и деревенскихъ аматеровъ, которые безпрестанно надотдали мить своими добрыми совттами и воспламенялись гитьвомъ, если я не хоттьлъ имъслъдовать, особливо же деревенскій врачъ и деревенскій адвокатъ, оба птькогда бывшіе въ Лондонть и потому знавшіе, какимъ образомъ надо было представлять на сценть.

Въ добавокъ къ этому, подъ начальствомъ моимъ собралась такая ватага негодяевъ, какихъ едвали-бы можно было встрътить въ стъпахъ какого-либо театра. Ктому-же они назывались любимцами публики. Изъ этого составилась смъсь, безпрестанно приходившая въ броженіе. Они, или дрались другъ съ другомъ, или пировали такъ, что подъ конецъ я уже не могъ различить, какое изъ этихъ двухъ положеній моей команды было песноснъйшимъ. Когда они ссорились, то все дълалось на перекоръ, когда были друзьями, то или надо мною, или надъ къмъ-нибудь другимъ всегда какъ-нибудь издъвались; прибавьте къ этому, что я имълъ песчастіе пользоваться между ними славою добродушнаго, неза-тъйливаго человъка, — самая дурная слава, какую можетъ имъть антрпренеръ.

Иногда ихъ дерзкія проказы доводили меня до бъщенства, потомучто ничего нътъ несноснъе истертыхъ шутокъ, остротъ и насмъшливости обветшалой труппы театральныхъ тунеядцевъ. Опи конечно очень миъ правились, когда я самъ былъ еще членомъ этого общества; но въ званіи антрепренера, я находилъ ихъ отвратительными. Актеры мои вездъ позорили театръ сборищами своими въ трактирахъ и разными шалостями по всей провинціи. Всъ мои увъщанія о йеобходимости поддерживать достоинство званія и честь труппы, остались безплодными. Эти бродяги не могли сообразоваться съ тою разборчивостію, какою долженъ отличаться человъкъ, имъющій голось въ обществъ, и какимъ въ то время былъ я. Но что еще важиъе, они издъвались даже надъ самою важностію театральнаго быта; сколько разъ доводилось миъ прерывать представленія и биткомъ набитый театръ, въ

двадцать пять фунтовъ сбора, заставлять дожидаться пьесы, потому только, что актерамъ приходило на мысль запрятать куданибудь нужныя платья. Я не разъ видълъ Гамлета, торжественно выступавшаго на сцену для произнесенія своего монолога — и чтожъ? на плащъ его висълъ бумажный гусекъ. Вотъ какія нечаянвыя слъдствія угрожаютъ директору провинціальной труппы, ежели онъ пользуется именемъ добраго человъка.

Чрезвычайно также непріятенъ былъ мив прівздъ какого-нибудь великаго актера изъ Лондопа, съ твиъ нам'вреніемъ, чтобы, какъ говорится, блеснуть зв'єздою. Изъ числа всякаго рода злыхъ навожденій упаси меня, пебо, болье всего отъ зв'єзды Лондонской! Актриса первой степени, разъ'єзжающая по вс'ємъ провинціальнымъ театрамъ, столько же гибельна, какъ огненная комета, протекающая по тверди небесной и сотрясающая съ хвоста своего пламя, б'єдствія, свары и крамолы.

Всякой разъ, при появлени какого-нибудь изъ этихъ свътплъ на моемъ горизонтъ, я тренеталъ и потълъ отъ ужаса. Театръ мой наполнялся тогда чопорными франтами провинціи и поддъльными обращиками Бон-Стритскихъ закоулковъ, которые всегда чванятся тъмъ, что составляютъ свиту столичной актрисы, и очень бываютъ довольны, если имъ кажется, что другіе върятъ, будто они въ самомъ дълъ въ короткомъ съ нею знакомствъ. Въ такихъ случаяхъ миъ только бывало полегче, если около этого кедра увивался какой-нибудь странствующій молодой дворянчикъ, который всю эту мелочную тварь умълъ держать въ приличномъ отдаленіи. Съ образованными дворянами я всегда какъ-то лучше уживался, нежели съ ротозъями провинціальнаго городишка.

Прибавьте къ этому оскорбленія, которымъ я подвергался относительно своей личности и важности своего званія, при такихъ посъщеніяхъ знаменитыхъ Лондонскихъ артистовъ! Клянусь честію — меня ня въ грошъ не ставили на верхушкъ моего значенія; теребили и помыкали въ собственной моей директорской камеръ и на собственномъ моемъ театръ обходились со мпою, какъ съ ветошкою. Иътъ тирана, который бы былъ такъ прихотливъ и жестокъ, какъ Лондонская звъзда на провинціальномъ театръ. Я трусилъ ихъ, завидъвъ еще издали, однакожъ, если бы я ихъ не допустилъ на сцену, то публика пошла бы на меня войною. Они, конечно, скликали ко мвъ зрителей и повидикому составляли мое благополучіе; но они же разрушали всъ мои блага своею непомърною назойливостію. Эти господа

для моего маленькаго театра были тоже, что черви; чёмъ болёе онъ давалъ сбору, тёмъ становился бъдибе. Я положительно могъ быть увёренъ, что послё нихъ останется на мою долю: обобранная публика, пустыя скамы и нёсколько дюжинъ обидъ городскимъ жителямъ, по случаю кой-какихъ недоразумёній за мъста въ театръ, которыя миб-же надлежало привести въ порядокъ.

Множество неудачъ и несчастій довели наконецъ меня до того, что театръ оставался пустымъ, актеры пришли въ волненіе, мои двери безпрестанно уступали толчкамъ кредиторовъ, а жена часъ отъ часу становилась бранчивъе, чъмъ болъе нуждался я въ утъшеніяхъ.

Въ продолжение нъкотораго времени я пытался было найти для себя отраду въ обычной сноровкъ всъхъ страдальцевъ и мужей-мучениковъ, т. е., познакомился съ бутылкой, хотълъ пропить свои заботы, но напрасно. Говоря такимъ образомъ, я отнюдь не хотъль сказать ничего въ охуждение бутылки; она, безъ сомивнія, есть превосходное средство во многихъ случаяхъ, но мив пришлась не впору. Голосъ мой охрипъ, носъ покрылся прышами, а жена и обстоятельства мои остались все таже. Мой театръ превратился въ вертепъ воровства и безпорядка. Со мною поступали, какъ съ человъкомъ, въконецъ раззорившимся, однимъ словомъ, всякой почиталъ себя вправъ обдирать меня, какъ угодно. Я ежедневно не досчитывался по одному члену изъ моей трупцы, который, убъгая отъ меня, какъ дезертеръ, уносилъ съ собою свое оружие и пожитки. Такимъ образомъ, весь мой гардеробъ пришелъ въ движение и обратился въ бъгство; дорогія вещи мои разгуливали по цълому государству, мои мечи я кинжалы сверкали вз каждомъ овинъ, пока, напослъдокъ, мой портной сдълалъ «отчаянный ударъ» * и поддълъ меня на три праздинчныхъ кафтана, на полдюжины колетовъ и на девятнадцать паръ длинныхъ панталонъ тълеснаго цвъта. Это было «все и всему конецъ ** » въ моемъ театральномъ хозяйствъ; нослъ этого я не долго колебался. Если уже воровство, подумалъ я, вошло въ обычай, то и я примусь за то же: собралъ потихоньку уцълъвшія въ моемъ гардеробъ драгоцьяности, завернуль въ носовой платокъ одну героическую одежду, вздёль его на трагическій мечь, и тайкомъ, въ темную почь, обратился въ бъгство.

^{*} Макбетъ Шекспира.

^{**} Макбетъ.

Смпсь.

Таковъ, милостивые государи, конецъ моего властвованія. Я въ очистку излечился отъ страсти къ управленію и вошелъ обратно тъломъ и душею въ прежнюю сферу. Въ продолженіе нъкотораго времени я велъ обыкновенную актерскую жизнь: игралъ на разныхъ провинціальныхъ театрахъ, на рынкахъ и въ балаганахъ; временемъ приходилось мит жутко, временемъ было тепло и весело, пока наконецъ одинъ случай чуть было не утвердилъ моего благополучія и не возвелъ меня въ диво нашего стольтія.

Въ одномъ деревенскомъ трактиръ я разыгрывалъ однажды роль Ричарда III, и притомъ въ самомъ выгодномъ для меня расположении духа, то-есть, если сказать вамъ правду.... на весель. Критики-же нашей труппы всегда находили въ нгръ моей гораздо болъе силы и эффекта, если я выпивалъ однимъ стаканчикомъ болъе обыкновеннаго. Раздалось шумпое одобреніе, когда я дошелъ до того мъста, гдъ Ричардъ восклицаетъ: Коня! Коня! в такъ далъе.... Здъсь мой охриплый производилъ всегда чудесное впечатлъніе: онъ походилъ вдругъ на два голоса, которые сливаются вывств; казалось, будто два человъка требуютъ лошади, или Ричардъ требуетъ двухъ лошадей. А когда я съ презрѣніемъ возопилъ къ Рачмонду: «Ричардъ пламенњетъ вызвать тебя на битву!», мвъ показалось съ перваго раза, что отъ пеобычайнаго хлопанья и крика публики, весь трактиръ обрушится надо мною.

Утромъ, на другой день, какой то господниъ удостоилъ меня своимъ посъщениемъ. Я тотчасъ смъкнулъ по наружности, что это долженъ быть человъкъ благовоспитанный, потому что на груди его блестъла огромная булавка, на нальцахъ были толстыя кольца, а въ рукъ лорнетъ. И въ-самомъ-дълъ онъ былъ человъкъ благовоспитанный.... Я узналъ, что онъ занималъ должность писателя на жалованът при одномъ изъ первыхъ лондонскихъ театровъ, — человъкъ, который работалъ подъ руководствомъ директора, обръзывалъ и разръзывалъ пьесы, чинилъ и поправлялъ ихъ, выворачивалъ наизнанку и давалъ имъ новый фасонъ.... словомъ, это былъ самый ръшительный и величайшій писатель нашего

времени.

Теперь онъ дълалъ набъги по цълому государству, съ намърепіемъ отыскать гдъ нибудь такое существо, которое бы можно было выдать за диковнику. Театръ, повидимому, находился въ отчаянномъ положенін, — и одно только чудо могло спасти его. Накапунъ — онъ видълъ, какъ я разыгрывалъ Ричарда и тотчасъ ръшилъ, что это чудо — я! Въ пгръ моей видна была чрезвычайная живость, а походка имъла что-то поразительное. Я, безъ сомивия, во многомъ отличался отъ героевъ нашего балагана, и оттого господину агенту пришла мысль выставить меня на по-зорище публики, какъ театральное диво, какъ возтановителя естественной и настоящей манеры искусства сценическаго, какъ единственнаго актера, который постигъ Шекспира и умъетъ выразить его на сценъ.

Когда онъ объявилъ мит свои намтренія, я попятился отъ него назадъ съ надлежащею скромностію.... Сказать по совтети, хотя я и имълъ о себт весьма высокое митніе, но все-таки не подозртвалъ въ себт столько удальства, чтобы пуститься на такіе подвиги.

Я признался ему въ своемъ плохомъ знаніи Шекспира, потомучто всѣ характерныя роли въ его пьесахъ представлялъ по изуродованнымъ спискамъ и сверхъ того добавлялъ къ нимъ порядочную порцію кой-чего собственнаго изобрътенія, ради вспомоществованія дурной памяти или для возвышенія эффекта.

— О, тъмъ лучше! — вскричалъ благовоспитанный человъкъ. — Новый образъ чтенія! новая манера дикців! Не учите ни одной строчки, а давайте намъ Шекспира по собственнымъ вдох-повеніямъ.

— Но мой голосъ совершенно осипъ, онъ недостаточенъ для

Лондонскаго театра.

— Тъмъ лучше! тъмъ лучше! Публикъ надоъло ужъ это громогласіе.... оно уже вышло изъ моды. — Нътъ, государь мой, вашъ голосъ именно то, въ чемъ мы нуждаемся; ревите и войте, бормочите и фыркайте по театру, и вы будете тъмъ сокровищемъ,

которое избавить насъ отъ погибели.

— Пусть такъ, сказалъ я, и сказавши, не могъ удержаться, чтобы не покраснътъ до конца своего носа; но я ужъ ръшился быть откровеннымъ.... Пусть такъ! Между-тъмъ, — добавилъ я,—есть еще одно непріятное обстоятельство: за мною водится несчастная повадка, мон бъдствія и мон скорби, которыми судьба посътила меня въ деревенскихъ балаганахъ, побуждали меня иногда пропускать... къ.... къ.... къ возбужденію силъ, пъсколько глотковъ чего-нибудь кръпительнаго, а такъ какъ....

— Неужели и въ самомъ-дълъ вы пьете? — съ жаромъ спросилъ

агентъ.

Я кивнулъ головою, сдълалъ ужимку и, покраснъвъ до ушей, сказалъ: пьюсъ-съ!

— Тъмъ лучше! Тъмъ лучше! Своенравіе генія! Быть трез-

38 Смпсы.

вымъ — дъло очень обыкновенное; наша лондонская публика весьма любитъ актеровъ, которые пьютъ. Ударимъ по рукамъ... почести, вы тотъ самый человъкъ, который въ состояни обратить на насъ внимание.

Я все еще не зналъ, върить ли миъ словамъ его и объявилъ,

что подобныхъ похвалъ не заслуживаю.

— Что за вздоръ! — вскричалъ онъ, о похвалѣ у насъ вовсе нътъ и ръчи.... Неужели вы забрали себъ въ голову, что я дъйствительно почитаю васъ чудомъ: вътъ, сударь, только публика должна васъ почитать такимъ. Ничего не стоитъ обмануть публику, сказавъ ей безъ обиняковъ, что вы точно чудо; обыкновенный талантъ измъряется обыкновеннымъ масштабомъ; но чудо откидываетъ въ сторону всъ правила и бываетъ выше всякой мъры.

Эти слова, въ одно мгновеніе открыли ми'є глаза и мы между собою тотчасъ-же кончили: хотя такимъ образомъ суетность моя немпого вынграла, но за то вынгрывалъ разумъ, а главное карманъ.

Мы условились, чтобы я явился на позоряще Лондонской публикъ, какъ драматическое солице. Надо было соблюсти всъ нужныя предосторожности, чтобы со встхъ сторонъ завладеть митніемъ публики. Въ партеръ слъдовало разсовать добрыхъ хлопальщиковъ, журналы подкупить для пламенныхъ возгласовъ удивленія и разослать во вет театральные клубы наемныхъ панегиристовъ. Однимъ словомъ, необходимость требовала употребить въ дъло всевозможныя театральныя шарлатанства. Положено было обращать внимание особенно на тъ мъста, гдъ я буду отступать отъ манеры прежнихъ актеровъ и увърять смъло и ръшительно, что я выполнию ихъ върно, а они певърно. Если я стану бурлить и горлавить, то это будеть называться чистымъ изліяніемъ страсти; если игра моя собъется на площадную, то величать ее откровеннымъ порывомъ природы; если сдълаю какую либо грубую ошибку, то да будеть она новымъ манеромъ театральной дикцін. На случай, ежели я потеряю голосъ, или забуду роль, мив нужно было цепремънно едълать отчаянный прыжокъ, исковеркать рожу, зарычать на зрителей и озадачить ихъ страшными гримасами, какія только придутъ мнѣ въ голову; почитатели мои обязаны все это возвеличить титломъ черты возвышенной, броситься въ сторону, вопить и хлопать отъ восхищенія.

— Словомъ, — продолжалъ господинъ съ лориетомъ, — работайте на сценъ изо всей силы и мочи: въ томъ пътъ никакой надобности, какъ и что вы дълаете, лишь бы все казалось диковиннымъ и не-

обыкновеннымъ. Если вамъ удастся въ первый вечеръ обойтись безъ привътствія гнилыми яблоками, то можете-быть увърены въ своемъ счастіи и благополучіи театра.

И такъ, полный новыхъ надежаъ и новыхъ плановъ, я отправился въ Лондонъ вмъстъ съ заказнымъ писателемъ. Судьба обрекла меня быть возстановителемъ Шекспира, природы и истиной драмы; моя зыбкая походка должна была обратиться въ величавую и геропческую, а хриплый голосъ въ образецъ благозвучія. Но, увы! и здъсь подстерегла меня злая судьба; еще до прибытія моего въ столицу тамъ появилось другое диво, женщина, которая плясала по ненатянутому канату и, окруженная фейерверкомъ, изволила прохаживаться по веревкъ отъ сцены до самой галлерен.... Директоръ съ жадностію взяль ее на откупъ — и она спасла отъ гибели знаменитый національный театръ. Только и говорили о фейерверкахъ мадамъ Сакчи, — а природа, а Шекспиръ, какъ-будто не бывали.

Когда штуки мадамъ Сакчи нъсколько поустаръли, то явились на сцену другія диковинки: лошади, фокусники и морочанья всякаго рода, которыя также, въ свою очередь, уступали мъсто какимъ-вибудь новымъ театральнымъ ръдкостямъ.... И отправился къ своему присяжному писателю съ намъреніемъ попроенть объясненія; но имълъ несчастіе застать его въ трудахъ надъ какоюто новою мелодрамою, или балетомъ.... и онъ крайне разгитвался за то, что я его потревожилъ. Къ ечастію, дирекція приняла на себя обязанность заботяться о моей особъ и я былъ помъщенъ въ труппу. Кинули жребій: быть-ли мит Александромъ Македонскимъ, или лежачимъ разбойникомъ въ трагедія Щекспира.... и я сдълался послъднимъ. Меня нельзя было выставить впереди всъхъ актеровъ, и потому я помъстился сзади.... Аругими словами — я былъ включенъ въ число полезныхъ людей, разъигрывающихъ трудныя роли выходныхъ и аксессуарныхъ лицъ.

Впрочемъ, я совершенно былъ доволенъ своею участью; въ характеръ моемъ издавна проглядывало что-то философское. Хо-тя положение мое и не очень было блистательно, по за то върно, а если молвить правду, то мит уже случалось видъть болъе полудюжины театральныхъ диковинокъ, которыя являлись, ослъпляли, ленались, какъ мыльные пузыри и печезали; междутъмъ, какъ я тихо и безмятежно держался на нижней ступенькъ моего искусства.

Смъйтесь, сколько вамъ угодно, но я увъряю васъ, что мы «полезные люди» — единственные счастливцы на сценъ. Мы не боимся шиканья и стоимъ выше надежды на одобреніе; не ревнуемъ къ хорошему успъху своихъ соперниковъ и не трусимъ пера рецензентовъ. Затвердивъ наизустъ слова нашей роли, которыхъ обыкновенно бываетъ немного, мы ни о чемъ уже болъе не заботимся. У насъ свои удовольствія, свои друзья и свои почитатели, потому-что всякій актеръ, и ничтожный и знаменитый, имъютъ своихъ почитателей.

Во все продолжение моего театральнаго поприща я только еще теперь въ первый разъ чувствую, что значитъ истинное удовольствие. Разсмотръвъ поближе театральную знаменитость, я крайне сожалью о бъднякахъ, которыхъ величаютъ любимцами публики: по мявлучше быть котенкомъ въ фрукахъ избалованнаго дитяти и ждать, что мепя или накормятъ и приголубятъ, или прихлопнутъ ложкой по лбу....

Въ числъ монхъ собутыльниковъ я открылъ здъсь двухъ или трехъ прежде бывшихъ антрпренеровъ, которые также, какъ и я, держали бразды управленія на провинціальныхъ театрахъ — и мы славно и часто за кружкою вина — бесъдуемъ о минувшемъ....»

Таверна пустъла, когда Флизмей кончилъ свой разсказъ.... При шумъ падающаго дождя мы разошлись по домамъ.

ИСТОРІЯ ПЕРВАГО ГОРНАГО ЗАВОДА ВЪ РОССІИ.

Въ 1634 году, то-есть, за 210 лътъ назадъ, Царь Михаилъ Өсодоровичъ, извъстясь, что нынъшняя Пермская губернія избилуетъ
разнаго рода металлами, отправилъ туда въ февралъ 1633 года,
для отысканія оныхъ, Стольника Стръшнева и гостя Надъю Свътешникова, съ нъсколькими дворянами. Они возвратились черезъ 14
мъсяцевъ, съ донесеніемъ, что нашли богатую мъдную руду. Къ
этому времени прибыли въ Москву, выписанные изъ Саксоній, рудознатцы. Главнъйшаго изъ нихъ Ариста Пестцольда и отправилъ Царь, вмъстъ съ помянутымъ Свътешниковымъ, для построенія завода.

Посланные эти построили упраздненный нынѣ Пыскорскій заводъ, давъ ему это имя потому, что занятое подъ нимъ мѣсто принадлежало Пыскорскому монастырю. Добытая на заводѣ мѣдь, побудила весьма скоро туляпина Демидова и гостя Строганова обратить также на этотъ предметъ особенное вниманіе, и бы-

ла сильнъйшею причиною размноженія горнаго завода и народонаселенія въ Казанской, Вятской, Оренбургской и Пермской губерніяхъ, которыя были тогда мало обитаемы и почти неизвъстны. Изъ послъдующихъ актовъ видио, что на этомъ заводъ шли очень хорошо добыча и плавка рудъ, и что при работахъ находилось иъсколько нъмцевъ.

Нъмцы эти привезены изъ Саксоніи, куда за ними посланы были изъ Москвы дьяки Грязевъ, Матюшкинъ, переводчикъ Пакозаевъ и золотыхъ дълъ мастеръ Эльрендорфъ. Замъчательно, что мы имъли уже въ то время знакомыхъ въ Саксоніи; ибо Царъ приказалъ туда написать къ Гаврилъ Марселіусу, чтобы онъ ссудилъ нашихъ посланныхъ деньгами, которыя ему возвратятся въ Москвъ изъ казны.

Вслъдъ за горнымъ заводомъ, явилась въ Москвъ мельница, для выдълыванія лосинныхъ кожъ. Предложившему это фонъ Бранту даровано было право торговать десять лътъ безплатно, сдъланными имъ кожами, и запрещено въ теченіе всего этого времени устроивать подобныя мельпицы.

Черезъ два мъсяца послъ помянутой льготной грамоты, дана такая же на 15 лътъ Косту, для устроенія стекляннаго завода, на купленныхъ имъ въ Московскомъ убядъ шести пустошахъ.

ИЖЕМЦЫ И САМОБДЫ НА ЯРМАРКЪ.

Село Небдинъ * отстоитъ отъ города Устьсысольска съ небольшимъ въ 70-ти верстахъ, по дорогъ къ съверо-востоку. Заселенное государственными крестьянами, оно съ выгодами мъстоположенія соединяетъ всъ удобства для обитателей, коренныхъ Зырянъ, называющихъ себя Коми или Коми-войтыръ **.

* Въ Небдинъ находится каменная церковь, домовъ 285, жителей обоего пола считается 2,155 душъ.

** Я употребилъ выраженіе: коренных Зыряно — въ томъ предположеніи, что поселеніе ихъ въ этихъ мъстахъ было во времена незапамятныя и что отсюда они переселялись въ Архангельскую и Пермскую губернів. Зыряне никогда не называютъ себя этимъ именемъ; спросите любаго изъ нихъ, кто онъ? и получите въ отвътъ: ме Коми или вообще обо всемъ народъ Коми-воймыръ, то-есть: я Камецъ или Камскій народъ. Зыряне считаютъ себя выходцами съ береговъ ръки Камы, но это имчёмъ не доказано. 42 Смпсь.

Небдинъ лежитъ на правомъ берегу быстрой Вычегды, именуемой туземцами Эжъ-ва *. Природа, надъливши это мъсто богатыми красотами, заключающимися, кромъ живописнаго положенія, въ чудно-прелестныхъ видахъ, кажется, присовътовала Зырянамъ выбрать его, для постояннаго своего жилища. Зыряне не отказались отъ вывоза и не ошиблись въ выборъ: это показываетъ, что они, можетъ быть, въ началъ не были народомъ дикимъ, грубымъ, который печувствителенъ къ дарамъ природы, не печется объ удобствахъ тихой, осъдлой жизни **.

Село вытянуто вдоль нагорнаго берега Вычегды версты на четыре. Противуположный, заръчный берегъ чрезвычайно низокъ, и весной разливъ ръки въ ширину бываетъ версты на три и болье. Отъ села, по отлогой покатости, спускаются къ ръкъ поля, засъянныя хлъбомъ и подлъ зеленъющіе луга, какъ бы катятся съ горы, переръзанной въ разныхъ направленіяхъ вьющимися ручейками, воды которыхъ уноситъ съ собою Вычегда. Сытый кормъ и прохладительное питье ожидаютъ здъсь ръзвыхъ овецъ, тучныхъ коровъ и бодрыхъ, крънкихъ лошадей, дружный бъгъ, здоровый и веселый видъ которыхъ, показываютъ, что онъ довольны дарами окружающей ихъ природы. Наконецъ взоръ останавливается на неизмъримомъ пространствъ окружающихъ село лъсовъ, и углубляясь въ ихъ безпредъльную, спневатую даль, любуется этимъ мощнымъ оплотомъ противу сильныхъ порывовъ съвернаго вътра.

Большая каменная церковь, во имя Преображенія Господня, построенная на горъ, во вкусь повъйшей архитектуры, свидътельствуетъ объ усердін къ храму набожныхъ прихожанъ; а довольно красивые домы, расположенные по плану, по объимъ сторонамъ проъзжей дороги, наводятъ на мысль о довольствъ и изобиліп здъщнихъ жителей.

Гостепрівмство у Зырянъ чисто патріархальное, и радушіе, съ

^{*} Эжо-еп — зеленая ртка; проятно Вычегда такъ названа отъ множества луговъ, которые она орошаетъ.

^{**} Разбирая этимологически слово Зыряне, что значить по-русски вытосненные, нельзя согласиться съ мивніемъ г. профессора Казанскаго Университета Булыгина, который признаетъ Зырянъ народомъ образованнымъ, вышедшимъ съ Кавказа. (См. Жур. М. Н. П. за 1856 г. —). Трудно судить объ образованности народа, затерявшаго письменность, не имъющаго викакихъ историческихъ фактовъ, происхожденіе и развитіе котораго основано на темныхъ разногласныхъ преданіяхъ.

Смпьсь. 43

которымъ они принимаютъ гостя, нисколько неподдъльное. - Напримъръ, вы пріъхали въ Небдинъ, остановились у дома, который получше и который выбрали времянной для себя квартирой.... Вашу повозку окружають запачканные ребятишки и праздношатающіеся мужики, задумчивые, угрюмые. Они вст ожидаютъ вашихъ приказаній, за исполненіе которыхъ весьма будутъ довольны: мальчишки — калачемъ, а мужики — рюмкой водки. Хозяинъ того дома, у котораго вы остановились, съ низкими въ поясъ поклонами, никогда не видавши васъ, проситъ къ себъ и отводитъ лучшую комнату въ домъ. Оставляя повозку, будьте увърены, ничто не потерлется: мальчишки въ перебой стараются перенести поспльное изъ вашего дорожнаго запаса и имущества; усердію ихъ нътъ границъ; и все, что было у васъ въ повозкъ, мигомъ очутится въ комнать, предъ вашими глазами. А между тъмъ, хозяннъ хлопочетъ и суетится около самовара и, обрекая всего себя на услуги прітажему гостю, имъетъ въ виду не корыстолюбивое вознаграждение, а желаше угодить и получить доброе за это слово.

Ръдко гдъ встрътится примъръ подобнаго радушія и безкорыстной готовности къ услугамъ! Наблюдателю правовъ открылось бы здъсь поле просторнаго размышленія, богатый моральный источникъ.... Но обратимся въ главному предмету нашей статьи — Небдинской ярмаркъ.

Небдинская прмарка учреждена Правительствомъ, съ цълію увеличить мъстныя средства къ скоръйшему сбыту пушныхъ товаровъ и разнаго рода избытковъ сельской промышленности. Ярмарка начинается съ 18 го января и продолжается по 5-е февраля. Она носитъ названіе Аванасьевской. Сбытъ товаровъ съ каждымъ годомъ увеличивается: въ 1840 году продано ихъ слишкомъ на 9 тыс. а въ 1843 г. — на 15 тыс. руб. сер. Товаровъ въ привозъ въ послъднемъ году было болъе чъмъ на 30 тыс. рубсер. Доходъ отъ анбаровъ и квартиръ въ пользу села простирался до полутора тыс. руб. серебромъ.

Прівзжають на ярмарку Ижемцы, Самовды (изъ Архангельской губерній), Устьсысольскіе, Яренскіе, Чердынскіе и Вятскіе купцы. Ижемцы и Самовды торгують болье рыбою и привозять въ большемъ количествь осетровъ, семгу соленую и свъжую, бълую рыбицу, пелядей, чировъ, пельмъ, сиговъ соленыхъ и свъжихъ, икру краспую и разную мелкую рыбу. — Цъны на рыбу ежегодно мъняются, это зависять отъ болье или менье успъш-

наго лову. Впрочемъ, семга в осетряна ръдко бываютъ дороже 10

и 12 руб. ассиг. за пудъ.

Въ 1843 году, по чрезвычайно счастливому лову рыбы, цёны на нее были самыя низкія, напр. пудами лучшая печерская свёжепросольная семга продавалась отъ 4 до 7 руб., свёжая отъ 8 до 12 руб., осетры по 7 и 9 руб., бълая рыбица — 5 и 6 руб., нельма — 3 и 4 руб., пеляди и чиры отъ 2 до 3 руб., сиги — отъ 1 до 1½ и 2 руб., икра красная — 6 и 7 руб. ассиг.

По главному участію въ торговлѣ Ижемцевъ и Самоѣдовъ, для полноты разсказа неизлишнимъ считаемъ сообщить въ послѣдо-

вательности приготовленія ихъ къ пути на ярмарку.

Предъ наступленіемъ ярмарки въ близкихъ между собою деревняхъ Ижемской волости замътно необыкновенное движение: отцы семействъ, дряхлые старики, мужья, жены, дъти, всъ хлопочутъ, перебъгаютъ изъ дома въ домъ, съ лицами насмурными, озабоченными.... Узкія, продолговатыя сани съ рыбою и дорожными припасами тянутся на большое пространство, тамъ и сямъ разбросанныя. Въ каждыя изъ нихъ впряжены два оленя бодрые, веселые, съ нетерпъніемъ ожидающіе везти привычную тяжесть. Собаки, привязанныя у саней, съ лаемъ встръчаютъ своихъ хозяевъ, которые становятъ оленей рослыхъ и видныхъ впередъ, а тощихъ позади. Осмотръвши всъ сани, поставивши оленей въ извъстный порядокъ, хозяева уходять въ домы... Невидно никого на улицахъ; все тихо, какъбудто и не бывало никокаго движенія. И самые олени, оставленные хозяевами, наклонивъ головы, унылые, не роютъ снъгъ копытами, не смотрять другь на друга. Въ избахъ предъ иконами мелькаеть огонекъ: отправляющиеся въ дорогу молятся Богу о счастливомъ пути, о здоровь в оставляемаго семейства, объ усиъшной продажь товаровъ... Потомъ принимаютъ благословенія старшихъ и, благословляя сами, прощаются съ родителями, женами и дътьми, которые кромъ слабыхъ и малосильныхъ, всъ становятся на лыжи и провожаютъ родныхъ своихъ верстъ за 20 и болъе. Надобно замътить, что Ижемцы и Самоъды никогда не выъзжаютъ на ярмарку всъ вмъсть, въ одно время, но отправляются изъ своихъ деревень, такъ называемыми чомами, черезъ день одни послъ другихъ. Иногда партія состоитъ изъ 10, 15 и 20 чомовъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ. Въ чомъ — до 500 оленей; каждый чомъ дълится на 10, 15 и 20 аргышовъ; въ аргышъ по 15 паръ оленей.

Порядокъ выступленія чомовъ следующій: на первыхъ саняхъ

Смъсь. 45

передоваго аргыша сидитъ хозяпнъ; къ его санямъ привязывается вторая пара оленей, къ этимъ третія и т. д. до послъдней. Первая пара оленей отличается отъ прочихъ и ростомъ, и знапіемъ, и различными украшеніями, и самою ценою: Ижемецъ развъ только въ самой крайней нуждъ съ ней разстанется. Упражь оленей самая простая: къ хомуту, обтянутому войлокомъ, пришиваются синзу двъ кръпкія веревки, которыя, обтягивая грудь и брюхо оленя, чрезъ заднія ноги его проходять къ санямъ. Вся тяжесть груза лежить на шев и передней части животнаго. Пара впряженныхъ оленей не бъжитъ рядомъ: непремънно одинъ впереди, между-тъмъ какъ хомутъ другаго привязанъ къ половинъ всей протяженности перваго. У оленя, которымъ начинается аргышъ, къ левому рогу прикрепляется моржовой гужъ. Если этотъ гужъ подергиваютъ, то олень знаетъ, что ему надобно бъжать влъво; а когда бокъ его чувствуетъ ударъ гужа — то вправо. Чомъ заканчивается аргышомъ, всъ сани котораго заняты дорожными съфствыми припасами, подвижными юртами, жердими, шестиками, войлоками, оленьими шкурами и проч.

Хозяннъ чома, большею частію Ижемецъ, по числу аргышовъ беретъ съ собою столько и работниковъ — Самовдовъ. Они поперемвно идутъ на лыжахъ, показывая дорогу, а прочіе сидять въ первыхъ саняхъ следующихъ аргышовъ. Стрелой, лётомъ мчатся пары этихъ быстрыхъ животныхъ и.... вотъ боръ — мъсто отдыха и корма оленей. Работники вмигъ распрягаютъ ихъ и передаютъ прану — Самовду, который преимущественно ходитъ за оленями и хорошо знакомъ имъ. Этотъ яранъ встаетъ на лыжи, и за нимъ попарио идутъ олени, а между-тъмъ прочіе работники протягиваютъ къ бору веревку, чтобъ молодые, непривычные олени до времени не бъжали въ лъсъ. Яранъ обводитъ на бору кругъ, и странно: олени не выбъгаютъ за границы круга, обозначеннаго лыжами ярана. Кругъ вмъстъ въ діаметръ верстъ 10 — мъста довольно, чтобъ поискать пищи, отдохнуть и поръзвиться усталымъ оленямъ. На границъ круга, ожидая смъны, остаются два или три Самовда, съ върными друзьями — собаками.

Работникъ извъстнаго аргыша, въ самомъ огромномъ числъ оленей, не ошибется, не возъметъ чужаго. Признаки и замътки различны: у инаго на рогахъ, у другаго на лбу, у третьяго на бокахъ; какими-то кръпко връзавшимися красками начертаны особенные знаки, этотъ отличается природными пятнами, тотъ серьгами, вдернутыми въ уши или бубенчиками на рогахъ и проч. — Пустивши

на боръ оленей, работники для себя и хозяевъ ставятъ подвижныя, готовыя юрты, устройство которыхъ слъдующее: въ снъту
укръпляютъ длинные шесты, въ наклонномъ положеніи; сверху
набрасываютъ на нихъ сшитые оленьи шкуры, касающіяся земли. Вверху оставляется незакрытое ничъмъ пространство, въ
которое проходитъ воздухъ и дымъ. На снътъ разстилаютъ въ
юртъ худыя оленьи шкуры, а на эти лучшія, шерстью внизъ.
Противъ отверстія снътъ выбрасываютъ, приносятъ сухаго хворосту и разводятъ огонь. Самоъдъ палитъ на огнъ оленину и
ужинаетъ. Жаръ заставляетъ его снять малицу или совикъ, и
остаться въ одной сорочкъ, тогда, какъ внъ юрты 30 градусовъ
морозу; Самоъдъ спитъ, не окутываясь ничъмъ. Въ юртъ свободно могутъ помъстаться десять человъкъ.

Вмъсть съ разсвътомъ пригоняютъ съ бора оленей, впрягаютъ ихъ и приводятъ весь чомъ въ прежній порядокъ *. — Останавливансь только изъ необходимости, - покормить усталыхъ оленей и дать имъ время отдохнуть. Ижемцы и Самобды, достигнувъ Небдина располагаются юртами, каждый чомъ отдъльно, не доъзжая верстъ пяти или болье до самаго села. Это дълается, во-первыхъ, для того, что лошади при видъ смирныхъ оленей пугаются, даже бъсятся; а во-вторыхъ, это коммерческій расчеть Ижемцевъ и Самобдовъ: они скрывають темъ привозъ рыбы и выигрываютъ. Ни одинъ изъ своего чома не привезетъ на мъсто ярмарки всей рыбы, а подвозитъ, какъ говорится, исподоволь, по маленьку, увтряя покупателей, что у него всей рыбы столько, сколько онъ ее привезъ. Распродавъ ее, онъ беретъ снова такое же количество, привозитъ на рынокъ и если торгуетъ рыбу знакомый покупатель, (т. е. который прежде бралъ у него рыбу и котораго онъ увърялъ, что ему отдаетъ послъднюю) то Ижемецъ утверждаетъ, что эта рыба не его, а товарища.-Такая уловка простительна крестьянину; она касается болъе до

^{*} Не будетт лишнимъ если скажемъ, какъ собираютъ, сгоняютъ оленей. Половина работниковъ чома, обходя боровое мъсто, тотъ кругъ, въ которомъ находятъ себъ пящу олени, громко произносятъ восклицанія, состоящія изъ звуковъ: гой-гой, гу-гу, го-го, знакомыхъ оленямъ, которые, лишь только ихъ заслышагъ, собираются въ кучу, въ одно мъсто. Оставшіеся работники, на открытомъ, ровномъ мъстъ, дълаютъ просторный кругъ изъ кольевъ, втыкая ихъ въ сиъгъ. Колья эти обтягиваютъ веревкою, исключая пространства, куда бы могли входить олени. Потомъ въ этотъ кругъ вгоняютъ всъхъ оленей, а работники, накидывая имъ на рога веревочные арканы, выводятъ каждые своихъ.

прівзжающихъ на ярмарку людей не торговаго сословія, которые, видя мало въ привозв рыбы, одинъ передъ другимъ стараются поскорве раскупить ее, надбавляя цвну и не бракуя, какъ купцы. Послъднее весьма пріятно Самовду, незнакомому съ обманомъ, не привыкшему хвалить то, что видимо плохо: онъ пе станетъ ловить покупателей, что бы сбыть попортившуюся рыбу и не поставить ее рядомъ съ хорошей.

Въ концъ ярмарки всю рыбу скупаютъ Вятскіе, Чердынскіе и Устьсысольскіе купцы, мъщане и зажиточные крестьяне. — Свъжую печерскую семгу, признаваемую лучшею, (въ сравненіи съ семгою, водящеюся въ другихъ ръкахъ) купцы отправляютъ въ С. Петербургъ и Москву. Вкусъ рыбы свъжей и соленой какъ-то особенно пріятенъ, что надобно приписать водамъ ръки, въ которой она ловится и тому умънью, съ которымъ приготовляютъ ее Ижемцы и Самоъды. — Устьсысольскіе купцы, закупая рыбу, сало, кожу, шерсть, холстъ, сами, между тъмъ, торгуютъ краснымъ товаромъ: платками, лентами, кушаками, сукнами, нанкою, китайкою, ситцами и другими, въ особенности для крестьянъ, необходимъйшими товарами. — Ижемцы и Самоъды, кромъ рыбы, привозятъ на продажу издълія рукъ: малицы, совики за пимы за продажу издълія рукъ: малицы, совики за пимы за постъ привозять на продажу издълія рукъ: малицы, совики за пимы за пыжиковыя за продажу издълія рукъ: малицы оленьи и проч.

Продавъ рыбу и домашнія изділія, Ижемцы и Самовды закупають для себя тысячи пудовъ хліба. Часто они ділають міну: зажиточные крестьяне Устьсысольскаго и Чердынскаго утвовов, принимая отъ Ижемцовъ гуртомъ рыбу, сами передаютъ имъ условленное количество пудовъ ржи, ячменя и муки. Такой размінь товаровъ выгоденъ обінмъ сторонамъ: Ижемецъ выигрываетъ время, скорте возвращается домой; крестьянинъ же, скупая рыбу, надітется получить для себя пользу гораздо боль-

^{*} Малица — одежда, сшитая изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ; надъвается съ головы.

^{**} Совикъ — такая-же одежда, но шерстью вверхъ, къ ней пришиваются шапка и рукавицы изъ обръзковъ оленьихъ шкуръ.

^{***} Пимы — сапоти изъ оленьихъ шкуръ, снятыхъ у звѣря отъ груди до копытъ, шьются шерстью вверхъ.

^{****} Тобоки — родъ туфель или калошъ; шьются шерстью вверхъ.

^{*****} Шапки пыжиковыя шьются изъ самыхъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, складываемыхъ вдвое, такъ, что верхъ и исподъ ихъ теплые, къ нимъ пришиваются длинныя лопасти или уши, которыя, обхватывая подбородокъ завязываются на головъ.

шую, какую бы онъ имълъ отъ хлъба. Рыбу онъ можетъ распродать и мелкими партіями, а хлъбъ по пуду ему продавать некому; этотъ товаръ легко залежится, попортится, въ ожиданіи покупателя.

Иногда Ижемцы и Самовды беруть съ собою своихъ женъ, которыя торгуютъ собственнымъ рукодъльемъ: шерстяными нерчатками, рукавицами, чулками, посками, вязанными изъ разноцвътныхъ нитокъ, поясками, пестрядью, холстомъ, узорчатыми крестьянскими скатертями, витками и прочею мелочью.

Чтобъ поскоръе сбыть свой товаръ, не потерпъть отъ него убытка, получить поболъе выгодъ, Ижемцы и Самовды дома, за долго до ярмарки, условливаются между собою: кому куда и съ къмъ ъхать. — Надобно сказать, что въ тоже самое время бываетъ ярмарка на Вашкъ, въ Яренскомъ уъздъ. Условившись такимъ образомъ, каждый, смотря по количеству рыбы, отбираетъ потребное число паръ оленей изъ огромныхъ своихъ стадъ (у богатаго крестьянина бываетъ до 5 т. головъ), приготовляетъ столько же саней, запасается на дорогу веревками, выдъланными оленьими шкурами, жердями, шестиками и съъстными припасами, которые состоятъ изъ печенаго ячменнаго хлъба, ватрушекъ, шанегъ, ужасающаго размъра, въ 3/4 аршина въ діаметръ, творогу, сыру, масла и проч.

Отъ всей партів дня за два до выступленія чомъ, отправляются бродовщики, которые, указывая дорогу, пдуть на лыжахъ, а за ними бредутъ олени съ небольшимъ грузомъ. Эта проторениая немного дорога, служитъ указаніемъ и облегченіемъ для слъдующихъ чомовъ. Пространство отъ одного ночлега до другаго называется чомъ-костъ. Это почти тоже, что наши станціи, съ тою разницею, что въ чомъ-косте можетъ быть 70, 80, 100 и болъе верстъ, т. е. сколько можетъ выбъжать олень, не чувствуя усталости и голода. Версты наши Ижемцамъ неизвъстны: они ъдутъ неопредъленнымъ путемъ, чрезъ ръки, равнины, озера, дремучіе лъса, и такимъ образомъ достигаютъ до перваго Устьсысольскаго села Вишеры, въ 120 верстахъ отъ Устьсысольска и въ 50 отъ Небдина. Сокращение пути, принскание сытаго корму оленямъ, все это возложено на бродовщиковъ, людей смътливыхъ, бывалыхъ, породпившихся съ лъсомъ и его угрюмостію. Они на борахъ дълаютъ извъстныя примъты, понятныя слъдующимъ за ними чомамъ.

Въ заключение нашего разсказа сообщаемъ, какъ очевиды,

пъсколько върныхъ свъдъній о ходъ ярмарки и нъкоторыхъ частныхъ особенностяхъ, встръчаемыхъ при покупкъ товаровъ.

По прівздв, на другой день мы вышли для покупокъ. Большое стеченіе народа, странныя движенія и смѣшные жесты продающихъ, пестрота одеждъ и лицъ, разнорѣчивый громкій говоръ, суетливость, толкотия, — увѣрили насъ, что ярмарка, какъ говорится, въ лучшей порѣ. — Непривычное ухо, прислушиваясь ко всѣмъ переливамъ туземной рѣчи и къ разговорамъ Ижемцевъ отличаетъ между отрывистыми, краткими предложеніями, рѣзкое повышеніе голоса, грубое сочетаніе слоговъ, составляющихъ слова, замѣчаетъ вопросительный тонъ при соединеніи словъ для составленія понятной рѣчи.

Съ трудомъ продпраясь сквозь густыя толпы покупателей и продавцевъ, къ удивлению нашему, на всемъ пространствъ, занятомъ ярмаркою, мы не увидъли ничего, что могло бы польстить нашему вкусу. Кром'в мелкой рыбы: пелядей, сиговъ, чировъ, омулей, лещей, и бълой рыбицы, не замътили другаго сорта. Спрашивали хозяевъ, надъясь, при помощи ихъ, найти семги или осетрины, но хозяевъ нътъ, сидятъ ихъ прикащики, которые, не выслушавъ еще вопроса, скороговоркою отвъчаютъ отрицательно: абу (нътъ)! Это насъ удивило до нельзя. Мы положили за-върное, что тутъ кроется какая-пибудь уловка продающихъ, въ чемъ и не ошиблись! Эту уловку Ижемцевъ раскрылъ намъ словоохотливый хозяннъ нашей квартиры. — Онъ, по физіономін узналъ, что мы не нашли рыбы. Первыя его слова, при встръчъ насъ, были: энэ вермэ небны? (не могли купить?) Онъ произнесъ ихъ съ подозрительною усмъшкою, показывавщею, что мы безъ него попали въ просакъ. – Я, какъ понимающій нъсколько зырянскій языкъ, пачалъ говорить ему на природномъ его языкъ.

- Ну, что же ты, любезный нашъ Петыръ-Онэ *, хвасталъ вчера, что много въ привозъ семги и осетрины; а мы не видали и хвостиковъ этой рыбы.
- «Мый и сернитны югыд-шонды **. Ваше благородів, это правда, что вы не найдете ни въ одномъ анбаръ осетра, однако

^{*} Въ разговоръ съ извъстнымъ лицемъ, Зыряне произносятъ сперва имена дъда и отца того лица, а потомъ уже имя того, съ къмъ разговариваютъ. Этимъ они выражаютъ почтеніе старшимъ.

^{**} Мый и сернитны, юзыд-шонды. — Что и говорить, красное солнышко! Югыдъ-шонды, употребляенъ Зыряниъ какъ привътственное или ласкательное слово.

50 - Смњсь.

ихъ много привезено!-увърптельно произнесъ любезный нашъ Петыръ-Онэ.-Если,-продолжалъ онъ,-вы не станете требовать виду (билета) отъ Ижемца или Самобда, они доставять вамъ еамую лучшую рыбу и за сходную цену. Извольте видеть, югыдшонды, всякъ себя бережетъ; Ижемцы и Самовды, отлучаясь изъ дома на такое короткое время, не считають необходимымъ брать изъ Волостныхъ Правленій билеты, на свободное проживаніе въ разныхъ губерніяхъ. Да къ тому, можетъ быть, какъ и у насъ, Волостное Правленіе далеко отъ деревии, надобно время туда съъздить, куда какъ много хлопотъ. А потому Ижемцы и стараются избъгать всъхъ торговыхъ сношеній съ чиновниками, а въдаются только съ купцами, мъщанами да крестьянами, въ надеждъ, что эти последние не спросять у нихъ билетовъ. Вотъ, можетъ быть, васъ приняли за земскихъ, и вы викакъ не надъйтесь купить что-нибудь получше; увидите семгу или осетра, а и купите: сами же хозяева вамъ скажутъ, что нътъ хозяина, что эта рыба не ихъ, что та продана, а другая сторгована. - Но будьте спокойны : я знакомъ съ хозяпномъ одного чома, который привозитъ всегда въ большомъ количествъ семгу и осетрину. Если позволите. я сейчасъ приведу его сюда».

Мы оба кивнули ему головами, въ знакъ согласія, сопровождая этотъ знакъ и словами благодарности и объщаніемъ за труды и

хлоноты добраго стакана вина.

Последнее сильнее подействовало на Петырг-Оно: оне стремглавь побежаль за своимь знакомцемь, и, кажется, минуть чрезъ пять, запыхавшись, возвратился къ намъ и почти силой втащиль въ компату рослаго Ижемца, какъ бы зашитаго въ совикъ и пимы, увещевая его на зырянскомъ языке не бояться насъ, потому что мы не земскіе.

Ласковое наше обращеніе, приправленное вппомъ, развязало языкъ робкому Ижемцу. Конечно, при этомъ не былъ забытъ и услужливый хозяннъ. Онъ не переставалъ читать мораль Ижемцу и шепотомъ и вслухъ: «чтобъ не робълъ, какъ заяцъ, и чтобъ «пе бралъ дешево, какъ воръ; и чтобъ выбралъ самую лучшую «рыбу, какъ честный купецъ». — Кажется, вино сдълало его еще болъе словоохотливымъ.

 — Можешь-ли ты доставить семги и осетрины? спросили мы Ижемца.

Поощряемый различными минами нашего хозянна, трусливый Ижемецъ, съ примътнымъ замъшательствомъ, въ краткихъ, недоконченныхъ ръчахъ, безъ очереди срывавшихся съ его языка,

51 Смпьсь.

далъ наконецъ намъ понять, что у него есть довольно этой рыбы въ чомъ, верстъ за 7 отъ погоста. Въ первомъ словъ за свъжепросольную семгу онъ выпросилъ 7 руб. асс. за пудъ, а за крупный сорть осетрины - 8 руб. Не торгуясь, потому что цена эта слишкомъ умъренна, мы велъли ему привезти и той и другой рыбы.

Примътно довольный нашимъ согласіемъ въ цъвъ, обрадованный, что мы повърпли ему на слово въ добротъ рыбы, ободренный и совершенно успокоенный кроткимъ нашимъ обхождениемъ. признательный Ижемецъ, совсъмъ растерялся: онъ поперемънно то улыбался, то низко кланялся, желая тымъ показать, что вполи в благодаренъ. И въроятно, Ижемецъ продолжилъ бы это изъявление своей признательности, еслибъ догадливый нашъ хозяннъ не напоминлъ ему объ оленяхъ и о скорой доставкъ рыбы. При этомъ напоминанів, Ижемецъ поклонился ниже обыкновеннаго и, сдълавъ смъшную гримасу, выбъжалъ изъ комнаты, впрягъ двухъ регетыхъ буцефаловъ и поъхалъ въ чомъ за рыбою. Мы нарочно замътили время его отъбада, чтобъ узнать скорость ъзды на оленяхъ. Прошло неболъе 15 минутъ, Ижемецъ возвратился съ рыбою, протхавъ впередъ и обратно 14 верстъ, сабдовательно въ каждую минуту по версть, а 15-я, оставалась на то, чтобъ выбрать лучшую рыбу и уложить въ сани. На вопросы наши: Ужели онъ всегда тадить такъ скоро и сколько можетъ выбъжать олень безъ устали? Ижемецъ отвъчаль: на первый — утвердительно; а на второй только условно: по хорошей дорогъ и при сытномъ кормъ на борахъ, добрые олеви, съ небольшимъ отдыхомъ, могутъ выбъжать верстъ 200 въ день; при чемъ обыкновенная тяжесть, которую свободно везетъ пара оленей, есть, по-крайней мъръ, 15 пудъ; а съ однимъ съдокомъ, эта же пара можетъ пробъжать и еще большее пространство.

Поблагодаривши Ижемца за рыбу и за разсказъ, а расторопнаго нашего хозянна за труды и хлопоты, мы собрались домой — въ Устьемсольскъ. Повозка наша наполнилась обпльнымъ грузомъ: и рыбою и собранными на мъстъ върными матеріалами — о ходъ прмарка и главныхъ ен купцахъ.

ягъ-мортъ .

(Чудское предан е.)

Малонзвъстенъ, почти невъдомъ отдаленный край Запечорыя. Это самый съверный уголъ Европы, который граничить, можно сказать, съ полюсомъ! Но пельзя сказать, чтобы край этотъ былъ вовсе обиженъ природою: тамъ есть и горы высокія, луга широкіе и льса дремучіе, тамъ есть озера и ръки, - и даже ръчки, журчащие ручейки - все, что вамъ угодно, кромъ теплаго южнаго солица, - да объ немъ и не тужатъ, вскормленные на спъгахъ, суровые обитатели съвера. Тамъ, извиваясь между лъсистыми берегами, прядаетъ по камнямъ быстрая и прозрачная ръчка Куча, и, протекая значительное пространство, по мъстамъ пустыннымъ, вливается въ ръчку Ижму, въ полуверств отъ Ижемскаго селенія. Одинъ берегъ этой ръчки, возвышенный и бугристый, весь обросъ лъсомъ. Тамъ кудрявыя сосны и мрачныя ели еклопились вершинами къ водамъ, - и давно уже смотрятся въ свътломъ токъ Кучи. Въ ниыхъ мъстахъ, по наволокамъ, видны зеленые кусты ольки, ивы и черемки. Другой берегь отъ стороны селенія низменный, чистый и ровный: на немъ привольно раскинулись шпрокія вивы, почерченныя огородами и частоколами, между которыми вьются проселочныя троппики.

Подлю одной изъ этихъ тропинскъ возвышается небольшой холмикъ или курганъ, покрытый разнымъ древеснымъ кламомъ.
Всякій, проходящій мимо этого холмика, непременно долженъ
бросить на него камень, сукъ, палку, или что бы то-ни-было, и—
въ добавокъ — плюпуть. Это обыкновеніе ведется съ незапамятныхъ временъ, и туземнымъ жителямъ обратилось въ привычку.
Кто не исполнитъ такого обряда, того старики какъ разъ объявитъ человекомъ легкомысленнымъ, пе уважающимъ дедовскихъ
обычаевъ. «Не видать ему добра, — говорятъ они о такомъ человекъ, — онъ даже не плюетъ на могилу Ягъморта.»

Объ этомъ холмикъ много странныхъ басенъ ходитъ въ народъ, и всъ онъ основаны на суевъріп. — Старики увъряютъ, что въ прежнее время очень часто, особенно въ темныя осеннія ночи, запоздалые путники встръчали тамъ какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, а курганъ обнимался синеватымъ пламенемъ; неръдко слышались тамъ нечеловъческіе вопли и завыванія. — Женщины и дъти и теперь отъ души въ-

^{*} Лѣсной человъкъ.

рять подобнымъ розсказнямъ своихъ почтенныхъ дъдушекъ, и боятся приблизиться къ заколдованному кургану: онъ далеко обходять это страшное мъсто. Но къ чести мужчинъ-туземцевъ можно замътить, что очень немногіе изъ пихъ поддаются ребяческому страху отъ подобныхъ разсказовъ, считая ихъ не болье, какъ произведеніями дикой фантазіи невъжества Это отрадный признакъ, что благотворные лучи всеобщей цивилизаціи начинають проникать даже въ самую глушь дальняго съвера, къ бъднымъ, полудикимъ потомкамъ древней Чуди.

Въ настоящее время, во всёхъ классахъ народа, стало замётно какое-то равнодушіе къ поэтическимъ разсказамъ о быломъ, и потому повёрья, предапія, были и легенды остаются въ забвеніи и неизв'єстности, между-тёмъ, какъ многія изъ нихъ могли-бы быть, въ этпографическомъ отношеніи, весьма интересны. — Сказанія эти, облеченныя воображеніемъ народа въ поэтическія формы, при всей своей исторической недостов'єрности въ подробностяхъ, при всемъ преувеличеніи имъютъ въ основ'є своей какоенибудь истинное событіе, и сл'єдовательно могутъ бол'єе или менье служить къ объясненію древняго, какъ матерьяльнаго, такъ и правственнаго быта того или другаго народа.

Вотъ образчикъ съверной легенды — преданіе о Ягъ-мортъ *, которое удалось миъ однажды слышать въ Ижемскомъ селенін Мезенскаго убзда, и которое считаю не лишпимъ разсказать въ такомъ видъ, какъ самъ слышалъ, не входя въ критическій разборъ, который одинъ только можетъ опредълить степень значенія подобныхъ сказаній въ ряду изысканій историческихъ.

Въ эпоху отдаленной древности, когда еще на берегахъ ръкъ Печоры и Ижмы разсъянно жили полудикія чудскія племена, и не зная хльбопашества, питались отъ промысла звърей и рыбъ, когда они еще не знали Истиннаго Бога, и поклонялись идоламъ каменнымъ и деревяннымъ, — въ дремучемъ лъсу, окружающемъ одно изъ чудскихъ селеній, появился человъкъ необыкновенный. Ростомъ онъ былъ едва-ли не съ добрую соспу, — по голосу, по виду — дикій звърь. Лицо, обросшее черною, какъ смоль, бородою; глаза налитые кровью и дико сверкающіе изъ-подъ густыхъ бровей; косматая одежда изъ невыдъланной медвъжьей шкуры: вотъ примъты этого человъка, котораго туземцы назвали Ягъ-

Разсказъ этотъ слышалъ я на зырянскомъ языкъ, и потому нѣтъ возможности передать его по-русски слово въ слово, со всъми пдіотизмами туземнаго нарѣчія.

мортомъ, то есть, Лъснымъ человъкомъ, и название это вполнъ соотвътствовало образу его жизни. Никто не зналъ ни роду, ни племени Ягъ-морта, никто не впдалъ, откуда появился онъ между чудскими жилищами. Ягъ мортъ ни съ къмъ изъ туземцевъ не имълъ сообщения: онъ жилъ въ глубинъ дремучаго лъса, въ недоступныхъ трущобахъ, разсъянныхъ по пустынному прибрежью ръчки Кучи, и появлялся между людскими жилищами только для грабежа и убійствъ. Робкіе Чудинцы избъгали всякой съ нимъ встръчи. Одно имя Ягъ-морта наводило страхъ на окрестныхъ жителей; женщины стращали имъ шалованвыхъ дътей своихъ:

«Ягъ-мортъ дыджаы, кузь буръ козъ, «Ягъ-мортъ сіодъ, кудзь, наць шомъ; «Инъ бордъ, ціо, Ягъ-мортъ воасъ, «Куцянъ бордны — тенэ сеясь!

такъ обыкновенно пъла молодая Чудинка, стараясь унять плачущее дитя свое.

Для нападеній своихъ на селенія Ягъ-морть обыкновенно избиралъ ночное время, и тогда во мракъ, освъщаемомъ неръдко заревомъ пожара, каждый шагъ его обозначался кровью и опустошеніемъ. Онъ уводиль, різаль скоть, похищаль женъ и дівтей. Непависть Ягъ-морта ко всему живущему простиралась до того, что онъ часто, безъ всякой причины, убиваль встречнаго и поперечнаго. — Выведенные изъ терпънія злодъйствами разбойника, Чудинцы встми мърами старались погубить его: они ловили его, какъ дикаго звъря, строили засады, но вичто не помогало. Хитрости противупоставляль онъ хитрость; открытая схватка съ могучимъ разбойникамъ была не по плечу робкимъ туземцамъ. И во всемъ Запечорът не выискивалось молодца, который бы осмълился помъряться силами съ Ягъ-мортомъ; размахъ вражескаго топора былъ ему ни-почемъ, удары копій отражаль онъ своею палицею, а стрълы отскакивали отъ косматой груди его. Въ добавокъ, Ягъ-мортъ слылъ въ народъ великимъ волшебиикомъ, чародъемъ : въ водъ не тонулъ и въ огив не горълъ, какъ обыкновенно говорили объ немъ туземцы. - Скотскій падежъ, бездождіе, безвітріе, и вообще вст физическія бъдствія, и даже

[•] Въ русской подстрочномъ переводъ такъ: «Ягъ-мортъ высокъ, какъ «добрая ель, Ягъ-мортъ черевъ, какъ печной уголь. Не плачъ-замолкни; «Ягъ-мортъ придетъ; — станешь плакать. — събстъ !»

ивкоторыя необыкновенныя явленія природы, суевърная Чудь приписывала мрачнымъ волхвованіямъ Ягъ-морта. Онъ повелъваль стихіями, помрачаль звъзды, помрачаль солице и луну, и по понятіямъ народа, не было предъла темному могуществу чародія разбойника, и потому онъ жилъ безнаказаннымъ опустошителемъ въ мрачныхъ лъсахъ Запечорья.

Разъ, у старшины одного изъ чудскихъ селеній пропала безъ въети единственная дочь-красавица, какой не видывали еще между Чудью. Проходить день, два, проходить недъля, - прекрасно-Райды * нътъ какъ нътъ! Мать ея выплакала глаза отъ слезъ, отецъ, женихъ выходили всъ ближнія селенія, всъ лъса окрестные, но не нашли нигдъ Райды. - Вотъ кликнули кличъ, созвали народъ на совъщаніе, объявили горестную утрату, и - всъ, безъ изъятія, старые и малые, единогласно утвердили, «что весепнему «невту — Райдъ нельзя такъ рано увянуть, что если она утерязлась, то это непремънно должно быть деломъ рукъ злаго Ягъ-«морта: онъ позавидовалъ цвътущей красъ Райды, онъ похитилъ «ее и увлекъ въ свою звъриную берлогу.... Но горе намъ, при-«молвили старики, изтъ суда на Ягъ-морта: мы ничего не мо-«жемъ противъ могучаго чародъя! Райда погибла!» Въ добавокъ, какъ водится, потолковали, пошумъли и съ печальнымъ видомъ, засунувъ бороды въ воротники своихъ бараньихъ шубъ, возвратились по домамъ, не сдълавъ вичего путнаго. Но не удоволь, ствовался такимъ ръшеніемъ удалой жепихъ Райды, не удовольствовались имъ и прочіе молодые парни, сонскатели руки красавицы. Они снова кликнули кличь, взволновали все Запечорье, собрами нъсколько десятковъ удальцовъ «завзятыхъ» и въ общемъ совътъ положили: «Во что-бы-ни етало, отыскать жилище Ягъморта, схватить его живаго или мертваго, погубить, сжечь окаяннаго чародъя, хотя-бы самимъ погибнуть!» И вотъ составилось ополчение: ратники вооружились стрълами, копьями, копоригами *, вилами - кто чемъ могъ, и двинулись въ походъ - сто противъ одного! Но этотъ одина былъ не простой человъкъ, а сплачъ необыкновенный, страшный разбойникъ, и вдобавокъ - колдунъ, чернокнижникъ, и толна отважныхъ охотниковъ не безъ тайнаго страха ожидала встръчи съ Ягъ-мортомъ. Опъ не явился; нъсколько сутокъ прошло въ тщетныхъ поискахъ. - Но Чудпицы

Такъ звали дочь старшины. Это имя почти общее всемъ героннямъ чудскихъ легендъ.

^{*} Такъ называлось орудіе — родъ копача.

не отступались отъ принятаго нам'тренія и не возвращались домой. Наконецъ, они вздумали «подняться на хитрости,» засъли въ густомъ лесу, на угоре речки Ижмы, близъ тропинки, по которой обыкновенно проходиль разбойникъ. Неизвъстно, долго-ли хитрецы наши танлись въ засадъ; - но вотъ однажды видятъ-Ягъ-мортъ переходитъ вбродъ реку Ижму, противъ самаго того мъста, гдъ они притаились, и казалось, прямо идетъ на нихъ. Тутъ, въроятно, не одно чудское сердце замерло отъ страха, но трусить было уже поздно. Чудинцы поневоль должны были сдълаться храбрыми, и - лишь только непріятель ступиль на сухой берегъ, - копья, стрълы, каменья градомъ посыпались на него изъ чащи лъса. Изумленный этимъ внезапнымъ нападеніемъ, ошеломленный первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился, но не отступиль ин шагу.... Онъ сталь — и, казалось, грознымъ взглядомъ измеряль пространство, отделявшее его отъ враговъ.... а безчислевные удары сыпались ему на грудь.... Потомъ взревѣлъ, какъ дикій звърь, взмахнулъ тяжело палицею, и понесся въ средину нападающихъ. Чудинцы въ минуту окружили его со всехъ сторонъ и началась страшная битва.... Ягъ-мортъ долго съ яростнымъ ожесточениемъ отбивался отъ многочисленией толпы озлобленныхъ противниковъ; налица его разражалась смертію надъ головами Чудинцевъ, огромный топоръ его упился ихъ кровью. Опъ многихъ положилъ на мъстъ, и наконецъ самъ изнемогъ. Усталость, раны обезсилили его, опъ палъ на землю, обагренную кровью своихъ побъдителей; и торжествующе Чудинцы схватили Ягъ-морта, отсъкли ему руки, по оставили живаго, - грозили отрубить голову, если онъ не откроетъ имъ своего жилища, - и обезкураженный сплачъ-волшебникъ долженъ былъ покориться волъ своихъ побъдителей. Онъ повель ихъ далье — въ самую чащу лъса, гдъ въ высокомъ берегу ръчки Кучи * выкопана была огромная пещера, служившая убъжищемъ Ягъ морта. — Близъ входа этой пещеры, на большой грудъ разнаго хламу и костей лежалъ полуистлъвшій трупъ человъческій.... Это были обезображенные остатки прекрасной иткогда Райды, такъ рано погибшей жертвою лютаго разбойника !... Въ глубинъ пещеры Чудинцы нашли множество развой добычи, сложили все въ кучу и сожгли, а страшный притонъ Ягъ-морта засыпали землей, забросали каменьями, заклали бревнами; потомъ привели обратно своего плънника на то мъсто, гдъ опъ попался имъ въ первый разъ. —

^{*} Къ сожалънію мъсто это теперь остается неизвъстнымъ.

отрубили ему голову, въ спину забили осиновый колъ *, и трупъ разбойника закопали ** въ землю, въ томъ самомъ мъстъ, гдъ нынъ находится холмикъ, слывущій въ народъ могилою Ягъ-морта.

два года въ плъну у горцевъ.

(Воспоминанія о экизни и похожденіяхъ, въ Кавказскихъ горахъ, Штабсъ-Капитана Новоселова.)

ength alanda yay or more and IV.

· Ласка и дружба Сатая — до того ободрили меня, что я не могъ уже заснуть и провелъ остальные часы ночи въ пріятной думъ о томъ счастін, которымъ подарю Чиху. Это была первая ночь, въ которую сердце мое, истерзанное горемъ и испытаніями, минутною радостію.... Съ первыми лучами солнца, заискрившимися въ дождевыхъ росинкахъ на палаткахъ нашихъ плънницъ, проснулся Солиманъ. Купецъ былъ чрезвычайно доволенъ, найдя меня бодрствующимъ, и совершивъ утренній намазъ, самъ развелъ огонь и принялся варить кофе, въ то время, какъ я и Сатай, переведя плънницъ въ арбу, сняли палатки и уложили ихъ на выочную лошадь. Чрезъ часъ нашъ маленькій караванъ, предшествуемый собаками Сатая, двинулся въ путь. Для скоръйшаго и безопаснаго сабдованія въ устью Хпоранже, гдъ скрытая въ кустарникъ и камышъ кочерма Солимана ожидала послъдняго груза, — предположено было пройти арбенною и людною дорогою только до раззореннаго аула Мисоста Наурузова, оставить тамъ у кунака арбы и на выочныхъ коняхъ, съ запасомъ однихъ пала-

^{*} Осиновый колъ играетъ важную роль во всёхъ древнихъ преданіяхъ съверныхъ народовъ о чародъяхъ и волшебникахъ. Онъ вколачивается въ спину сретика, то-есть, умершаго чародъя, для того, чтобъ онъ не ожилъ.

^{**} По другимъ сказаніямъ, Ягъ-морта сожгли живаго и пепелъ его зарыли въ землю.

58 Смпьсь.

токъ, пуститься горными тропинками. День былъ чрезвычайно знойный, мы шли медленно, съ безпрестанными привалами и только къ ночи достигли аула. Во весь переходъ я не имълъ никакой возможности переговорить съ Чихою и передать ей радостную въсть; въ аулъ я встрътиль туже неудачу. Едва мы только спустились въ раззоренное селеніе, какъ Цацуми и мингрелка были заперты въ полуразрушенную саклю, у порога которой - я, турокъ, его нукеръ, Сатай и собаки провели ночь. За то, съ разсвътомъ слъдующаго дня, я былъ вполят счастливъ. Мы оставили арбы въ аулъ и вступили въ горы. Сатай, какъ главный проводникъ, шелъ впереди, держа въ поводу коня Солимана, на моемъ евдив помъстилась Чиха и у ея хорошенькихъ ногъ я, слъдуя примъру ингуша; сзади нукеръ оставался при Цацуми и шествіе замыкали двѣ вьючныя лошади, да неизмѣнныя собаки.... Дорога наша, изрытая на каждомъ шагу провалами и пропастями, въ наыхъ мъстахъ, на едва замътныхъ трепинкахъ заваленная каменьями, представляла весьма опасный и трудный переходъ.... Но Сатай кръпко върплъ въ чутье своего коня, на которомъ возседаль теперь турокъ, - и самъ, осторожный, какъ змёя, за сто шаговъ узнавалъ обманчивые изгибы тропинокъ или рыхлые обвалы, смъло обходя ихъ по трущобамъ, съ перваго взгляда казавшимся непроходимыми.... Въ иныхъ мъстахъ мы разрывали нашу цъпь, далеко оставляв одинъ другаго, тогла вигушъ громкимъ голосомъ напоминалъ намъ объ осторожности, приказывая осматривать окрестность и держать винтовки на прицълъ. Миновавъ пропасти Аджійскихъ скалъ, мы вступили въ узкую тъснину, которая желтою, волнистою лентою бъжала вверхъ въ трещинахъ мъловыхъ и кремнистыхъ холмовъ. Завсь путь нашъ не быль такъ труденъ, за то грозилъ на каждомъ шагу опасностію.... Черныя массы кремней, нависшихъ надъ нашими головами неръдко съ шумомъ обрывались съ закраниъ вершины и, сверкая искрами, разсыпались у ногъ нашихъ ... Не смотря однако же на это маленькое неудобство, я ръшился не терять болье напрасно счастливыхъ минутъ и обратился съ вопросомъ къ моей спутницъ.

- Чиха,—сказалъ я,— не правда-ли, другъ мой, ты върно думала, что мы погибли, когда Сатай подслушалъ разговоръ пашъ.
- Ахъ, руссынъ, быстро отвъчала дъвушка, не скрывая своей радости при моемъ вопросъ, которымъ я нарушилъ наше долгое молчаніе; я и теперь еще все слышу страшвый голосъ ингуша.... Я въдь всю ночь молплась чтобы Богъ спасъ

тебя отъ бъды.... Ты не знаешь, какъ ревнивы наши горцы.... У! душечка руссынъ.... не люби, не цълуй нашьхъ женщинъ.... не говори съ ними шепотомъ.... Убъютъ тебя!... При послъднемъ словъ, мингрелка наивно нахмурила свои черныя брови и погрозила миъ пальчикомъ.

- Хорошо, другъ мой, я буду помнить твой совътъ....
- Да.... особенно бойся Сатая.... онъ такой страшный....
- О, Чиха, ты не знаешь его.... если-бы всё хишники походили на Сатая, то не много-бы красавицъ досталось Солиману въ здёшнихъ горахъ.... Знаешь-ли, что этотъ страшный ингушъ поклялся возвратить тебъ свободу?...
  - Свободу? мяв?
- Да... чрезъ и всколько дней ты увидишь родныя роши и обнимешь твоего жениха....
- Руссынъ.... ты не смъешься надо мною ?... ты говоришь правду? — спросила Чиха, судорожно сжавъ мою руку.
  - Клянусь тебъ!...
  - Но, какъ-же это, руссынъ, неужели онъ меня выкупитъ?...
- Незнаю.... по крайней-мъръ помню, что онъ сказалъ мнъ вчера: вотъ тебъ рука и слово неизмънное Сатая Чиха чрезъ недълю будетъ на родинъ....
- На родинъ... въ Бибигдаръ! шептала дъвушка О, какъ я буду молиться за ингуша.... и за тебя, бъдный руссынъ.... А, ты ? продолжала она, помолчавъ съ минуту и не выпуская руки моей.
- Я? Богъ знаетъ, Чиха, что будетъ со мною.... можетъ бытъ, въчная и неисходная тоска, да тяжелое рабство источатъ по каплъ кровъ и жизнь мою... и бъдный руссынъ умретъ гдъ-нибудь въ скалъ на распутън....

Чиха тяжело вздохнула; слезы сверкнули на ея ръсницахъ и, закрываясь чадрою, она бросила на меня взоръ любви и сердечнаго участія.

— Покамъстъ я у Сатая, — продолжалъ я, — будущее мое извъстно; тоска по родинъ, да въчное скитальчество по этимъ тропинкамъ.... и къ горю еще горе.... Каждый день будетъ страдать мое сердце за себя и за несчастныхъ, подобныхъ Цацуми, которыхъ сбережетъ моя винтовка отъ разбойника для корыстолюбца....

Въ это время мы поднялись снова на вершину скалъ. Отставшій нукеръ догналъ насъ и, опасаясь его вадзора, я осторожно освободилъ руку изъ руки Чихи и пошелъ впереди ко-ня.

Солице давно ужъ скрылось за черными тучами, повисшими

60 Смъсь.

надъ нашими головами; холодный и ръзкій вътеръ, завывая въ трещинахъ скалъ, рвалъ чадры съ плечъ нашихъ спутницъ.... Произительный визгъ карагутовъ и стан ласточекъ, ръявшихъ внизу надъ балкою, — все предсказывало близкую непогоду.... Въ самомъ-дълъ, чрезъ четверть часа, крупный дождь съ градомъ, при сильномъ вътръ, застучалъ на кремиъ скалъ.... Окутавъ бурками женщивъ, мы прибавили шагу и чрезъ нъсколько минутъ, къ нашему общему благополучію, достигли пещеры.

Предусмотрительный Сатай не забыль спрятать въ холств палатки и всколько охабокъ хворосту, а потому мы были совершенно счастливы, когда закуривъ свои трубки, усълись около пылающаго огня, жадно прислушивансь къ урчанію кипящей воды, въ которой варилась баранина. Измученныя дальнимъ переходомъ, страхомъ и опасностями, плънницы расположились въ и всколькихъ шагахъ отъ насъ и сладко заснули на мягкихъ буркахъ.

— Мы здъсь не одни, — сказалъ Сатай, вынимая изъ чахла свою винтовку; къ намъ крадется или хищникъ, или заблудившійся еврей торговецъ.... Смотри, Солиманъ, — продолжалъ онъ, — какъ насторожили ухо и ощетинились мои исы!

Въ эту минуту собаки, съ громкимъ лаемъ, въ два прыжка оставили пещеру и исчезли подъ горою. Ингушъ взвелъ курокъ винтовки и бросился за пими.

— Проклятая сторона!— прошенталъ блёдный Солиманъ, бросивъ болезпенный взглядъ на своихъ пленинцъ.... Съ этими словами, контрабандиетъ переменилъ порохъ на полкахъ пистолетовъ и опустился подле Чихи и Цацуми.

Въ скалахъ зарокоталъ выстрелъ, чрезъ мгновение другой.

— За Сатаемъ! мы погибли.... живъе! — вскрикнулъ Солиманъ, указывая намъ на выходъ изъ пещеры. — Если этотъ выстрълъ сръзалъ ингуша, намъ не видать кочермы.... Но я не отдамъ горнымъ шакаламъ моихъ женщинъ... я заръжу ихъ — и на два трупа еще положу два этими игрушками!... — Опъ тряхнулъ пистолетомъ и указалъ намъ на выходъ. Въ туже минуту у порога пещеры, съ произительнымъ ржаніемъ, какъ вътеръ промчался чей-то конь, преслъдуемый собаками Сатая. Послъдній былъ отъ насъ въ нъсколькихъ шагахъ. Подымаясь на скалы, онъ почти тащилъ за собою стройнаго и красиваго армянина. Лицо незнакомца было блъдно, выражая сильное душевное потрясеніе и усталость; бурка его висъла на плечахъ клочьями, изодранная по видимому кинжаломъ.... Войдя въ пещеру, армянинъ съ бользненною

улыбкою прижаль къ сердцу руку ингуша и сбросивъ съ плечъ кожанную котомку, въ изнеможени упалъ на землю.

- Что случилось?—вскрикнулъ Солиманъ, кидаясь на встръчу ингуша.
- Мерзкое, безславное дъло, Солиманъ! Позоръ и въчная вражда всъмъ карачаевцамъ!... Дрянные воришки.... пятнаютъ джигитовъ, ръжутъ гостей, какъ врага на распутьи. Отвъчалъ Сатай, подбросивъ въ огонь въсколько прутьевъ.
- Ничего не понимаю изъ твоего умнаго отвъта, храбрый Сатай.... Аллахъ видитъ, ничего! сказалъ Солиманъ, не спуская любопытнаго взгляда съ незнакомца, который опустилъ голову, закрылъ глаза и казался спящимъ.

Ингушъ не отвъчалъ. Нахмурпвъ брови, опъ голыми руками выхватилъ изъ котла кусокъ баранины, бросилъ его на полу своей мокрой бурки и приступилъ къ дълежу нашей походной трапезы.

- Первая доля гостю и послъдняя пуля за него, сказалъ Сатай, придвинують къ армянину кусокъ баранины.... — Это завътъ славныхъ отцовъ нашихъ, — продолжалъ пигушъ.... — Не помнятъ его только презрънные хвастуны карачаевцы.... Вонъ, - одинъ изъ нихъ — вчера далъ этому бъдняку пріютъ за порогомъ своей сакли, делиль съ нимъ чурско и сыскиль, клялся на кинжале беречь его котомку и голову, а сегодня, въ этихъ скалахъ, - провожая гостя, какъ жадный шакалъ напаль на него, готовый отнять и жизнь и последній абазъ, добытый страданіями.... Проклятый джумлетъ! Еслибы не чуткое ухо монхъ собакъ.... лежать бы теперь страннику на див пропасти.... Въ минуту, когда я показался на скалахъ, онъ уже обезсиливалъ въ отчаянной схваткъ съ хищникомъ.... Звърь должно быть принялъ меня за голоднаго бродягу и, не желая раздълить со мною добычи, встрътилъ меня выстреломъ.... Я отвечаль темъ-же.... Онъ прострелиль мне кабардинку, я попалъ на ладонь ниже: прострълилъ ему и шапку и лобъ!...
  - Какъ... на повалъ? спросилъ турокъ.
- На повалъ.... въ ту минуту, какъ овъ заносилъ ногу въ стремя, нацъля пистолетомъ въ голову арминина. Конь фыркнулъ, прянулъ изъ подъ него въ сторону и трупъ закрутилея внизъ по обрыву.

Во время разсказа Сатая проснулись плънницы. Заслышавъ ихъ шопотъ, армянинъ вздрогнулъ, приподнялъ голову и какъ-бы

испуганнымъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ.... На блъдномъ, исхудаломъ лицъ его заигралъ больной румянецъ.

- Что, отдохнулъ кунакъ? спросилъ ингушъ.
- Да.... спасибо тебъ, добрый человъкъ.... и страхъ, и усталость миновали, отвъчалъ армянинъ, стараясь разглядъть лица женщинъ.... И я былъ бы много благодаренъ храброму джигиту, продолжалъ онъ робко и неръшительно, еслибы онъ выбралъ изъ моей котомки какую-нибудь вещь на память своего добраго дъла.
- Спасибо, кунакъ!... Сатай не покупаетъ позумента свинцомъ, а мъняетъ серебро на серебро.... Впрочемъ, если ужъ ты хочешь подарить меня чъмъ нибудь такъ пожалуй.... порадуй женщинъ.... раскрой имъ твою котомку, пусть ихъ поиграютъ бусами и колечками....

Армянинъ быстро всталъ, чтобы исполнить желаніе Сатая, но едва онъ сдълалъ нъсколько шаговъ впередъ, какъ невыдержанный вопль радости вырвался изъ груди его и котомка съ шумомъ полетъла на полъ.

— Чиха! - вскричалъ, задыхаясь, странникъ.

 Мингрелка вздрогнула и съ крикомъ и рыданіемъ бросилась на грудь армянина....

Солиманъ опустилъ руку на кинжалъ, но пораженный неожиданностію, не двигался съ мѣста. Одинъ только нукеръ, вѣрный стражъ бивуачныхъ харемовъ турка, бросился было въ средину между Чихою и армянивомъ, какъ сильная рука Сатая далеко отбросила его за порогъ пещеры.

- Евлампій! Евлампій! шептала дъвушка, обвивъ руками шею армянина.
  - Братъ.... или женихъ? проворчалъ Сатай.
- Женихъ, который потерялъ ее наканунъ свадьбы... шепнулъ я.
- Кто-бы онъ ни былъ, но цъловать, не купивши моихъ женщинъ, — я не позволю даже и пашъ Трапезондскому! — подхватилъ турокъ.... — Сатай, вышвырни твоего гостя вслъдъ за нукеромъ, не то я размозжу ему черепъ!
- Бей! Стръляй, невърный! вскричалъ иступленный армянинъ и, загородивъ собою Чиху, онъ обнажилъ кинжалъ, готовый бросить имъ въ голову Солимана.
- Увидимъ! отвъчалъ послъдній, хватаясь за пистолетъ.
- Остановись! сказалъ, Сатай удерживая руку Солимана, а —

ты, — прибавиль онъ повелительно, — оставь твою невъсту....

она ужъ не твоя....

Евлампій бросиль умоляющій взглядь на ингуша, обняль Чиху и, шатаясь, отошель всторону.... Въ то же время Чиха со слезами бросилась къ ногамь Сатая, прося его о защить. Хладнокровный ингушь, какъ-бы не замъчая слезь дъвушки, обратился съ вопросомъ къ Соляману:

— Дорого-ли, кунакъ, — спросилъ онъ, — ты заплатилъ за эту

красавицу?

— Дорого-ли! Четыре русскихъ червонца — запальчиво отвъчаль турокъ. — Но ты погляди — какіе у нея глаза; какой станъ.... Смотри, какъ она умъетъ хорошо плакать.... Пхе!... Я получу за нее сорокъ....

Сорокъ! — мрачно повторилъ Сатай.

— Сорокъ! — вскрикнулъ армянивъ, не удерживая своего восторга. — Возьми втрое.... въ четверо! На! — Съ этими словами онъ обнажилъ грудь и, сорвавъ съ шен кожанный мъшокъ, бросилъ его къ ногамъ контрабандиста.

Солиманъ подозрительно взглянулъ на Евламиія, медленно высы-

серьезнаго вида, подошелъ къ плъницъ.

— Она жена его, — сказалъ онъ, указавъ на армянина и закрывая Чиху чадрою, — а смотръть на чужихъ женъ, все-равно, что напрашиваться на баранту.

Всъ мы, кромъ расторопнаго нукера, были совершенно довольны

такимъ счастливымъ окончаніемъ этой сцены.

Съ наступленіемъ ночи караванъ нашъ отправился въ путь и мое мъсто замънилъ теперь уже Евлампій, скитавшійся въ горахъ болье недъли, чтобы отыскать свою любезную.

На шестой день нашего похода, я и Сатай оставили караванъ въ виду аула Амзора. Грустно было мое разставанье съ Чихою. Прощаясь со мною, мингрелка залилась слезами и только могла сказать: Бъдный инташи руссынъ!... Лучше-бы я тебя незнала!

На обратномъ пути, пигушъ обходился со мною, какъ со старымъ и задушевнымъ кунакомъ; его необыкновенная довърчивость, веселость и ласка изръдка заставляли меня забывать даже неволю и рабство. Мы ръдко проъзжали аулами, и проводили дни и ночи въ лъсахъ или въ полъ, безпрестанно встръчая конныя партіи наъздниковъ, которые возвращались изъ подъ Тугансе голодные, измученные и истерзанные....

... Однажды на разсвътъ, вътзжая въ одинъ изъ горныхъ ауловъ,

мы были встръчены градомъ пуль и камней.... Счастливо избъжавъ этой неожиданности, мы бросились на скалы, выправили винтовки и приготовились къ защитъ.... Но насъ никто не преслъдовалъ, какъ между-тъмъ, подъ нашими ногами, въ аулъ раздавались выстрълы, вопли и стоны.

-- Смотри-ка, кунакъ, - весело сказалъ ингушъ, спрятавъ винтовку въ чахолъ. - Такъ-ли храбры ваши женщины ?- При этомъ онъ указалъ внизъ. Толпа дъвушекъ и женщинъ, при двухъ или трехъ мужчинахъ, вооруженная винтовками и шашками, съ дикимъ, произительнымъ воплемъ дралась съ толною конныхъ навздииковъ; у пороговъ саклей и на предгоръяхъ повторялись тъже самыя сцены.... Бой длился болъе часу.... Наъздники начинали ръдъть и, отстръливаясь, стали отступать къ теснине, надъ которою вдругъ явились цълые десятки женщинъ - и градъ кремней посыпался на головы пораженныхъ джигитовъ.... Горцы гикнули и бросились въ разсыпную.... После мы узнали, что отчаянныя женщины, поджидая своихъ отцевъ и братій изъ найзда, дождались только двухъ одноаульцевъ, которые привезли съ собою русскаго плънника. Но, при самомъ въбздъ въ селеніе, партія абазеховъ изъ другаго аула, вздумала отбить плънника.... Женщины явились на помощь своихъ друзей, схватились съ недругами, начали перестрълкой и кончили кинжалами и каменьями.

Еще дней пять или шесть проскитались мы въ скалахъ — и наконецъ, миновавъ горными тропинками укръпление Надежинское, достигли праваго берега Зеленчуга.

- Ну, кунакъ, сказалъ мнъ Сатай, когда переправясь за ръку въ глухую полночь, мы пробпрались густою рощею.... — видишь-ли за деревьями вдали, какъ глаза шакала, сверкающіе огоньки?...
- Впжу! отвъчалъ я.
- Это огни въ моемъ родномъ аулъ.... Два дни мы славно отдохнемъ съ тобою, и потомъ, снова въ путь.... на опасное дъло.... Помнишь-ли, ты объщалъ мнъ службу ...
- Помню, Сатай.
- Смотри-же.... отъ твоего усердія зависить твоя свобода.... Дъло намъ предстоить, какъ я думаю, не легкое.... Если удача обоимъ хорошо.... Нътъ — погибнемъ оба....

Мы въбхали въ аулъ.

Сакля Сатая ничемъ не отличалась отъ прочихъ, раскиданныхъ у опушки рощи. Въ крошечныхъ окнахъ ея и въ щеляхъ двери еще блестълъ огонь, когда мы остановились у невысокой мазан-

ковой стънки, чрезъ которую съ съдла перепрыгнулъ Сатай и отперъ ворота.

- Кто здъсь? окликнулъ слабый голосъ женщины въ окно сакли.
  - Это я, сана *, отвъчалъ ингушъ.
- Ты!—продолжала сердито старуха.... Не могъ постучаться.... какъ хищникъ прыгаешь черезъ стънку.
- Не хотълъ тревожить тебя, сана.... отвъчалъ ингушъ, разсъдлывая копя.
- Не хотълъ! съ громкимъ кашлемъ повторила старуха.... Всъхъли сберегъ собакъ-то, бродяга?...
  - Всъхъ... всъхъ, сана, не ругайся....
- У !... Злой карагутъ, проворчала хозяйка п щелкнула ръшеткой окца.
- Вотъ, кунакъ, наши матери! шепнулъ миъ Сатай, когда мы вошли въ саклю....—Не спрашиваетъ цъла-ли голова, а цълы-ли собаки!

Старая Кайтугана встрътила меня непріязненнымъ взглядомъ.

- Это кто? спросила она.
- Ясырь и кунакъ мой; отвъчалъ пигушъ, повъсивъ винтовку и опустившись на лавку.
- Такъ, безпутный, всякій ясырь тебъ кунакъ.... Еще пожалуй русскій?
- Русскій, саца.... За горскаго ясыря я не дамъ и абаза....
  - А за этого, върно, отсыпалъ серебромъ?
- Я его выигралъ....
- Гм.... вынгралъ! Знаю твои выигрыши.... тоже, что съ пожа взялъ.... Продай его въ горы.... трудъ просить абазовъ....
- Не твое абло, ступай.... накорми коней нашихъ.... Потомъ принеси свъжихъ войлоковъ.... вина.... и баранины....
- Нътъ тебъ ничего, голодный шакалъ!... вскричала старуха, ударивъ кулакомъ по скамейкъ.
- Нътъ?... Ну, такъ не дамъ тебъ и вытертаго чаури изъ моихъ заработковъ.
- А я заръжу твоихъ коней и брошу въ Зеленчугъ твою вин-

^{*} Mark

товку.... Абазовъ, бродяга, хладнокровно отвъчала старуха, не двигаясь съ мъста.

На....- прошенталъ, задыхаясь, Сатай и швырпулъ горсть абазовъ.

Жадная Кайтугана упала на землю и принялась подбирать разсыпавшееся серебро.

Чрезъ полчаса — мы уже спали, въ то время, какъ старуха вытащивъ изъ подъ очага огромпый кожанный мъшокъ, расположилась у порога сакли п, положивъ подлъ себя заряжениую винтовку, дрожащими руками высыпала на войлокъ свътлые червонцы и абазы.

Рано утромъ разбудилъ насъ молочный братъ Сатая, князь Бе-ясланъ.

- Какія въсти, Сатай ? спросиль князь, голосъ котораго обнаруживаль усталость и истеривніе.
- Сядь.... и отдохии.... отвъчалъ пигушъ.... Далеко свила гиъздо твоя примъ-фазисъ, да горный вътеръ подсказалъ Сатаю, гдъ найти ее....
- Гдъ-же она, Сатай! вскричалъ обрадованный Беясланъ, и однимъ прыжкомъ перескочивъ пространство сакли, о нъ опустился на войлокъ, подлъ брата.
- Слушай, —продолжалъ нагушъ, вотъ, что я узпалъ въ горахъ п отъ этого молодца.... Онъ указалъ па меня.... Лейла, за день до твоего пріъзда съ калымомъ, была продана матерью еврею Урти.... а не украдена, какъ сказала тебъ старая Ати.
- Проклятая женщина !...— прошепталь князь. Она все еще мстить мить за обиду, которую я начесь ея мужу, повъщенному русскими па Кубани за пзитву.... Ну!
- Урти давно объщаль красавицу въ Картъ-Джуртъ, старшииъ Дахмулу — и продалъ ее ему....
  - Такъ она тамъ?
- Тамъ опять была украдена Аджи-Дхаемъ... по ее выручилъ вотъ этотъ джигитъ, помощь котораго и тебъ пригодится, Беяслапъ.... Онъ хорошо знаетъ Дахмулову саклю.... и выручивъ Лейлу одниъ разъ, научитъ насъ, какъ выручить ее и въ другой.

Князь не отвергаль совътовъ Сатая и, объщая мив въчную

дружбу, сулилъ груды золота.

Черезъ день я, Сатай и Беясланъ отправились въ нашъ маленькій пабздъ, а чрезъ сутки утомительнаго и опаснаго перебзда по горнымъ троиникамъ, переплывая ручьи и потоки, мы завидъли, съ горъ, черныя сакли Каръ-Джурта. — Самшитовыя рощи слу-

жили намъ пріютомъ. Положено было, чтобы я тотчасъ-же отправился въ аулъ, къ князю. По совъту Сатая, миъ должно было разсказать Дахмулу продълку Келима, потомъ присочинить исторію моего бъгства отъ Сатая, монхъ страданій на незнакомыхъ скалахъ Абадзы — и заключить темъ, что и приношу мою повинную голову великодушному князю.

— Твой добровольный приходъ и покорность, — заключилъ Сатай, - вызовуть довъренность Каръ-Джуртскаго волка.... Съ Лейлою ты знакомъ.... Улучи счастливую минуту переговорить съ нею и къ разевъту будь къ намъ съ отвътомъ.... Каковъ-бы онъ ни былъ.... тамъ увидимъ, что дълать.... А на всякой случай вотъ тебъ двадцать абазовъ... Мъсто наше: второй обрывъ по скалъ, при выгазда изъ аула на Учъ-Куланскую дорогу.... До утра, кунакъ! - дружески добавилъ пигушъ... - Надъюсь па твою удаль ...

И въримъ на честное слово! — замътилъ Беясланъ.

Солнце уже скрылось за скалами, когда я, закрывъ лицо башлыкомъ, мелкою рысью въбхалъ въ аулъ. Толиа мальчишекъ, замътивъ мое богатое вооружение и лихаго карабахца, которыми ссудилъ меня Сатай, съ шумомъ обступила меня, предлагая кизиль я виноградъ.... Чтобы отвязаться отъ докучныхъ, я швырнулъ въ толну ихъ пару абазовъ... и въ то-же мгновеціе за мною началась ожесточенная потасовка.

— А, что если забсь Келимъ? — подумалъ я, сдерживая коня у княжеской сакли.... Отъ этой мысли я перешелъ къ другой, весьма естественной.... Горецъ пе могъ не оболгать меня предъ Дахмуломъ и потому расчитывать па успъхъ моего предпріятія было-бы весьма смъло, не разузнавши въ аулъ о моемъ кровномъ врагъ... Я повернулъ копя и, обдумывая плапъ свопхъ дъйствій, медленно спустился подъ гору — къ полуразрушенной саклъ, на порогъ которой замътилъ старую горянку.

- Честь и богатство детямъ твоимъ, мать славныхъ джигитовъ! - сказалъ я, подд блываясь подъ тонъ и манеру рыцаря-па-

— Бодрость коню твоему — п веселый путь тебь, храбрый пафадинкъ! – отвъчала съ поклономъ старуха.... – Если жажда томитъ странинка, — продолжала горянка, — то въ моей сакль есть для гостя прохладный кумысъ.

— Ты угадала, - отвъчалъ я....-Измученный зноемъ и дальнимъ переходомъ, я не отказался-бы отъ твоего гостепримства....

Сбатовавъ коня, я вошель за старухой въ ея саклю. Хозяйка моя была разговорчива и ласкова. Пользуясь ея расположениемъ, я завелъ ръчь о князъ и узналъ все, что было нужно узнать миъ — даже больше....

При имени Дахмула, горянка тяжело вздохнула, и махнувъ рукою, сказала въ полголоса: Пропалъ!

- Какъ пропалъ?
- Хоть поминки справлять по немъ.... И живъ, да не годенъ.... Исхудалъ.... исчахъ.... А ужъ злой-то какой сталъ.... И не подвертывайся... то и дело, что быетъ нукеровъ.... Видишь-ли, продолжала старуха. .. - Дней пятнадцать тому назадъ, еврей Урти привезъ ему съ Баслаты абазинку.... красавицу, на которую поглядъть, такъ ослъпнешь.... Въ глазахъ словно по шайтану.... Взглянетъ - точно горячимъ углемъ въ сердце стрекнетъ.... На другой день ее и укралъ у князя — старый врагъ его Аджи-Дхай.... Дахмулъ метался, какъ бъшенный, убилъ въ досадъ нукера, даже объщаль повъсить своего любимца Байру.... Вдругъ явился въ ауль Келимъ. — Укъ... можетъ слыкалъ... воръ такой, что шайтану по волоску хвостъ очиститъ — и не услышитъ.... Онъ родомъ съ Баслаты — разбойникъ и съ другомъ и съ недругомъ.... Да пришелъ то не одинъ... Привель еще съ собою ясыря — изъ русскихъ.... не видала я плъцинка, а самъ князь сказывалъ, что молодецъ.... Съ ясыремъ, да съ Байрою — отчалиный Келимъ и отправился на выручку абазинки.... Не знаю, какъ ужъ они тамъ покончили дело, только въ полдень воротился Байра съ девушкою.... Келима и плъншика не было съ ними.... Келимъ пришелъ на другой день избитый, безъ винтовки, плечо у него было прострълено, голова въ двухъ мъстахъ ранена камнемъ.
- Израненный! спросилъ я, забывая роль свою и не удерживая своего любопытства.
- Просто изувъченъ.... Видишь ты, русскій то ночью схватился съ нимъ, отнялъ винтовку, ранилъ Келима, да еще пустилъ въ голову пару кремней, а самъ и убъжалъ....
  - Молодецъ-руссынъ! отозвался я.
- У! какой, какъ поразскажетъ Келимъ спльный.... пулю двумя пальцами въ абазъ сомнетъ.... Ну, вотъ, —продолжала старуха.... Ясырь пропалъ, Келимъ остался у князя, абазинка у него тоже.... Только пе отдохнуло сердце Дахмулово.... Опъ къ Лейлъ съ ласкою, а та за кипжалъ, да въ слезы....
  - Что-же такъ?
- Xe! Дъвчонка то полюбила руссына.... Ужъ гдъ она его прежде знала, не въдаю.... Только сама призналась князю.... Дахмулъ

прічнылъ.... Ко мит за ворожбой — и я не помогла.... Онъ съ угрозой, а та за его винтовку, да и бацъ.... — Хотъла убить князя!... вскричалъ я, пораженный поступ-

комъ Лейлы.

— Ужъ видно хотъла, когда пуля раздробила ему кисть правой

— Несчастная! Что-же съ ней сдълали?...

- Что? Князь то одурњать просто... Горцы требовали, чтобы ее швырнуть съ камнемъ въ Хурзунъ, а онъ велълъ ее запереть въ пустую саклю, да и моритъ тамъ голодомъ - второй день... Не одумается, говорить, такъ пусть издохнеть, какъ шакалка, провалившаяся въ трущобу....
  - Бъдная дъвушка! прошепталъ я.
- Чего.... бъдная! перебила старуха.... опа, какъ безумная поетъ и днемъ, и ночью.... Вотъ ея сакля.... у рощи.... видишь крыту? Не смотря на наступившую темноту, я, напрягая зрвніе, успъль отличить указаниую крышу отъ густыхъ чинаръ, ее закрывавшихъ.

Дождавшись полночи, съ замирающимъ отъ ожиданія сердцемъ,я простился съ болтупьею и пустился на мое опасное предпріятіе. Проскакавъ нъсколько опушкою рощи, я привязалъ моего коня въ чащъ педалеко отъ дороги и, со взведенными курками у пистолетовъ, осторожно подползъ къ саклъ.... У порога ея расхаживаль вооруженный горецъ.... Лейла папъвала какую то грустную мелодію, которая изръдка даже заставляла караульнаго останавливаться у ея окпа.... Не теряя времени и затанвъ дыхавіе, я сдълалъ пъсколько шаговъ къ саклъ, и въ ту минуту, какъ горецъ оборотился ко мит спипою, я въ одинъ прыжокъ перескочилъ пространство, насъ раздълявшее, и швырнулъ на землю

- Хищникъ!... Чего ты хочешь? —простоналъ горецъ, сплясь схватиться за кинжаль.
- Ни слова! шеппулъ я, приставивъ пистолетъ къ груди его....-Хоть одинъ звукъ — я размозжу тебъ голову!... Съ этими словами, набросивъ свою бурку на голову горца, я заткнулъ ее пояснымъ ремнемъ на шеъ, а его поясомъ связалъ руки п оттащилъ мою жертву къ рощъ.

Черезъ минуту я былъ подъ окномъ сакли.... Абазинка все еще пъла, но слышно было, какъ рыданія прерывали слова ея.

— Лейла! шепнулъ я.

Она подбъжала къ окну и бросила мит въ лицо сквозь ръшетку горсть известки....

- Опять ты пришелъ меня мучить твоею любовью! сказала она.... Если, Дахмулъ, придешь еще завтра то клянусь тебъ я размозжу свою голову объ стъну....
  - Тс.... Лейла!
- Вотъ твой шашлыкъ и чурекъ, который ты мит принесъ вчера, какъ подачку, продолжала дъвушка, кинувъ за окно чурекъ...
   Я хочу смерти, а не хлъба....
  - Лейла.... ты не узнала меня! повторилъ я.
- А.... разбойникъ Келимъ! Такъ это ты, снова пришелъ упрашивать меня, чтобы я согласилась бъжать съ тобой....
  - Лейла.... я русскій....
- Русскій!—вскричала дъвушка....—Русскій, повторила она....
  и глаза ее засверкали въ ръшеткъ окна....—Ты... ты!—пришелъ!
  шептала она, сплясь протянуть ко миъ свои руки.... Ахъ, руссыпъ, спаси Лейлу.... Спаси меня.... они мучатъ меня.... они
  морятъ меня голодомъ, за то, что я люблю.... И дъвушка зарыдала. Мъшкать было вечего; квижаломъ я выръзалъ окно, голыми руками обломалъ известку и камни..... и принялъ на руки
  Лейлу, которая съ воплемъ радости обвила руками мою шею.

Казалось, все кончилось благополучно. Аулъ спалъ.... сторожевая собака тоже.... Я ужъ былъ ва конъ, готовый промчаться Каръ-Джуртомъ на Учъ-Куланскую дорогу, какъ вдругъ рослая фигура горца обрисовалась у порога сакли, въ которой заключена была Лейла. Замътивъ на рукахъ монхъ женщиву, горецъ съ гикомъ бросплся подъ ноги коня моего — и схватилъ его за уз-ду.... Я пригиулся съ съдла и къ ужасу моему узналъ въ противникъ Келима.....

- Русскій! Капуданъ! векричалъ онъ.
- Ты не ошибся, бездъльникъ! отвъчалъ я, метнувъкопя на право п налъво. Ловкимъ ударомъ необложенной шашки, я бросилъ Келима на землю, перепрытнулъ черезъ него и вихремъ понесся на Учъ Куланскую дорогу....

Время было дорого.... Я слышаль въ аулъ стръльбу и тревогу, а потому не отыскивая Сатая и Князя прямо спустился на Учъ Куланъ....

Разсвътало, когда я далъ нъсколько вздохнуть коню моему и оглянулся назадъ, проъзжая саклю Уруспія въ Учъ-Куланъ.... Въ тоже мгновеніе раздался выстрълъ, другой.... и пули засвистали надъ моей головою.... Келимъ, Дахмулъ и пять нукеровъ насти-

гали меня.... За ними вдали на скалахъ мчались Сатай и Беясланъ....

- Руссынъ.... мы погибли....—шептала Лейла—опи насъ догонятъ.... Убей скоръе меня.... Убей, ипташи руссыпъ!...
  - Лейла, мы спасены! вскричалъ я, вымъривъ глазомъ разстояніе, отдълявшее насъ отъ недруговъ.... Въ-самомъ дълъ, счастливая мысль мелькнула тогда въ головъ моей.... Я ръшился броситься изъ аула въ долину и, доскакавъ до знакомаго миъ прохода — въ Учъ-Куланскую пропасть, по которому нъсколько дней тому назадъ мы проходили съ Келимомъ, — скрыться въ немъ.

Благодаря моей памяти, я не заблудился, и въ то время, какъ враги были отъ меня на ружейный выстрълъ — я бросилъ коня, схватилъ на руки Лейлу и бъгомъ пустился по опасной галлерев, изръзанной глубокими и страшными трещинами. На исходъ галлереи, я осторожно опустился съ Лейлою въ одну изъ трещинъ— и изготовивъ винтовку, присълъ въ темномъ углу ея.

Прошло въсколько минутъ, — и громкій голосъ Келима, далъ намъ знать о близкомъ присутствін враговъ.

— Не уйдутъ, князь, говорилъ онъ.... Я знаю здѣсь всѣ ходы.... Ступай только скоръй.... Они еще не успѣютъ подняться высоко въ пропасти, какъ мы спустимъ молодца внизъ, а красавицу возьмемъ руками....

За тъмъ мы видъли, какъ киязь и его пукеры перебъжали дрожавшій надъ нами мостикъ.

Спустя минутъ десять я выползъ изъ своей засады, потомъ помогъ выбраться Лейлъ и опять пустился обратно къ выходу, скидывая въ глубокія трещивы, каждый мостикъ и охабку хворосту, черезъ которые мы переходили....

Мы ужъ были у выхода, когда въ концъ галлерен показались наши преслъдователи.... Съ гикомъ и проклятіями, они бросились за нами въ погоню, но сдълавъ нъсколько шаговъ впередъ, громкимъ воплемъ высказали ужасъ своего положенія, замътивъ нашу жестокую выдумку.

- Лейла! простоналъ князь, брякнувъ куркомъ винтовки.... Но мы были уже виъ выстръла.... Въ тоже время къ намъ подосиъли князь и Сатай.
  - Гат карджурцы? вскричалъ посатаній.

72 Смъсь.

— На цълые сутки, а быть можетъ и больше останутся въ пропасти! — отвъчалъ я, указывая на взбъшенную толиу враговъ. Беясланъ въ восторгъ цъловалъ и обнималъ по очереди Лейлу, меня и Сатая.

Когда мы садились на коней, Лейла, съ печальнымъ видомъ

Балгадоря чрен даватик и до соблудница, и до прочи чения вания выполнения быле в соблужения чения выполнения выстительнительничи выполнения выполнения выполнения выполнения вы

or the refer owner. Nowagar come, it can arrive all --

Mickel de enrego servici aretto a servi. Aparacoles a loron

an esad en mondo, no estanos nacionado marora encreta, rpentinsa nocació encuentan ymnes caeno militaria, nastrena

with the second process of the second proces

at a man a figuration and mains. Companies of the mex-

enadory and aces gyvando...

reaching and reach white with the second

the company of the property of the company of the c

шепнула мит: Ты предалъ меня, руссынъ!...

вотниции в достови дамен не калот прима В. Савиновъ-

BAJAIJPB.

Bayers 'et enterne note file o'Apali a daturen municipo

mary security states transport allows. Variationally should be some as

His groups are a considered to consider the server Happers, the contept that content the content that are content and a content of the content that are content to the content that are content to the content to the content that are content to the content to the content that are content to the content to th

Всъмъ извъстно, что въ Германіи посъщающіе публичныя лекціи платятъ за прослушаніе каждаго курса. Но бъдняки обыкновенно допускаются на лекціи даромъ. Одинъ ученый, читавшій объ Естественной Исторіи терпъть не могъ безплатныхъ слушателей, но каждую свою лекцію встръчалъ бъднаго молодаго человъка, обыкновенно помъщавшагося у двери. Бъдный и робкій молодой человъкъ, не платя денегъ, считалъ себя невправъ сидъть на скамьъ студентовъ. Частыя посъщенія бъдняка раздражили наконецъ натуралиста, который во время лекціи любилъ расхаживать по аудиторіи.

«Теперь я, господа, дошель — до осла, сказаль онъ однажды, дойдя до бъднаго слушателя.... Да что-же вы стоите, садитесь по-жалуйста, добавиль онъ, сердито обратясь къ нему. — Ничего-съ, отвъчаль бъднякъ, съ низкимъ поклономъ, ужъ позвольте мнъ осла послушать стоя.

Такимъ-же образомъ къ извъстному учителю Еврейскаго языка въ Лейпцигъ пришелъ бъдный студентъ просить о дозволени посъщать его лекціи безплатно. Профессоръ начисто отказалъ ему. «Ну, такъ позвольте, по крайней мъръ, коть за половинную цъну васъ слушать». — Съ чего вы взяли торговаться, грозно возразилъ профессоръ,

OTA. IX.

THE TOTAL PARTY OF THE PARTY OF THE BOOK AND

за кого вы меня принимаете? — «За перваго жида нашего въка....» отвъчалъ студентъ.

Извъстный французскій комическій писатель Пиронъ, не смотря на свою литературную славу, никакъ не могъ попасть въ члены французской Академіи. Каждый разъ, какъ его предлагали выбрать, онъ отпускалъ какую-нибудь эпиграмму на счетъ Академіи и его заболотировывали Наконецъ онъ написалъ себъ слъдующую эпитафію

Ci-git Piron qui ne fut rien, fas même académicien. Здёсь лежитъ Пиронъ, который быль нигто, Даже не академикъ.

Послъ этой злой выходки, присовътовали академикамъ выбрать Пирона на вакантное мъсто. Его выбрали и секретарь пришелъ условиться съ нимъ на счетъ ръчей, которыя они оба должны были произнесть по этому случаю.

- Къ чему тутъ много ломать голову, отвъчалъ Пиронъ, наши ръчи уже готовы.
- Какъ готовы? спросилъ секретарь: Я не знаю; что вы скажете, стало-быть не могу знать, что вамъ отвъчать.
- Я встану, поклонюсь и скажу: «Господа! я вамъ очень благодаренъ за честь, которую вы мнъ оказали, выбравъ меня въ академики.» А вы встанете, поклонитесь и отвътите: «Помилуйте! не стоитъ благодарности!»

Одинъ изъ придворныхъ Фридриха Великаго былъ замъщанъ въ уголовное дъло и судъ готовился признать его виновнымъ. Друзья его просили короля, чтобы онъ приказалъ измънить приговоръ. — Не могу! отвъчалъ король. — «Но ваше величество, послъ этого всъ будутъ объ немъ говорить дурно.» — Что-жъ дълать, пусть лучше говорятъ дурно объ немъ, чъмъ обо мнъ.

Лейбницъ говорить: Ни въ чемъ люди не показали столько ума, какъ въ изобрътеніи разныхъ игръ; но, по несчастію, самые умные ихъ выдумывають, а самые глупые въ нихъ играють.

more . - Ca sero em usa en aprobacta o vocado desperada aposeccopa,

Въ Апгліи ръшено было повъсить какого-то преступника. Плотникъ, которому заказали построить висълицу, запросилъ несоразмърную цъну. Подрядчикъ позвалъ его къ себъ и упрашивалъ взять подешевле. Ну, пожалуйста, хоть для меня! говорилъ онъ ему.

 Съ моимъ удовольствіемъ, сударь, отвъчалъ плотникъ, я въдь не зналъ, что это для васъ, а то-бы не сталъ и торговаться.

Князь Потемкинъ Таврическій, въ извъстные дни, приказываль своему дворецкому раздавать бъднымъ милостыню. Разъ, въ одинъ изъ такихъ дней, онъ вышелъ на крыльцо, собираясь ъхать во дворецъ. Къ нему подошелъ какой-то худо одътый человъкъ и протянулъ руку, прося подаянія.

- «Обратитесь къ моему управляющему, сказалъ Потемкинъ.
  - «Да я уже былъ у него, Ваша Свътлость....
  - «Что-же? онъ вамъ далъ....
  - Одну только пощечину.

Потемкинъ засмъялся и вельлъ выдать бъдняку триста рублей.

Одинъ помъщикъ вздумалъ женить своего сына, который много повъсничалъ. — Не рано – ли , Никаноръ Степанычъ , сказалъ ему сосъдъ : въдь еще молодо – зелено ! Дай ему отбъситься и поумнътъ.

— «Э, нътъ, любезный! отвъчаль помъщикъ: тогда пожалуй, и не женится.»

Одинъ франтъ, будучи на балъ, не пропускалъ ни одного танца, не смотря на то, что былъ неловокъ, неуклюжъ и сбивалъ другихъ съ толку. Замътивъ, что всъ надъ нимъ смъются, онъ гордо окинулъ собрание взоромъ и сказалъ: Правда, я танцую дурно, за то дерусь отлично.

— Ну, такъ знаете что, сказала одна дама, ужъ лучше вы деритесь, а въ танцы не пускайтесь.

За столомъ въ трактиръ, одинъ посътитель былъ недоволенъ виномъ: «Что это у васъ, сказалъ онъ лакею, върно слишкомъ много воды въ винъ.» — Никакъ нътъ-съ, отвъчалъ наивно прислужникъ, развъ какъ-нибудь слишкомъ мало вина подбавили въ воду!

Чадолюбивый отецъ жаловался въ обществъ, что у него три дочери красавицы, изъ которыхъ каждой онъ назначилъ по 10,000 руб. сер., а между-тъмъ до-сихъ-поръ никто не беретъ. «Помилуйте, возразилъ какой-то острякъ, да я первый съ удовольствіемъ взялъ-бы парочку.»

Когда Наполеонъ и Марія Луиза посъщали города Камбре, Валансьенъ и другіе, меръ одного мъстечка воздвигнулъ имъ въ честь тріумфальную арку. На этой аркъ красовалась поэтическая надпись, принадлежавшая вдохновенію самого мера:

«Il n'a pas fait une sottise En épousant Marie-Louise.» (Онъ поступилъ умно, женяся на Маріи-Луизъ.)

Наполеонъ прочитавъ эти строки, приказалъ позвать мера. — «Вы занимаетесь поэзіею?» спросиль онъ его. — Да-съ, ваше величество, иногда я пишу стихи. — «Въроятно вамъ принадлежитъ эта надпись?» — Точно-такъ, ваше величество. — «Нюхаете-ли вы табакъ?» продолжалъ императоръ, подавая ему богатую табакерку, украшенную брилліянтами. — Употребляю, ваше величество.... но.... я не смъю и думать. — «Полноте, возьмите табакерку вмъстъ съ табакомъ, и

Quand vous y prendrez une prise, Rappelez vous Marie-Louise.

(Когда вы станете изъ нея нюхать, вспомпите Марію-Луизу.)

Шулера, метавшаго банкъ, уличили въ передержкъ. Игроки съ яростью бросились на него и безъ церемоніи выкинули его въ окно. Дъло происходило во второмъ этажъ; по счастію подъ окномъ была навалена куча песку и игрокъ ударился въ нее прямо посомъ. Оправившись отъ испуга, онъ поднялся на ноги, почесалъ въ затылкъ и пошелъ къ пріятелю за совътомъ. — Научи, любезный другъ, что

мив двлать? — «Двлать туть можно только одно, отвъчаль пріятель, впередъ старайся играть въ нижнемъ этажъ.

Провинціальный дилетантъ, который, слъдуя модъ, завелъ себъ дворовый оркестръ, котя былъ вовсе не знакомъ съ музыкою, во время одной увертюры, подбъжалъ вдругъ къ музыкантамъ и закричалъ:

- Эй вы, ратозъи! Что значить, что вы не всъ играете?
- Такъ надобно, сударь отвъчалъ первый скрыпачъ.
- Какъ надобно? Что ты умничаешь.
- Точно такъ, сударь, прибавилъ скрыпачъ, теперь играютъ гобои.
  - А вы то что-жъ?
  - Да мы, сударь, считаемъ паузы; отвъчали музыканты.
- Какъ считаете паузы? Зачъмъ? Кто вамъ велълъ? Я вамъ дамъ паузы! У меня если играть, такъ играйте всъ за разъ, а паузы свои считайте дома.

the many are the contract of the second seco

Писарь, занимавшійся перепискою у одного литератора, кромъ хорошаго почерка имълъ еще достоинство напиваться до отнятія языка. Однажды, подкутивъ гдъ-то порядочнымъ образомъ, онъ попалъ подъ арестъ. Не имъя достаточно денегъ, чтобы отрезвиться, онъ написалъ къ литератору лаконическую записку, такого содержанія.

«Ваше благородіе! Я нахожусь на точкъ рубля шести гривенъ! Благоволите вывесть изъ непріятнаго положенія.»

Учитель физики, плохо знавшій свой предметь, неудачно двлаль опыты во время публичных в лекціп. Онъ обжигался, обваривался, сердился.— «Теперь, господа, мы увидимъ вотъ то-то....» — говорилъ наставникъ, и ничего не выходило. Разъ онъ дълалъ извъстный опытъ надъ двумя полушаріями, изъ которыхъ вытягивается воздухъ. — «Вотъ, господа», сказалъ онъ, «мы увидимъ удивительную вещь: эти два полушарія не разорвуть и двадцать лошадей, попробуйте» — Подходигъ одинъ изъ слушателей, разрываетъ, и спокойно кладетъ ихъ на столъ. — «Пу, въдь я не говорилъ о людяхъ», замътилъ учитель; тутъ дъло совсъмъ другое.

высодиль начестваль, быль необі<u>лін</u>егенне скупь. Одивиды депутаты

Докторъ прогуливался со своимъ пріятелемъ въ публичномъ саду. — Пойдемъ, пожалуйста, направо, сказалъ онъ своему спутнику, я не хочу встрътиться съ этой дамой. — Почему такъ? — «Да вотъ видишь-ли: я пользовалъ ея мужа и....» — А, понимаю, ты върно имълъ несчастіе отправитъ его на тотъ свътъ? — Напротивъ, онъ выздоровълъ.

- Дъдушка, кто выдумаль порохь?
- Не помню душенька, а на что тебъ?
- Да тетушка говорить, что это не вы.

Пыръ-де-Маранъ послъ представленія своего «Хильдерика» былъ жестоко освистанъ зрителями, между которыми онъ встрътилъ старыхъ и неотвязчивыхъ враговъ своихъ. Внъ себя отъ досады, — оскорбленный писатель бросилъ свою шляпу въ партеръ и вскричалъ: «Кто хочетъ видъть автора — тотъ принесетъ ему шляпу!» — Не надо! отвъчалъ какой-то острякъ; на что Марану шляпа, когда всъ признали его безголовымъ?!

Неужели я никогда не разобыю этого горбатаго? сказалъ принцъ Оранскій, выведенный изъ терпънія побъдами Люксенбурга. — Да, какъ онъ знаетъ объ моемъ горбъ! замътилъ послъдній, когда ему передали слова принца.... онъ никогда не видалъ меня сзади... я всегда стоялъ къ нему лицомъ.

Common compared addition and province and an entire or an entire or an entire or and entire or and entire or and entire or an entire or

Когда Фанъ-Дейкъ писалъ портретъ съ супруги короля англійскаго Карла I, то все вниманіе свое сосредоточивалъ на прекрасныхъ рукахъ королевы. — Для чего вы, кавалеръ, спросила она, стараетесь больше изобразить мои руки, нежели голову? Для того, ваше величество, отвъчалъ художникъ, что я ожидаю отъ этихъ прекрасныхъ рукъ награды, достойной той, которая ими владъетъ....

Funders sequent and committee of the control of their

Титъ Флавій Веспасіанъ, римскій императоръ, при всьхъ своихъ высокихъ качествахъ, былъ необыкновенно скупъ. Однажды депутаты

какого-то города возвъстили ему, что, по общему согласію гражданъ, они собрали милліонъ сестерцій на сооруженіе ему колоссальной статуи... — Поставьте ее здъсь, не теряя времени, вскричалъ Веспасіанъ, протягивая руки.... воть и основаніе готово!...

«Великіе люди умираютъ только на полъ чести!» сказалъ Наполеонъ профессору Вольту, давая ему пенсію и оставляя въ то же время на службъ. Вольтъ никакъ не могъ забыть этого замъчанія и послъ паденія Наполеона, повгорялъ неоднократно: онъ налгалъ на себя!

Министръ Лавуа, получивъ однажды депеши отъ одного изъ иностранныхъ дипломатовъ, призвалъ къ себъ своего секретаря и продиктовалъ ему слъдующее письмо: «Вы, безъ сомнънія будете удивляться, милостивый государь, что о такомъ важномъ дълъ, требующемъ величайшей тайны, я пишу къ вамъ отвътъ не своею рукою. Но, да будетъ вамъ извъстно, что употребляемый мною на это секретарь въ такой степени простъ и глупъ, что не понимаетъ даже, о чемъ самъ теперь къ вамъ пишетъ, и такъ далъе.

«Другъ мой, — замътилъ какой-то господинъ своему пріятелю, который на похоронахъ своей жены, даже не покрылъ шляпу чернымъ крепомъ; — твоя физіогномія и одежда нисколько не отвъчаютъ настоящему скорбному положенію? — Почтеннъйшій — отвъчаль послъдній, съ чувствомъ особеннаго самосознанія; — къ чему наружные знаки грусти, къ чему черных думы на чель? Къ чему всъ эти черные крепы?... Была-бы душа черна! добавилъ онъ со вздохомъ.

Два задушевныя пріятеля, сватавшись за одною красавицею — поссорились. — Ты ничего туть не успъешь сказаль одинь — другому, который былъ немного сутуловатъ. — Это почему? — Потому, что онъ терпъть не можетъ горбатыхъ! — «Стало-быть, мы оба не выигрываемъ».... оторвался горбунъ. — А я-то почему? — «Потому, что она также не терпитъ плоскихъ...

«Велийе люда умироготь тольку на поль чести !» сказаль Плиологов профессору Вольту, далая ему инпото, и потавляю от тог же премя на служба. Вольть инкомь не могь забыть этого замичаеня и посль

Министра Лавуа, получива одинала деления ота одного или ипоотранивать диплозатойть, призвать из себы сеобть сепроторя и продиктовать ему одъдующее цесьмо: «Пяд мерь соминани будето удив-

pear bernsteinen konnel, a neur un fann frank in erocie protei. 10. ga cygerk hans die berne, bro- voo pediateiste naoie en oro. co-

the state course the state that the state of the state of

Jorge nos, - James a macol-rate concount and areas, notes and

предоставля от том отполнить и той предоставля на отполнить илистранных становической полиментов. В предоставля по станови-

ordinarpijon (1999. gra – 19 indonestrovenie ordinastocio (199 groupa arti indones ure ara prove gra Chiefe artika par 186 artikaj rustan artikaj uregeli indone

tepiscia appetra de anti-como de parte de constante de la provincia.

-болон - отпрительно прителя, озатальных дл. одгого арасманско - посов-

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕПЫ.

№ 5.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГЛАЗУ СУЧОКЪ МЫ ВИДИМЪ, ВЪ СВОЕМЪ НЕ ВИДИМЪ И БРЕВНА.

водевиль въ одномъ дъйствіи, передъланный съ французскаго

И. С. Оедоровымв.

(Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ С.—Петербургскомъ театръ, февраля 21-го 1851 года.)

дъйствующіе:

Андрей Андреевичъ Моргуновъ, 49-ти лътъ. Надежда Осиповна, его жена, 22-хъ лътъ. Оедоръ Григорьичъ Шпилькинъ, пріятель Моргунова, 50 ти лътъ. Василій Сергъевичъ Дымскій, племянникъ Моргунова, 25-ти лътъ.

AKTEPЫ.

- г. Мартыновъ 1-й. г-жа Жулева
- г. Самойловъ.
- г. Смирновъ 2-й-

Дъйствіе происходить въ увздномъ городъ, въ квартиръ Моргунова.

Отд. Х.

1

Небольшая комната, просто, но опрятно убранная. Въ срединъ открытая дверь въ садъ. По сторонамъ, также двери, направо входная, а на лъво ведущая въ другія комнаты. Впереди, рабочій столикъ; окно и близъ него столъ съ бумагами, книгами и проч.

I.

надежда осиповна, дымскій.

Надежда Осиповна сидить у рабочаго столика, Дымскій подль нея, потомь Шпилькинь.

Дымскій. Скажите, ma tante, когда-же къ вамъ прівхала Софья Петровна съ мужемъ?

Надежда Осиповиа. Вчера вечеромъ... вскоръ, какъ вы ушли отъ насъ.

Дымскій. Долго они у васъ пробудуть?

Падежда Оспповна. Ивтъ, день, другой, не больше.... у Шпплькина въ нашемъ увздв есть маленькое имвньицо.... Они вдутъ туда на лвто и остановились у насъ провздомъ.... Сооп лучшая моя подруга по пансіону.... вотъ ужъ два года, какъ я пе видълась съ ней, съ-техъ поръ, какъ Андрей Андреичъ пересв-лился сюда на службу изъ Петербурга.... Можете судить, какъ радостно было наше свиданіе!...

Дымскій. ІІ она все также хороша?

Надежда Осиповна. Да, она мало перемънплась.... поблъднъла и похудъла немножко... Бъдняжка, годъ только замужемъ и почти все больна.... Доктора посовътовали ей прожить лъто въ деревиъ....

Дымскій: А все я думаю муженекъ!... Повърьте, она счастливъе была бы со мною....

Надежда Осиновна. Полноте, Базиль.... пора забыть эту страсть....

Дымскій. Трудно, ma tante!... Я не видёлъ Софью Петровну со времени ея замужества.... а, повърите-ли, все также ее люблю....

Надежда Осиповна. Вы думаете, Базиль, мив не досадно было, что отецъ Софи отказалъ вамъ въ ея рукъ?... Я чуть не плакала, когда вы мив написали объ этомъ изъ Петербурга. потому что я видъла и знала, какъ и она любила васъ.... но тенерь все конечио.... я даже не совътовала-бы вамъ видъться съ нею....

Дымскій. А мив кажется, что если я увижу ее теперь, такъ

скоръе излечусь отъ своей страсти....

Надежда Осиповна. Дай Богъ!... вы вспоминте только, что она замужемъ и ожилать отъ нея взаимности и грбшно и не должно.... Послушайтесь меня, Базиль, докажите, что вы благородный человъкъ и начните съ того, что отдайте мив ея письма....

Дымскій. Чего вы отъ меня требуете, ma tante?... У меня

только и утъшенія, что эти письма!

Надежда Осиповна. Базиль! Неужели въ васъ такъ мало благоразумія?... (Въ эту минуту Шпилькинъ явллется въ средней двери и прислушивается.)

Дымскій. Ахъ, еслибъ вы могли заглянуть въ мое сердце, и увидъть, какъ я сильно страдаю.... право, вы сжалились-бы надо

мною !...

Надежда Осиповиа. Перестаньте.... Какъ вамъ не стыдно!! Шиплькинъ (всторону). Ого-го!... (На цыпочкахъ прячется за дверь въ садъ).

Дымскій. Но разв'є въ моей власти пересплить эту страсть?.. Надежда Осиповна. Перестаньте.... я не хочу пичего знать... Шпилькинъ (кашлял и стуча ногами, входить снова въ

среднюю дверь). Гмъ! гмъ!...

Надежда Оспповна. Тсъ! ея мужъ!...

-11

тъже, шпилькинъ.

Шпилькинъ. Могу я войти?

Надежда Осиповиа. Сдълайте одолжение....

Дымскій (всторону). Совершенный уродъ!... и это мужъ моей Софи!...

Шпилькинъ (Надежда Осиповна). Извините, не помъщалъ ли я вамъ?...

Надежда Осиповна. Нисколько!...

III пилькинъ. Быть можетъ, у васъ былъ секретный разговоръ съ этимъ молодымъ господиномъ... не имъю чести знать....

Надежда Осиповна. Неужели вы не узнаете? Это племян-

никъ Андрея Андренча.... Василій Сергънчъ Дымскій....

III п ильки и ъ. Можетъ-ли быть?... Это тотъ самый, что воспитывался въ Медико-Хирургической Академіи?... Еще я помню хаживалъ по праздникамъ къ Андрюшъ, когда тотъ былъ холостымъ.... Надежіда Осиповна. Да, тотъ самый!... Онъ ужъ теперь

Щпилькинъ. Докторъ!... Скажите пожалуйста, какъ вы измънились.... Позвольте съ вами познакомиться.... (Съ намъреніемъ, смотря на Надежду Осиповну.) Прекрасный молодой человъкъ!...

Дымскій (всторону). Да, ужъ получше тебя!... Бъдная Софиј!...

Надежда Осиповна. Скажите, Базиль, вы не видъли, гдъ Андрей Андреичъ?...

Ды мскій. Видълъ... онъ въ саду.... подвязываеть и поливаетъ цвъты....

Надежда Осиповна. Ужасная страсть у него къ этимъ цвътамъ.... Пожалуйста, сходите, Базиль.... попросите его сюда.... онъ съ своими цвътами готовъ совсъмъ забыть насъ....

Дымскій. Сію минуту.... (Всторону) Какъ-бы мит увидёть Софи и поговорить съ нею.... (Уходить въ среднюю дверь.)

III.

шиилькинъ, надежда осиповна.

Шпилькинъ (всторону). Дядюшка хлопочетъ съ цвътами, а племянничекъ здъсь вонъ какимъ цвъточкомъ защимается....

Надежда Осиповна. Каково сегодия здоровье Софи?... я еще ее не видъла....

Шинлькинъ. Какъ-будто сегодня получше немножко.... сейчасъ только проснулась.... Но все какъ-то слаба.... почти ходить не можетъ.... престранная болъзнь.... иногда въ день перемъны три бываетъ....

Надежда Осиновиа. Бъдная Софи!

Шпилькинъ. Не знаю ужъ, право, поможетъли ей деревня.... миъ вонъ одна барыня говорила въ Петербургъ, что ея болъзпь върнъе всего можетъ пройти отъ купаній....

Надежда Осиповна. Я думаю, что деревенскій воздухъ и спокойствіе ей будутъ очень полезны....

Шпилькинъ. Дай Богъ!... А не то въдь придется намъ ъхать куда-нибудь къ морю.... купаться.... а ужъ мив эти разъвзды!... Прекрасный сегодня день.... (Подходя къ окну.) А вонъ и Сонюшка прогуливается по саду....

Надежда Осиповна. Она въ саду?... (Веторону). Боже мой и Базиль тамъ.... (Вслужь). Я пойду къ ней....

Шпилькинъ (желая ее удержать). Позвольте, Надежда Осиповна.

Надежда Осиповна. Извините, Оедоръ Григорьичъ.... къ вамъ сейчасъ придетъ Андрей Андренчъ.... а мит такъ хочется повидаться и поговорить съ Софи.... (Поспъшно уходить въ среднюю дверь.)

IV.

шпилькинъ, потомъ моргуновъ

Шпилькинъ (смотря ей вслюдъ). Понимаю, куда ты бъжишь.... не Сонюшка тебъ нужна.... а чай племянничекъ.... вотъ ужъ, какъ говорятся, на ловца звърь бъжитъ! только пріъхалъ ужъ и дъльцо навертывается!... Пусть говорятъ послъ этого, что проэктъ мой вздоръ!...

. Моргуновъ (за кулисами). Пожалуйста, Васинька, посмотри,

чтобъ Ванюшка полилъ порядкомъ всё цвёты....

Шпилькинъ. Какъ-же, будеть твой Васинька смотреть, когда у него не то на умъ.... Несчастный мужъ!... Я вообще замъчаль, что ужъ если человъкъ привяжется къ какому-нибудь вздору.... тамъ.... къ цвётамъ.... къ собакамъ.... къ птицамъ, что-ли... такъ ужъ все забудетъ... не видитъ, что и подъ посомъ у него дълается!... По счастью, я пріъхалъ, кажется, еще во время....

Моргуповъ (входя въ среднюю дверь). Здравствуй, голубчикъ Өединька.... съ добрымъ утромъ.... Ну, хорошо-ли вы почивали....

ловольны-ли вы комнатой?...

Шпилькинъ. Какъ нельзя быть довольные!... Ужъ такое спокойствіе, что и сказать нельзя!... А я все думаю, не обезпоконли-ли мы тебя....

Моггуновъ. Ну, еще что скажешь!... Да еслибъ ты, проъздомъ въ деревню, не остановился здъсь въ городъ у меня.... я просто бы и знать тебя не захотълъ....

Шиплькинъ. Я такъ и думалъ, что ты будещь намъ радъ... въдь легко ли: три года не видълись.... а въ это время куда много воды утекло.... видишь, вотъ ужъ и я тоже.... женатъ!...

Моргуновъ. Да.... пашего полку прибыло.... въдь ужъ, ка-

жется, скоро годъ?...

Шпилькинъ. Десятаго будущаго мъсяца ровно годъ бу-

Моггуновъ. Давъдь на комъ и женатъ-то !... надобно же было этому случиться: на лучшей пріятельниць жены.... на школьной ея подругъ....

Шпилький. Да, ужъ не говори!... Былимы съ тобою всегда пріятели.... а теперь, по женамъ, еще ближе другъ другу стали!... Одно только горе.... Сонюшка, почти съ-тъхъ-поръ, какъ вышла замужъ.... не то, чтобы больна, не то, чтобы здорова.... слабоеть все этакая.... Но впрочемъ, я увъренъ, что она меня любитъ.... хогь опа и не говоритъ мнъ этого, по я знаю навърное, что любитъ....

Вст эти клятвы — вещь пустая,
Ты испыталь и самь, я чай....
Бывало, какъ клялась иная,
А чрезъ недъльку и прощай!
Нътъ, братецъ, чтобъ прожить счастливо,
Не върь ты клятвамъ, такъ какъ я....
Любовь робка и молчалива,
Примъръ тому жена моя!
Когда ее спросить придется,
Что любитъ-ли меня она....

Ну, что-жъ?

шпилькинъ.

моргуновъ.

Вздохнетъ и отвернется....

моргуновъ.

Что-жъ это?

шпплькинъ.

Значитъ, влюблена!...

Моргуповъ. Дай Богъ тебъ счастье!... а я, признаться, ду-

Шпилькинъ. Что?

Моргуновъ. Не поздненько-ли ты женился?...

Шпилькинъ. Да что-жъ мои за лъта?...

Моргуновъ. Пу, все таки... въдь ты годомъ меня старше.... въдь ужъ тебъ ровно полсотин....

Шпплькинъ. Самые лучшіе года для женитьбы.... года опытпости и благоразумія.... а въ супружествъ эти достопиства и нужны....

Моргуновъ. Все такъ... но тебъ пятьдесять, а ей....

Шпилькипъ. Двадцать три.... Что-жъ, ты думаешь, что я отъ этого буду ревинвъ?... не безнокойся.... Я, голубчикъ, застрахованъ отъ этого гръха....

Моргуновъ. Какъ застрахованъ?

Шпплькинъ. Да.... въ эти три года, какъ мы съ тобой не

видълись, я много измънился и въ характеръ, и въ правилахъ жизни.... а въ особенности, какъ женился.... Поживши на свътъ и посмотръвъ на людей, я увърился, что для прочнаго счастія необходимы вообще предупрежденія....

Моргуновъ. Предупрежденія?... Что-жъ это такое?... Я что-

то тебя не понимаю....

Шпилькинъ. А вотъ сейчасъ поймешь.... Давно, братецъ, въ головъ моей вертится планъ учредить этакую компанію — на акціяхъ.... подъ названіемъ: общество для застрахованія прочнаго счастья супружеской жизни.... въдь у насъ какихъ ужъ нътъ обществъ, а главнаго, которое бы сохраняло спокойствіе мужей.... этакого у насъ и нътъ.... никто о немъ до-сихъ-поръ не подумалъ?...

Моргуновъ. Что за нелъпая мысль?...

Шпилькинъ. Нътъ, самая благоразумная и удобопсполнимая.... Стоитъ только посмотръть повнимательнъе, какую до сихъпоръ вели жизнь наша братья — мужья, такъ моя мысль вовсе не покажется пелъпою....

Мужъ счастливый, особливо Если скромный человъкъ, Всемъ покажется за диво Въ надувательный нашъ въкъ. Ныньче въ лицахъ небылица Непритворная жена, Ныньче женщина, какъ львица, Жить и дъйствовать должна! Просидъть денекъ съ супругомъ Или съ дътками играть, Все равно ей, что недугомъ Иль тоскою прострадать .... Все бы только ей таскаться По гуляньямъ и баламъ, Да кокетствомъ заниматься Въ маскарадахъ по ночамъ.... Мужъ трудится, какъ поденщикъ... Онъ изволь и домъ держать, И жену, какъ милліонщикъ, Вѣчно куклой наряжать. На балу онъ — для фигуры, Чтобъ супругъ средства дать Поиграть тамъ въ шуры-муры Да здоровье исплясать.

Словомъ, что нашъ братъ женатый? Дома — труженикъ, батракъ, А внѣ дома — провожатый, Не вдовецъ, не холостякъ.... Окрутятъ вдругъ, какъ овечку, А зачѣмъ? прошу рѣшитъ.... Чтобы къ женпву сердечку Волокитамъ путь открыть!

Эти-то, братецъ, волокиты и составляли главивишее наше несчастіе.... не будь ихъ, не было-бы и другихъ несчастій.... они, такъ сказать, альфа и омега всёхъ семейныхъ безпорядковъ....

Моргуновъ. Неужели ты, въ-самомъ-дълъ, учредилъ такую компанію?...

Шпилькинъ. Нътъ, пока еще она только въ проэктъ... но я ужъ приступилъ къ нъкоторымъ опытамъ... напримъръ, въ Петербургъ я завелъ у себя нъсколькихъ этакихъ пріятелей и сблизился съ кой-какими старушопками, посредствомъ которыхъ очень легко могу узнавать всъ тайные помыслы женщинъ....

Моргуновъ. Ну, что-жъ.... и была отъ этого польза?

Шпилькинъ. Разумъется — была!... Напримъръ.... ты знавалъ стараго моего сослуживца Огрызкова?

Моргуновъ. Какъ-же, знаю!

Шпилькинъ. Ну, вотъ онъ теперь хлопочетъ о разводной съ своей женой.... и это по моей милости....

Моргуновъ. Неужели онъ доволенъ былъ тобою?...

Шпплькинъ. Нътъ, онъ разбранился со мной.... да пускай.... я не сожалью.... я убъжденъ въ душь, что сдълалъ доброе дъло.... вотъ еще Мишкипъ.... былъ большой мнь пріятель.... тоже разошелся со мной, оттого, что я положительными фактами доказалъ ему вътренность его жены.... Но этотъ чистый дуракъ.... живетъ по прежнему съ женой.... а мнь сказалъ: ты, говоритъ, ужъ лучше со мной и не встръчайся.... а если гдъ встрътяшься, такъ я тебя безъ церемоніи.... (Показываетъ кулакъ.)

Моргуновъ. Помилуй, что за охота.... въдь этакъ ты со всеми друзьями разбранишься!...

Шпилькинъ. Ничего.... по-крайней мъръ, моя совъсть будетъ чиста.... Въ этомъ случаъ, я не пожалью даже тебя, лучшаго мо-его друга....

Моргуновъ. Нътъ, ужъ ты меня-то оставь въ покоъ.... да мнъ нечего и бояться.... я совершенно увъренъ въ своей женъ... это, братецъ, чудо, а не женщина.... любитъ меня такъ, какъ и любить ужъ, кажется, нельзя....

Шпилькинъ. Бываетъ и это.... бываетъ.... по паружности и кажется, что любить....

Моргуновъ. Какъ по наружности?...

Шпилькинъ. Да.... случись, напримъръ, хоть со мной.... но со мной правда, ничего не можетъ случиться.... я совершенно въ другой категоріи.... жена моя все больна.... такъ ей право не до того.... ну, выздоровъетъ, дъло другое, мы примемъ другія мъры, и къ ней примънимъ нашъ проэктъ!... Но я говорю случись съ къмъ нибудь подобная исторія, какъ съ тобой....

Моргуновъ (съ удивленіемъ). Какъ со мной?...

Шпилькинъ. Тутъ ужъ пельзя пожалъть ни себя, ни жены!.. Моргуновъ. Постой! Отчего это ты сказалъ: какъ съ тобой?... У меня не можетъ никогда выйти такой исторіи....

Шпилькинъ: Право?...

Моргуновъ. Мы съ женой живемъ скромно....

Шпилькинъ. Ну, положимъ, скромно....

Моргуновъ. Один....

Шпплькинъ. Положимъ, и одви....

Моргуновъ. Такъ какая-же можетъ у меня быть исторія?... Шпилькинъ. По твоему, не можетъ-быть пикакой?...

Моргуновъ. Никакой!

Шпилькинъ. А по моему, тебъ непремънно надо будетъ поступить въ члены моего общества....

Моргуновъ. Не хочу я быть вашимъ членомъ!... вотъ еще выдумалъ....

Шпилькинъ. Но какъ общество еще не открылось, то я записываю тебя кандидатомъ... а между тъмъ, до времени, беру на себя всю отвътственность за твое счастіе и спокойствіе....

Моргуновъ. Оставь меня, пожалуйста, въ покоъ.... не хочу я отъ тебя никакой отвътственности.... Я счастливъ! слышишь-ли, очень счастливъ!... Вотъ ужъ пятый годъ, какъ я женатъ, а мив все кажется, что еще не прошелъ медовой мъсяцъ. моей супружеской жизни!...

Шпплькинъ. Вотъ увидимъ, сладокъ-ли этотъ медъ!... (Смотря во среднюю дверь). Скажи, пожалуйста, въдь это твой племянникъ прогуливается—вотъ тамъ, въ саду?...

Моргуновъ. Да.... Дымскій.... ты его видалъ....

Шпплькинъ. Зпаю, знаю.... молодой докторъ....

Моргуновъ. Человъкъ съ большими познаніями....

Шпилькинъ. И съ чрезвычайно пылкими чувствами....

Моргуновъ. Почему ты это думаешь?

Шпилькинъ. Развъты не замътилъ, какой онъ печальный.... Моргуновъ. Правда, въ характеръ его нътъ этакой веселости.... Шпилькинъ. А отчего?

Моргуновъ. Кто его знаетъ.... такъ ужъ по натуръ....

Шпилькинъ. По натуръ!... Гмъ!... а какъ ты думаешь, не влюбленъ ли онъ скоръе?...

Моргуновъ. Не знаю, онъ мит не открывался.... мудренаго, впрочемъ, нътъ.... человъкъ молодой....

Шпилькинъ. Ну, такъ я тебъ скажу навърное.... Онъ влюбленъ!...

Моргуновъ. А ты почему знаешь?

. Шпилькинъ. Положительно влюбленъ и еще въ кого!...

Моргуновъ. Въ кого?...

Шпилькинъ. Ты хочешь знать?

Моргуновъ. Все равно....

Шпилькинъ. Нътъ, не все равно! ты это долженъ знать!... И я тебъ скажу.... потому-что обязанъ сказать, на основани правилъ предполагаемаго мною общества....

Моргуновъ. Ну?...

Шпплькинъ. Ну.... опъ влюблевъ въ свою тетку!...

Моргуновъ (съ удивленіемъ). Что?

Шпилькинъ. То-есть, въ твою жену!...

Моргуновъ. Что ты за вздоръ выдумалъ!...

Шпилькинъ. Мало того!... твоя жена сама влюблена въ

Моргуновъ. Вздоръ!...

Шпилькивъ. Нътъ, не вздоръ!... Я самъ собственными глазами видълъ давича, какъ онъ вотъ здъсь на этомъ самомъ мъстъ....

Моргуновъ. Ну....

Шпилькинъ. Да чуть-ли не стоялъ передъ нею на колънахъ!... Моргуновъ. Неправда! ты выдумалъ, чтобъ побъсить меня....

Шпплькинъ. Не върь, пожалуй!... А я готовъ, чъмъ хочешь побожиться, что это истина.... такая же истина, какъ-то, что я твой другъ Өедоръ Иванычъ Шпплькинъ.... и готовъ хоть въ воду для того, чтобъ ты былъ счастливъ!...

Моргуновъ. Неужели ты не лжешь?...

Шпилькинъ. Но не бойся ничего!... Интрижка, кажется, еще только въ началъ.... а здъсь, по счастью, основатель будущаго об-

щества застрахованія прочнаго счастія супружеской жизни, который никакъ ужъ не позволить обмануть какому-нибудь молокососу стараго друга и пріятеля.... будь-же покоенъ.... вооружись терпъніемъ и мужествомъ.... а я отправлюсь для необходимыхъ наблюденій!... (Уходить вы среднюю дверь.)

Моргуновъ (одинь, въ раздумыи). Влюбленъ.... и влюблена!... племянникъ и тетка !... моя жена и мой племянникъ!... Да не ужъли же въ самомъ-деле ?... Онъ сказалъ: я, говоритъ, чемъ хочешь готовъ побожиться!... Да нътъ, можетъ-ли быть, чтобъ Надежинька, которая меня такъ нъжно цълуетъ каждое утро и каждый вечеръ, и Вася, который съ двадцати-лътняго возраста сталъ называть ее теткой.... А впрочемъ.... въдь ей только двадцать три.... а ему двадцать пять.... и если взять въ соображение, что мнъ сорокъ девять... Нътъ, вздоръ!... Я еще не такъ старъ!... Это я очень хорошо знаю!... Надежинька меня любить и должна меня любить!... Ну, тебя!... явился туть съ своимъ нельпымъ обществомъ!... Только смущаетъ спокойствие человъка!... Шутъ гороховой!... Это онъ върно для того, чтобъ испытать ревнивъ-ли я.... (Насильно смівясь). Ха, ха, ха.... влюблены!... моя-то Надежнивка!... Однако, габ-жъ это она?... (Хочеть идти въ садъ.) А! вонъ!... что это, какъ-будто она кого-то ищетъ?... върно меня!... Душка моя!... четверти часа безъ меня пробыть не можетъ!...

VI.

моргуновъ, надежда осиповна.

Надежда Оспповна (входя въ среднюю дверь). Андрюша! съ тобой ивтъ здъсь Базиля?...

Моргуновъ. Нътъ!... (Всторону.) Одпако-жъ, страпно.... она не меня, а его искала!...

Надежда Осиповна (съ безпокойствомъ). Гдъ-жъ это онъ?... Не пошелъ-ли куда нибудь съ Өедоромъ Григорьичемъ? Моргуновъ. Ивтъ!... а тебъ зачъмъ Васю?

Надежда Осиповна (съ смущениемъ). Такъ... ин зачъмъ.... Моргуновъ (разгорячась). Ни зачемъ?... ни зачемъ?... а отчего-же у тебя такое странное лицо?...

Надежда Осиповна. У меня?...

Моргуновъ (съ гитвомъ). Да! у васъ, сударыня!... вы чтото черезъ-чуръ озабочены.... смущение такое....

Надежда Осиповна (съ удивленіемъ). Быть-можетъ.... я дъйствительно въ большомъ безпокойствъ.... но скажи, пожалуйста, что съ тобой сдълалось?... Ты такъ кричишь на меня!... такъ сердитъ!... Это вовсе къ тебъ не пристало!

Моргуновъ (всторону). Правда... я ужъ черезъ-чуръ.... а все этотъ дрянъ Шпилькинъ!... (Вслужъ.) Я видишь.... не совсъмъ что то въ духъ.... впезапный пріъздъ этихъ Шпилькиныхъ....

Надежда Осиновиа. Да, ужъ не говори.... явиться и въ та-

Моргуновъ. Въ какое время?...

Надежда Осиповна. Когда у насъ Базиль...

Моргуновъ. Пу, такъ что-жъ?...

Надежда Оспповна (съ смущеніемъ). Дружочекъ!... Анарюша.... я предъ тобой очень виновата.... я привыкла быть съ тобой всегда откровенной....

Моргуновъ. Ну, что жъ?...

Надежда Осиповна. А между-тъмъ, у меня есть тайна....

Моргуповъ (всторону, съ безпокойствомъ). Господи! подкръпи меня....

Надежда Осиповна. Мит бы надо было давно тебт открыть....

Моргуновъ (поспъшно). Не говори!... Знаю все!... Такъ вотъ какія штучки затъялъ мой племянничекъ!...

Надежда Осиповна. Ты ужъ знаешь!... Ахъ, мой дружокъ... не сердись на меня за мою скрытность.... право, я хотъла сама тебъ все разсказать откровенно!...

Моргуновъ (всторону, печально). Откровенно!... Боже мой! до чего я дожнъъ!... думалъ ли я.... ожидалъ-ли я?...

Надежда Осиповиа. Я все полагала, что это минутная вспышка.... по теперь я сама боюсь, чтобъ не вышло чего цибудь серьезнаго....

Моргуновъ. Серьезнаго?... Не позволю! не позволю!...

Надежда Осиповна. По ктожъ могъ ожидать?... По наружности Базиля не льзя никакъ было думать, чтобъ опъ могъ такъ горячо любить...

Моргуновъ (про себя). А я меньше всёхъ думаль объ этомъ! Надежда Осиповна. Когда я разсудила, что любовь къ замужней женщинё.....

Моргуновъ (горячо.) Преступление! самое ужасное преступ-

леніе !... Она лишаетъ мужа покоя !... Она нарушаетъ самое счастіе супружеской жизни.... она можетъ довести несчастнаго мужа до того, что онъ... готовъ на все... нътъ, скоръе умереть.... чъмъ видъть.... пусть лучше убъетъ.... нътъ, молчи лучше.... пе говори....

Надежда Осиповна. Ахъ, мой дружокъ.... научи же меня, что мнъ дълать?... Какъ мнъ выпутаться изъ этой исторіи?...

въдь если тебъ разсказать, какъ началась эта любовь....

Моргуновъ. Молчи, говорю тебъ!... я знаю все!... Надежда Осиповна. Но какъ же ты узналъ?

Моргуновъ. Какъ?... посредствомъ проэкта, выдуманнаго благодътелемъ всего рода человъческаго мужескаго рода.... Нътъ, теперь ужъ пе скроется отъ него и малъйшей порочной мысли, еслибъ она осмълилась войти въ голову какой нибудь несчастной жены.... понимаете ли вы, сударыня?... викакой мысли....

Надежда Осиповна. Я не понимаю, что ты говоришь?.... Моргуновъ. То, сударыня, говорю, что въ скоромъ времени мы будемъ всъ застрахованы отъ вашихъ злыхъ искушеній!...

Надежда Осиповна (съ удивленіемь). Застрахованы ?...

VII.

тъже, шпилькинъ.

Моргуновъ. Да-съ! вамъ ужъ трудно будетъ насъ провести, какъ учредится общество...

Шпилькинъ (останавливая его знаками). Теъ! тсъ!... Моргуповъ (не слушая его). Общество застрахованія....

Шпилькипъ (дергая его, тихо). Да перестань-же! зачъмъ открывать женъ....

Моргуновъ. Оставь меня!... Да, сударыня, вотъ чрезъ какіе

источники я знаю....

Надежда Осиновна (увидя Шпилькина, тихо Моргунову). Замолчите.... развъ вы не видите, что здъсь Оедоръ Григорьевичъ!... Шпилькинъ. Извините, я, можетъ быть, вамъ помъщалъ....

Надежда Осиповна (всторону). Не знаю сама, отчего мив

не правится этотъ человъкъ!

Шпилькинъ (тихо Моргунову). Я пришель тебя предупредить: сюда идеть твой племянникъ.... Ну, ръшилъ ли ты чъмъ пибудь?...

Моргуновъ. Пусть придетъ!... я ему помылю голову!... я съ нимъ поступлю такъ....

Надежда Осиповна. Другъ мой! да полно же....

Моргуновъ. Оставьте меня, сударыня!

Надежда Осиповна (про себя). Боже мой! я боюсь, чтобъ

тутъ не вышло какой исторіи!

Шпилькинъ (тихо Моргунову). Совътую тебъ, по правиламъ моего общества, не заводить тутъ никакого дъла, подъ опасеніемъ ръшительной погибели....

Моггиовъ. Я знаю, что миъ дълать!... прошу меня не, учить....

Шпилькипъ. Но правила....

VIII.

моргуновъ, надежда осиповна, дымскій, шпилькинъ.

Моргуновъ (Дымскому, который входить въ среднюю дверь). Пожамуйте ка сюда, всемюбезнъйщій племянничекъ!...

Дымскій (шутя). Что прикажете, вселюбезньйшій дядинька !... (взелянувъ на Моргунова и замьтя на немъ растрепанные волоса.) Боже мой! что это у васъ, дядюшка, за странная прическа?

Моргуновъ (съ обидой). Милостивый государь! позвольте вамъ замътить, что вы слишкомъ еще молоды, чтобъ могли дозволить себъ насмъшку насъ почтеннымъ человъкомъ....

Шпилькинъ (тихо Моргунову). Отлично!... привяжись къ нему и поссорься!... только не говори....

Моргуновъ. Оставь! знаю безъ тебя!...

Дымскій. Извините, дядюшка.... я вовсе не желаль васъ оскорбить....

Моргуновъ. Не желали?... Однако-жъ, по дълу выходитъ, что вы ужъ успъли нанесть такое оскорбление....

Дымскій. Я?... но чемъ-же?...

Моргуновъ. Тъмъ, сударь, что вы изволили втянуть въ скандалезную исторію вашу тетку....

Дымскій. Я?

Надежда Осиповиа. Другъ мой! помилуй!...

Моргуновъ. Молчите, говорю я вамъ!

Шпилькинъ (тихо Моргунозу). Но послушай, зачъмъ-же прямо о женъ....

Моргуновъ. Прошу васъ не вмѣшиваться въ мои дѣла!...

Шпилькинъ (такъ-же). Такъ ньтъ-же, вывшаюсь!... ты не знаешь вовсе правилъ нашего общества!... (Дымскому). Послушайте, молодой человъкъ.... позвольте мив вамъ дать маленькій совътъ.... при этомъ положеніи, въ какомъ вы теперь находи-

тесь.... я вамъ не объясняю этого положенія.... вы лучше меня его знаете.... мнѣ кажется, лучше-бы всего вамъ удалиться изъ этого дома....

Дымскій. Позвольте васъ спросить, по какому праву вы мив даете такіе совъты ?...

Моргуновъ. Молчать !... другъ мой говорить то, что я самъ хотъль вамъ сказать.... извольте приготовиться къ отъъзду.... вы тотчасъ же должны тахать, какъ запрягутъ въ тараптасъ монхъ лошадей.... онъ васъ довезутъ до первой станціи.... а тамъ съ Богомъ! и въ Петербургъ!

Дымскій. Дядюшка! но позвольте мив объясниться.... Я не понимаю, за что вы такъ сердитесь....

Моргуновъ (тихо Шпилькину). Слышишь, опътребуетъ еще объяснений....

Шпилькинъ. Да, дъйствительно требуетъ.... (Говоритъ тихо съ Моргуновимъ.)

Дымскій. Прошу васъ... право, мнъ необходимо объясниться съ вами....

Надежда Осиповна. Бъдный Базиль!...

Моргуновъ (эксень). Нельзя-ли безъ сожальній !... (Дымскому). Хорошо! я васъ провожу до первой станція.... и позволю объясниться со мною дорогой!...

Дымскій. Но.... дядюшка, я не могу такъ скоро собраться.... мив надо все-таки время уложить вещи....

Моргуновъ. Можете взять съ собою теперь самое необходимое, на что не потребуется и десяти минутъ.... а остальныя вещи я вамъ вышлю съ транспортомъ....

Дымскій. Отчего-же такая поспівшность, дядюшка?

Моргуновъ. Помилуйте, не въкъ-же вамъ жить въ моемъ домъ... пріъхали погостить... ну, и погостили больше мъсяца.... довольно, кажется....

Дымскій (съ оскорбленіемъ). Дядюшка, неужели я заслужиль....

Надежда Осиповиа. Уъзжайте, Базиль..., прошу васъ....

Моргуновъ. Что жъ вы еще стоите? ступайте укладывать ваши вещи.

Дымскій. Богъ съ вами, дядюшка.... если ужъ всё непремённо хотять, чтобъ я уёхалъ.... и не позволяють даже высказать моихъ оправданій.... дёлать нечего: я уёду.... (Подходя къ Надежедъ Осиповить и экселая поцъловать ей руку.) Какъ не грустно мив, та tante....

Моргуновъ (останавливая его). Нельзя-ли обойтись безъ чув-

ствительныхъ прощаній !...

Надежда Осиповна (тихо Дымскому). Найдите случай увидъться со мной наединъ до отъъзда....

Дымскій (тихо ей). Добрая душа !...

Шпилькинъ (подслушавъ ихъ, про себя). Назначаютъ свиданіе !...

Моргуновъ (Шпилькину). Что ты говоришь?

Шпилькинъ. Нътъ, ничего!

Дымскій (всторону). По-крайней-мъръ, я узнаю, что за причина.... (Вслухъ.) Я пойду, дядюшка, приготовиться къ отъ-**Т**ЗДУ....

Моргуновъ. Ступайте.... а я прикажу заложить поскоръе та-

рантасъ....

Шпилькинъ. А я останусь побестдовать съ Надеждою Осиповной....

Надежда Осиповна (про себя). Удивительное удовольствіе !... Шпилькинъ (тихо Моргунову). Я нарочно остаюсь съ ней.... понимаешь.... чтобъ не произошло чего....

Моргуновъ (тихо ему). Спасибо тебъ, голубчикъ!.. (Вслухъ.)

Ну-съ... идемъ-же....

Дымскій. Идемте... прощайте, тетушка !... Надежда Осиповна. Прощайте, Базплы....

Моргуновъ (схвативъ его за руку и таща съ собою). Да чтожъ это, въ самомъ дълъ... идемте!...

(Уходить съ Дымскимь въ комнату на льво.)

надежда осиповна, шпилькинъ.

Надежда Осиповна (всторону). Бъдный Базиль!... (Садясь

къ столу и работая.) Какъ ему не хочется ъхать....

Шпилькинъ (всторону). Вотъ случай испытать на дълъ иъкоторыя статьи моего проэкта и вмісті съ тімъ оказать истинную услугу пріятелю.... (Береть со стола бильбоке и начинаетъ играть.)

Надежда Оспповна. Я все думаю о Сонюшкъ.... какъ миъ

жаль ее, бъдняжку.

Шпилькинъ. Ужъ не говорите, Надежда Осиповна!...

Надежда Осиповиа. Давича погуляла немножко со мной въ саду и до того ослабла, что я убъдила ее прилечь....

Ш пилькинъ. Да, это ей полезно....

Надежда Осиповиа. Вы-бы сходили, Оедоръ Григорьичъ, взглянуть, не нужно-ли ей чего-нибудь?

Шпилькинъ. Нътъ, я знаю, ничего не нужно.... теперь ее не надо тревожить.... пусть соснетъ часикъ, другой, передъ объдомъ....

Надежда Осиповна (всторону). Базиль, того и гляди, придетъ сюда.... какъ-бы мив спровадить этого надовдалу?...

Шпилькинъ (всторону). Надо мнъ подкараулить этого молодца.... (Вслухъ) Превеселая игра.... вотъ эта.... какъ, бишь, ее зовутъ?...

Надежда Осиповна. Бильбоке!... Да, презамысловатая!...

Шпилькинъ (всторону). Замысловатая, говоритъ!... Хочетъ меня уколоть.... разумъется, я самъ вижу, что глупостями занимаюсь.... даже не умъю вовсе играть.... потому-что въ первый разъ еще пробую.... да ничего.... надо-же какъ-нибудь протянуть время....

Надежда Осиповиа. Скажите, Өедөръ Григорынчъ.... вы весь нашъ садъ видъли?

Шпилькинъ. Нътъ-съ, только около дома....

Надежда Осиповна. О, такъ вамъ надо посмотрѣть.... у насъ премиленькій садъ... даже оранжерейка небольшая есть....

Шпилькинъ. Право ?... Такъ пойдемте-же, Надежда Осиповна... миъ очень пріятно будетъ прогуляться.... въ особенности съ вамп....

Надежда Осиповна (всторону). И тутъ пеудача!... Этакая тоска!... (вслужт) Вы-бы пошли одни, Өедөръ Григорычъ.... я къ вамъ приду послъ.... мить теперы некогда....

Шпплькинъ. А! вамъ некогда?... Вы, кажется, намърены... Надежда Осиповна (съ нетерпиніемъ). Да, я намърена заняться очень нужнымъ дъломъ... по хозяйству....

Шпилькинъ (всторону). Да, да!... знаю, какимъ дѣльцомъ!.. нахозяйничаетъ тутъ она, какъ останется вдвоемъ съ племянничкомъ.... (Вслухъ.) Нѣтъ, ужъ и я не пойду въ садъ, миѣ и въ Петербургъ эти сады падоъли....

Надежда Осиповна (всторону). Вотъ несносный!...

Шпилькинъ. Знаете, запрошлымъ лътомъ все ъздилъ по гуляньямъ.... вотъ въ Екатерингофъ.... въ Новую Деревню.... на Искусственныя воды.... а ужъ я вамъ скажу, какія гулянья были на этихъ Искусственныхъ водахъ....

Надежда Осиповна (разсъянно). Да.... я слышала....

Отл. Х.

Шпилькинъ. Чудесныя гулянья.... всякой день этакіе празднаки... Я вамъ скажу, чего хочень, того просинь!...

> Ночи итальянскія, Таборы цыганскіе, Праздники въ Крыму! Музыки нѣмецкія, Пъсни молодецкія .... Есть разгулъ всему ! Фейерверки чудные, Луговые, прудные, Взрывы кръпостей! А плаюминація, Просто — декорація Изъ живыхъ огней! Штукари пидъйскіе, Магики злодъйскіе.... Ла чего тамъ нътъ? Елочки изъ шкаликовъ. Фрукты изъ фонариковъ, Гуси изъ ракетъ! Или спустять шарики. Сядутъ люди въ ялики И льтять вдвоемь! Да вёдь какъ пускаются! По небу катаются На конъ верхомъ! Словомъ, безъ стъсненія, Тамъ для наслажденія Истинный просторъ! А ужъ вотъ цыганочки — Первыя приманочки, Чудо — а не хоръ! Сядуть этакъ парами, Запоють съ гитарами, Такъ скажу я вамъ — Радость жизни сущая! Отъ того тьма-тьмущая И гостей-то тамъ! На Водахъ Искусственныхъ Много надо умственныхъ Силь употреблять,

ACE VERSIEV LEDM

Чтобъ такіе новые Полтора-рублевые Праздники давать!

Надежда Осиповна (разсилино). Да, должно быть весело.... (Всторону.) Какъ надоблъ !...

Шпилькинъ. Но я, знаете, ъздилъ туда, какъ еще не былъ

женатъ.... а тутъ какъ женился.... жена все больна....

Надежда Осиповна. Да.... бъдная Софи!... (Всторону.) Однакожъ, онъ и не думаетъ уйти отсюда.... Какъ-бы миъ его выпроводить?...

Шпплькинъ. Вотъ я и подумалъ, — что мив одному....

Надежда Осиповил. Постойте.... (прислушиваясь) Что это?... Какъ будто подъбзжаетъ экипажъ къ крыльцу?... вы не слышите?....

Шпилькинъ. Нътъ съ... у меня, знаете, въ ушахъ вата... я всегда ношу: боюсь простуды.

Надежда Оспповна. Да.... точно подъбхали.... Неужли ужъ заложили тарантасъ? .. Потрудитесь взглянуть, Өедоръ Григорынчъ....

Шпилькинъ. А вотъ я въ окно погляжу....

Надежда Осиповна. Вы тутъ не увидите.... крыльцо у насъ съ другой стороны.

Шпилькинъ. Да, въ самомъ деле, съ другой...

Дымскій (выглянувъ изъ двери нальво и снова прячась). Ай!...

Надежда Осиповна (всторону, замътя Дымскаго). Базиль!... Ахъ, какъ онъ неостороженъ!

Шпилькинъ (замьтя также Дымскаго, всторону). Вотъонъ и налицо!... Постой же!... ты меня выпроваживаешь.... такъ п быть, я потъшу тебя, съ твоимъ возлюбленнымъ.... но не безъ умысла.... употреблю въ дъло тридцатый параграфъ моего проэкта.... (Вслухъ) Знаете, какая мнъ мысль пришла въ голову, Надежда Осиповна....

Надежда Осиповна. Какая?

Шпилькинъ. Въдь я еще вовсе не видъль вашего города....

Надежда Осиповна. Ахъ, въ самомъ дълъ.... а въдь въ немъ есть кой-что лыбопытное....

Шпилькинъ. Да, да.... я знаю.... вотъ, говорять, гостиный дворъ.... и, позвольте, еще что-то....

Надежда Осиповна. Площадь, гдъ присутственныя мъ-

Шпилькинъ. Да, вотъ и площадь.... и строенія, кажется, тоже....

Надежда Осиповна. Есть прехорошенькіе домики....

Шпилькинъ (всторону). Все это очень интересно видъть послъ Петербурга.... (вслужъ.) Такъ ужъ извините меня, Надежда Осиповна.... я пойду лучше погуляю немножко по городу и осмотрю тамъ.... и гостиный дворъ.... и площадь....

Надежда Осиповна. Ничего, ступайте !... Не церемоньтесь

со мною, пожалуйста....

Шпилькинъ (всторону). Обрадовалась !... да постой, голубуща.... (Вслужт.) Только сдълайте милость, Надежда Осиповна, если неравно спроситъ меня Сонюшка....

Надежда Осиповиа. Не безпокойтесь ... я сейчасъ къ ней

пойду....

Шпилькинъ. Вотъ и прекрасно!... (всторону.) Какъ-же пойдешь ты!... (Вслухъ.) До свиданья, Надежда Осиповна!... Я скоро вернусъ.... (Кланяется и дълаетъ видъ, будто уходитъ въ дверь направо; а потомъ выбъгаетъ оттуда на ципочкахъ и прячется за одну половину двери, оставя ее растворенною на сцену.)

X.

надежда осиповна, дымскій, шпилькинъ, за дверью.

Надежда Осиповна. Славу Богу, ушель! Я ужъ думала конпа не будеть его разсказамъ.... Ужасно надоблъ!...

Дымскій (выглянувь изъ двери и замьтя, что Шпилькинь ушель, выходить при послыднихь словахь). А ужь мив какъ надовль!... Уродъ!

Шпилькинъ (всторону). Бранитъ меня!... да пускай!...

Надежда Осиповна. Я боюсь, не подслушиваетъ-ли онъ где-

Шпилькинъ (также). Какой пеобыкновенный инстинкть у

этихъ женщинъ!...

Дымскій (осматриваясь вокругт). Не безпокойтесь, викого пътъ.... (Заглядывая въ открытую дверь направо.) И въ прихожей никого пътъ.... пускай остается отворенной эта дверь.... мы услышимъ, по-крайней-мъръ, ка къ пойдетъ дядюшка.... онъ тамъ хлопочетъ съ тарантасомъ.... Разскажите же, та tante, отчего онъ такъ разсердился вдругъ на меня? до-сихъ-поръ не могу узнать, что все это значитъ?

Надежда Осиповна. Это значить, что по вашей милости, я

въ первый разъ, со времени моего замужества, чуть не разсорилась съ мужемъ....

Дымскій. По моей милости?... Но какая-же причина?

Надежда Осиповиа. И вы еще не догадываетесь !... Разу-

Дымскій. Моя любовь?... Но пътъ, какъ онъ пи сердись, я не въ силахъ побъдить эту страсть!...

Шпилькинъ (всторону). Несчастный докторъ!... самъ себя не можетъ вылечить!...

Надежда Осиповна (холодно, отдавая ему связочку писемъ). Оставимъ этотъ разговоръ.... возъмите.... вотъ всъ ваши письма.... Шпилькинъ (также). Браво!... Письменныя улики!...

Надежда Осиповна. Но говорю вамъ серьозно.... если вы также не отдадите миъ писемъ, то я не увижу васъ болъе во всю мою жизнь!

Дымскій. Ахъ, какъ вы безжалостны.

Шпилькинъ (всторону). Бъдный Моргуновъ!

Надежда Осиповна. И съ этихъ поръ прошу васъ прекратить всякую переписку.... потому что ваши письма очень легко могутъ попасться мужу и возбудить подозрънія....

XI.

надежда осиповна, шпилькинъ, моргуновъ, дымскій.

Моргуповъ (входя въ дверь направо). Это зачъмъ дверь растворена въ прихожей!... (захлопывая дверь и увидя Дымскаго.) Такъ! я угадалъ: онъ тутъ!...

Шпилькинъ (выходя на аванъ-сцену). Попались !...

Дымскій (тихо Надеждо Осиповию). Онъ быль здесь!...

Наде жда Осиповна (тико Дымскому). Онъ насъ подслушивалъ!...

Шпилькипъ (тихо Моргунову). Не безпокойся ни о чемъ!... Я бодретвоваль за тебя и могу сообщить тебъ еще кое-какія новости!

Моргуновъ. Оставь меня въ покоъ!... (Дымскому.) Извольте укладываться: таравтасъ готовъ!...

Надежда Осиповна. Мой другъ!...

Моргуновъ. Молчать! ни слова!

Надежда Осиповна. Боже мой! за что-жъ ты на меня сер-

Моргуновъ. Молчать, говорю в вамъ!... (Схвативъ за руку Дымскаго и таща его направо). Идите-же! не заставъте меня употребить насильственныхъ мъръ! (Уходить съ Дымскимъ направо.)

Шпилькинъ (всторону). Мозодецъ! право молодецъ! (Ухо-

дить за ними.)

XII.

Надежда Осиповна (одна). Не могу постигнуть, что сдёлалось съ моимъ мужемъ!... До нывъшняго дня я косаго взгляда отъ него не видала.... и вдругъ капризничаетъ, на всёхъ сердится.... А все этотъ Шпилькипъ.... все онъ причиной!... не пріъзжай опъ къ намъ—и Андрюша-бы не сердился на меня, и Базиль не увхалъ-бы отъ насъ!... Нѣтъ, еслибъ не дружба моя къ Софи и не болѣзиь ея, такъ я и дня не согласилась-бы продержать такого несноснаго гостя!... Бъдная Софи! Бъдный Базиль! Какъ миъ ихъ жаль...

> Ахъ, какъ Базиль ее любилъ! Готовилъ счастье ей прямое! И вдругъ отсцъ ее лишилъ На въкъ и счастья и покоя!

И вотъ наша участь!

Съ къмъ прежде часъ провесть она Считала тяжкою тоскою, Того теперь всю жизнь должна Любить и уважать душою!

Шпилькинъ (за кулисами). Докторъ!... Любезнъйшій докторъ!... Подите скоръе къ моей женъ.... Сонюшкъ что-то дурно!...

Надежда Осиповна. Что это?.... Шпилькивъ посылаетъ Базиля къ Софи!... Боже мой! онъ испортитъ все, что я до-сихъпоръ сдълла!... Я какъ огня боялась, чтобъ Базиль не увидълся съ Софи.... а глупый муженекъ, какъ на зло, устранваетъ это свидане!... Нътъ, надо помъщать имъ....

XIII.

надежда осиповна, шпилькинъ.

Шпилькинъ (за кулисами). Хорошо, хорошо... остапьтесь съ нею, Василій Сергьичъ....

Надежда Осиповиа. Боже мой! онъ ужъ у нея въ комна-

ть !... (Хочеть идти въ дверь направо, но встръчается съ Шпилькинымь, который загораживаеть ей дорогу.) Позвольте мнь, Өедоръ Григорычъ....

Шпилькинъ (удерживая ее). Не безпокойтесь.... ничего....

нашъ милый докторъ говоритъ, что это сейчасъ пройдетъ!...

Надежда Осиповна. Но я желала-бы сама взглянуть....

Ппилькинъ (также). Да, право же, ничего.... маленькія спазмы сдълались.... Это съ ней и въ Петербургъ сколько разъбывало....

Надежда Осиповна. Боже мой! мит нужно....

Шпилький. Да ничего-же, говорю вамъ.... Я самъ виноватъ во всемъ.... Сонюшка, знаете, стояла у открытаго окна и смотръла, какъ тамъ укладываютъ вещи нашего доктора въ тарантасъ... а я вдругъ вошелъ, да ни съ того, ни съ другаго, ну хохотать во все горло.... знаете, смъшно миъ стало, что у Василья-то Сергъича вытянулось этакъ лицо.... какъ дядюшка-то вздумалъ его турнуть.... такая смъшная физіономія сдълалась! Вхожу да хохочу и еще говорю: прощай, милый, докторъ!... адъё! счастливый путь! а она, какъ стояла, такъ и бухнулась.... Къ счастью, я подскочилъ, такъ упала на руки....

Надежда Осиповна. Бъдная Софп!...

Шпилькинъ. Теперь оба ужъ пришла въ себя, по милости Василья Сергънча.... Подумаеть, что значитъ докторъ-то !... Толь-ко вошелъ да взялъ за руку, такъ ужъ легче стадо !...

Надежда Осиповна (всторону). Что онъ наделаль!... (Вслужт.)

Нътъ, позвольте миъ....

Шпилькии в. Да оставьте ихв тамв.... Что намв мвшать доктору.... онв знаеть лучше насв, чвмъ помочь!... Я, признаться, никакъ не ожидаль отв него такихв познаній!...

Надежда Осиповиа (всторону). Что за глупъйшій человъкъ! Самъ себъ петлю готовиль!

Шпилькинъ (всторону, загораживая дорогу). Понимаю я тебя!... ревность.... боится, что онъ тамъ въ мою жену влюбится!... (Удерживая Надежду Осиповну). Изволите видъть.... митьбы надо съ вами....

Надежда Осиповна (вспыхнува). Да позвольте же мив !... (Отстраняя Шпилькина, уходить поспъшно направо.)

XIV.

шпилькинъ, одинъ.

Убъжала таки!... Скверно!... Андрюша, пожалуй, еще подумаетъ, что я допустилъ ихъ свиданіе.... Нътъ, падо употребить въ дёло двадцать седьмую статью моего проэкта.... настигнуть ихъ въ расплохъ и помъшать тайнымъ объясненіямъ.... (Хочетъ идти и зампъчаетъ вдругъ въ саду Моргунова.) Вотъ онъ! Несчастный мужъ!... Благодари судьбу, что она послала къ тебъ такого друга.... а то плохо было бы тебъ безъ меня!...

XV.

шпилькинъ, моргуновъ,

Моргуновъ (вбъгая въ среднюю дверь). Не видалъ-ли ты, гдъ это чудовище?... Я тамъ укладываюсь за него.... жду.... а его и слъдъ простылъ! объгалъ весь садъ, нигдъ нътъ.... ужъ върно онъ гдъ-нибудь съ нею!...

Шпилькинъ. Та, та, та !... Посмотри, какъ запыхался, а дъльнаго и на грошъ ни сдълалъ !... Разумъется, ты не могъ его найти, потому что онъ въ комнатъ у моей жены.... Сонюшкъ сдълалось дурно, такъ я обратился къ нему за помощью.... Что ни говори.... скверный онъ человъкъ въ отношени тебя.... а всетаки надо сказать правду, отличный докторъ!

Моргуновъ. Мальчишка !...

Шпилькинъ. Согласенъ и съ этимъ....

Моргуновъ. Такъ зачъмъ-же ты его хвалишь?

Шпилькинъ. Да въдь я его хвалю только какъ доктора.... еслибъ ты зналъ, какъ опъ помогъ моей Сопюшкъ!...

Моргуновъ. Скверный мальчишка, я тебъ говорю!... Если я ему разъ сказалъ, чтобъ онъ не смълъ видъться съ моей женой, такъ изволь исполнять мою волю.... а онъ.... я только па минуту его оставилъ давича, чтобъ приказать заложить тарантасъ.... пришелъ сюда.... гляжу, ужъ и съ тетушкой!

Шпилькинъ. Ну, что-жъ?... Ну, съ тетушкой.... да только не вдвоемъ съ ней.... потому что я стоялъ вотъ тутъ за дверью и былъ свидътелемъ всъхъ ихъ продълокъ?

Моргуновъ. Продълокъ?... Какихъ продълокъ?...

Шпплькинъ. Другъ мой! Несчастный другъ мой!... пе унывай.... не предавайся отчаянью!... Ты могъ подвергаться большой

опасности... но по счастью, къ тебъ во время явился твой другъ.... который...

Моргуновъ. Дъло не о тебъ! Я спрашиваю: какія ты видълъ продълки?...

Шпилькинъ. Да не тревожься-же ни о чемъ! Теперь все кончено!...

Моргуновъ. Какъ кончено?... Что кончено?

Шпилькииъ. Ну, разумъется, кончено!... Племянникъ твой уъзжаетъ.... ну, а какъ уъдетъ, жена твоя понемножку станетъ его забывать.... Надо отдать ей справедливость.... въ душъ ея остались еще признаки добродътели.... потому что....

Моргуновъ. Дъло не о добродътели... Скажешь ли ты миъ, какія у нихъ тутъ были продълки?...

Шпилькинъ Да погоди же !... Я объ этомъ тебъ и хочу говорить.... Видишь-ли, они давно ужъ переписывались другъ съ другомъ!

Моргуновъ (падая въ кресла). Боже мой! Этого только не доставало!... (Плачетъ.)

Шпилькинъ. Но я считаю ее все-таки еще не лишенною добродътели, потому что она настоятельно потребовала отъ него возвращенія всей своей переписки.... и сама отдала ему вотъ какую пачку его писемъ!... право!...

Моггуновъ (съ отчанніемъ). Кто-бы могъ думать!... Моя жена!... Моя Надежинька!... Такая певинность по наружности....

Шпилькинъ. Да успокойся-же, ради Бога, Андрюша!... Если я тебъ ручаюсь....

Моргуновъ (вскакивая, ст досадой). Убирайся ты въ преисподнюю съ твоими ручательствами!.... Еще сегодня утромъ я быль такъ счастливъ....

Шпилькинъ. То-есть, ты только воображалъ, что былъ сча-

Моргуновъ. Ну, что-жъ, ну, воображалъ!... а все-таки былъ счастливъ!... Еслибъ нелегкая не принесла тебя въ мой домъ, я и теперь былъ бы счастливъ!

Шпилькинъ. Стыдись! Что ты говоришь!... Да, еслибъ я не

прівхаль къ тебъ, ты, просто, ввалился-бы въ пропасть....

Моргуновъ. Ну и ввалился-бы! да тебъ-то что?... Развътвоя обязанность разбирать поведение моей жены?... Развъты ея мужъ?... Ну, она любитъ моего племяника.... а тебъ какое дъло... если ей пріятно.... (Плача.) Если я самъ хочу, чтобъ она его любила.... такъ тебъ то зачъмъ соваться.... (Возвысивъ го-

лосъ). О, я такъ на тебя золъ.... (Крутя руками). Я готовъ тебя изорвать въ мелкіе куски....

Шпилькинъ (съ достоинствомъ). Апдрей Андреичъ!... вы неблагодарный человъкъ!... Еслибъ вы прочли мой проэктъ....

Моргуновъ. Убирайся ты съ своимъ проэктомъ!... (Ухвативъ его за воротъ.) Вонъ изъ моего дома!... Нарушитель моего спокойствія!... злой демонъ!... вонъ! говорю я тебъ... чтобъ тебя и духомъ не нахло.... чтобъ викогда нога твоя не была здъсь!... (Отталкивая его). Вонъ! слышишь ли! я тебя видъть не могу!... (Уходитъ направо.)

Шпилькинъ (слыдуя за нимъ). Такъ есора на въкъ?... Моргуновъ (за дверью). Да!...

Шпилькинъ. Четвертая ссора съпріятелемъ, по милости моего благодътельнаго проэкта !... И вотъ люди !... Вотъ какъ они цънятъ все прекрасное и полезное !... вотъ пхъ благодарность !... изоб. рътай, пиши, трудись !... Да пускай! если не эти невъжды, такъ потомство вполнъ оцънитъ мои заслуги !... (Увидя идущаго въ среднюю дверь Дымскаго). А! вотъ онъ!... вотъ яблоко нашего раздора !....

XVI.

шпилькинъ, дымскій.

Шпилькинъ. Ну, что моя жена, Василій Сергвичъ? Дымскій. Ей гораздо лучше !...

Шпилькинъ. Стало быть, мы можемъ сегодня же отправиться въ деревню....

Дымскій. Какъ? вы хотите тхать?

Шпилькинъ. Черезъ часъ... никакъ не позже!

Дымскій. Но это невозможно!

Шпилькинъ. Должно быть возможно, потому что я изъ за васъ поссорился съ вашимъ дядей!

Дымскій. Изъ за меня ?... поссорились ?...

Шпилькинъ. Да-съ!... Вы большой шалупъ, Василій Сергънчъ.... вспомните ка хорошенько, что вы говорили давича здъсь своей тетушкъ?... а ?... Ну, что ? не шалупъ ?....

Дымскій (съ смущеніемъ.) Оедоръ Григорычъ!... Повърьте ... я.

Шпилькипъ. Ну, ну!... Я васъ строго и не осуждаю. Молодость, горячка.... Моргуновъ (за кумисами). Нътъ, сударыня, нътъ!...

Шпилькинъ. Вашъ дядя!... Тсъ!... Пойдемте со мною.... миъ нужно съ вами поговорить.... Я надъюсь, вы такъ честны и благиродны, что не откажетесь отъ моего предложенів....

Дымскій. Какое же предложеніе ?...

Шпилькинъ (таща его съ собою). Вы узнаете! Пойдемте!... (Уходить съ Дымскимъ въ садъ.)

XVII.

моргуновъ, надежда осиповна. Они входять въ дверь справа, по уходъ шпилькина и дымскаго.

Моргуновъ (разсерженный). Прекрасныя оправданія!... Отличныя штуки!... Вы, просто, хитрая и безсовъстная женщина!...

Надежда Осиповиа. Андрей Андрепчъ!...

Моргуповъ. За кого вы меня считали?... Я васъ спрашиваю : за кого вы меня считали?...

Надежда Осиповиа. Придите въ себя....

Моргуновъ. Отвъчайте на мой вопросъ!...

Надежда Осиповна. Да за кого-жъ я могла васъ считать?... Разумъется, за моего мужа!...

Моргуновъ. Вздоръ! вы не хотите сказать правды!... что со-

въстно стало? покрасивли?...

Надежда Осиповиа. Съ чего вы взяли?...

Моргуновъ. Вижу!... стыдъ и раскаяніе написаны на вашемъ лиць!... Слушайте же, я вамъ скажу, за кого вы меня считали... вы меня считали за барана!... Молчите, не перебивайте меня!... вы меня считали за самаго глупъйшаго барана!... хуже, за ка кую-то курицу!... хуже!... за какой-то изношенный башмакъ!... Что, молъ, онъ миъ сдълаетъ; если я и одурачу его?... довольно, молъ, ему и того, что онъ имъетъ честь называться моимъ мужемъ!...

Надежда Оспповна (почти со слезами). Помплуйте, съ че-

го вы это взяли? я вовсе не заслужила....

Моргуновъ. Молчите! не перебивайте меня!... Знаю, вижу, я ужъ вамъ надоблъ.... въ стирку молъ, его!... займусь-ка я лучше этакимъ молоденькимъ, хорошенькимъ.... Въдь какая слава, какое удовольствие, одержать побъду надъ этакой смазливой рожицей!...

Надежда Осиповна (съ удивлениемъ). Я васъ не понимаю!...

Моргуновъ. Молчите!... Какъ этакъ пріятно, когда онъ вдругъ скажетъ: «ахъ, какъ я васъ люблю!... ахъ, какъ я васъ обожаю!»... Безстыдница!... вы забыли, что вы замужемъ.... вы осмълнись выслушивать преступныя клятвы!... мало этого!... осмълнись сами любезничать съ нимъ....

Надежда Осиповиа. Вы съ ума сошли!...

Моргуновъ (крича громче). Мало этого !... вамъ пуженъ былъ молокососъ !... все равво, кто-бы это ни былъ: портной, сапожникъ, цирюльпикъ !... Увидъли перваго мальчишку — и давай строить фигли-мигли !... давай кокетинчать съ нимъ.... даже не приняли въ соображение того, что этотъ мальчишка связанъ узами родства съ вашимъ мужемъ....

Надежда Осиповна (съ удивленіемь). Какъ? вы думаете,

Моргуновъ. Да-съ! вы съ ума свели моего племянника! Надежда Осиповна. Базиля!

Моггуповъ. Не смъйте называть его Базилемъ! онъ Васька! пътъ ему другаго имени!...

Надежда Осиповна. Да съ чего вы взяли?... я никакъ не думала....

Моргуновъ. Не смъй отпираться !... я знаю все !... онъ стоялъ здъсь на колънахъ.... цъловалъ письма.... писалъ руку !... прочь ! прочь отъ меня !... я не хочу тебя знать !... притворщица ! эхидна !... я разведусь съ тобою !...

Надежда Основна (падая въ кресла въ безпамятстви). Ахъ!...

Моргуновъ (пораженный). Боже мой! ей дурно! что это я надълаль?... Въ своемъ-ли я умъ, въ самомъ дълъ?... что я тутъ наговорилъ?... Надежинька!... дружочекъ мой! Надежинька!... я виноватъ!... я одинъ во всемъ виноватъ.... (ищетъ платка). Гдъ мой платокъ?... надо-бы помахать ей въ лицо.... Ахъ, вотъ хоть ея.... (вытаскиваетъ изъ ел кармана, вмъстъ съ платкомъ, пачку писемъ, которыя упавъ на полъ, разлетаются въ разныя стороны). Письма!... ага, такъ это, выходитъ, правда.... а я, дуракъ, разнъжился.... (беретъ одно письмо и читаетъ на оберткъ надпись). Его.... Василью Сергънчу Дымскому.... но что это?... это не ен почеркъ!... (читал подпись руки). Софья.... Софья Ушкова.... Боже мой!... да это писала теперешняя жена Шпилькина!... (схватывая другое письмо). И тутъ.... Софья Ушкова!... да, это ен прежняя фамилія!... а н подозръваль мою жену!... (ста-

новясь передъ нею на кольна). Надежинька! душенька!... я мерзавецъ!... дълай, что хочешь со мною, только прости!...

Надежда Осиповна (придя въ себя уже тогда, какъ онъ чи-

таль письма). Да, вы стоили-бы жестокого наказанія !...

Моргуновъ. Голубчикъ мой! будь ты сама на моемъ мѣстѣ... вдругъ стали-бы тебѣ кричать и доказывать, что твоя жена.... Ну, ужъ этотъ Шпилькинъ.... вотъ подъѣхалъ некстати съ сво-имъ обществомъ!... такъ вотъ-же тебѣ! рылъ другому яму, а самъ.... (Смъясь). Ха, ха, ха!...

Надежда Осиповиа. Полно, пожалуйста!... вспомии, въдь

онъ все-таки твой пріятель....

Моргуновъ (вскакивая). Нътъ ему пощады !... опъ трунплъ же надо мной.... и даже понапрасну.... ну, такъ и я же хочу похохотать на его счетъ.... вотъ тебъ и общество застрахованія супружескаго счастья !... испытай самъ на себъ глупый свой проэктъ !... Душечка ! прости же меня !... (Становясь снова на кольна, цълуетъ ея руку.)

Надежда Осиновиа. Ну, ужъ Богъ сътобою! хорошо, что

я не злопамятна!

XVIII.

тъже, шпилькинъ, въ дорожномъ платъв.

Шпилькинъ (смотря на нихъ). Чувствительная картина !... (Моргунову). Ну, что? не миъ-ли ты обязанъ теперь своимъ счастіемъ?

Моргуновъ. Да, да! именно тебъ!

Надежда Осиповна (Моргунову тихо). Онъ, кажется, ничего не знаетъ?

Моргуновъ (тихо ей). Ръшительно инчего!...

Шпилькинъ (видя на полу разбросанныя письма). О, глупецъ!... Онъ не замъчаетъ даже писемъ своей жены!... если бъ это былъ я.... (Кашляетъ) гмъ! гмъ! (Хочетъ подобрать письма).

Надежда Осиповна (Моргунову). Другъ мой!... онь хочетъ

подобрать письма....

Моргуновъ (удерживая его). Оставь! брось!...

Шпилькинъ. Развъ ты ужъ читалъ?

Моргуновъ. Читалъ!

Шпилькинъ. Стало, ты ее во всемъ простилъ?

Моргуновъ. Во всемъ!... мы съ ней заживемъ опять по прежнему.... (Хлопаето ее по рукъ.)

Шпилький (muxo emy). Однако-жъ, смотри, чтобъ опять чего Боже сохрани... понимаешь?... да ты напиши только ко миъ... если ужъ я не самъ прилечу, такъ пришлю тебъ мой проэктъ....

Моггуновъ (про себя). Пришли только! я его тотчасъ въ печь.

Надежда Осиповна. Что, какова Совюшка?

Моргуновъ. Ничего ей! сидитъ въ каретъ.... мы сейчасъ ъдемъ....

Надежда Оси повил (про себя). Слава Богу!... По крайнейифръ разлучится съ Базилемъ!

Шпилькия в. Докторъ... то есть, твой племянникъ сказалъ инъ, что поъздка не можетъ сдълать ей вреда !... я пришелъ проститься съ вами.... а ужъ къ женъ вы потрудитесь сами....

Моргуновъ. Ну, добрый путь!

Надежда Осиповиа. Но гдъ-же Базиль?

Шпилькинъ (всторону). Несчастная! она все еще имъ бредитъ!... нътъ, муженьку тутъ будетъ еще много работы!... (Моргунову.) Я слълалъ для тебя еще лучше!... племянникъ твой ъдетъ съ нами!...

Моргуновъ. Какъ? съ вами?

Шпилькинъ. Ужъ я его не выпущу отъ себя! можешь быть покоенъ!

Надежда Осиповил. Что такое?

Моргуновъ. Представь, Вася нашъ тдетъ съ ними!...

Надежда Осяповна. Съ нями?...

Шпилькинъ (ст нампъреніемт). Да-съ !... Конечно, мив стоило большихъ трудовъ его уговорить.... да ужъ я тамъ всячески сталъ его убъждать.... Женъ моей нуженъ же докторъ въ деревив.... а онъ, повидимому, очень искусный.... вотъ я его такъ и сякъ.... согласился, наконецъ, съ нами тхать!

Надежда Осиповиа (про себя). Боже мой! Что онъ сай-

Моргуновъ (всторону). Вотъ глуптиній-то мужъ и прожектеръ!... (Вслухъ). Нътъ, ужъ это изъ рукъ вонъ!

Шпплькинъ. Да, да!... (Хохочеть.) Ха, ха, ха!...

Надежда Осиповна (Моргунову тихо). Другъ мой! пельзяли какъ инбудь помъщать.... Моргуновъ (тихо ей). По настоящему, не следовало-бы... вёдь онъ застраховань !... ха, ха, ха.

Надежда Оспповна (также). Застрахованъ?...

Моргуновъ (также). Да, да, противъ.... ха, ха, ха!...

Надежда Осиповна (хохочеть). Ха, ха, ха!...

Шпилькинъ. Вонъ ужъ я до чего ихъ довелъ!... Смъются даже отъ удовольствія!... ха, ха, ха!... (Всть трое хохочать.)

Моргуновъ (всторону). Вотъ поговорка-то и справедлива: «Въ чужомъ глазу сучокъ мы впдимъ, въ своемъ не видимъ и бревна!...» Вотъ вамъ и общество застрахованія*!...

Надежда Оспповна (Моргунову). Но пожалуйста, мой дру-

жокъ, остереги его....

Моргуновъ. Ну, ужъ такъ и быть.... я человъкъ не мстительный и дружбъ никогда не измъняю.... (Шпилькину.) Слушайка, господинъ учредитель общества застрахованія супружескаго счастія! Поъзжай ка ужъ лучше вдвоемъ съ своей супругой въ деревню.... да выпиши себъ другаго доктора, постарше моего племянника.... а Васю то оставь съ нами!

Шпилькинъ. Это что значить ?... да ты хочешь, что-ли, чтобъ

опять....

Моргуновъ. Я хочу тебъ открыть глаза.... видишь-ли, если ты возьмешь къ себъ Васю, такъ ужъ трудно поручиться, чтобъ тебъ помогло какое нибудь застрахованіе....

Шпилькинъ. Это почему ?... я тебя не понимаю!

Моргуновъ (подавая ему письмо). А вотъ почему.... прочтика.... это только одно изъ двадцати....

Шпилькинъ (читая). Что это ?... рука моей жены !...

Моргуновъ. Ни больше, ни меньше какъ письмецо къ моему Васъ....

Шпилькинъ (съ ужасомъ). Злодъй!... Опъ тамъ съ пей!... а я.... ахъ я дуракъ!... (поспъшно убъгаеть налъво.)

Надежда Осиповиа. Пойдемъ за нимъ, чтобъ тамъ не вышло у него какой исторіи съ Базилемъ....

Моргуновъ. Постой! сію мянуту!...

(Къ публикњ.)

Мы на проэктахъ всё жить любимъ, Но часто безъ пути на вихъ И денегъ тъму и время губимъ,

На сцент, при представленіи, все, что следуетъ за этимъ, кром'в последняго куплета, выкидывается.

Consequently sent of the contract of the sent of the s

with the commence of the contract of the contr

The property of the property of the contract o

through meren dress A finding rate appoint of a resident

-, al la face your ..... or or him a large a realism.

I punchang on 1800 of the was on ord to care a call it

. The same of the

Не находя въ томъ пользъ своихъ!...
Но здъсь, при вашемъ безпристрастьи,
Мы не могли бы рисковать,
Когда-бъ взялись вы отъ несчастья
Нашъ водевиль застраховать!

. 9899

COME A. S. AVERTONE

was a second of the contract o

«TARTEONS»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинъ каждаго мъсяца. Въ "Репертуарть Русской сцени" печатаются всъ лучшія новъйшія явленія на русскомъ театръ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пънія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Пъна за 12 книгъ "Пантеона", при нихъ 12 № № "Репертуара Русской сцены", съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургъ въ Главной Конторъ, въ книжномъ магазинъ В. П. Печаткина, въ домъ Казанскаго Собора.

Въ Москев : въ Университетской книжной лавкъ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увъдомить, что даже и тъмъ лицамъ, которыя подписались бы на "Пантеонъ" не въ началъ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ вполив, начиная съ перваго пумера и со всъми приложеніями.

Кто пожелаль бы импть "Пантеонь" за 1848 и 1850 годы, оба года вмысть, или каждый отдально, оставшеся въ небольшомь числы экземпляровь, тоть можеть получить ихъ изъ "Главной Конторы Пантеона" въ С. Петербургь. Аля новыхъ-же подписчиковь на 1851 годь, съ этихъ изданій дылается, по сношенію съ Главной Конторой журпала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонь не издавался.)

Редакція "Пантеона" находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имъющихъ до нея нужду.